

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней.
Так память, демон – властелин,
Все будит старину,
И я твержу – один, один:
Люблю, люблю одну!
/ М. Ю. Лермонтов/

Предисловие

В середине июня Яна защитила диплом, но на вручение синей корочки не пришла по весьма уважительной причине. Так случилось, что один человек помешал ей присутствовать на этом важном мероприятии. Он, вернее она, очень захотела явиться миру на две недели раньше положенного срока.

Поэтому Яна Лейкина оказалась не в стенах родного вуза, а в родильном доме №5 уже через десять дней после защиты. Девочку назвали редким именем Роберта.

Сразу после рождения стало понятно: Роберта – точная копия своего отца – Роберта Зеппа, немца по происхождению, русского по духу и воспитанию, облик которого в точности соответствовал западноевропейским предкам: высокий блондин с голубыми глазами, орлиным носом, твердым нордическим характером, о котором свидетельствовали волевой взгляд и тонкие едва заметные, словно поджатые, губы.

Абсолютной противоположностью мужу была Яна Лейкина - миловидная девушка среднего роста с русыми до плеч волосами, с озорными золотисто-кариими глазами, вздернутым носиком и пухлыми губками.

Внешнюю холодность Роберт оставлял за порогом своего дома: при виде Яны его губы непроизвольно растягивались в улыбке, а взгляд становился умильно-счастливым, как у сладкоежки, который давно не ел любимое лакомство, и вдруг неожиданный сюрприз: перед ним большое разнообразие тортов и пирожных.

Для Зеппа огромным удовольствием было лицезреть свою хрупкую жену, которая его постоянно удивляла жизнерадостным настроением, легким взглядом на жизнь и способностью находить положительные стороны во всем, даже в токсикозе, сопровождавшим ее на протяжении почти всей беременности.

- Это значит, что наш ребенок будет точной твоей копией и с твоей группой крови, - многозначительно заявляла Яна. Супруг смотрел на нее с недоумением. Приходилось втолковывать. - Происходит сложное приживание плода внутри меня ввиду смешения разных кровей, – поясняла она с умным видом доктора медицинских наук.

Роберт никогда не спорил с женой: это ее мнение и его надо уважать. Хочется ей так думать, пусть думает. Яна, вообще, во всем любила объяснения. Почему и как. Высказывание без последующего «потому что» она не принимала. Недаром, родилась под знаком девы - самый, что ни на есть, земной знак.

Шла вторая половина восьмидесятых годов. Ультразвуковая диагностика только-только зарождалась, да и то, в Америке и во Франции. Поэтому определить пол ребенка с высокой точностью никто не мог. Бабушка Яны утверждала, что у нее будет мальчик и представляла доказательство – острый животик внучки. Врач, который наблюдал ее в женской консультации, тоже намекал на мужской пол ожидаемого первенца, свидетельством тому было громкое сердцебиение малыша. Родители Яны мечтали о внучке, а самой Лейкиной и ее мужу Роберту было все равно: девочка – хорошо, мальчик – отлично! Лишь бы поскорее, - мысленно торопила время Яна. Она устала от

постоянного недомогания, а тут еще и защита дипломной работы на носу. Уйма чертежей и черновиков, исписанные листы пояснительной записки к диплому, которыми была завалена квартира молодоженов, стали неммым укором будущему инженеру и напоминанием о бегущем времени. Лейкина не могла за ним угнаться и поэтому злилась. Она всегда была примерной студенткой, вовремя сдавала зачеты и экзамены, в зачетке красовались «отлично» и несколько «хорошо». Других оценок там не было. И теперь ей приходится краснеть перед руководителем дипломного проекта, который уже несколько раз откладывал день защиты. Дальше тянуть было нельзя. Яна чувствовала: ребенок хочет наружу! Поэтому ей пришлось принять помощь родителей, которые вооружившись чертежными принадлежностями, подключились к дипломному проекту дочери.

Лейкина родилась в семье таких же инженеров, какой собиралась стать сама в скором будущем, когда получит на руки диплом и высшем техническом образовании и пополнит ряды вершителей научно-технического прогресса.

Родители не заставляли Яну продолжать династию, ее невозможно было заставить что-то делать по указке. Любое решение должно исходить от нее самой. Можно посоветовать, порассуждать вслух... при ней, тогда девушка начинала «наматывать на ус», задумывалась над разговорами предков и принимала СВОЕ решение по тому или иному вопросу.

Вопрос замужества единственной дочери Лейкиной приняли осторожно: родители Роберта пару лет назад иммигрировали на историческую родину в Германию, прихватив старшую дочь, которая засиделась в старых девах, а там решила найти выгодную партию. Сын наотрез отказался уезжать. Но где вероятность, что со временем он одумается, возьмет в охапку Яну и ребенка, и покинет просторы Советского Союза?

Именно это беспокоило Жанну Петровну и Бориса Андреевича Лейкиных. Но встать стеной и защищать до победного конца свою дочь от нападения немца Зеппа они не решились.

При всей своей напористости и твердости Яна Лейкина была наблюдательной, остро чувствовала состояние обожаемых родителей и дала обещание, что ни она, ни ее будущие дети не уедут на постоянное местожительство в иноземное государство. Так она и выразилась и при этом скривила свои пухлые губки, показывая явное пренебрежение к самому слову «иммиграция».

- Я и фамилию свою оставляю! – заявила Яна. Родители посмотрели на нее с одобрением. Они поверили в преданность дочери своей любимой Родине и дали согласие на брак, но на зятя все-таки поглядывали с некоторой осторожностью, словно ждали от него какого-то выпада. Но Роберт с родителями супруги был корректен, приветливо улыбался, когда молодая пара приходила в гости, но беседы «про жизнь» не вел, политическую обстановку в стране не обсуждал, а отобедав, старался увести жену домой, в квартиру, доставшуюся ему от родителей. Лейкины не препятствовали уходу молодоженов, они тоже чувствовали себя в присутствии зятя, как на «правительственном приеме», контролируя каждое слово и движение, зная любовь всех немцев «к орднунгу». К порядку.

Дочь теребила родителей и призывала вести себя естественно, не принимать во внимание графу в паспорте, где указывалась национальность.

- Он такой немец, как я балерина! – утверждала она и окидывала оценивающим взглядом свою хрупкую фигуру. Тут же перескакивала на другую тему. – Послушайте, уважаемые мама и папа, быстренько объясните горячо любимой дочери: почему меня не отдали в балет?

- В балетную школу, - тут же поправляла ее Жанна Петровна и начинала долго перечислять причины.

Яна, не дослушав лирического отступления, которое сама и затеяла, возвращалась к семейству Зеппов.

- Не надо смущаться Роберта, - уговаривала она родителей, - он не сын канцлера! Так, что можно перепутать местоположение вилки и ножа, и не падать в обморок от пятна на скатерти, он от разрыва сердца точно не умрет.

- Мы не знаем из какой он семьи! – каждый раз парировала Жанна Петровна и искала взглядом согласия мужа. Тот рассеянно кивал, даже не вникая в смысл диалога жены и дочери: просто надо отреагировать на призыв, иначе обе любимые девочки перейдут в атаку на отца и мужа. – Они даже не удосужились приехать на свадьбу! - Добавляла она, устремив взгляд на погруженного в свои мысли мужа, словно обвинение в неявке было обращено к нему.

- Mam, сколько можно жевать эту тему! – спокойно выговаривала Яна. – Они недавно поменяли местожительство. Это не в соседний дом переехать, а в другое государство! – Она медленно поворачивала голову, указывая направление, куда переместились новые родственники. – И я тебе сто раз говорила, но ты упорно делаешь вид, что ничего не знаешь! Или не веришь, что Роберт из простой семьи: отец всю жизнь проработал на подшипниковом заводе токарем, а мать на том же заводе в сборочном цехе мастером. Сестра Элеонора – преподаватель музыки по классу фортепьяно. Ей уже тридцать один год, а она не замужем. – Последнюю фразу Яна произносила с придыханием, словно удивлялась, что такое возможно. – Только теперь Элеонора превратилась в Эльзу.

- Какая глупость! – не сдерживалась от восклицания Жанна Петровна, скользила взглядом по дочери и снова возвращалась к мужу за поддержкой.

- А зачем менять имя? – задавал вопрос Борис Андреевич, не ограничиваясь положенным кивком.

- Чтобы не отличаться от истинных немцев, - докладывала Яна. – Родители Роберта тоже поменяли имена...

- На старости лет изменить свою жизнь! – удивлялась Жанна Лейкина.

- Mam, это их право! Они любят свою дочь и хотят, чтобы ее личная жизнь ТАМ сложилась более удачно, чем здесь. В Советском Союзе у нее мало шансов: на уроки дети ходят сами или в сопровождении бабушек и дедушек. Где Эльке искать выгодную партию? Отбить дедушку у бабушки?

- Можно подумать, что ее жизнь ограничивалась только работой! – гнула свою линию Жанна Петровна.

- Представь себе! Она... своеобразная девушка, как утверждает ее брат. - Яна заметила интерес родителей к этому заявлению. – Нет, она не уродина, хотя, красавицей ее тоже не назовешь! Роберт говорит: «Если человек произошел от обезьяны, то его сестра - от крысы». - Жанна и Борис непроизвольно скривились, представив некое подобие человека-крысы, как в сказке о стрекозе, которая лето красное пропела... и попала в нору к такому животному, то ли к крысе, то ли к крупной мыши... Нет, у Крылова была все-таки мышь... в фартуке.

- Она, что... - начал отец, но дочь его перебила:

- Нет, она не покрыта шерстью и у нее нет длинного лысого хвоста! Просто она чрезмерно любопытна и всегда сует свой длинный нос в чужие дела!..

Еще одной «проблемой» для Лейкиных была занятость Роберта Зеппа. Жанна и Борис были далеки от всех «порхающих» профессий, как они окрестили профессию собственного зятя. Когда их спрашивали, чем он занимается, они вяло отвечали, надеясь на плохой слух своего визави.

- Роберт - художник. Он рисует пейзажи.

- Не рисует, а пишет, – мягко поправляла родителей дочь, когда они оставались одни. – Я черчу, он пишет! – Радостно добавляла она, находя родственность в этих полярных профессиях.

- Он летает в облаках, а ты ходишь по земле! – вздыхала обеспокоенная Жанна Петровна.

- Когда творит, то да, парит в небесах и ничегошеньки не слышит! – продолжала веселиться Яна. – Но потом опускается на землю и встречается со мной. И каждая такая встреча, как первое свидание! – Мечтательно тянула она.
- Раз тебя все устраивает... - философски говорил Борис Андреевич, поднимал и опускал плечи при этом, чем намекал на собственное непонимание.

Известие о беременности Яны и последующие за этим событием заботы и волнения сблизили зятя с родителями жены. Хотя, Борис Андреевич и ранее был более миролюбиво настроен к зятю, чем его супруга. Обоих мужчин - и старшего, и молодого - связывала страсть к хоккею.

Особенно их захватывали ежегодные мировые чемпионаты.

Финал чемпионата мира 1986 года в Москве заставил поволноваться поклонников этого вида спорта. Наши играли со шведами. После второго периода сборные ушли на перерыв со счетом 2:2. Борис и Роберт пришли в необычайное волнение, принялись слишком горячо обсуждать все перипетии прошедшего периода. Мать и дочь Лейкины находились в соседней комнате, но прибежали на громкие крики отца и мужа. Яна заново открыла выдержанного и невозмутимого Роберта, который ругал последними словами скандинавов и восхвалял Быкова с Фетисовым. Ему вторил тесть. Беременная женщина залилась радостным смехом, придерживая свой выступающий животик. Мужчины резко замолчали, перевели на нее взгляд и хором заявили:

- Выйди! – И помогли найти направление указательным перстом.

Яна еще раз хихикнула и удалилась от греха подальше. Старшая Лейкина с укором наблюдала картину изгнания дочери, посоветовала мужу выпить успокоительное... и тоже была удалена с поля. Так выразился ее супруг, позабыв, где находится.

Женщины затаились. А у мужчин началось самое интересное – третий решающий период.

- Хотя бы, выиграли, - высказала пожелание Жанна Петровна, - а то Борису придется неотложку вызывать.

- Ага, - односложно поддержала ее дочь.

Когда раздались восторженные крики двух болельщиков, женщины облегченно вздохнули, но не решились покинуть пределы своего заточения.

А мужчины еще долго пребывали в эйфории и обсуждали золотой матч нашей сборной...

Рождение внучки приостановило процесс сближения, даже развело отцов и детей по разные стороны баррикад. Причиной послужило выбранное зятем имя для новорожденной. Родители намекнули об этом дочери, даже не намекнули, а перекинулись парой фраз при ней, выказывая свое непонимание. Яна усмехнулась и поставила родителей на место, прервав поток дальнейших обсуждений.

- Не по вкусу? – хмыкнула дочь, повторив высказывание отца. – Вам ее не пробовать! – Резко отрезала молодая мамочка, и не начавшиеся споры утихли сами собой.

Роберта, так Роберта. Несколько сложно в сочетании с отчеством: Роберта Робертовна Зепп.

Счастливый отец называл ее Берточка, Яна – Бертуся, а Лейкины... потихоньку от зятя ласково – Раечка.

- Причем здесь Рая? – удивилась дочь, первый раз услышав такое обращение к малышке.

- А нам нравится! – хором ответили Лейкины без энтузиазма, показывая, что на уступки они не пойдут, но и к открытой конфронтации тоже не готовы.

Пришлось Яне махнуть рукой: пусть называют, как хотят...

- Нет, твоя мать точно сошла с ума! – сообщила устаревшую новость Жанна Петровна своему супругу, который при этих словах недовольно скривился, будто раскусил во время приема пищи горький перец-горошек. Он знал, что и мать, и невестка особой любви друг к другу не питают, но открытых заявлений и красочных эпитетов, которыми они награждали друг друга «за глаза», не выносил.

- Что еще произошло? – устало поинтересовался Борис Лейкин и свернул газету.

- Она решила поздравить внучку с окончанием института довольно своеобразно! Лично я бы не додумалась преподнести такой подарок! – жестко возмутилась жена, словно свекровь принесла в дом Яны и Роберта крокодила и поместила его в ванную.

- Не понимаю, чем вызвано твое негодование, – спокойно заметил муж без вопросительных интонаций и развернул газету на последней странице, где всегда печатали новости спорта.

- Подожди! – Жанна выхватила печатный орган, отбросила его в сторону и голосом трагической актрисы в заключительном монологе произнесла, – твоя мать купила детям туристические путевки!

- Куда? – заинтересовался супруг с легкой завистью.

- В круиз по черному морю! – закатила глаза Лейкина.

- Здорово! – порадовался муж.

- Ты, что совсем ничего не понимаешь?! Или прикидываешься?! – грозно поинтересовалась женщина, исполняя некий ритуальный танец перед мужем, который был понятен только ей. Мужу казалось, что она ищет босыми ногами крохотный кусочек земли, волею случая попавший на ковер.

Он настороженно оценил ее нервные перемещения по коврам и с легко уловимой ноткой восхищения протянул:

- Я радуюсь, что мы с тобой замечательно проведем отпуск!

- Мы?

- Конечно! – улыбнулся Борис, отрывая взгляд от стройных женских ног и переключаясь на озабоченное женское лицо с тенью недоумения. – Белый теплоход, синее море! И мы стоим с тобой на палубе и любимся закатом! Мечта!

- А причем здесь мы? – Жанна не без труда «вытерла» нарисованную картинку морского круиза, которая только-только стала прорисовываться в голове.

- Ты умная женщина! – сделал дипломатическое заявление муж. – Но, увы, не умеешь смотреть вдаль!

Жанна Петровна перевела взгляд в раскрытое окно, но кроме зеленых деревьев и сидящих в их тени пенсионеров ничего нового не увидела.

Борис Андреевич поспешил пояснить:

- Я образно выражаюсь! – И зачем-то прочертил в воздухе указательным пальцем круг. Круг вышел так себе. Скорее не круг, а эллипс.

- Боря! Не буди во мне зверя! – предупредила она и опустилась на диван, бурча себе под нос, – видишь ли, он образно выражается. – И более доступным для постороннего слуха голосом, но мягко и тактично, произнесла, – я понимаю, что Варфоломея Ильинична твоя мать, но... – Жанна тормознула, чтобы отдышаться, удалить возмущение, пробивающееся сквозь мягкость и тактичность, и подобрать более этичные слова в адрес пожилой дамы, дабы не ранить любящее сердце сына. – Но надо думать прежде, чем делать такие... подарки. – Последнее слово вылетело из нее, как плевков.

- Жаннуся, успокойся! – призвал муж. – Я не вижу в ее поступке ничего экстраординарного. Мама хотела сделать приятный сюрприз единственной внучке. Яна, естественно, не поедет, а по путевкам поедет мы с тобой. Не пропадать же подарку! Мы тоже заслужили награду за дочь, которая стала дипломированным инженером!

- Я давно поняла, к чему ты клонишь, хоть, и не умею смотреть вдаль, – язвительно произнесла она. – Но я не уверена, что дочь откажется от поездки.

На самом деле, Жанна уже мысленно перебирала свой гардероб, выискивая наряды, подходящие для круиза по Черному морю. И быстро пришла к выводу, что гардероб надо обновить.

Но насчет дочери она оказалась права...

Яна Лейкина, молодая заботливая мамочка, наконец, взявшая в руки синенький диплом, твердо заявила, что они с Робертом с удовольствием принимают бабушкин подарок и отправляются в круиз.

- А Раечка? – разом встрепенулись Лейкины. Зять странно на них посмотрел, не понимая, о ком идет речь, потом мысленно послал вопрос жене.

- Они говорят о Роберте, - перевела Яна. Зепп скривил рот.

- Младенец не может без матери! – вступила в спор Жанна Петровна, успевшая на всякий случай прикупить парочку чудных открытых сарафанов.

- Берта едет с нами! – решительно заявила дочь. Начались охи, ахи, хватание за левую сторону груди, где, по мнению Жанны Петровны, должно находиться сердце. – Все будет хорошо! – Призвала к спокойствию молодая мать. – Наша девочка - спокойный ребенок,

- Роберт кивнул, - мы возьмем с собой ванночку, где будем ее не только купать, но и укладывать спать. К тому же, ей стукнет к тому времени уже два месяца. – Гордо заявила она, словно малышка к тому времени окажется на пороге школы.

- Роберт, почему ты молчишь! – призвала теща на помощь собственного зятя. Ранее его мнение интересовало ее меньше всего.

- Яна права, - поддержал он жену.

- Вот и славно, трам-пам-пам! – подвела черту в короткой дискуссии Яна Лейкина...

На корме белого парохода черными буквами было написано: «Адмирал Нахимов», а ниже порт приписки - Одесса.

- Всю жизнь мечтала о таком путешествии! – возбужденно проговорила Яна, несколько раз перечитав название судна, будто своим глазам не верила.

На ее руках спала двухмесячная Роберта и причмокивала губками, рядом стоял муж, у его ног приткнулись два чемодана, даже чемоданища. На одном чемодане придерживаемый хозяйской рукой Роберта расположился главный багаж молодой семьи – пластмассовая детская ванночка, которая должна играть дополнительную роль – роль кровати. Роберт тоже рассматривал белый шестипалубный лайнер.

- На этом теплоходе снимали фильм «Дамы приглашают кавалеров» с Нееловой в главной роли. Я ее обожаю! – доложила жена мужу.

Роберт всегда удивлялся всезнайству своей жены: о каком актере не спроси, даст содержательный ответ: в каких фильмах снимался, что закончил, и кто был руководителем мастерской. Он не понимал: зачем загружать голову ненужными фактами из жизни посторонних, пусть и известных, людей, которые в жизни, вряд ли, пригодятся. Хотя, в этом они с женой были схожи – он тоже пополнял кладовые собственной памяти чепуховой информацией, только считал ее более важной и полезной.

Яна несколькими фразами обрисовала сюжет кинофильма, который мало занимал Роберта, но он внимательно выслушал, даже округлял глаза, выказывая заинтересованность и удивление, где это было нужно. Потом, наконец, началась посадка на теплоход, и молодая семья приблизилась к траппу.

Ноги Роберта Зеппа отказывались ему подчиняться. Ну, не хотели идти, и все тут. Его даже начало подташнивать, словно весь организм восстал против морского путешествия. Роберт остановился, аккуратно поставил у ног поклажу и несколько раз глубоко вздохнул.

- Ты чувствуешь приближение морской болезни! – поставила диагноз наблюдательная жена. – Успокойся, на таких огромных теплоходах ты не почувствуешь качки!

Муж не стал ее разубеждать в поставленном диагнозе и не стал высказывать свои опасения, молча, подхватил чемоданы и ванночку, и устремился за Яной, которая уже преодолела подъем.

Супруги следовали за молоденьким матросом в свою каюту и с интересом рассматривали богатое убранство теплохода: отделка из красного дерева, ковровые дорожки, зеркала.

- Угар НЭПА! – констатировала Яна. – Все какое-то старинное и вычурное. Почему-то здесь ощущается нехватка воздуха, и в носу щекочет. Хочется выйти на палубу, хорошенько прочихаться и вдохнуть полной грудью.

- Ну вот, мы еще не переступили порог собственной каюты, а ты уже выказываешь недовольство, - тихо сказал Роберт в надежде, что парень его не услышит.

- Да, теплоход «Адмирал Нахимов» далеко не молод! – Матрос услышал и заявление молодой мамы, и высказывание ее мужа. – Его построили еще в 1925 году. Не думайте, что с тех пор здесь не убирались, – не сдержался он от замечания. Желая восстановить контакт с пассажирами, он доверительно сообщил. – Вам повезло, что купили путевки на этот круиз.

- Почему? – спросила Яна.

- Теплоход совершает последний рейс.

- Теплоход... требует ремонта? – испугалась она, пытаясь подобрать более мягкое выражение, чтобы не ранить матроса, который говорит о своем судне, как о живом человеке. Хотя, с языка хотела сорваться совсем другая фраза – «теплоход неисправен». Ей представилась дряхлая посуда, скрипящая при небольших порывах ветра, которая готова развалиться в любую минуту.

- Нет, просто он свое отжил, на смену таким, как этот, должны прийти более современные и комфортабельные суда, – важно сообщил матрос, явно повторяя чьи-то слова.

Теплоход «Адмирал Нахимов», действительно, совершал последний рейс, после чего должен был пойти на слом, но морячок не стал до конца пугать молодую женщину с маленьким ребенком на руках. Открыл каюту и быстро ретировался для встречи следующих пассажиров.

- Мне хочется развернуться и сбежать отсюда, - еле слышно сказала Яна.

- Давай, сбежим! – поддержал ее муж, который еще раньше начал испытывать непонятное чувство тревоги.

- Нет! – твердо заявила Лейкина. – Бабушка обидится. Она собирала деньги на путевки, чтобы доставить нам удовольствие, а мы...

- Вернем ей деньги, - перебил ее Роберт.

- Черная неблагодарность получается...

И они остались.

Через несколько дней молодожены забыли о своих тревогах. Они гуляли по палубе, дышали морским воздухом и любовались красотами. Жаль, Берточка была слишком мала и не могла восторгаться вместе с родителями. Она жила по своему четкому расписанию: спала, кушала и совершала прогулки у мамы или папы на руках. Легкое покачивание лайнера убаюкивало малышку. Роберт наблюдал за своими девочками, и огромное счастье переполняло его душу.

- Почему ты не взял с собой мольберт? – в сотый раз спрашивала жена, с восхищением любуясь морским пейзажем.

- Я же портретист, а не маринист! Моя фамилия Зепп, а не Айвазовский или Боголюбов, - в сотый раз парировал муж.

Лейкина не понимала: почему бы художнику Роберту Зеппу, пусть и портретисту, не изобразить красоту моря. Отказ мужа она считала блажью и не переставала действовать ему на нервы, задавая вопрос о мольберте.

- У меня отпуск! – брякнул Роберт, устав попугайствовать. - Я тоже хочу отдохнуть от своей работы. От творчества.

- Не понимаю! – не успокаивалась Яна. – От творчества нельзя отдыхать! Оно живет в тебе постоянно! Если от него отдалиться, оно может уйти навсегда.

Зепп внимательно смотрел на жену и ничего не говорил в ответ. Вступать в спор он считал бесполезным занятием. Все равно каждый останется при своем мнении, но последнее слово будет за ней.

Его всегда удивляло способность Яны высказывать свое мнение по любому вопросу. Даже в той области, где она была полным профаном. Но он смотрел на это сквозь пальцы, как смотрят на шалости маленького и обожаемого ребенка. Такой Зепп считал свою жену. Маленькая женщина Яна Лейкина, жена и мать...

Так проходили дни на теплоходе. Прогулки, безобидные споры, объяснения в любви, восхищение маленькой дочкой, заботы о ней.

Вечером Яна с Робертом укладывали малютку спать и шли в бар или в ресторан, в кинотеатр или в танцевальный зал, по очереди навещаясь в свою каюту, чтобы проверить Берточку, которая сладко спала в своей кроватке - пластмассовой ванночке...

- Я ходила в библиотеку! – с дрожью в голосе сообщила супругу Жанна Петровна, словно опускалась на дно мирового океана, увидела там морское чудовище и с трудом от него спаслась.

- Зачем? – спокойно тоном отреагировал Борис Андреевич и оторвался от телевизора.

- Я должна была найти сведения об этом теплоходе! На нем наши дети и внучка!

- И?

- Это все ужасно, Борис! – Лейкина села на диван и призывно уставилась на мужа, ожидая от него решительных действий, которые последуют после ее объяснений, пока не озвученных.

- Жаннуся, ты, как всегда, сгущаешь краски! – опередил ее рассказ супруг.

- Ты только послушай! – Она вытащила из-за спины исписанные листы бумаги. – Вот, что я нашла в архивах. – Она пробежала глазами по ровным строкам. – Ага! Раньше этот теплоход назывался «Берлин»... Он затонул в январе сорок пятого в устье реки Свине недалеко от Лиепая. Теплоход подорвался на mine, на немецкой mine.

- Так он принадлежал немцам? – заинтересовался Лейкин.

- Да, они подорвались на собственной mine!

- И что здесь такого? Шла война...

- Слушай дальше! – перебила его Жанна Петровна. – В начале сорок седьмого года его пытались поднять, но произошел взрыв, и теплоход снова лег на дно, придавив водолаза. В том же году его, наконец, подняли на поверхность, отремонтировали и назвали «Адмирал Нахимов». И с 1957 года теплоход принадлежит Черноморскому Морскому пароходству! – бойко перечислила она и устало выдохнула.

- Зачем тебе все это? – Борис указал на исписанные листы. – Чтобы рвать душу себе... и другим? – Последнее слово он произнес совсем тихо. Сообщение жены вызвало у него необъяснимое чувство тревоги, но показывать свое беспокойство впечатлительной жене было нельзя. Возбужденно-наигранным тоном он предложил. – Жанка, а давай рванем в Новороссийск! Мы все равно в отпуске. Повидаемся с детьми, уговорим их отдать нам Раечку. Пусть оставшуюся часть пути проведут вдвоем.

Глаза супруги радостно загорелись.

- Какой ты молодец, Боречка! – с чувством произнесла она, расцеловала гордого от похвалы мужа и помчалась в кассы за билетами на самолет.

Завтра, тридцать первого августа, теплоход «Адмирал Нахимов» в 14.00 прибывал в город-герой Новороссийск...

Глава первая

Я умер два года назад, когда погибли мои девочки Яна и Роберта. Я мысленно произношу их имена, и появляется он – душитель. Он берет своей огромной лапой мое горло и сжимает его до тех пор, пока слезы не выступают на моих глазах. Потом наступает самобичевание: я казню себя за то, что не смог их спасти. И за то, что не погиб вместе с ними.

Мои девочки. Одна хрупкая девушка со злато-карими глазами, озорная и напористая, а другая – моя уменьшенная копия, совсем еще малютка, беспомощная и безответная.

Они погибли... И я умер вместе с ними тридцать первого августа тысяча девятьсот восемьдесят шестого года...

Я каждый раз прокручиваю пленку назад.

Вот на причале стоят Лейкины. Жанна Петровна держит на руках Берточку. Мы с Яной поднимаемся по трапу: она впереди, я позади нее. Вдруг на середине подъема жена останавливается, медленно разворачивается, несколько секунд смотрит на провожающих – отца, мать и дочь, потом срывается с места, выхватывает из рук своей матери спящую малышку и взбирается по трапу. Уже наверху она громким шепотом произносит, обращаясь к опешившим родителям, словно они могут ее услышать:

- Я не могу с ней расстаться. Не могу и все. – Она прижимает Роберту к себе и исчезает в недрах теплохода. Я пожимаю плечами и отправляюсь вслед за ними, махнув рукой на прощание тестю и теще, замерших в недоумении.

Если сказать честно: я был рад такому повороту событий. Я тоже не хотел расставаться с дочерью. Но теща так уговаривала, что мы приняли решение – отдаем им ребенка до третьего сентября. Наш теплоход сегодня в 22.00 отдает концы и направляется в Сочи. Утром мы будем уже там, второго сентября – в Батуми, затем возвращаемся в Сочи, где на причале нас ждут радостные бабушка с дедушкой и Роберта.

Все счастливы!

Но в последнюю минуту любящая мамаша перечеркнула все планы. И это нежелание расстаться с дочерью все решило...

Нет, я не хочу винить Яну. Кто мог предвидеть, что через два с лишним часа произойдет эта трагедия.

Если бы с нами не было Берточки, то мы спокойно сидели бы в баре, и жена не пошла бы в каюту, чтобы проверить спящую дочь. Она была бы рядом со мной.

В момент столкновения с сухогрузом все посетители бара вывалились из помещения и скатились в море по наклонной поверхности палубы сильно накренившегося теплохода, где нас подобрал бы лоцманский катер и отвез на берег. Те, кто был в каютах не спаслись.

Если бы... Если бы...

И на берегу нас ждали...бы не убитые горем, а счастливые родители Яны, чьи дети и внучка выжили...бы в этой страшной катастрофе. Страшной и глупой.

Я не могу смотреть им в глаза. До сих пор. В них вопрос и укор: «Почему ты, здоровый мужик, не смог спасти свою семью?»

Я сам задаю себе этот вопрос ежедневно, ежечасно. И ответа не нахожу, хотя, ответ может быть самым простым – я оказался в море раньше, чем понял, что произошло.

Я не хочу оправдываться...

После возвращения домой я остался один. Совсем один...

Вокруг лежали детские вещи и игрушки, которые Яна хотела взять с собой, но в последний момент передумала. Я с ужасом смотрел на все это и медленно сходил с ума. Я не знал, что делать, как жить дальше?

Раздался звонок в дверь. На пороге стояла Варфоломея Ильинична, бабушка Яны. На ней, как всегда, была замысловатая шляпка с экзотическим букетом цветов, светлый

костюм и туфельки. Мы оценили вид друг друга и остались недовольны. Я – ее легкомысленным и совсем не траурным видом, а она – моей немужской расквашенностью, о чем сразу сообщила мне на входе. Я хотел нанести ответный словесный уар, но Варфоломея повернулась к двери и окликнула замерших за порогом трех женщин.

Они просочились в мою квартиру и стали выполнять приказы бабушки Яны. Я с недоумением наблюдал, как эти разновозрастные дамы шуруют по шкафам.

- Что это значит? – безучастно спросил я.

- Это люди из дома малютки, – на ходу пояснила Варфоломея, – они заберут вещи... – Хорошо, что она не назвала собственницу, бывшую собственницу этих вещей. В этом случае я вышвырнул бы эту компанию из квартиры.

Я развернулся и исчез в кухне, отгородившись от нападения. С одной стороны, я был благодарен за это освобождение: у меня рука не поднялась выкинуть все. Каждая вещь, каждая игрушка напоминали мне о дочери.

А с другой стороны, в этом было что-то кощунственное, будто я, вместе с вещами, выкидываю ее из своей жизни. Предаю ее...

Через некоторое время в приоткрытую кухонную дверь просунулась голова Варфоломеи.

- Робик, одна женщина хочет забрать вещи Яны. У нее родственники в деревне очень бедные, – осторожно пояснила она еле слышно.

- Забирайте все, – прошипел я, не отрывая взгляда от чашки с остывшим чаем.

- Нет, так не пойдет! Если ты возражаешь...

- Я уже все сказал...

- Может, ты... хочешь оставить себе что-то... на память? – Она вошла, присела на соседний стул и попыталась заглянуть в мои глаза. Я не дал ей этого сделать. Душитель снова продолжил прерванный ненадолго процесс сжимания моего горла. Я наклонился еще ниже, словно моим основным желанием было рассмотреть плавающие чайинки. – Ладно, – прошелестела бабуля и тихо удалилась, не дождавшись ответа.

Что я должен был сделать? Пойти в комнату и начать перетряхивать вещи любимой женщины, раскладывать их по кучкам: это мне надо, это не очень, это можете забрать себе. Так что ли?

У меня осталась память... А вещи – это материальные тряпки...

Я усердно пил чай, потом перешел на кофе. Со счета сбился на пятой...

Стук входной двери вернул меня в реальность. Я решил, что Варфоломея ушла вместе с налетевшим тайфуном, но ошибся. Она незаметно возникла в кухне, потрогала рукой остывший чайник, чиркнула под ним спичкой, не поворачиваясь ко мне, дождалась, пока он закипит, налила большую чашку, положила ложку сахара и села рядом. Я весь сжался в предчувствии душевного разговора.

Бабуля, молча, пила чай и рассматривала цветы на скатерти. Этакое совместное молчаливое чаепитие в доме одинокого мужчины–вдовца.

- Не казни себя, – наконец, произнесла она. – Это я виновата. Я купила эти проклятые путевки. – Пожилая женщина сморщилась. Я решил, что сейчас начнется долгое рыдание и самобичевание, но нет. Бабуля взяла себя в руки – Я сделала это, – она кивнула в сторону комнаты, – для тебя. Сам бы ты не решился.

- Спасибо, – с трудом выговорил я. В голову пришла странная мысль: после гибели девочек, все в моей жизни происходит с добавлением частицы «бы».

А если... бы я погиб вместе с ними, то не было... бы никаких терзаний. Была счастливая семья из трех человек... на том свете. Мы были бы вместе...

- Ты смотришь на меня и удивляешься: старая дура совсем сошла с ума, она полна сил и энергии, хотя, потеряла любимую внучку. – Она снова поморщилась. – Знаешь, почему я не рыдаю, не бьюсь головой о стену, не клянусь себя за... свой подарок на окончание института Яночке? – Варфоломея увидела в моих глазах вопрос. – Потому что я приняла

решение, после которого душа перестала разрываться на части. – Я с ужасом уставился на нее. – Нет, я не собираюсь... покончить с собой. Это было бы слишком просто. Хотя, там, - она подняла глаза к небу, вернее к потолку, - я встретила бы с внучкой и правнучкой. Я старая развалина жива, а их нет. Если можно было совершить обмен их жизней на мою, я не раздумывала бы ни минуту. Но, увы. – Она решительно развела руками, едва не свалил на пол чашку. Чашка качнулась, но устояла.

- Так, какое решение вы приняли? – спросил я, надеясь, что ее выход подойдет и мне. Она не спешила отвечать, пристально рассматривала меня, будто пыталась прочесть ответ на непонятный интерес – первый интерес за все последнее время.

- Я уйду в монастырь! – просто пояснила она без всякой торжественности, свойственной при резких переменах в жизни. Теперь ее взгляд, направленный на меня, ожидал реакции. Любой: бурно-протестной, разрешающей, безразлично-позволяющей, вопросительной, укоризненной. Любой, но реакция должна последовать.

- Зачем? – также просто спросил я, будто она собралась в булочную, не поинтересовавшись, нужен хлеб или им успели запастись на неделю.

- Я буду замаливать свой грех, - пояснила она. – Я убила двух девочек.

Ее речь меня не шокировала и даже не удивила. Хотя, фанатичной веры в Бога я за Варфоломеей не замечал. Напротив, с возрастом бабушка становилась более рьяной атеисткой, чем раньше, и тихо подсмеивалась над своими приятельницами, посещающими церковь. Так утверждала Яна.

- Ты думаешь, что я сошла с ума? – Ответа она не дождалась.

О себе я не мог четко сказать: сошел с ума или нет? Чего уж о других людях рассуждать.

– Я встречалась с игуменью, - продолжила свой монолог пожилая женщина. - Она долго смотрела на меня, а потом говорит: «Не несчастье заставляет уйти от мира, а любовь Христа. Кто привязан к мирской жизни, долго не задерживается». Я не знала, что ей на это ответить...

- Она вам отказала?

- Она никому не отказывает. Но ее слова заставили меня задуматься. Потом я снова пришла к игуменье. Я ей сказала... Я призналась, что умерла вместе я внучкой и правнучкой.

Варфоломея повторила вслух мои мысли!

- Что ответила настоятельница? – прохрипел я. А бабушка повторила слова настоятельница женского монастыря:

- «Мы облачаемся в черные одежды, потому что умираем для жизни, а мир умирает для нас. Пришедшему в монастырь господь дает силы, крепость и терпение»... Это то, в чем я так нуждаюсь, - добавила от себя она.

Только сейчас, когда бабушка сняла маску бодрой энергичной женщины и устало откинулась на стуле, я заметил, как она сильно постарела. Ее лицо всегда поражало свежестью и гладкостью, морщины, если и были, то я их не замечал. Она выглядела лет на пятнадцать моложе своего возраста, старшей сестрой своего сына. Теперь ей легко можно дать ее... далеко за шестьдесят, а когда она говорит о Яне и Роберте, то и все восемьдесят.

- Понимаешь, Робик, - женщина провела ладонью по лицу, словно снимала последнюю пленку наигранного спокойствия, - я устала. Я устала существовать. Я не хочу быть грузом на шее Бориса и Жанны, а сейчас все к этому идет. Силы покидают меня, скоро я слягу и начну издеваться над своими детьми. Сколько это продлится – неведомо. Сердце у меня, несмотря на перенесенное... горе, здоровое... Поэтому я должна уйти от них, не хочу быть им обузой, не хочу, чтобы моей смерти ждали, как освобождения... Господь даст мне силы... А сколько он мне отвел еще лет жизни, не важно. Главное – умереть на своих ногах и не быть в тягость близким людям.

- В монастыре вам будет нелегко.

- Я не стремлюсь к легкой жизни...
- Мне будет вас не хватать. – Я понял, что эта женщина – единственный человек на земле, который мне нужен. Еще два часа назад я хотел отгородиться от всех, закрыться в своей квартире, как в раковине, и никого не видеть и не слышать. Быть наедине со своим горем. Как хорошо, что пришла Варфоломея...
- Ты приезжай во мне... И очень тебя прошу: помни девочек, но не казни себя.
Я думал, что она заговорит о судьбе или о том, что Господь забирает лучших, но бабуля снова поступила мудро. Она перевела разговор на другую тему.
- Мне кажется, - осторожно начала она, - тебе лучше уехать отсюда. Ты должен уехать... Но это мое мнение, поступай, как считаешь нужным. Как тебе хочется.
- Куда? Куда я уеду?
- На неметчину свою.
- Она не моя, я – русский. – Это заявление я делал на протяжении всех своих двадцати пяти лет.
- Я не про это. Там твои родители, сестра. Ты должен быть рядом с ними.
- А здесь Яна и Роберта, – прошептал я.
- Да, - согласилась Варфоломея и приложила ладонь к груди. – Как страшно и больно, что их даже не нашли. Других, хоть, похоронили по-божески.
- Я как представлю...
- Не надо! – Женщина погладила меня по руке. – Ты не видел их, значит, живешь надеждой.
- Это не надежда, а самообман.
- Пусть, самообман. Но это лучше... Ты будешь каждый год приезжать в Новороссийск. Какая разница – из нашего города или из Германии, где живут твои родные. Надо держаться друг за друга. Кто поймет, кто поддержит, если не близкие люди. Здесь у тебя никого не осталось. Жанна с Борисом никогда тебя не простят. Тебе, вообще, лучше с ними не встречаться. И им легче, и тебе. И не думай, что они обидятся на тебя, если ты решишься на отъезд. Только вздохнут с облегчением. Не будете следить друг за другом, как каждый из вас переживает общее и в то же время отдельное горе. А если ты надумаешь жениться?
- Я вздрогнул, как от удара.
- Ни-ког-да! – твердо сказал я. – Вы слышите? Ни-ког-да! - Последнее слово я уже прокричал.
- Я не буду извиняться, - спокойно заверила она. – Жизнь нас рассудит. – Я как-то сразу успокоился и недоуменно передернул плечами. – Ты можешь рассказать, как все произошло?
- Это не было любопытством.
- Я начал рассказ. Сначала, запинаясь и перескакивая с одного на другое, но Варфоломея своими умными вопросами, как врач-логопед, выправила мою речь. Уже закончив, я понял, как мне было это нужно: взять и все рассказать, выговориться кому-то. Кому-то сопереживающему, а не простому любопытному с улицы, равнодушному к сенсациям.
- Если бы теплоход не затонул за шесть минут, то погибших было меньше, - задумчиво протянула она. – Странно, почему такой большой теплоход так быстро пошел ко дну?
- Сухогруз, который врезался в правый борт «Нахимова», после столкновения дал задний ход. Огромная пробоина открылась, и вода хлынула внутрь. Если бы (снова «бы») он остался в брюхе теплохода, то вода поступала медленно и...
- Яна с Робертой на руках успела выйти из своей каюты, - закончила Варфоломея вместо меня. – Два капитана не смогли развести два судна в огромном бескрайнем море. Они понесут наказание?
- Говорят, что их будут судить. Но Яну и Роберту уже не вернуть.
- Все равно, они должны ответить...

И они ответили. Через полгода суд приговорил их к пятнадцати годам лишения свободы.

Еще через полгода я был готов уехать в Германию, где меня с нетерпением ждали мои родители. Вот, кто выиграл от смерти моей жены и дочери, как ни кощунственно это звучит. Если бы моя семья была рядом со мной, то я остался в Советском Союзе. Навсегда...

Осталось только съездить в Новороссийск. Скоро год, как со мною рядом нет моих девочек.

Стояла великолепная теплая солнечная погода.

Почти, как год назад.

Почти – потому что тогда солнце светило ярче, на душе было светло и радостно, рядом со мной по трапу спускалась Яна, на ее руках мирно спала наша малютка. В тот момент мы заметили на причале улыбающихся Лейкиных. Моя жена так обрадовалась, словно рассталась с ними не три дня назад, а, по меньшей мере, три месяца. Жанна Петровна заметила, что их любимая внучка подросла. И это за три дня! Что же будет, когда пятого сентября в Одессе завершится наш морской круиз, и мы вернемся в родной город. Она уже будет бегать и щебетать! Но в этом была вся моя теща! Она удивлялась всему! Жизни, окружающему пространству, мужу, с которым прожила почти двадцать пять лет, бескомпромиссному характеру дочери, будто познакомилась с ней на днях, а не сама лично родила её двадцать два года назад. Нет, двадцать один. Пока двадцать один. Первого сентября моя жена станет на год старше. Уже завтра! У меня и подарочек приготовлен!

Тот день, тридцать первого августа, запомнился мне до мелочей. Мы гуляли по Новороссийску, обедали в ресторане «Морской бриз», купались на городском пляже, который носил странное название «Суджукская коса». Станным его назвала моя теща, которая сравнила пляж с копченой колбасой суджук, внешне напоминающей обычную колбасу, по которой проехало тяжелое транспортное средство.

- Пляж в честь колбасы! – беззаботно веселилась Яна.

Она, вообще, в тот день была особенно счастлива: рядом были мы с Робертой и ее родители. Не хватало только Варфоломеи Ильиничны.

К вечеру настроение моей жены стало медленно меняться. Она всегда была человеком резких перемен: как говорится, от смеха до плача – один шаг. Но медленное изменение настроения меня насторожило. Сначала я не придавал значения, отнес на скорую разлуку с родителями, потом не на шутку стал тревожиться и поинтересовался ее самочувствием. Яна сразу не поняла обращенного к ней вопроса, странно на меня посмотрела и тихо сказала:

- Я очень тебя люблю, Роберт. Очень! – И дотронулась до моих губ своими пухлыми губками.

- Я тоже люблю тебя! – ответил я, уделив внимание местоимению «тоже», желая ее взбодрить. Всегда после таких «ТОЖЕ тебя люблю», Яна шла в атаку: «А без «тоже» никак нельзя?! Можно подумать, я вымаливаю у тебя признание!» На ее выпал я отвечал очередным признанием в любви, исключив местоимение, причем поизносил это признание с невероятным чувством, не свойственным мне.

На теперешнее признание Яна отреагировала иначе. Промолчала и с явным недоверием покосилась на меня, точно сомневалась в моей искренности.

- А ты... - Она замолчала, перевела взгляд на спящую дочь и загадочно улыбнулась, словно у них была совместная тайна, в которую посторонним вход закрыт.

Почему-то в ту минуту я почувствовал себя этим посторонним. Они отгородились от меня невидимой стеной.

- Что я?
- Что? – не поняла она.
- Ты начала и замолчала.
- Нет, ничего...

Уже год я строю версии незаконченного вопроса Яны. Неужели она предчувствовала катастрофу и хотела поинтересоваться: «А ты спасешь нас? Или схватишь ноги в руки и будешь спасаться сам?»

Конечно, это бред, бред нездорового человека...

Глава вторая

Стояла великолепная солнечная погода. Почти, как год назад.

Родственники погибших на теплоходе «Адмирал Нахимов» стояли на мысе Дооб, где через год после катастрофы был установлен памятный знак. Совсем недалеко от мыса Дооб, в Цемесской бухте, на глубине сорок семь метров лежит затонувший теплоход. Лежит на правом боку, подмяв под себя мою жену и дочь. Он взял их в заложники.

Что ты хочешь взамен? – мысленно спрашивал я, стоя на мысе и вглядываясь вдаль.

- Смотрите, - возбужденно прошептал кто-то рядом. – Вон он, лежит! Вон он!
- Кто? – не сразу сообразил я и уставился на немолодого мужчину, который протягивал руку в сторону моря.
- «Нахимов»! Затонувший теплоход! Вы видите, видите? – обалдевшим шепотом тараторил он.

Я визуальнo оценил странный вид мужчины с бешеными глазами и сочувственнo произнес, не желая его расстраивать.

- Может быть, может быть.

В сторону моря старался не смотреть, чтобы не увидеть то, что увидеть невозможно! Право каждого родственника, потерявшего близкого человека в прошлогодней катастрофе, пытаться найти себе успокоение. Хотя, по моему мнению, лежащий на дне теплоход – видение не для слабонервных.

Мне показалось, что мужчину должны услышать остальные участники печальной церемонии, но никто, кроме меня, его не услышал. Как не услышали мое «может быть».

- Вы не понимаете! – уже громче заговорил мужчина, почти взвизгнул, схватил меня за локоть и начал трясти.

Дело принимало серьезный оборот. На нас стали странно поглядывать люди. Не зря я уклонялся от присутствия на этом мероприятии. Я хотел провести этот день в полном одиночестве.

Не в одиночестве. Я хотел провести его наедине с девочками... Без посторонних со смурными лицами... Не знаю, какое лицо было у меня. Возможно, еще «краше».

- Прошу вас, успокойтесь! – призвал я возбужденного мужчину. – Вы были в тот день на «Нахимове»? - Я постарался увести разговор с опасной темы, переключив на воспоминания.
- Я? – Он удивленно на меня посмотрел, словно я спросил какую-то глупость. Вопрос медленно доходил до него. – Лучше бы... я. – Он нервно растер левую половину груди, пытаюсь таким способом облагородить больное сердце.
- У вас есть... лекарство?

- Да, где-то был валидол. – Он похлопал себя по карманам брюк, достал стеклянный цилиндр, открыл крышку, вытряхнул большую таблетку и кинул её под язык. – Почти год по больницам провалялся. Только недавно выписался, - с трудом ворочая языком, пояснил он. Безумный блеск в глазах исчез.

Я сочувственнo покачал головой.

- На том теплоходе, - он кивнул в сторону моря, - дочь с зятем были. Я им на свадьбу путевки подарил! Отправил в свадебное путешествие.

- Их нашли?

- Нашли. Привезли на катере, уложили на берегу вместе с другими... погибшими. Лежат, как на пляже. Хотя, они и лежали на пляже. Только женщины в нарядных платьях... Моя Леночка... - Он вновь усиленно потер правую половину груди. - Моя Леночка такая красавица. В персиковом платье и на пляже. Мы с матерью это платье ей на второй день свадьбы купили, оно ей очень шло: длинное, нежно-персикового цвета... Лена с Виктором даже внешне были похожи: оба высокие, темноволосые... А главное - очень счастливые. Дружили еще со школы, с шестого класса он ее портфель таскал. Витька тогда был ниже ее на голову. Я еще подсмеивался: «Ты, Ленка, какого-то шпендрика себе нашла». А она: «Пап, я за него замуж не собираюсь. Хотя, может, и собираюсь, еще не решила». И хохочет!

- Виктор подрос? - зачем-то спросил я.

- Подрос, метр девяносто два... был. Знаешь, моя жизнь делится на две половины: до катастрофы и после, с добавлением слова «были».

- И у меня.

- Ты извини, что я... со своим горем. Ты же здесь не просто так...

- У меня там, - я повторил его кивок, - жена и дочь. Так и остались.

- Вот же горе горькое! - Он похлопал меня по плечу. - Хоронить своих детей - это самое страшное! - Потом понял, что сказать что-то не то и поправился. - Терять детей...

Душитель снова вернулся. Я повернулся в сторону моря и посмотрел на его хитрое спокойствие.

В тот день, год назад, тоже был штиль. Только вечером поднялась небольшая волна, когда мы поднимались по трапу теплохода.

Ночью, когда я сидел на берегу весь перепачканный мазутом и завернутый в одеяло рядом с убитыми горем Лейкиными, начался шторм. Мы с надеждой ждали каждый катер со спасенными людьми. Вглядывались в лица, моля об одном: пусть там будут наши девочки. Но их не было...

К утру опустился сильный туман.

- Даже погода против нас, - обреченно сказала Жанна Петровна. - Да, Боря?

Она отделила меня от себя и мужа. Правильно. Кто я им? Человек, некогда бывший их зятем, спасшийся, как крыса, с тонущего теплохода.

Человек, который не пытался спасти их единственную дочь и единственную крошечную внучку...

Мое зрение выхватило черную жирную точку в прозрачной морской воде.

- Боже мой! - задохнулся я. - Это же... - Я закрыл себе рот рукой, чтобы не произнести название теплохода.

- Я же тебе говорил, - зашептал мне на ухо мужчина, потерявший год назад дочь Леночку и зятя Виктора. - Это наш «Нахимов»...

После печальной церемонии всех родственников посадили на катер и повезли к месту катастрофы. Мы положили на воду венки и цветы. Я купил белые гладиолусы для Яны и маленький букетик астр для Берточки. Яна очень любила гладиолусы, причем, чем длиннее, тем лучше.

Я пытался рассмотреть с этого места затонувший теплоход, но ничего не увидел.

Когда катер причалил к берегу, все разбрелись, а я снова пошел на мыс Дооб, желая убедиться в своей нормальности и отсутствии зрительных галлюцинаций.

- Это место гибели «Нахимова». И черная жирная точка - он сам! - твердо заявил я, не боясь быть услышанным: на мысе я пребывал в гордом одиночестве. Как мне казалось.

- Это теплоход «Адмирал Нахимов», – подтвердил мою догадку-установку чей-то голос. Я два раза прокрутился вокруг собственной оси, так как первый круг результата не дал, а вот второй явил моим очам странное создание. Это была молодая девушка с очень длинными густыми волосами смоляного цвета. Волосы такой длины я видел только на картинках, где были изображены русалки. Миндалевидные темно-карие глаза смотрели внимательно и изучающее, словно проникали внутрь и вытаскивали наружу всю накопившуюся боль. Словно она не простая девушка, а хирург, оперирующий злокачественную опухоль. Сейчас она удалит ее и сразу придет облегчение. У меня резко заболел затылок, я приложил к нему руку и непроизвольно сдавил, желая избавиться от этой нарастающей боли. Девушка плавно подняла вверх свою руку и так же плавно ее опустила, а потом сделала движение, напоминающее движение хлебороба в старые времена, разбрасывающего зерно в землю. Вместе с этим выбрасыванием моя головная боль ушла, будто ее и не было. Я с интересом посмотрел на девушку. Было заметно, что она жительница Востока, скорее всего из Азербайджана. На ней было одето платье с длинными рукавами и глубоким вырезом, из которого выглядывала обычная рубаша. Ноги скрывали просторные шаровары. Широкий пояс подчеркивал тонкую талию. На голове девушки была диадема, украшенная жемчугом, в ушах шевелились при каждом движении крупные серьги, запястья рук и лодыжки ног увивали браслеты.

- Лежащий на дне теплоход всегда виден в хорошую погоду, - продолжила она начатый монолог.

Она заморозила меня, удивила своим неожиданным появлением, и я не сразу сообразил, о чем идет речь, хотя, сам затеял этот разговор.

- Вы уверены? - Я непроизвольно сделал шаг назад, стараясь оценить внешний облик неожиданной собеседницы: поражало несоответствие простой одежды и дорогих украшений.

- Уверена, - без тени сомнения ответила она, тоже не сводя с меня своих миндалевидных темных глаз. Мне стало нестерпимо жарко, будто на меня направили нагревательную лампу. Следующая фраза меня охладила. – А ты все убиваешься? А зря...

Полувопрос-полуутверждение вызвал у меня мгновенную неприязнь к девушке, которая с первой минуты заморозила меня своей красотой и робким пониманием. Я развернулся и решил уйти.

- Постой, - остановила меня она. – Я не хотела тебя обидеть. Можно дам дать тебе совет?

- Не нуждаюсь! – с вызовом бросил я через плечо и сделал несколько шагов прочь от нее.

- И все же... Ты бы съездил... - Я замер, боясь что-то пропустить. - Ты бы съездил в поселок Большой Утриш, – посоветовала она без всяких эмоций в голосе, как экскурсовод, твердивший каждый день одно и то же.

- Зачем? – удивился я и повернулся к ней.

- Тебе нужен отдых. Походи, осмотришься. Может, душа найдет успокоение.

Я хотел спросить: «Почему я должен выбрать для поездки поселок с незнакомым названием Большой Утриш, а не какой-то другой?» Далее могли последовать другие вопросы. Но я не спросил ничего. Неожиданно у меня разболелись глаза. Было похожее чувство, когда в глаза попадает песок. Только еще больнее. Наверное, песок заменили молотым стеклом. Не отдавая отчета своим действиям, я начал усиленно тереть глаза руками. На удивление боль не усилилась от втирания в глаза «мелких частиц стекла», резь постепенно ушла. Когда зрение вернулось ко мне, я с досадой понял, что восточная красавица исчезла. Я снова повернулся вокруг собственной оси в надежде, что подобный ритуал вернет девушку на место. Чудо не произошло. На мысе я был один, визуально. Но чье-то невидимое присутствие я ощущал. Я предпринял еще одну попытку обнаружить восточную красавицу-советчицу, и стал бродить по мысу с вытянутыми вперед руками. Так играют дети: одному завязывают глаза, и он старается найти своего

товарища, поворачиваясь во все стороны и прорезая вытянутыми руками невидимое ему пространство, в надежде ухватить зазевавшегося игрока. Я понимал, что со стороны выгляжу нелепо, но совладать со своим желанием - вернуть девушку-предсказательницу - не мог. Потом я перешел к созерцанию окружающего пространства. Даже приблизился к обрыву и заглянул вниз. Никого! Только одинокая чайка парила над спокойной поверхностью моря.

Куда же она делась? – задумался я. – Только стояла рядом и в один миг исчезла... Странно, очень странно... Я не видел, как она появилась, и не заметил, как она ушла.

Девушка, словно выскочила из недр земли, и туда же ушла, выполнив свою миссию. Я стал внимательно рассматривать землю под ногами, надеясь обнаружить, какой-нибудь тайный вход. Даже попрыгал в одном подозрительном месте, желая провалиться вслед за своей недавней собеседницей.

- У меня сегодня явные галлюцинации! – гневно высказался я вслух, причем достаточно громко. Мой голос должен выманить ее наверх, как в прошлый раз. Не выманил. Тогда я высказал другое предположение, которое обязано удалить галлюцинации. - Не было никакой восточной красавицы!

Но девушка стояла перед глазами, покачивала головой, ее серьги искрились на солнце.

Я еще долго воздействовал на свой разум, призывая его забыть девушку, забыть ее пожелание мне - поехать в какой-то Утриш.

Но название поселка запрятал в недрах своей памяти. На всякий случай...

Ночь выдалась беспокойной. Я проваливался в сон. Вокруг меня летала на метле увиденная накануне восточная красавица. Потом красавица неожиданно превращалась в бабу Ягу из сказки в исполнении известного актера Георгия Миллера. Баба Яга явно радовалась моему непониманию и желаю забыть красавицу.

- Не нашел, не нашел! – веселилась она, летая вокруг меня на метле и обдавая меня запахом прелости.

Я протягивал руки и просыпался. Подозрительно, но я опять видел повторение сна, едва закрывал глаза.

Все чередовалось: восточная красавица – баба Яга с ее безудержным весельем – мое желание ухватить ее за платье, чтобы задать всего один вопрос: «Почему я должен поехать в поселок Большой Утриш?» - пробуждение... И все по новой...

В очередной «серии» бабка не появилась, волоокая красавица летала на метле и надменно косилась на меня. Я подпрыгивал, дотрагивался кончиками пальцев ее одежды, но девушка в последний момент ускользала, ловко управляя «летательным аппаратом». От действий я перешел к словам. Я уговаривал ее совершить посадку и поговорить, но она продолжала свое кружение, пока ей это не наскучило. Совершив последний виток вокруг меня, она вылетела в раскрытое окно, даже не повернув головы в мою сторону...

Я открыл глаза. На улице зарождался новый день. Первые лучи солнца проникли сквозь портерную щель. Я сел на кровати, потряс головой, стараясь таким способом выгнать из нее остатки безумно повторяющегося сна.

До возвращения в родной город у меня было еще четыре часа. Я быстренько умылся, спустился в кафе, позавтракал и вышел на улицу. Недалеко от входа в гостиницу весело бил фонтан, который я еще по приезду назвал детским. В самом центре фонтана стояли три гипсовые фигуры: крокодил Гена, Чебурашка и старуха Шапокляк с сумочкой, из которой выглядывала ее подруга крыса. Эта компания вызывала умиление не только у детей, но и у взрослых. Вокруг фонтана всегда было многолюдно. Несмотря на ранний час, и сегодня на парапете сидела молоденькая мамочка и, наклонившись к маленькой дочери, что-то рассказывала ей. Глаза обеих были устремлены на гипсовые персонажи из

мультфильма. Девчушка внимательно выслушала свою мать, потом кивнула головой и тоненько запела.

- Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...

Ко мне подкрался душитель, ухватил за горло и начал проделывать свою любимую работу. В глазах потемнело. Показалось, что заботливый душитель решил закрыть от меня сцену чужого счастья. Я пребывал в анабиозе. В глазах не просветлело, но я отчетливо видел... Яну и Берточку, которая старательно выводила песню крокодила Гены. Это не может быть Роберта. Она не может так петь, ей немногим больше года... Было бы...

Это «было бы» вернуло меня в реальность. Девочка пела, мама сияла от счастья, светило солнце, пели птицы. Всеобщий рай, где мне нет места.

Еще пять минут назад я хотел вернуться в номер, растянуться на кровати и провести оставшиеся до отъезда четыре с лишним часа за чтением интересной книженции. Но теперь меня вновь охватила навязчивая идея отыскать восточную красавицу.

Я решил не идти на мыс, а найти неподалеку какую-нибудь деревушку и расспросить там о странной девушке. Должна же она где-то жить, где-то спать и питаться. Выглядела она при нашей встрече чистенькой, а не перепачканной землей, словно вылезла из подземелья. Значит, она живет в нормальной семье. Только сама выглядит не вполне нормальной. Может, она местная сумасшедшая, которая ускользает от родных, ходит по окрестностям и несет всякий бред. А я на полном серьезе воспринял ее слова о поездке в какую-то деревню, чтобы отдохнуть... душой. Может, она оттуда родом и никаких других мест не помнит в силу своего... нездорового состояния, а люди ловятся на ее удочку, считают ее пророчицей Вангой, и следуют ее пожеланиям. Но вместо того, чтобы совершить поворот на сто восемьдесят градусов и привести в исполнение свое первое желание - бросить свое тело на кровать, почитать или вздремнуть, если чтение не захватит, мои ноги потопали вперед в неизвестном направлении.

Я так погрузился в размышления, что не заметил, как отдалился от города. Вокруг меня были известняковые скалистые горы с вытекающими из них ручейками.

- Яна бы сказала: горы плачут! – громко произнес я и незаметно окинул взглядом окружающее пространство, рассчитывая на появление собеседницы. Если подобное повторится, то я буду более сдержан и терпелив. Я даже губы растянул в приветливой улыбке, показывая свою расположенность к беседе. Странная картина - стоит среди плачущих скал здоровый мужик и радуется непонятно чему. Диагноз на лицо!

Вынырнув из цепи плачущих пригорков, я увидел странное сооружение. Вернее то, что от него осталось. Скорее всего, эти руины были когда-то укреплением для отражения нападения с моря. Почему я сделал такой вывод? Потому что расположилось полуразвалившееся строение на берегу Цемесской бухты. Я окинул взглядом художника морскую гладь и улыбнулся. Искренне улыбнулся. Первый раз за весь прошедший год. Сколько раз я видел эту бухту с другого ракурса и всегда рассматривал ее, как... место гибели теплохода. А сейчас сочетание разрушенной крепости, синего горизонта, моря и зеленых гор вызвало в душе желание взять в руки кисть и запечатлеть этот райский уголок природы, несмотря на то, что я был портретистом.

И опять вспомнилось бубнение Яны на теплоходе о мольберте и моем глупом упрямстве...

Полюбовавшись природой, я решил перейти к истории и с важным видом знатока археологии стал бродить среди руин. Внутренние постройки не сохранились, как и сами стены укрепления, только по углам стояли разрушенные башни. За крепостью, на плоскогорье, я заметил следы надгробий с еле различимыми надписями, напоминающими арабскую вязь. Я склонился над одним надгробием, провел рукой по надписи, как слепой, читающий кончиками пальцев, и тут мое внимание к чужой могиле пресек громкий крик. Я отдернул руку, отпрянул сам и пристыжено осмотрелся, сразу не

сообразив, откуда донесся крик. Не могу не признать, что я сильно струхнул. И этот страх приковал мои ноги к земле. Не заметив ничего подозрительного, я опять подумал о галлюцинации – вчера была визуальная, сегодня – слуховая. Но тут тишину разорвал повторный крик. Я понял, что это крик чайки. Задрал голову и увидел парящую высоко в небе огромную чайку. Она металась, она нервничала. То приближалась к земле, причем спуск был необычным – по спирали. Так падает самолет, - почему-то подумал я. Уж, не знаю, ограничено ли падение самолета определенными границами, в данном случае, медленное вращение чайки вниз по спирали имело строгие границы, будто она совершала движение по невидимым мне линиям. Я заворожено следил за ней. Чем ниже опускалась птица, тем тревожнее становилось на моей душе. И вздохнул с облегчением, когда она опустилась на надгробие, которое привлекло мое внимание. Я почувствовал себя вором, проникшим в чужое пространство и застигнутым на месте преступления хозяйкой чайкой. Это была огромная белая птица с круглыми темными глазами, неестественно красным клювом и крепкими когтистыми серыми лапами, которые больше подошли бы какой-нибудь хищной птице. Чайка уставилась на меня, с интересом наблюдая, что я намерен делать дальше.

- Гаг-аг-аг! – хрипло произнесла она. Затем повторила эти крики еще раз.

- Я уже ухожу, - заметил я извинительным тоном. – Вот, только ноги, - я постучал по своим чреслам руками, призывая их к действию и указывая тем самым на виновника моего застопорившегося состояния.

Хозяйка здешних мест перевела взгляд с моего лица на ноги и оценивающе стала их разглядывать, даже голову наклонила, словно в первый раз видела нечто подобное. Я тоже опустил глаза и окинул взглядом свои конечности, спрятанные под джинсами. Ноги, как ноги, только парализованные, - подумал я без испуга за свою дальнейшую жизнь.

Не увидев ничего интересного, взгляд птицы переместился на мою руку, а именно на запястье, на котором красовались часы, подаренные Яной на мой двадцатипятилетний юбилей. Мне показалось, что чайка требует их взамен на мое освобождение. Я непроизвольно прикрыл часы другой рукой.

- Квя-ау! – односложно заявила она, запрокинув голову назад.

Ее обращение ко мне походило на кошачье мяуканье, у меня даже появилась мысль приблизиться к ней и погладить по голове, как домашнее ласковое животное, позабыв о парализации. Но насупленный взгляд черных птичьих глаз остудил мой порыв. Чайка снова уставилась на мое левое запястье, прикрытое правой ладонью.

- Это подарок, - промямлил я, заведя обе руки за спину и сцепив их в замок, при этом чувствовал себя полным идиотом, который пытается договориться с птицей, изъясняющейся на своем наречии.

Чайка покачала головой, словно сожалела о несостоявшемся обмене. Или удивлялась моей несообразительности. Потом взмахнула крыльями, раз, другой, но не взлетела, а осталась сидеть на надгробии, словно ее когтистые лапки приклеились к нему. В этот самый момент я почувствовал, что к моим ногам возвращается способность двигаться. Я проделал движение бегуна на месте, проверяя свою догадку. Так и есть: я могу ходить, могу... смяться от этой странной птицы... Но отпустит ли она меня? Мне показалось, что как только я сделаю пару шагов, она бросится вдогонку, схватит меня за волосы и... потащит в свое гнездо, на корм собственным детям... Нет, она меня не поднимет, да и в гнездо я не помещусь. А вдруг чайка сядет мне на голову и будет долбить своим страшным клювом до тех пор, пока я не потеряю сознание? А потом... Что будет потом, я знать не желал, поэтому вернулся в реальность...

Помахав крыльями, чайка снова уставилась на мое запястье – мои руки были прижаты к бедрам после бега на месте - и негромко вскрикнула, повторив недавнее мяуканье, будто призывала меня к какому-то действию. Я поднес к глазам руку с подарком Яны и ужаснулся: до отхода поезда оставалось сорок минут, а мне еще надо добраться до

гостиницы, взять вещи и мчаться на вокзал. Я рванул со всей мочи, забыв о недавней парализации и боязни быть настигнутым, потом резко тормознул, чтобы бросить последний взгляд на странную птицу. Она осталась сидеть на надгробной плите, опустив голову, будто читала на ней невидимую надпись.

- Мне надо идти, - с сожалением сказал я, - на поезд опаздываю.

Чайка оторвалась от «чтения» и подняла голову, уставившись на меня своими умными глазами. Мне показалось, что птица разочарованно вздохнула, сожалея о моем уходе, затем взлетела со своего постамента, приблизилась ко мне, негромко вскрикнула и полетела дальше, постоянно оглядываясь назад, словно проверяла, следуя ли я за ней. Я понял, что птица указывает мне короткий путь...

Прошел год после этого приключения. И два года после гибели девочек. Я живу в Берлине, подрабатываю случайными заработками, а все свободное время пишу портреты Яны, Берточки и... девушки-предсказательницы. Еще я пишу картину крепости, не руин, которые видел год назад, а настоящую крепость, какой она была в далекие времена, когда в ней жили люди. Только ни одной человеческой фигуры я не изобразил. Сначала я решил воссоздать ее постройки. Я привык писать то, что вижу перед собой, а теперь я, как художник в театре, пишу декорации к новой пьесе, только эта пьеса еще не написана. Я делаю все в обратной последовательности: сначала интерьер, а потом я помещу туда действующих лиц и придумаю некую сказку. Да, сказку... Ведь, крепость тоже живет в моем представлении...

В моей картине присутствует пока только одно живое существо – чайка. Именно, с нее я начал писать.

Я не знаю, кто мне помогает писать картину, откуда я знаю, какой была эта крепость в те далекие времена? У меня нет творческих терзаний. Я просто беру в руки кисть и появляется чувство, что кто-то невидимый нашептывает мне на ухо, оказывая мне честь быть посвященным в таинство старой крепости. Я уверенно продолжаю работу, будто сам видел эти постройки в те времена и жил среди тех людей, которые еще не появились на моей картине.

Сначала я изобразил само укрепление: крепостные стены, башни, причал для кораблей, потом перешел к внутренним постройкам: казармы, торговые лавки и... мечеть. Я не знаю, почему изобразил мечеть, а не нашу христианскую церковь. Наверное, я действовал по подсказке. Или образ девушки-азербайджанки привел меня к мысли, что это должна быть мечеть. Хотя, ее национальная принадлежность осталась под вопросом. Сколько еще вопросов у меня к этой девушке?!

Я живу одним желанием – поехать в Новороссийск и найти восточную красавицу...

Меня отвлек от работы звонок в дверь. Наверное, пришли родители, - решил я и пошел открывать.

Они считали своим долгом наносить мне ежедневные визиты. Мама уговаривала меня по приезду поселиться у них, но я сразу отверг ее предложение: я хотел жить в полном одиночестве со своими мыслями, со своей работой, которая полностью завладела мной. Поэтому я поселился в небольшой квартирке на окраине Берлина подальше от родственников.

Мне было жаль своих немолодых родителей, которые на закате жизни оказались в чужой стране. Но никто их к этому не принуждал. Это был их выбор в угоду собственной дочери. А эта эгоистка приняла жертву родителей, которые чувствовали себя в Германии, как временные гости. Погостят, погостят, да и вернуться в родной дом. Кстати, квартиру родителей я так и не продал. Перед отъездом уже должна была состояться сделка, но в последний момент я передумал.

- А с чего я решил, что останусь там навсегда? – задался я вопросом. – Германия – это временная нора, где я постараюсь залезть рану. Даже не залечить. Залечить ее я не смогу до конца своих дней. Попытаюсь постепенно вернуться к жизни в стране, где тебя никто не знает, где ты спокойно можешь идти по улице, не опасаясь встретить знакомого с выражениями соболезнования или глупым, до боли глупым вопросом: «Как ты?»

- Как я? Отлично! Только у меня... такая незадача – погибли жена и маленькая дочурка. И я виновен в их гибели!

Каков вопрос, таков ответ.

Поэтому я решил переждать в Германии год – другой – третий, а там будет видно...

Родители пришли не одни, с ними притащилась крыса Элька. Ой, Эльза! Она забыла, что ее звали Элеонора. И забыла русский язык. Каждый раз вскидывает брови, когда мы общаемся к ней на родном языке, хмурится, и сверлит нас вопросительно-недовольным взглядом, а потом презрительно заявляет:

- Нихт ферштейн!

Она, видите ли, не понимает!

Мои бедные родители, которые еле-еле выучили несколько фраз по-немецки, тушевались, хлопали глазами и переглядывались.

- Что? – задохнулся я от возмущения, впервые услышав от Эльки «нихт ферштейн».

- Нихт ферштейн, - дерзко повторила сестра.

- Я сейчас... врежу тебе, как в детстве, несмотря на то, что ты старше! – возмутился я, - и тогда ты сразу все поймешь. - Успокоил испуганных родителей и вновь обратился к ней, - дура ты, ох и дура!

- Дети, не ссорьтесь, - тихим голосом попросила мать, а отец улыбнулся в седые усы.

Мне всегда нравилась его способность не вмешиваться в споры. Он чем-то походил на моего бывшего тестя Бориса Андреевича. Только тот старался успокоить разбушевавшуюся жену, а мой отец спешил ретироваться, если напряжение в семье достигало апогея.

- Сами разберетесь, - говорил он и исчезал во дворе, где его всегда ждали друзья-доминошники.

Теперь отцу идти было некуда: во дворе не было любителей этой народной игры, как не было бабушек на скамейке, обсуждающих последние новости и плохих соседей. Мать никогда не присоединялась к этим любительницам влезть в чужую жизнь и всегда обрывала их, если останавливалась на пять минут и при ней нелицеприятно высказывались о ком-то. Потом она приходила домой и с возмущением пересказывала отцу домыслы «лавочных кумушек», как называли их все жители нашего дома. Теперь она с милой улыбкой вспоминала тетю Мару - главную заводилу этих посиделок. Вообще-то ее звали Марфа, но буква «ф» куда-то со временем исчезла.

Однажды я не выдержал слезных воспоминаний моих предков и заявил.

- Значит так, уважаемые родители! Довольно! Довольно воспоминаний и слез! Собирайте свои манатки и возвращайтесь в Союз.

Родители резко замолчали, переглянулись и, как мне показалось, задумались.

В этот их визит все пошло по-другому пути. Отец вытеснил меня на кухню, долго мялся, а потом спросил:

- Слушай, Роб, а ты считаешь это возможно?

- Что? – не сообразил я. Наш диалог еще не завязался, а отец, видимо, так долго обмозговывал мое предыдущее предложение, что не заметил прошедшего времени.

- Ну, это... наше возвращение на Родину.

- Когда вы уезжали, то уверяли всех и каждого, что едете на Родину. А сейчас, куда собрались?

- Не ерничай, - спокойно парировал отец, - ты знаешь, что я имею в виду.

- Отец, если вам с матерью здесь плохо, то зачем себя насиловать, - констатировал я.

- Насиловать, - повторил за мной отец. – Это ты правильно сказал. Насиловать. – Он странно зашмыгал носом, будто у него резко начался насморк. – Знаешь, сынок, душа вся изболелась, закрываю глаза и вижу мой родной завод, улицу, по которой я ходил тридцать лет, мой станок, наш дом... А здесь... Здесь все чужое: люди, говорящие на непонятном языке, их еда, их закрытость друг от друга. Нам с матерью, кроме тебя и Эльки, и поговорить не с кем.

- Пап, возвращайтесь назад. Я тоже вернусь... позже. – Я подошел к нему, обнял за плечи. – Наша квартира ждет вас. – Выдвинул я последний аргумент.

- Ты ее не продал? – удивился он.

- Нет. Я знал, что вас потянет домой. Вы с мамой оба русские до глубины души. Как и я...

- А как же Элька?

- А что Элька! Вполне самостоятельная женщина. Не забывай, что ей не пятнадцать лет. Нравится ей здесь, пусть остается.

- Да, ей здесь нравится, - согласился отец. – В Союзе у нее и друзей не было, а здесь полно. Еще бы замуж вышла...

- Выйдет! – уверенно пробасил я, будто стадо женихов ломилось в дверь моей сестры...

Моя уверенность обрела подтверждение даже быстрее, чем я думал.

- Роберт, - с порога заявила Элька-Эльза, - завтра мы идем в ресторан!

- Есть повод? - вяло поинтересовался я, но увидев горящие глаза родителей, проникся интересом к заявлению сестры.

- Повод есть, - сдерживая рвущийся наружу восторг, изрекла сестрица.

- Сколько нас будет? – издали подошел я.

- Мама, папа, я и ты, - перечислила она. - Ой, еще забыла свою подругу Ильзе Айгнер. У нее был такой загадочный вид, что я сразу понял – кого-то она оставила «на закуску».

- Эльза, Ильзе, - пробубнил я, словно заучивал имена, которые отказывались закрепиться в памяти.

- Да, Ильзе! – с вызовом заметила сестра. – Именно, благодаря Ильзе я познакомилась с Францем.

Вот и «закуска»!

- С кем? – опешил я и почему-то глупо хихикнул, чем еще больше вывел из себя Эльку.

- С Францем Шуттлером! – зло бросила она, словно назвала своего одноклассника, который не давал ей прохода.

Я хотел привычно съязвить, но увидел встревоженный взгляд своей мамули и закрыл рот.

- Наша... Эльза, - запнулась она на непривычном имени дочери и не замедлила сообщить,

- познакомилась с приличным мужчиной.

- И он на нее клюнул? – ляпнул я.

- Я тебя сейчас убью, дорогой братик, - прошипела сестра.

- А ты разве поняла, что я сказал? Ты же «нихт ферштейн»! – вспомнил я к месту.

Отец хмыкнул и был уничтожен одним взглядом любимой дочери.

- Ты должен пойти с нами! – приказала сестра.

- Сынок, пожалуйста, - мягко попросила мама, опережая мое резкое высказывание. Она знала, что слово «должен» мое самое-самое «любимое» слово. Когда мне в школе заявляли, что я должен организовать выставку работ любителей живописи, я обязательно заваливал взваленную на меня обязанность. Мама долго билась над моим неумением писать сочинения и, в итоге, писала сама о Катерине, которая почему-то была «лучом света в темном царстве». Затем гордо выдавала мне черновик, с просьбой переписать все начисто. Я выполнял ее требование, мама снова пробегала глазами сочинение на предмет описок и ошибок, с удовлетворением закрывала тетрадь и заявляла.

- Теперь ты должен получить пятерку.

Это она сказала, не задумываясь о последствиях. В моей голове что-то щелкало, я возвращался в свою комнату, специально исправлял, где это было возможно, «о» на «а» и в итоге зарабатывал тройку. Мама удивлялась, заново просматривала сочинение, ругала себя за недосмотр, потом меня – за невнимательность. Со временем наблюдательная гражданка Зепп выявила мою нелюбовь к слову «должен» и исключила его из своего лексикона.

- Хорошо, мама, - твердо заявил я, - я пойду с вами в ресторан знакомиться с...

- С Францем Шуттлером, - услужливо подсказал отец. – Мы выдадим дочь замуж и... - Он не договорил, подмигнул мне и азартно потер руки.

- Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, - деловито произнесла Элька. Потом опомнилась и спросила, - а что должно последовать за твоим «и»?

- И все будут счастливы! – нашелся отец.

- Ага! – согласно кивнула сестра.

У меня сжалось сердце. Это «ага» было излюбленным словечком Яны. У нее это слово-согласие произносилось так задорно, в нем была вся зажигалка Яна Лейкина.

- Сынок, что с тобой? – услышал я сквозь пелену воспоминаний встревоженный голос своей матери.

Я не заметил, как она приблизилась ко мне и присела рядом на краешек дивана.

Варфоломея была права, когда утверждала, что рядом с близкими людьми мне будет легче пережить свою боль. Я только начал погружаться в прошлое, а моя мать уже была рядом, и вырвала меня из цепких лап неугасающего горя. С другой стороны пристроился отец. Положил мне руку на плечо и задумчиво смотрел на меня, не произнося лишних слов.

Счастье – это когда тебя понимают, - написал в сочинении один школьник в кинофильме «Доживем до понедельника». И он был прав.

В нашей семье меня понимали не все. Сестра-эгоистка была настроена на свою волну, но я на нее за это не обижаюсь.

- Так ты пойдешь? – встряла в нашу идиллию Элька.

- Он пойдет, - ответили за меня родители.

- А твоя подруга там зачем? – специально спросил я, чтобы продолжить словесную перепалку с любимой сестрицей и запрятать подальше душевную боль.

- Ты иди, Эля, - посоветовала ей мама, предчувствуя назревавший скандал между детьми, - я сама все расскажу Роберту.

- Я хочу, чтобы сестра поведала мне, так сказать, из первых уст, - капризно заявил я, мысленно ругая себя последними словами.

- Ну, если ты так хочешь, - пространно заметила сестра и переглянулась с родителями.

Это становится интересным, - подумал я и обратил внимание на странные знаки, которые делала мама своей дочери, словно пыталась остановить ее.

- Ильзе – подруга нашей Эли, - начала наша родительница, обращаясь ко мне, но, не сводя при этом взгляда с дочери.

- Это я уже понял! – Я водил головой от одной к другой, пытаюсь понять, что кроется за приглашением подруги на семейный ужин, на котором произойдет знакомство Зеппов с предполагаемым претендентом на руку и сердце нашей Эльки.

- Когда Ильзе лежала в больнице...

- Боже мой, твоя подруга тяжело больна! – схватился я за сердце, перебив мать на полуслове. - Может, ей прописан постельный режим, а ты... бесстыжая, - театрально взвыл я, указывая на сестру, - в угоду своим желанием тащишь ее в ресторан!

- Заткнись! – отрезала Элька.

- Роберт, ты ведешь себя, как... - без укоризны в голосе заметила мама, подбирая правильное сравнение.

- Как плохой актер! – подсказал я.

- Как избалованный подросток, которому все дозволено!
- Спасибо, мамуля! – с чувством заявил я и чмокнул ее в щеку.
- За... понимание? – заговорщицки спросила она, наклонившись к моему уху.
- За него! – Мне стало так хорошо, даже постоянный друг-душитель испарился. Отец понимающе улыбнулся, расправил свои усы и погладил супругу по плечу.
- Такое чувство, что я здесь лишняя! – скривилась от недовольства Элька. – Все такие уси-пусы, а я никому не нужна!
- Францу нужна! – обреченно заметил я, будто предвидел, чем эта связь закончится. Сестра отмахнулась, но было заметно, что мой вывод ей понравился, несмотря на обреченность в голосе.
- Ну, я пойду? - голосом девочки старшеклассницы произнесла Элька, словно отпрашивалась на школьную дискотеку после выполнения всех условий.
- Иди! – дружно заявили добрые родители. Сегодня они были единодушны во всем.
- Только, чтобы в девять часов была дома, - прокрипел я. Сестра неожиданно поцеловала меня в щеку, взлохматила мои волосы и удалилась. Видно, мое высказывание относительно Франца вернуло ее любовь ко мне.
- Она стала другой, - заметила мама после ухода Эли. – Мягче и добрее. Да, Вовик? – Спросила она у мужа, который после переезда в Германию превратился в Вальдемара.
- Да, Катюша, - согласился с ней отец. Имя моей мамы претерпело меньшие изменения, теперь она звалась Катрин. Мне было грустно сознавать, что на старости лет мои родители не только поменяли местожительство, но и свои имена, данные им при рождении.

Когда нас в Советском Союзе называли немцами, мне было смешно: какие мы немцы, если родители не знают ни слова по-немецки, а я и Элька- в пределах школьной программы, как говорится, пользуясь словарем. Да, и внешность моих родичей больше походила на внешность жителей средней полосы: широколицые, светловолосые, с курносими вздернутыми носами. Они, вообще, походили на брата и сестру. Мама утверждала, что один я сохранил в своей внешности черты предков.

Когда в начале семидесятых, все смотрели фильм про Штирлица, то ко мне, в виду немецкой фамилии и подходящего происхождения, приклеилась кличка «штандартенфюрер Зепп» с добавлением – характер нордический, твердый, в порочащих связях замечен не был. Я не обижался, даже, в некоторой степени, гордился всеобщим вниманием. И сравнение с прекрасным актером Тихоновым в роли Штирлица мне нравилось. Я даже копировал перед зеркалом его загадочный взгляд, его уверенную походку и умение молчать, устремляя взгляд–рентген на воображаемого собеседника.

С тех пор, как мне кажется, я превратился в молчуна. Только с сестрой я становился прежним забиякой, так как отказаться от обмена «любезностями» было выше моих сил...

Через пару дней состоялось знакомство с Францем Шуттлером. Он был точной копией прибалтийского актера Масюлиса, который всегда играл фашистов в советских фильмах про войну. Высоченный крепкий мужик с колючими бесцветными глазками, тяжелым подбородком и орлиным носом. Его русые волосы были зачесаны назад, и он любовно приглаживал их рукой каждые полчаса. Я даже хотел сверить часы, проверить свою догадку по поводу периодичности поглаживания головы моего будущего зятя, но увидев возмущенный взгляд сестры, которая знала мою любовь к остроумам, передумал. Моей обязанностью было тихо переводить высказывания Франца моим родителям. Делал я это очень корректно, словно и не переводил, а что-то спрашивал у них. Немецкий язык я подтянул за один год перед отъездом в Германию. Все даже удивлялись моему баварскому диалекту и думали, что я приехал не из Советского Союза, а из Австрии. А Элька за четыре года проживания очень бойко болтала по-немецки.

Сейчас она сидела за столом и не сводила взгляда с потенциального жениха. Ее привычка «заглядывать в рот» очередному кавалеру всегда выводила меня из себя. Моей сестре уже с шестнадцати лет хотелось замуж, поэтому она старалась привлечь внимание противоположного пола своей... лояльностью, а если сказать прямо, то вела себя, как бездомная собачонка, которая вертится вокруг каждого, кто удостоил ее, хотя бы, незначительным знаком внимания. Нет, она не была доступной женщиной, сестра была скромной, воспитанной и неглупой девушкой, но ее страстное желание выйти замуж превращало ее в неразумное существо, полностью подчиняющее себя очередному мужчине. Она делала ему подарки, пекла какие-то пироги и таскала ему на работу, звонила по пятьдесят раз на дню. Ее навязчивость отталкивала женихов. Они испарялись через неделю, иногда выдерживали и меньше. Хотя, надо признать, внешность моей сестры была вполне нормальной. Это я называл ее крысой за «длинный» нос, который она сует, куда не нужно. На само деле, ее носик был не таким уж и длинным, может чуть-чуть отличался от других, но совсем не буратинским. А волосам могли позавидовать все женщины: огненно-рыжая копна длиной до талии. Откуда в нашей семье взялся этот рыжик, неизвестно.

Мне было понятно желание Эльки выйти замуж, но не нравились методы достижения этой цели.

Вот и сейчас я сверлил сестру взглядом, призывая изменить тактику. Она косилась на меня, понимала чертовка мои мысленные посылы, о которых я ей говорил неоднократно, но продолжала... сидеть с открытым ртом и с обожанием смотреть на Франца Шуттлера, которому, по всей видимости, нравилось это обожание. Выглядел он при этом петухом, гордо сидящим на... стуле и благосклонно поглядывающим на свою курочку. Главное, чтобы ему это не надоело...

Я задумался над поведением собственной сестры и прозевал начало рассказа будущего зятя о знакомстве с Элькой. Меня вернуло к разговору постукивание матери по моей ноге - призыв к переводу вышесказанного Шуттлером. Хотя, как я понимаю, родители были в курсе всех перипетий этого знакомства.

- Он рассказывает, как он познакомился с Эльзой, - тихо произнес я, - вы и так все знаете, а я с удовольствием послушаю, так что обойдетесь без перевода.

- Что-то не так? - поинтересовался Франц у моей сестры, поглядывая в нашу сторону.

Элька вопросительно посмотрела на меня, ожидая поддержки.

- Почему бы не сказать ему, что наши родители плохо понимают немецкий язык? - с улыбкой произнес я по-русски, обращаясь к сестре.

- Ты, что... - задыхнулась она.

- Это не преступление, - продолжал я улыбаться.

- Можно говорить по-немецки, - попросил будущий зять.

- Лучше научи его русскому языку, - предложил я.

- Не лезь, куда тебя не просят! - резко отбрила она меня.

- Дети, успокойтесь! - с милой улыбкой произнесла мама. - Швестер унд брудер, - не к месту сообщила она Францу, словно тот не знал, что мы брат и сестра.

Он расцвел, обрадовавшись расположению к нему будущей тещи, которая до этого только произнесла «Гутен таг» при встрече и больше не проронила ни слова.

- Мои родители - неразговорчивые люди, они больше любят слушать, - пояснила Элька.

- Ты дура, - весело сказал я. - Еще бы сказала, что они немые.

- Сам дурак, - поддержала меня сестра, награждая меня обворожительной улыбкой.

Франц сидел с глупым видом и скалился. Потом он продолжил свои воспоминания...

- Ильзе, - он кивнул в сторону сидящей рядом со мной подруги сестры, - поступила в нашу клинику несколько месяцев назад...

Я перескажу вкратце речь Шуттлера, опуская все медицинские термины, которыми был перенасыщен его рассказ. Нет, он, как любой доктор, не стал раскрывать все секреты

болезни Айгнер, приоткрыл только небольшую завесу, дабы мы оценили его высокую квалификацию и осознали, каким прекрасным и отзывчивым человеком является наш будущий родственник.

В общем, Ильзе поступила к ним в клинику с подозрением на опухоль мозга, так как ее продолжительное время мучили головные боли. Слава богу, что этот диагноз не подтвердился, но в процессе этих выяснений, которые были достаточно продолжительными, состоялось знакомство сестры и Франца. Элька регулярно навещала подругу, сначала только к ней, а затем, заметив очередную жертву, ее посещение не ограничивалось Ильзе, она долго беседовала с ее лечащим врачом Шуттлером, стараясь привлечь его внимание. Сестра попыталась вытрясти у медперсонала все подробности личной жизни мужчины. Сначала те не шли на контакт, но постепенно дружелюбие и расположенность милой девушки их подкупило, и она по крохам собрала нужную информацию. Несмотря на возраст, а Францу к тому времени стукнуло сорок, он не был женат. Ни разу! Это было удачей для Эльки! Ильзе приложила немало усилий в привлечении интереса лечащего врача к своей подруге. Она рассказывала о ее чудесном характере, о ее кулинарных способностях, о ее преданности семье и дому, что у немецких женщин было не на первом месте. Это зомбирование принесло результаты: Франц стал приветливо беседовать с преданной подругой своей подопечной и... однажды пригласил ее в бар выпить по кружке пива. Сестра не выносила пива, но ради достижения своей цели принесла себя в жертву и отправилась с Шуттлером в пивной бар.

- На мое счастье, - сказала Элька, - немцы с одной кружкой сидят целый вечер, не так, как наши бывшие соотечественники...

После первого свидания последовали походы в театр и прогулки по Берлину...

- Я очень рад, что страшный диагноз не подтвердился, - произнес я, обращаясь к молчаливой соседке. Она кивнула и ничего не ответила, только странно посмотрела на меня, будто я сказал несусветную чушь.

К моему монологу в адрес Ильзе присоединилась сестра, которая начала петь оду восхваления своей подруге. И тут я все понял: фрейлейн Айгнер не просто так пригласили на семейный ужин, а с далеко идущими планами относительно моей персоны.

- Заткнись, - оборвал я сестру, не забывая при этом растягивать в улыбке рот.

Я поднялся и попросил разрешения удалиться.

- Ну, почему ты уходишь? – выразила сдержанное недовольство Элька, мама посмотрела на меня осуждающе, а отец с хитрой улыбкой, запрятанной в усы.

- Потому что у меня болят скулы от напряжения, - прорычал я, естественно по-русски.

- От... какого напряжения? – испугалась сестра.

- За последний час я не перестаю улыбаться, - констатировал я и удалился...

Моя выходка не повлияла на планы моей сестры и Франца, и через месяц их брак был зарегистрирован. Элька стала фрау Шуттлер. Но за регистрацией последовала не только смена фамилии, но и смена ролей в молодой семье: теперь Франц заглядывал в рот моей сестре, а она вертела им, как хотела. Мы удивлялись манипуляторским способностям Эльки.

- То ли еще будет, то ли еще будет, то ли еще будет, ой-ой-ой! – весело напевала сестра, подражая Пугачевой.

Теперь она сидела дома, занималась хозяйством, давала уроки русского языка своему мужу и раздумывала над следующей проблемой – завести детей сразу или подождать? Наша мама намекала на критический возраст дочери, Элька отмахивалась:

- Это Германия, здесь поздно выходят замуж, сначала – карьера, а деточки потом.

- Но Элечка, ты не строишь карьеру, твоя жизнь посвящена одному мужу, - продолжала уговаривать сестру наша мать, - и пока мы здесь...

- Что, значит, пока, - ошалела от этой фразы молодая жена, она же её дочь.
- А то и значит! – вмешался в разговор отец. Мы удивленно уставились на него, не ожидая такой храбрости. – Мы с матерью хотим вернуться на Родину! – Безапелляционно заявил он.
- На какую Родину? – не поняла Элька.
- На СВОЮ Родину! – взвился отец. – И не смей отговаривать нас! Ты теперь фрау, мы свою миссию выполнили, так что ауф видерзейен! – Попрощался он, словно уже стоит на пороге регистрации билетов на самолет, следующий рейсом Берлин – Москва.
- По лицу Эльки потекли слезы, она не смахивала их, они ручьем бежали по щекам и падали на джинсы. Видимо, новость стала для нее ударом.
- Ну, что ты, доченька, - кинулась к ней мать, - если ты только скажешь «останьтесь», мы с отцом непременно останемся.
- С чего бы вдруг! - возмутился старший Зепп и с укоризной посмотрел на жену.
- Но, Вова...
- Я почти шестьдесят лет был Вова, а последние четыре года превратился в Вольдемара. Тьфу! Надоело! Хочу домой! Хочу жарить яичницу на сале, в обед есть борщ, играть во дворе в домино, пить разбавленное пиво из трехлитрового баллона! Хочу, наконец, умереть на своей Родине... - Последнюю фразу он произнес со слезами.
- Для меня его выступление было не новостью, а для сидящих женщин...
- Почему ты молчал до сих пор? – удивилась мать.
- Да, - поддержала ее Элька. – Если бы мы знали, что тебе здесь так плохо, то давно бы...
- Собрали мне чемодан и отправили в Союз одного? – продолжил фразу отец.
- Я никогда, слышишь, никогда не оставлю тебя одного! – всхлипнула мама. – Я еду с тобой!
- А я? – продолжила ныть сестра.
- Тебе лучше помолчать, - осадил ее я...

Глава третья

Спустя полгода после наших объяснений мои предки благополучно вернулись на Родину, в наш родной город, в нашу квартиру в панельной пятиэтажке. Я обещал скоро примкнуть к ним.

- Как же Эля? – разволновалась мама, услышав мое заявление, которое ее обрадовало и одновременно растревожило.

- Я буду жить на две страны - и за вами присматривать и за сестрой, - нашел я компромисс, который устроил всех.

Я сделал вывод, что в Германии мне работалось легче, моя боль пряталась глубже и не мешала моему творчеству. Картина с изображением крепости была почти закончена, осталось только написать фигурки людей, но прежде я хотел съездить в Новороссийск и побеседовать со специалистом, который поведаст мне историю этой крепости и ее обитателей. Может, его рассказ затронет и восточную красавицу... Почему-то я мысленно поселил ее в мою крепость...

Прихватив холст с изображением крепости и портреты незнакомки, я отправился в Союз.

Скоро исполнится три года со дня трагедии...

Перед отъездом, прямо в аэропорту Шелефельд, сестра поведала мне тайну.

- Я беременна, - призналась она со счастливой улыбкой и погладила свой плоский животик. Я с недоумением уставился на него, даже оценил его с разных ракурсов, переместившись из одной точки в другую.

- Уверена? – заботливо спросил я, намекая на несовпадение желаемого и действительного.

- Ты дурачок, мой маленький братец! – Она приподнялась на носочках и чмокнула меня в щеку.

- Это правда, - на ломаном русском поддержал жену стоящий рядом Франц.
- Не встречай! – оборвала его жена. Шуттлер улыбнулся, словно она сказала комплимент в его адрес. – Срок небольшой, - пояснила она мне, - только родителям пока не говори, а то начнут волноваться, рваться назад.
- Ты изменилась. – Я с интересом рассматривал свою сестру, желая обнаружить не только внутренние изменения, но и внешние, подтверждающие её беременность. – Как себя чувствуешь? – Вновь проявил я заботу, на этот раз – ярко выраженную.
- Нормально, только спать все время хочется. – Она сладко зевнула, чем вызвала у меня и Франца ответную реакцию.

Надо признать, мой зять оказался неплохим парнем, несколько прижимистым, как все немцы, но это было поначалу, моя сестра научила его правильному, по ее мнению, ведению хозяйства: деньги должен зарабатывать муж и до пенса отдавать все жене, а она будет выдавать ему на карманные расходы. Сначала наш Францик обалдел от этого предложения, вернее не предложения, а приказа, и попытался взбунтоваться, но у Эльки не забалуешь.

- Сказано отдавать, значит, будешь отдавать! – отрезала она. – Так принято!
- У нас все не так, у нас...
- А мне плевать! – мило парировала сестра. – Будем жить по моим законам.

Со стороны было смешно наблюдать, как Элька, едва достающая макушкой до плеча своего мужа-великана, руководит им, как сыном-подростком, а он снисходительно улыбается в ответ.

Сначала я пытался урезонить сестру, а потом понял, что обоих это устраивает и махнул рукой...

- Когда ты вернешься? – спросила Элька, на ее глаза навернулись слезы.
- Не знаю.
- Но ты...
- Я вернусь, - успокоил я сестру...

В аэропорту Шереметьево я случайно столкнулся с Валерием Фокиным, моим сокурсником по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, которое мы закончили в восемьдесят третьем году и с тех пор не виделись.

Шесть прошедших лет кардинальным образом изменили кутилу и балагура Фокина. У него были такие же длинные волосы, заплетенные в косу, как и в студенческие годы, был он таким же худым и нескладным, но исчезла искра в глазах, жажда постоянных приключений, которые зачастую выходили ему боком. Теперь в его глазах царила безысходность и отчаяние.

- Выпьем, - сразу предложил он и с надеждой посмотрел на меня.
- Давай, - согласился я.

Мы зашли в кафе и заказали по сто граммов водки и по паре бутербродов. Я думал, что Валерка сразу закинет в себя эти сто грамм и закажет еще, но ошибся. Он вертел в руках стакан и рассматривал его содержимое, не предлагая выпить за встречу.

- Как дела? – осторожно поинтересовался я.
- Знаешь, Роб, хочется вернуться в студенческие годы и начать жизнь заново.

Я не удивился, чего-то подобного ожидал. Сейчас он скажет, что его гениальный талант художника не был оценен по достоинству... Но ошибся...

- Почему люди умирают! – Я молчал и ждал продолжения. - Почему умирают маленькие дети? - Он опрокинул водку одним махом и закашлялся. Я немного успокоился - процедура не стала для него привычной.
- У тебя... произошло несчастье? – не сдержался я от вопроса, хотя, было заметно, что делиться душевными переживаниями Валерка не намерен. Ему хотелось сказать что-то пространное, он и сказал, не обозначая родственных связей, не называя имен и фамилий.

- Я тоже знаю про твою горе, – с печалью в голосе обронил он, проигнорировав мой вопрос. Пока я собирался с силами, он успел обозреть мой багаж, и спросил. – Ты из Германии прилетел?

- Откуда ты...

- Ленка докладывает, - перебил он меня.

Елена Приставка тоже училась на нашем курсе и была влюблена в меня все пять лет. Будучи желторотыми первокурсниками, я пригласил ее на танец в общежитии, где мы устроили вечеринку по поводу начала студенческой жизни. Выпив портвейна я стал весел и благосклонен к противоположному полу, которого доселе боялся и старался не замечать. В разговоры с однокурсницами старался не вступать, не говоря уже о всяких шуры-муры, сердечных переживаниях и прочих ненужных, по моему мнению, вещах.

На празднике первокурсника выпитое вино быстро ударило мне в голову. Я танцевал с Леной, трещал без умолку, а она так смотрела на меня, что я не выдержал и неумело приложился к ее губам. Девушка обняла меня за шею, а у меня закружилась голова, к горлу подступил выпитый портвейн, я быстро ретировался и остаток вечера провел в местах общего пользования.

С тех пор я не пил портвейн и не целовался с Леной Приставкой. И не только с ней, но и с другими девушками Москвы и Московской области. А Лена... Лена продолжала ждать моего следующего шага, ловила мой мимолетный взгляд, с излишним усердием отвечала на мое ежедневное приветствие, и о чем-то напряженно размышляла, исподтишка наблюдая за мной. О чем она думала, я не знал и не стремился узнать. Мне было все равно. Я не понимал ее чувств, пока не встретил единственную любовь всей моей жизни – Яну Лейкину. Но слава богу, что она ответила мне взаимностью... Хотя, теперь я в этом сомневаюсь: был бы у нее другой муж, вполне вероятно, что она осталась бы жива.

- Ты видишься с Леной? – удивился я и непроизвольно повертел головой: вдруг наша однокурсница пришла встречать или провожать Фокина, раз они не перестали общаться. Улетает он или уже откуда-то прилетел - спросить пока не успел. Встречаться с Леной я не желал, как не желал и других встреч с друзьями-приятелями студенческих времен.

- Мы с ней больше перезваниваемся. Из всех наших только мы с Ленкой москвичи, - напомнил Валера.

- Я помню, как вы смотрели на нас, иногородних, - усмехнулся я.

- Было дело, - кивнул он и вернулся к прежней теме. – Ты прими мои соболезнования.

- Спасибо, - тихо ответил я, боясь продолжения.

- Я тебя... понимаю, - проглотил Фокин последнее слово, будто поперхнулся. – Я дочь похоронил восемь месяцев назад. Лейкемия.

Я не стал произносить слов утешения, не стал интересоваться «что, да, как», просто опустил свою ладонь на его подрагивающую руку.

- Все нормально, - вздохнул Валерка.

- И ты прими мои соболезнования... Ты летишь куда-то?

- В Киев к одним интересным ребятам. Они помогут мне вернуться к работе. – Он заметил мой заинтересованный взгляд. – Я после смерти Инночки и развода с женой долго думал о... себе, о работе. Я не живу, если не пишу картины. Сейчас я не могу писать, значит, я мертв. Но если я мертв, зачем тогда писать? Замкнутый круг получается. Как его разорвать? С чего начать? Я пытался работать. Силился что-то создать. Но... беру в руку кисть, стою у холста по несколько часов и не делаю ни одного мазка. И так все эти месяцы... Едва умом не двинулся. Как всегда бывает – помощь пришла оттуда, откуда ее не ждали. Однажды я увидел по ящику занятную передачку. Один парень с упоением рассказывал о новом направлении в живописи – тральфреализме. Это свобода творчества от безнравственности, аморальности, бездуховности и всяческой безобразности. Натурой для тральфреалистических образов могут быть и окружающие нас объекты, и некие

фантазии, рождающиеся молниеносно в нашем сознании. Тыходишь к чистому холсту и начинаешь писать. Тебя, словно ударяет током, озаряет на что-то такое... - Валерка даже задохнулся от волнения. - Роб, представь, ты не просто пишешь картину, ты создаешь лекарство, оно же художественное произведение, которое способно излечить тяжелообольного человека.

- Излечить? – ошалел я.

- Да, ты пишешь картину именно с этой целью, отбрасываешь весь негатив, агрессию, стараешься передать красоту окружающего мира в ярких, но не кричащих красках. Ты несешь добро, свет и уверенность человека в своей внутренней силе. Такие картины способны восстановить нормальную психику каждого, кто их увидит. И веру...

- А ты видел такие картины?

- Нет, но скоро увижу. Для этого я лечу в Киев. Там живет основоположник этого направления. Я хочу познать тральфреализм, чтобы помогать отчаявшимся людям.

- Как ты сказал, он называется?

- Тральфреализм, - повторил Валера.

- Знакомое название. – Я покопался в недрах своей памяти, но ответа не нашел.

- Помнишь, книгу Курта Воннегута про таинственный остров? – Я пожал плечами. – Мы в институте передавали ее из руки в руки, пока обложка не оторвалась.

- Наверное, до меня она дошла без обложки... Но я что-то припоминаю, хотя, фантастикой не интересовался. Прочел, скорее всего, поддаваясь стадному чувству.

- В этой книжке была описана таинственная планета Тральфамадор. Помнишь?

- Ну, да, - неуверенно поддержал я.

- На этой планете нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, а есть время для счастья и радости. Вот по аналогии с этой планетой создано направление тральфреализм. В этой живописи нет ограничений, есть только мастерские изображения на холсте чувств и мечты...

- Эти картины пишут без эскизов?

- Абсолютно! Я же говорю, подошел к холсту и создаешь что-то, что способно помочь человеку. Ты, мысленно, представляешь его: вот он лежит в палате, прикованный к постели, перед ним картина радости, излучающая свет, воздействующая на него, как облучение на раковую клетку, а, может, ее воздействие гораздо сильнее, но то, что безболезненно это точно. – Фокин тяжело вздохнул, наверное, вспомнил свою дочь.

- Я бы хотел встретиться с тобой после возвращения из Киева.

- Я не думаю, что моя поездка будет короткой, - задумчиво произнес он. – Ты, скорее всего, уже вернешься в Берлин. А хочешь, махнем вместе в Киев?

- Я не могу, у меня важное дело, - неуверенно заявил я. Валерка почувствовал мое колебание и принялся уговаривать. Но я стоял на своем. Перед глазами встала восточная красавица и укоризненно посмотрела на меня. Ее губы сложились в трубочку, потом растянулись: мне показалось, что она произнесла загадочное название – Утриш... Я потряс головой, как делал ни раз, стараясь привести себя в чувство. – Нет, я не поеду! – Слишком громко сказал я, словно обращался не к сидящему по соседству Фокину, а к девушке-виденью, пытаюсь успокоить ее. Валерка пожал плечами, и мы расстались, не забыв обменяться номерами телефонов.

Он отправился в Киев, а я - в родной город, где меня ждали родители.

Я не узнал своих помолодевших предков. Они были счастливы и полны сил, чему я был искренне рад.

Отец таскал с рынка овощи и фрукты, а мама закручивала банки с огурцами, помидорами, варила варенье. Даже невероятная жара ее не пугала.

- Зачем ты над собой издеваешься?! – возмутился я, - много ли вам двоим надо.

- Матери нравится сам процесс, - пояснил отец и с любовью посмотрел на покрасневшую жену.

- Сынок, я борща наварила, - сообщила мама, при этом покосилась мужа, призывая его к порядку.

- Какое счастье! – без преувеличения сказал я, имея в виду не только приготовленный борщ.

Это, действительно, было счастьем. Твои родные здоровы и полны сил, ты вернулся в родной дом после тяжелой болезни. Это уже не был наш дом с Яной, моя мамуля здесь все изменила, как чувствовала, что мне это необходимо.

- Я хотела встретиться с Лейкиными, - осторожно сказала мама за обедом, но не знала, как ты к этому отнесешься.

- Зачем? – односложно поинтересовался я, как это всегда бывало, когда меня утягивали в прошлое.

- Но мы так и не успели познакомиться, - неуверенно пробормотала она.

- Я думаю, что теперь это уже ни к чему. Нас с этими людьми ничего не связывает. Зачем беречь душу им и себе, - спокойно сказал я, хотя, это спокойствие давалось мне нелегко. Не мог же я поведать своим родителям, что Лейкины ко мне испытывают жгучую ненависть. Если Борис Андреевич это как-то скрывает, то Жанна Петровна готова уничтожить меня одним взглядом...

Сначала я заходил к ним, стараясь поддержать, чем-то помочь, ведь они остались одни наедине со своим горем, Варфоломея и та ушла. Но родители Яны тяготились моими визитами. Лейкин еще старался поддержать разговор, то Жанна Петровна сразу удалялась из комнаты, затем оттуда доносился ее призыв, обращенный к мужу, начинались возмущенные перешептывания, а я сидел и не знал, что предпринять: уйти по-английски или сидеть и ждать возвращения хозяина, и только потом покинуть негостеприимный дом. А каким должен быть этот дом с его осиротевшими обитателями по отношению к человеку, сделавшему их такими? Радостно приветствовать каждое мое появление в нем и выражать благодарность за совершенное деяние?! Если я надеялся получить их прощение, то глубоко ошибался. Понимаю их и не виню. Я не знаю, как поступил бы сам в этой ситуации... Глупое слово «ситуация», совсем неподходящее...

- Ты считаешь, что они не обидятся? – этим вопросом мама оторвала меня от размышлений.

- Думаю, будут только благодарны.

Я вспомнил свой последний визит в дом Лейкиных. Вернее, уход.

Я вышел из подъезда и медленно пошел по двору. Вдруг я почувствовал чей-то взгляд, он жег затылок в одной точке, как тонкий луч лазера, направленный на мою голову. Я знал, что его источник находится на втором этаже, но все равно обернулся: в окне маячила Жанна Петровна. Она уничтожала меня взглядом-лазером. У меня заслезилась глаза, будто солнечные лучи отразились от системы зеркал и ослепили меня. Я достал носовой платок, прижал его к глазам, защищая их от ожога. Когда неприятное ощущение прошло, я с завидным упорством снова вернулся к фигуре в открытом окне. Теперь мне вдруг показалось, что у моей экс-тещи в руках винтовка с оптическим прицелом... На моем лбу даже появилась красная точка, я ее, естественно, не видел, но отлично ощущал. Еще доля секунды и мне в лоб вопьется пуля, выпущенная из этого оружия. Пуля проделает путь через мой мозг и вырвется наружу. Я так отчетливо всё прочувствовал, что не замедлил приложиться рукой к входному отверстию, не сообразив, что подобное ранение смертельно и мне положено лежать на спине, раскинув руки в стороны, словно я хотел обнять напоследок свою дорогую тещу за оказанную мне помощь: покинуть этот мир самостоятельно я был не в силах. Моя ладонь ощутила лишь капельки пота, крови не было. Я заглянул через свое плечо, желая убедиться, что я не раздвоился: первый Роберт

стоит с приложенной ко лбу ладонью, а второй - распластался на земле, на самом солнцепеке, с дыркой во лбу.

Я снова перевел взгляд на окно, за которым притаилась «снайперша» Жанна Петровна. Она не сводила с меня глаз, оптической винтовки в ее руках не было. Привидится же...

Мы поиграли в игру – кто кого пересмотрит. Только я взирал на бывшую тещу, как на средство избавления меня от душевных мук, которая может одним нажатием курка решить эту проблему, а она... Я не знаю, как охарактеризовать ее взгляд... Убийственным? Ненавидящим? Презирающим? Эти слова–эпитеты слишком мягки даже вкупе...

До сих пор не могу понять: винтовка с оптическим прицелом – это мое воображение или реальность?

С тех пор мои визиты к Лейкиным прекратились. И не потому, что я боялся смерти, я не желал зла Жанна Петровне: если она решится на убийство, то за этим последует наказание. За преступлением всегда следует наказание. Как у Достоевского... Даже если убиенный сам заслуживает сурового наказания. Зачем искушать несчастную женщину...

Перед отъездом в Новороссийск я хотел повидать одного человека...

Мы сидели с Варфоломеей Ильиничной Истоминой под раскидистым каштаном в парке, принадлежащим монастырю, который являл собой место отдыха и покоя, и мирно беседовали.

- Я думал, что вы уже монахиня, - не удержался я, окидывая взглядом мирскую одежду пожилой женщины.

- Думаешь, что передумала? – хитро улыбнулась Варфоломея. Я пожал плечами. – Настоятельница говорит, что я еще не готова принять монашество.

- Вы тоже так считаете?

Варфоломея долго раздумывала над ответом. Я сделал вид, что любуюсь ухоженными клумбами, на которых самозабвенно трудились монахини. Моя собеседница скользнула по ним взглядом.

- Здесь говорят: «Нужно иметь другом одного Бога». Они, - Варфоломея кивнула в сторону садовниц, - почти не общаются друг с другом, следуя этому наказу, а я... хочу разговаривать с людьми о... - Она замялась, - я даже не знаю уже о чем...

- Поговорите со мной, - предложил я, чувствуя состояние женщины.

- Ты все равно потом уйдешь, а я...

- Когда-то я сказал одному человеку: «Нельзя себя насилловать, нельзя все время делать то, что тебе претит. Нужна гармония в душе, только тогда ты почувствуешь себя здоровым и более-менее счастливым. Если ты в состоянии изменить сию минуту свою жизнь, то меняй, не задумываясь». – Отцу я высказал свою теорию не так ярко и раскручено – он в этом не нуждался. Я Варфоломея, ох, как нуждалась. В очередной раз хотела изменить свою жизнь, но на этот раз боялась.

- Более-менее – это ты о себе? – не удержалась от вопроса Варфоломея.

- И о себе...

- Я заметила, что у тебя появилось желание жить, ты охвачен какой-то идеей? У тебя глаз стал другой. Ты работаешь? Я имею в виду, ты творишь?

- Это долгая история. – Эта фраза была неким признанием. Истомина ухватилась за нее.

- Я не спешу! – с вызовом заявила она, оглядываясь по сторонам, словно желая быть услышанной.

- Узнаю прежнюю Варфоломею Ильиничну, борца и жизнелюба! – хмыкнул я. – Не пора ли, дорогая бабуля, бросить все и... - Я осекся. Услышав обращение, пожилая женщина

не выдержала, ее глаза наполнились слезами. Она прикинула головой к моему плечу, уткнувшись в него, и беззвучно заплакала. – Извините, я... не хотел...

Она взяла себя в руки, промокнула цветастым носовым платочком – предметом из прошлой жизни - глаза.

- Думала, никто ко мне так не обратиться, - прогундосила пожилая женщина, носовой платочек снова пригодился. Я молчал, не желая в очередной раз ранить ее словом. Она повздыхала-повздыхала, высморкалась и призналась, - Робик, не могу я здесь больше! Чужая я... Горько мне, что не смогла стать одной из них. Но Господь таких, как я, не принимает... Видно, не суждено мне стать невестой Христа.

- Тогда найдем вам другого жениха, - сморозил я очередную глупость и глупо хихикнул. Что-то со мной сегодня происходит, сам не пойму что. Наверное, черт вселился... Однако, самое подходящее место для того, чтобы помянуть черта.

Я подумал, что Варфоломея осуждающе уставится на меня, но с удивлением заметил, что ее глаза окончательно высохли, а мое высказывание женщину развеселило. Она постаралась скрыть свое неуместное веселье, снова уткнувшись в мое плечо.

- Идти мне некуда, - после недолгого молчания сказала она. – Квартиру я продала, деньги пожертвовала монастырю, думала, что останусь здесь до конца своих дней. А смерть не приходит...

- Радоваться надо!

- А куда мне идти?

– У вас есть сын, - напомнил я, - у него для вас местечко найдется.

Зря я это сказал: если Варфоломея станет жить с Лейкиными, то нашим встречам придет конец. Не думаю, что они будут рады нашей дружбе, а встречаться инкогнито, как-то противно. Мы же не разведчики на вражеской территории...

- Жить с Жанной! – обалдела от моего совета Истомина. – уж, лучше жить в собачей конуре!

- Не с Жанной, а со своим единственным сыном, - доложил я, понимая, кто в семье Лейкиных заводила, и как этот заводила относится к собственной свекрови.

- Борис – бесхребетное существо, - прочла мои мысли Варфоломея. – Жанна им вертит, как хочет. А я должна на это спокойно смотреть?

- Знаете, что меня радует? – задал я вопрос и сам на него тут же ответил. – Что вы ничуть не изменились! Я смотрю на вас и начинаю любить жизнь заново. Я верю, что можно восстановиться от... потери. Не окончательно излечиться, а заглушить боль. Как будто принял большую дозу антибиотиков и теперь можешь расслабиться до следующего приступа... Увы, ничего нельзя вернуть. Но пока мы живы, живы и наши близкие, которых больше нет рядом, потому что жива наша память.

- Ты... правильно сказал, Робик! Я всегда знала, что ты сильный!

Я был рад этой похвале, но меня мучил вопрос: Как ей помочь?

Пока я размышлял над его решением, Варфоломея как-то странно посмотрела на меня, будто раздумывала: доверить мне тайну или нет.

- Госпожа Истомина не томитесь и признайтесь, что вас мучает? Снимите груз с души. – Меня веселила ее детская непосредственность. Так ведут себя детсадовцы, узнав, что Вася любит Лену, о чем он поведал Кате под большим секретом, а та торжественно пообещала хранить эту тайну и не проболтаться, ни-ни, своей подруге Ленке. Но Катю переполняет желание рассказать о Васькиной любви, если, уж, не объекту его страсти, то, хотя бы, всей старшей группе детского сада, про которую Катя с Васькой не договаривались...

- Уж, не знаю, Робик, говорить о своих подозрениях или нет? - Я молчал, к признаниям не подталкивал, но и не отказывал себе в удовольствии услышать тайну несостоявшейся монахини. – Жанна совсем того, - Варфоломея покрутила пальцем у виска.

- Проблема с... головой, - постарался подобрать я обтекаемую формулировку заболевания бывшей тещи. Хорошее настроение мигом улетучилось. Виной заболевания Лейкиной был я.

- Не иначе! – подтвердила мою догадку бабуля и придвинулась ко мне ближе, словно боялась быть подслушанной. – Где-то с полгода назад они приехали ко мне и заявили, что хотят... взять ребенка из детского дома?

- Лейкины? – обалдел я.

- Да, Борис и Жанна. Только говорила больше она, а Борька сидел и кивал, как болванчик. Я говорю: «Вы, что с ума сошли? Вам сколько лет, забыли? Так я могу напомнить! Ребенком надо постоянно заниматься»... - Варфоломея перевела дыхание.

- А они? – встрял я с вопросом.

- Не они, а она, это полностью решение невестки, а мой сын ей поддакивает, - поправила разбушевавшаяся фурия. – Тогда я пошла в наступление на Бориса и говорю ему: «Тебе сейчас сорок пять лет, твоя жена на год моложе. Возникает вопрос – сколько тебе стукнет, когда приемный ребенок пойдет в школу и сколько, когда он ее окончит?» Борька сидит и молчит, только на Жанку свою пялится. Под шестьдесят! – Ответила я за него. А мужчины, как утверждает статистика, и до пенсии не доживают!

- Это вы как-то... резко высказались, - покачал я головой.

- С ним иначе нельзя! – Варфоломея вдруг мгновенно сдулась. – Но мои уговоры, ни к чему хорошему не привели, каждый остался при своем мнении, - уже совсем тихо констатировала она.

- Так они... взяли девочку! – Я почему-то решил, что Лейкины возьмут новорожденную девочку, совсем кроху, и назовут ее... Яной. Или Бертой. Нет, скорее Раей, им так больше нравилось...

Душитель протянул руку к моему горлу. Еще пару секунд и он примется за свое грязное дело.

- Почему девочку? – удивилась Истомина. – О девочке разговор не шел. Они сразу сказали, что возьмут мальчика, который родился летом 1986 года.

- П.. почему? – заикаясь, спросил я, заранее зная ответ. И зачем спросил?

Варфоломея сочувственно посмотрела на меня и незаметно кивнула, подтверждая мою догадку. Крутить у виска не стала, как это проделала, рассуждая о «любимой» невестке.

- Слушай, Робик, - заискивающе начала она, словно хотела переключить внимание тяжелобольного человека с его заболевания на обсуждение какого-то незначительного события, произошедшего накануне и о котором она вдруг вспомнила. – Ты хотел мне рассказать о своей работе.

Я не знаю, почему я выложил ей все. Может я давно хотел открыться кому-то, да не было подходящих ушей. Или на меня так подействовала новость об усыновлении Лейкиными какого-то детдомовского мальчика.

В общем, я начал с открытия памятного знака на мысе Дооб, рассказал о мужчине, потерявшем свою дочь, о черной точке, едва заметной в глубинах моря. Потом нес какую-то ерунду, боясь приблизиться к самому важному – рассказу о встрече с восточной красавицей. Варфоломея терпеливо меня слушала, даже не задавала вопросы, стойко выдерживала затянувшиеся паузы и терпеливо ждала продолжения. Она знала, что меня нельзя торопить.

Про девушку я рассказал очень быстро, как зубрила выученный урок. Он тараторит, но ничего не понимает из того, что произносит. Так и я. Говорил, говорил, но не мог понять – была это явь или мое воображение художника нарисовало эту девушку после всех переживаний? Или она мне послана свыше? Чтобы облегчить мою боль, чтобы дать понять, наконец: ТЫ НЕ ВИНОВАТ!

- Утриш! – повторила за мной Истомина, когда я пересказал мой диалог с незнакомкой. – Ты был там?

- Нет.
- Нет? – дернулась она, как от удара. – Но почему?
- Не знаю. На следующий день я сразу уехал.
- Сразу? – не поверила Варфоломея. - Мне кажется или ты что-то недоговариваешь? – Я молчал. – Надеюсь, портрет этой девушки я увижу?
- А с чего вы взяли, что я написал ее портрет! – наигранно возмутился я.
- Давно живу, много знаю, - усмехнулась бабуля и взяла меня за руку. – Я хочу, чтобы ты открылся мне полностью, легче станет...
- Баш на баш! – предложил я сделку.
- Не поняла, - передернула плечами Варфоломея. – Что ты требуешь взамен?
- Самую малость: я хочу, чтобы вы исполнили, - я сделал театральную паузу, - свое и мое желание и ушли из монастыря!
- Куда? – сразу последовал вопрос, на который я знал ответ, но не знал, согласится ли Истомина.
- Вы переедите к моим родителям!
- В неметчину?! – скривилась она, словно я предложил ей переночевать у ближайшего мусорного бака.
- Почему... в неметчину, они уже полгода живут здесь, в своем старом доме. Я разве не говорил?
- Я не знала, - задохнулась она от новости. Потом увидела мое напряжение и заявила. – Я им совершенно чужой человек, своему сыну не нужна, а им и подавно.
- Вы, - я не удержался и ткнул в нее пальцем, за что мне в детстве здорово попадало от мамы. – Вы, - повторился я, - любимая бабушка Яны и моя тоже. И вы нам не чужая...
- Варфоломея замерла, пристально посмотрела на меня, с трудом сглотнула застрявший в горле ком и прошептала. В голосе затаилась надежда.
- А они... меня примут?
- С радостью! Им вдвоем скучно, крутят банки на зиму и скучают, - рассмеялся я.
- Ладно, будем считать, я свой... баш выполнила. Теперь твоя очередь...
- Пришлось мне сдержать обещание и рассказать бабушке о разрушенной крепости, о чайке, о картине и о портрете незнакомки.
- Я поеду в Новороссийск и постараюсь что-нибудь выяснить, - подвел я итог длинному повествованию.
- Я с тобой! – вдруг заявила Варфоломея. – Я хочу побывать на мысе и увидеть... теплоход.
- Может, это всего лишь мое разыгравшееся воображение, – еле слышно произнес я...

Мои родители приняли Истому с распростертыми объятиями. Мама расцеловала ее в обе щеки, отец проделал тоже самое. Затем ей показали приготовленную к ее приезду комнату.

- Может, хотите отдохнуть с дороги, - предложила моя Катя.
- Я еще достаточно молода, чтобы уставать, проехав сто с лишним километров. Мне всего, - она прикинула в уме, сколько ей лет и загадочно произнесла, - мне два возраста Христа плюс два.
- Но выглядите вы на полтора возраста Христа без всяких прибавлений, - сделал комплимент отец.

Разницу в возрасте Варфоломеи и моих родителей посчитали незначительной, и все трое приняли решение: сразу перейти на «ты» и обращаться друг к другу по именам.

За что и подняли бокалы с шампанским за обеденным столом, сервированным заранее моей любимой мамочкой. Я был рад, что снова обретаюсь в семье, а не сижу в своей берлинской норе, закрывшись от всех.

Варфоломея поведала о Лейкиных, причем говорила она совершенно спокойно, словно не она совсем недавно буквально задыхалась от странного желания сына и невестки усыновить ребенка.

- Так они взяли мальчика? – вскользь поинтересовалась мама, делая вид, что новость ее нисколько не удивила.

- А, правда, ты мне не сказала, взяли или нет, - поддержал я.

- Роберт, - с укоризной в голосе сказала моя Катя, - когда мы говорили, что переходим с Варфоломеей на «ты», тебя в расчет не принимали.

- Почему? – по-детски удивился я, словно мне отказали в обещанном петушке на палочке.

- Почему не принимали?! – вмешалась бабушка, - договор касается всех присутствующих!

– Заявила она, а я показал язык.

Мне приятно было сознавать себя ребенком, которого пустили за «взрослый» стол. Когда страсти улеглись, Варфоломея продолжила.

– Борис с Жанной усыновили мальчика. Больше я ничего не знаю.

- Как это? – не сдержался я от эмоционального выпада. Отсутствие интереса с ее стороны и безразличие Лейкиных к своей ближайшей родственнице меня поразили. Ладно, я, но бабуля в чем виновата? Что попыталась отговорить их?

- Вот так! – развела она руками. – Но я к ним обязательно наведаюсь и все выясню.

Повисла пауза. О чем думали мои родители, я не знал, лично я представил разведчицу Варфоломею, готовящуюся к заброске в тыл врага...

Отец захотел прервать затянувшее молчание и, как всегда, задал вопрос, выпадающий из темы нашей беседы.

- Варфоломея, а почему у вас, извините, у тебя фамилия не Лейкина, а Истомина?

- Владимир! – призвала к порядку мама. – Что за невоспитанные мужчины меня окружают! - Возмутилась она и окинула испепеляющим взглядом упомянутых мужчин.

- Ничего, - успокоила ее та, к которой был обращен вопрос, - у меня часто об этом спрашивали, особенно в школе у Бориса: Вы родная мать Лейкину или мачеха? Мать, - коротко отвечала я, не вдаваясь в подробности. Раньше было не принято, чтобы жена не брала фамилию мужа после регистрации брака... А все вышло так. В 43-ем мой одноклассник после ранения приехал на побывку. Всего на семь дней. Мы пару раз сходили в кино... - Взгляд Варфоломеи затуманился, будто она перенеслась в то военное время. Мне представился молоденький... Боря Лейкин, словно это не он сам, а его отец... Вот они идут под руку по разрушенной улице... Оба молодые, счастливые... – Потом он предложил мне расписаться, и я согласилась. Только одно обстоятельство не давало мне покоя – фамилия моего будущего мужа. Я шла под руку с Андреем и мысленно произносила: Варфоломея Лейкина, Варфоломея Лейкина... на каждый шаг. Перед входом в ЗАГС я затормозила, Андрюша испуганно уставился на меня, наверное, решил, что я передумала, а я заявила: Распишемся только в том случае, если оставлю свою фамилию, быть Варфоломеей Лейкиной я не намерена. Мой будущий супруг облегченно вздохнул и принял мое условие.

- А потом? - спросила мать. Я не успел ее остановить, зная историю этой семьи из уст Яны.

- Потом... он погиб, через год пришла похоронка. Мы остались с сыном одни, без мужа и отца. Борис - вылитый Андрей, я смотрю на него и представляю, каким мог быть его отец. Мне под семьдесят, а ему всегда двадцать два...

- Ты больше не выходила замуж?

- Нет. Так как-то все сложилось... Вроде бы и замуж вышла без любви, мы с Андрюшей в школе не встречались, сидели за одной партой, просто дружили, жили неподалеку, в школу вместе, из школы вместе, отношения закадычных друзей. Он со мной делился любовными переживаниями... У нас в классе девочка училась, Аня Верховцева, так Лейкин был в нее безответно влюблен. В нее все мальчишки были влюблены. А она ни на

кого не смотрела. Девчонки ее не любили, завидовали, а мальчишки толпой до дома провожали... на расстоянии: впереди Анька, а за ней вереница поклонников. А она такая вся чистенькая, хорошо одетая, по тем временам мы очень скромно были одеты, а она отличалась от всех. Идет по улице с высоко поднятой головой и коса сзади покачивается в такт. Волосы у Анны были очень красивые, русые с золотым отливом и густые... Перед уходом на фронт она обрезала свои косы. Анна медицинский окончила, говорили, хирург от бога, скольким раненым жизнь спасла, а сама погибла в начале мая сорок пятого... У нас в классе было двадцать человек, из них восемь мальчишек. Только один остался в живых, его на фронт, вообще, не взяли из-за сильной близорукости. Семь молоденьких мальчиков погибли и красавица Аня Верховцева...

Через несколько дней мы с Варфоломеей отправились в Новороссийск. Она наотрез отказалась от перелета, поэтому мы поехали поездом. Хорошо, что расстояние было не слишком большим, через пятнадцать часов мы прибыли в город – герой.

Я выбрал ту же гостиницу, в которой останавливался два года назад. Хорошо, что места забронировал заранее: время было отпускное – конец августа, город переполнен отдыхающими. Но по сравнению с тем же Геленджиком или Анапой, Новороссийск пользовался меньшей популярностью. Сюда приезжали по большей части родственники местных жителей или те, кто собирался отправиться из города-порта в морское путешествие.

В первый день мы послонылись по городу, посидели в кафе. Я все время ждал, когда моя спутница предложит отправиться на мыс, но она выжидала.

- Завтра пойдем, - заметила она, словно прочитала мои мысли. Я с интересом посмотрел на нее, как на медиума, который сию минуту начнет вещать мне правду-матку обо мне и о грядущих событиях. – И не надо сверлить меня взглядом! - Пригрозила бабушка.

Вернувшись в гостиницу, мы остановились у стойки администратора.

- Девушка, - неожиданно обратилась к ней Истомина с вопросом, который я никак не ожидал услышать из ее уст. - Вы знаете что-нибудь о местечке Большой Утриш?

Я дернулся, будто мне дали тычка, и дал понять взглядом, что мне ее любопытство не импонирует.

Девушка-администратор не удивилась вопросу не по существу, кинула на милую приветливую улыбку старушки и пустилась в объяснение.

- Да, я знаю этот поселок. Его еще называют рыбацким. Он находится недалеко от Анапы.

Истомина скользнула взглядом на установленную перед ней табличку на стойке, где было написано - администратор Анна Вячеславовна Пехота.

- А скажите мне, милая Анечка, как нам добраться до этого поселка?

- Можно морем из Новороссийска. Или сначала добраться поездом до Анапы, а там от центрального рынка ходят автобусы в нужный вам поселок. Или на такси. – услужливо поведала девушка со странной фамилией Пехота. Для жительницы этого города больше подошла бы другая – Морская Пехота. Нет, это два слова, а фамилия содержит одно. Или два, но через дефис. Значит, что получается: первый вариант – Морскаяпехота, второй – Морская–Пехота. Первый вариант мне нравится больше.

Я не сошел с ума, просто, намеренно отвлекся от диалога администратора Анны и моей бабули. Не хочу слушать об этом Утрише! И ехать туда не собираюсь ни морем, ни автобусом, ни вплавь добираться...

Варфоломея косо поглядывала на меня, правильно оценив мое подозрительное поведение: чем скорее, тем лучше, меня надо изолировать от общества. А что можно подумать о человеке, который стоит в холле приличной гостинице, сунув руки в карманы брюк, и нагло насвистывает мелодию неизвестного композитора. Скорее всего, собственного безумного сочинения.

- Ведешь себя, как капризный мальчишка, - выговаривала она мне в лифте, а я рассматривал ограниченное окружающее пространство, словно ничего интереснее в своей жизни не видел. – Почему, - она потрясла меня за рукав, призывая обратить на нее внимание, - почему бы нам...

- Перестань меня уговаривать, - мягко прервал я поток вопросов, готовых вот-вот обрушиться на меня, как ливень во время грозы после жаркого летнего дня. И пресек следующие «почему», - я не знаю, почему! Наверное, не готов... Пока не готов...

- А если потом будет поздно? – прошипела она.

Мы расстались весьма недовольные друг другом: Варфоломея – моим ослиным упорством, а я – ее напористостью и желанием изменить мои планы.

Как бы я не уверял окружающих в своей русской национальности, в душе я был немцем. Я любил порядок, однообразие и жутко бесился, если кто-то мешал намеченному распорядку. Вот и сейчас, у меня в голове все разложено по полочкам. На первом месте – наведение справок о разрушенной крепости и ее обитателях. О восточной красавице тоже хотелось разузнать, но у кого? Не буду же я метаться по городу, показывать выполненный мною портрет и расспрашивать каждого встречного.

- А не видели ли вы эту девушку? Я не знаю ее имени, но горю желанием разыскать ее и задать несколько вопросов. Она при нашем последнем и единственном свидании пригласила меня в поселок Большом Утриш, а я не успел спросить, какого черта мне туда переться?

Признаться честно, я желал этой встречи и... боялся: было в этой красавице что-то пугающее. Похоже смотрела на меня сегодня Варфоломея. Но по сравнению с ее взглядом, девушка им пронзала, будто видела все внутренние органы и невидимым скальпелем вскрывала твою душу...

Я быстро принял душ, растянулся с книгой на кровати и предался предсонному томлению, когда голова уже отключается, книга выпадает из рук, а ты зачем-то борешься и с тем, и с другим, словно испытываешь свой организм на стойкость. Я обозвал себя оловянным солдатиком, отбросил чтиво, выключил настольную лампу у изголовья кровати и начал погружаться в сон. Вдруг тишина моего номера взорвалась звонком телефона. Я снова зажег лампу и посмотрел на аппарат уничтожающим взглядом, раздумывая: выдернуть сие изобретение Александра Белла из розетки или поднять трубку и «накрыть медным тазом» звонившего посреди ночи человека. Но я считал себя человек воспитанным, передумал «накрывать тазом», поднял трубку и произнес протяжное «алло», удалив из голоса хриплые сонные нотки.

Звонила мама. Она взволнованно сообщила, что моя сестра желала со мной переговорить. И чем скорее, тем лучше. Родителям она ничего не объяснила, только сказала, что хочет посоветоваться. С каких пор Эльке нужны мои советы? Мама тоже была удивлена и обеспокоена.

- Ты обязательно ей позвони, сынок, - попросила она.

Мы еще немного поболтали, я постарался свернуть поскорее нашу беседу, чтобы позвонить в Берлин и дать совет моей старшей сестре.

- Роб, я так рада тебя слышать, - невесело произнесла Эля, будто я был последним человеком на этой земле, с кем ей хотелось бы пообщаться. Это несоответствие сказанной фразы и голоса усилило мое беспокойство.

- Как дела? – начал я издалека, вопросы о погоде я опустил.

- Все хорошо, - сквозь слезы заявила она.

- Эля, не юли, что случилось?

- Я... потеряла ребенка, - безучастно сказала она, будто сообщала о чем-то незначительном. Даже носом не захлюпала. Меня снова взяли сомнения, как тогда, в аэропорту.

- Ты уверена? – ляпнул я.
- Ты совсем ничего не понимаешь или прикидываешься? – промямлила она. Я живо представил ее перекошенную физиономию.
- Извини, - нашелся я. – Ты... как себя чувствуешь? – Я понимал, что говорю не то, спрашиваю не то, но я не знал что сказать. Надо как-то поддержать сестру. – Я люблю тебя, - признался я в трубку, - ты должна быть сильной, у тебя все еще впереди...
- Доктор сказал, что шансов забеременеть мало, - так же безэмоционально сообщила Элька.

Мы о чем-то болтали, признавались друг другу в любви, обсуждали никому ненужные новости, больше не касаясь темы, которая подвигла сестру попросить моей помощи через маму. Мы забыли, что нас разделяют границы. Мы будто сидели рядом в моем номере в Новороссийске или в ее квартире в Берлине и разговаривали. Между нами никогда не было такой идиллии.

Элька уже попрощалась, а потом вдруг добавила.

- Роб, это месть за грехи!
- Все бы были таким грешницами, - горько усмехнулся я.
- Нет, я точно знаю! – не унималась она. – Когда у тебя... В общем, когда погибли Яна и Роберта я осталась... безразличной к твоему горю. Надо было приехать к тебе, поддержать, а я...
- Перестань, - оборвал я ее. – У каждого человека своя реакция на чужое горе.
- Ты мне не чужой, - вставила Эля.
- Я не про это. Понимаешь, кто-то может спокойно выразить соболезнование, развернуться и уйти, забыв и о тебе, и о твоём горе. А кто-то не говорит пустых слов, поддерживает тебя поступками, делами, даже мысленными флюидами.
- Последним высказыванием ты намекаешь на меня. – По ее голосу было заметно, что сестра озадачена моим заявлением. Она с чувством заверила меня. – Роб, я очень переживала, я сочувствовала тебе!
- Я в этом никогда не сомневался. Зачем ты говоришь о какой-то мести?!
- Не знаю.
- Ищешь причину?
- Наверное...
- Только не вымещай зло на мужа, он любит тебя, - предостерег я, зная ее характер.
- Я знаю, я тоже его люблю. Я тебя люблю и родителей.
- И мы тебя любим.
- Не говори им ничего... Пусть не знают о моем несостоявшемся материнстве.
- Если один врач сказал – это еще не диагноз.
- Ты так считаешь? – встрепелась сестра, впервые за все время нашего телефонного разговора...

На следующий день я посадил Варфоломею в автобус, совершающий обзорную экскурсию по Новороссийску, а сам отправился в центральную библиотеку имени Горького, расположенную, как подсказала мне Анна Пехота, на улице Советов.

Я прочел табличку, прикрепленную на стене симпатичного двухэтажного старинного особняка, в котором располагалась библиотека. Судя по имеющейся надписи, заслуга в ее открытии полностью принадлежала профессору Баллиону Эрнесту Эрнестовичу еще в конце девятнадцатого века. Я мысленно поблагодарил этого уважаемого человека и переступил порог здания.

Внутри оно выглядело так же мило, как и снаружи. Прошел по широкому коридору и оказался в читальном зале. За столом сидела приятная женщина средних лет, она приветливо улыбнулась мне, как старому знакомому.

За несколькими столами, расположенных стройными рядами, восседала группа школьников, явно почувствовавших приближение нового учебного года и усердно наверстывающих чтение литературы, заданной на лето.

Я не стал напрямую спрашивать про развалины крепости, сначала решил посмотреть подшивки местных газет. Библиотекарь мне их предоставила, я сел за стол у открытого настежь окна и начал перелистывать печатные издания.

Мое отчаяние достигло апогея через три часа. О крепости я не увидел даже малюсенькой заметки. А я так надеялся, что именно здесь найду статью, которая раскроет тайну. Пусть даже это будет ничтожный намек на человека, посвятившего жизнь изучению этой старой крепости.

Должен же в этом городе жить человек, чьи интересы совпадают с моими, и который продвинулся в своих исследованиях значительно дальше, чем я... Если, конечно, изображение крепости на холсте можно считать исследованием. Я обругался себя за потраченное зря время и уже хотел закрыть толстую подшивку газет, которая была третьей по счету, когда мои усталые очи выхватили интервью журналиста В. Мурашко с сотрудником местного музея – заповедника.

Сначала я выхватил из беседы научного мужа и корреспондента ключевое слово «крепость», а потом окунулся в чтение, не забыв зафиксировать в памяти имя, отчество и фамилию собеседника Мурашко – Лев Александрович Спирин.

Проглотив одним махом напечатанное интервью, я хотел мчаться на поиски этого человека, но потом решил поговорить с библиотекарем.

- Меня заинтересовал рассказ научного сотрудника музея–заповедника Льва Спирина, - сдерживая рвущиеся наружу ликование, сказал я. – Вам, случайно, он не знаком?

- Знаком, и очень даже хорошо, - великосветски заявила библиотекарь, вздернул подбородок, будто мы находились на балу в ее особняке, и я просил ее об услуге – быть представленным господину Спирину.

- Вы не подскажете, как мне его найти? Я тоже интересуюсь крепостью Суджук – Кале. – Теперь я знаю, как ее называли турки, и могу расспрашивать о ней, как о существующем сооружении, пусть и разрушенном, но не нарисованном в моем нездоровом воображении. Ура, это не мираж!

- Я с удовольствием вам помогу! – тотчас откликнулась дама–библиотекарь...

После разговора с Робертом Эльза немного успокоилась. Она решила немного отвлечься, походить по магазинам, закупить уйму разных вкусностей и закатить пир.

- Пир во время чумы, - пробубнила Эля себе под нос.

Она подошла к зеркалу, критическим взглядом окинула свою расплывшуюся фигуру.

Закупки вредных вкусностей откладываются, - подумала она, - Францу я что-нибудь приготовлю, а сама «сяду» на жесткую диету.

- А не обновить ли мне гардеробчик, - снова продолжила она диалог со своим отражением, теперь уже вслух. – Куплю несколько обтягивающих платьев, чтобы не было соблазна поправляться.

Элька обтянула двумя руками свободный сарафан, не забыв втянуть животик.

- Конечно, так значительно лучше! И, вообще! Должна я себя радовать или нет? – спросила она у своего отражения, словно отражение упорствовало. Но оно не упорствовало, согласно кивнуло вместе с ней. – Вот и отлично! Только позвоню Ильзе, а то одной заниматься шопингом не интересно.

Ильзе Айгнер работала секретарем в строительной компании. Сегодня у нее был выходной день, поэтому приглашение подружки она приняла с удовольствием. Сам шопинг ее мало интересовал, она хотела поговорить о Роберте, который ей понравился с первой встречи. После этого они встречались несколько раз, инициатором, конечно, выступала его сестра, легко находившая повод. Ильзе тщательно готовилась. Она

придумывала тему предстоящего разговора, даже набрасывала на бумаге возможный диалог, но при встрече забывала свою отрепетированную роль, замолкала и выглядела абсолютной тупицей, которая не умеет связать двух слов, будто не Роберт был выходцем из Советской России, а она сама. Айгнер была нормальной неглупой девушкой, на работе легко общалась с коллегами–мужчинами. Но то коллеги, которые ее не привлекали. Другое дело - Роберт Зепп. Ильзе еще не разобралась в своих чувствах к нему, но в голове он засел основательно. Да так засел, что почти каждую ночь являлся ей в снах эротического содержания. Как ей этого хотелось, чтобы все произошло наяву! Целый день Ильзе прокручивала в голове откровенный сон и густо краснела при этом. Ненужные воспоминания мешали сосредоточиться на работе. Роберт Зепп стал ее наваждением...

Ильзе Айгнер решила пойти на курсы русского языка, чтобы понимать диалоги Эльзы и Роберта. Причем, сделала она это, не поставив в известность подругу. Очень интересно слушать диалог людей, которые считают, что ты не понимаешь ни единого слова. Еще ей хотелось удивить мужчину, который ей не безразличен, знанием его родного языка, привлечь его внимание, хотя бы, таким способом.

- Зачем ты снова купила себе сотые по счету джинсы! – выговаривала Элька подруге, когда они расположились за столиком уличного кафе. – Купила бы коротенькое платьице!

Эльза скривилась, словно фрау Шуттлер предложила ей прогуляться совершенно голой по Унтер–ден–Линден, дойти в таком виде до Бранденбургских ворот и замереть там, как изваяние.

- У нас все так одеваются, - отмахнулась она.

Элька огляделась по сторонам, будто впервые оказалась в столице ГДР. Она всегда удивлялась безразличию немецких фрейлейн и фрау к своему внешнему виду. Особенно ее поражали молодые девушки: в плохо сидящих джинсах, в странных кофточках и в растянутых маечках, нуждающихся в утилизации, они ходили на работу, в бары, посещали выставки... В Советском Союзе, несмотря на дефицит всех товаров, женщины были одеты гораздо интереснее.

На работу, как на праздник! – гласил коммунистический призыв, намекая не так на радость в душе, как на приличный внешний вид работника. Кто как хочет, тот так и трактует известный лозунг. Наши дамы цокали каблучками, шелестели сшитыми своими руками платьями, гордо несли свою голову с аккуратной стрижкой или уложенной волосок к волоску прической. В ушах поблескивали сережки, на шее - неизменная цепочка, в руках - элегантная сумочка. Женщина – праздник!

А здесь... Примером может служить Ильзе Айгнер. На вид вполне симпатичная девушка, но кто из мужчин захочет проводить ее взглядом, не говоря уже о желании познакомиться. Длинные русые волосы висят сосульками, совершенно бесцветное лицо без косметики создает впечатление, что обладательница сего лика неизлечимо больна. Далее одежда... Про джинсы уже было сказано. Нет, они известной фирмы, но уже настолько поношены, что больше подходят или для дома, или для презента бомжу. Нет, бомж, скорее всего, такому подарку не порадует. Ему что-нибудь новенькое подавай! Вон идет один такой с независимым видом, будто он и не бомж вовсе, а генеральный секретарь Социалистической единой партии, сменивший на посту ее бессменного лидера Эриха Хонеккера.

И что же делать с Ильзе? Как его переубедить? - подумала Элька. - Я знаю ее четыре года и никогда не видела на каблуках. На ногах неизменные кроссовки, это в летний период, зимой - ботинки, больше подходящие для лыжных прогулок. Нет, туфли на ее ногах я видела... на моем бракосочетании. Только это были какие-то лапти. Именно лапти, потому как каблуки не наблюдались, а при ходьбе она странно похлопывали задниками этих самых лаптей, будто ей эту обувь одолжила соседка, у которой нога на

пару размеров больше. Нет, туфли, скорее всего, принадлежали Айгнер. Здесь не принято ничего просить, о предметах одежды я уже не говорю, дело касается элементарной соли, а в СССР это повод навестить соседку и поболтать. В Германии полно бывших соотечественников, но от своих прошлых привычек они стараются избавиться, придерживаются установленных правил. Я не собираюсь перевоспитывать аборигенку этих мест, но хочу ей внушить, что внешний вид немало значит для завоевания мужчины. И туфельки нужны на каблучке, и чтобы задники не клацали, и платьишко удобоваримой длины. Была же она на моем бракосочетании в платье и не умерла от стыда, что ноги видно. А ноги у Ильзе стройные и длинные! Не я одна в этом убедилась.

Эля не удержалась и заглянула под стол, желая убедиться в наличии этих самых ног, которые были в данный момент спрятаны под грубой джинсовой тканью. Фрейлен Айгнер тоже устремила туда свой взгляд. Рядом с их столиком вырос официант и поинтересовался странным поведением двух молодых особ. Упомянутые особы вынырнули из-под стола и заговорщицки переглянулись.

- Я ложку уронила, - заявила Эльза и приемом фокусника извлекла откуда-то ложку, не забыв продемонстрировать ее официанту. Он извинился, забрал ложку из рук посетительницы кафе, ненадолго испарился и вернулся с двумя чашечками ароматного кофе на круглом подносе.

- Как Роберт? – не выдержала Айгнер. – Когда он вернется из России?

Эльке не нравилось отношение подруги к ее Родине, пусть и бывшей. Вот и сейчас, она произнесла последнее слово с неприкрытой неприязнью.

- Вот в этом еще одна твоя ошибка! - Фрау Шуттлер не упустила случая поучить умозуму Ильзе. - Ты неуважительно относишься к России, а Роберт любит ее.

- Я хорошо отношусь к России, только немного ревную его к этой стране. Она притягивает к себе твоего брата.

- Это не повод. Ты должна больше знать о Советском Союзе, заниматься русским языком. Хочешь, я помогу тебе?

Айгнер чуть не выдала свою тайну.

- Нет, не хочу, - отрицательно покачала она головой.

- Ладно, - не стала настаивать Эля. – Тогда вернемся к твоему внешнему виду...

Эльза долго рассказывала подруге, как одеваются женщины в России. Та вставила всего одну фразу.

- Меня не поймут, если я приду на службу, как на великосветский раут.

- Будто ты знаешь, как ходят на приемы, - отрезала Элька. – Если ты хочешь завоевать сердце моего брата, то слушай меня...

Глава четвертая

Три панельных дома, стоящих буквой «П», с помощью четвертой живой стены – густо росшими пирамидальными тополями – образовывали замкнутое пространство, закрытое от шумной улицы. Внутренний двор был тоже засажен деревьями. Поэтому даже в самую жаркую погоду здесь было тенисто и комфортно благодаря раскидистым каштанам и ивам, а детские голоса звенели на протяжении всего дня. Одна ребятня уходила, им на смену приходила другая, никто из старшего поколения не призывал скрыться от навязчивых солнечных лучей в прохладе квартиры с закупоренными окнами.

Жанна Петровна все три года после несчастья с дочерью и внучкой наблюдала за чужими детьми, за счастливыми мамочками и вспоминала прошлое.

Когда родилась Яночка, ей было девятнадцать лет, а Борису – двадцать. Они учились на одном курсе, Лейкин после окончания школы завалил физику при поступлении в институт, потом год работал, усердно готовился и влился в ряды студентов технического

вуза вместе с Жанной Гориной. Тогда она была еще Гориной. Молодая девчонка, с отличием окончившая деревенскую школу и приехавшая в большой город.

Позже никто не догадывался, что эта интеллигентная женщина имеет крестьянские корни. Жанна не скрывала свое прошлое, не стыдилась его, просто не рассказывала. У них в семье было четверо детей: трое сыновей и дочь, которую назвали в честь национальной героини Франции. Редкое имя по тем временам, тем более, в деревне.

После службы в армии братья вернулись в родное Колязьево. Все трое стали работать механизаторами на комбайнах, как и их отец. Много работали, но и получали соответственно. Потом обзавелись семьями, каждый заимел по трое детей, и были вполне счастливы. Жили они в своих домах, неподалеку от родителей.

Жанна с мужем и дочерью приезжала всего пару раз, потом стала наведываться к родителям одна. С годами эти визиты превратились в двухдневную побывку «для галочки». Она привыкла к комфорту и уюту, удобства во дворе ее раздражали. Поэтому Жанна, повидавшись со всеми родственниками, быстро возвращалась домой.

За год до гибели Яны и Раечки, умер её отец. Здоровый, еще крепкий мужчина никогда не жаловался на здоровье. Умер от сердечного приступа за рулем своего комбайна. Жанна с Борисом приехали на похороны, побыли три дня и уехали. Перед отъездом дочь предложила матери перебраться к ним в город.

- Тебе тяжело одной управляться по хозяйству, – привела веский аргумент Жанна. Мать поправила на голове черный траурный платочек и заявила:

- Я поздоровее вас всех буду! А если будет нужна помощь, то мне есть, кому помочь. – Она окинула взглядом свою дружную семью, расположившуюся за большим столом.

На том и расстались...

Когда случилась трагедия в семье Лейкиных, старший брат Жанны позвонил, выразил соболезнование от всей родни и спросил:

- А когда похороны?

Этот вопрос окончательно добил женщину, потерявшую единственную дочь и единственную крохотную внучку, чьи тела так и не были найдены. Она передала телефонную трубку мужу, чтобы он все объяснил деревенским родственникам.

С тех пор Жанна закрылась от всех. Три месяца она безвылазно сидела дома. Муж уходил на работу, оставлял ей приготовленную пищу, а когда возвращался, то видел свою жену перед включенным без звука телевизором, а еду нетронутой.

Потом она приняла долгожданное для Бориса решение – вернуться на работу. Всё будто бы пошло по-старому, только без дочери и внучки. Они забывали, что их больше нет. Жанна покупала любимые фрукты Яночки – абрикосы, приходила домой, тщательно мыла их, выкладывала на тарелку и ждала... Ждала, когда придет дочь, улыбнется и скажет: «Обожаю абрикосы!» Тарелка стояла несколько дней... Потом Борис незаметно выбрасывал их. Жанна заходила на кухню, замечала пустое место, где совсем недавно стоял презент для дочери, и спокойно заявляла.

- Ой, Яночка приходила, а я и не заметила. Она с Раечкой была? – В затылке Бориса Андреевича моментально появлялась нудная постоянная боль, в груди, напротив, болело сильно и с короткими перерывами. Но он кивал, не в состоянии произнести ни звука. Пусть лучше живет самообманом...

Визиты Роберта Зеппа возвращали ее к жизни: Жанна сбрасывала оцепенение, потухший до этого взгляд загорался открытой неприязнью. Сначала муж не обращал внимания на резкие перепады настроения, потом стал тяготиться. Постоянные упреки в адрес зятя заставили Бориса стать его адвокатом.

- Жаннуса, но он не виноват. Ему тоже тяжело, не меньше, чем нам.

Попросить Роберта не приходиться к ним, Лейкин не мог, но и выслушивать проклятья жены в его адрес, было невыносимо.

Когда Борис Андреевич, наконец, принял решение поговорить с зятем, тот пропал. Он больше не приходил и не звонил. Потом Лейкины узнали через его доверенное лицо – Варфоломею Ильиничну, что Роберт уехал к родителям. Новость оставила Бориса равнодушным, а Жанна вспыхнула. На голову Роберта и всех его родственников посыпались витиеватые пожелания. Лейкин взирал на свою супругу и удивлялся: сколько ненависти у нее к бывшему зятю. И при чем здесь его родители?

- Если ты не смог отомстить ему, то я найду человека для этой благородной миссии! – выдала она в конце своего монолога, отбросила со лба упавшую челку и безумным взглядом посмотрела на мужа.

- Жанна, тебе надо показаться врачу, - вкрадчиво предложил Борис.

- Это тебе надо к врачу! - взвилась она.

Лейкина удивляло резкое перевоплощение жены из разъяренной фурии дома в спокойную и собранную женщину на работе. Она четко выполняла свои обязанности, была приветлива и разговорчива. Сослуживцы восхищались ее выдержкой и мужеством, о чем неоднократно говорили Борису Андреевичу. Тот кивал в ответ и тяжело вздыхал. Одному ему был замечен постоянный нездоровый блеск в глазах жены...

Однажды она заявила, что отправляется к матери в Колязьево.

- Я с тобой, - сказал встревоженный супруг. Он думал, что Жанна начнет отговаривать его, но ошибся.

- Хорошо, - сразу согласилась она.

Старушка очень обрадовалась приезду дочери и зятя. Жанна заметила, что мать сильно постарела.

- Как ты себя чувствуешь? – забеспокоилась дочь.

- Нормально, - отмахнулась та.

Они прошли в дом. Посередине комнаты, прямо на дощатом крашеном полу, сидел мальчуган и доламывал игрушечный грузовичок. Оторванные колеса валялись рядом с ним, а он с завидным упорством отрывал кабину.

- Васька! – воскликнула хозяйка, - что же ты творишь, изверг! Только вчера тебе купили, а ты... - Выхватила из рук мальчика остатки грузовика. Тот сразу зашелся криком, причем его вой напоминал сирену пожарной машины. Пришлось вернуть поломанную игрушку, «изверг» сразу замолчал. – Замаялась я с ним, – пожаловалась она и тяжело вздохнула.

- А кто это? – спросила Жанна, рассматривая «автолюбителя» и «изверга» в одном лице.

- Это Колькин сын.

- Какого Кольки?

Мать укоризненно посмотрела на дочь.

- Нашего Кольки, моего внука, а твоего племянника.

Николай был сыном Степана, старшего брата Жанны Петровны, у которого было две дочери и упомянутый сын. Девочки, теперь уже замужние женщины, выросли работящими, послушными, а Колька с детства озорничал и верховодил такими же хулиганами, как сам. То в чужой сад залезут, то поросенка украдут, то еще хуже – сарайчик подожгут. Отец старался загладить вину сына перед соседями, компенсировать урон материально или своим собственным физическим трудом, который выливался в строительство нового сарая или ремонта поломанного любимым чадом чужого забора. Говорила мать, что его слепая любовь к единственному сыну до добра не доведет. Так и вышло...

День своего восемнадцатилетия Николай отметил на деревенском пруду в компании таких же оболтусов. Выпив изрядное количество вермута, парни отправились на танцы в клуб. Им сразу не понравилась группа молодых ребят-стройотрядовцев, которые, не спросив разрешения у вожака стаи, бойко приглашали на танцы местных девчонок. Колька призвал соратников к действию, завязалась драка. Большинство, конечно, было на

стороне местных жителей. Когда предводитель понял, что, несмотря на явное превосходство, они терпят поражение, то привел последний довод – стукнул одного парня бутылкой по голове. Тот оклемался, и все бы ничего, да, отец у него оказался секретарем горкома большого города, из которого прибыли стройотрядовцы.

Николаю Горину дали три года.

Отсидев срок от звонка до звонка, он вернулся в Колязьево. И не один, а с шустрой девахой Лидкой. Отец хотел спровадить пару в районный центр, как говорится, с глаз долой, но Колька с Лидкой наотрез отказались. Тогда Степан поселил их во флигеле, стоящем во дворе, и взял сына к себе на работу помощником комбайнера. Но вскоре понял: толку из парня не будет. Колька мог запить на неделю, причем, вместе с подругой жизни. Потом «завязывал» на несколько дней и снова срывался. А как не сорваться, если в их доме всегда праздник.

Вскоре родился Васька, но Лидка при родах умерла. Внука Степан взял к себе, так как Колька справлял поминки по жене, да с таким усердием, что не просыхал целый месяц, пока не заснул в поле и его не переехал комбайн.

Родители только перекрестились, как не ужасно это говорить.

Васька родился слабым и недоношенным. Врачи заявили, что мальчик не жилец на этом свете. Но жена Степана махнула рукой на диагноз докторов и взялась выхаживать внука с помощью козьего молока.

Забота бабушки благотворно сказалась на ребенке: он стал прибавлять в весе, реже просыпаться по ночам, и реже закатываться плачем. Но чем старше становился, тем сильнее отличался от сверстников, и не столько умственным развитием – а какой еще мог родиться ребенок у двух алкоголиков, а недетской озлобленностью, которая больше присуща людям с покалеченной судьбой, не способных решить собственные проблемы.

При каждом удобном случае Васька бил ногой домашнего кота Рыжика, гонялся за разгуливавшими по двору курочками, за что неоднократно получал от петуха. Однажды Степан нашел защитника кур забитым камнями. Он догадался, кто это сделал, но Васька вину отрицал и зло поглядывал на деда.

- Волчонок, - вынес вердикт Степан и поставил внука в угол. Тот на наказание отреагировал подобающим ему образом: пинал ногой стену, верещал, как поросенок, размазывая по щекам слезы.

Бабушка не вынесла крика и попыталась успокоить ребенка, но он отогнал ее ударом маленького, но сильного кулачка.

- Да, отец, - сокрушалась она, обращаясь к мужу, - мы еще немало слез прольем из-за этого ребенка. Колька нам сердце рвал, а этот его за пояс заткнет.

На помощь пришла мать Степана. Нрав она имела крутой и была скорой на расправу. Но ее шлепки и затрещины не действовали на Ваську. Он еще больше ожесточался и норовил дать сдачу своей прабабушке, которая совсем отчаялась перевоспитать малыша...

- Вот так и воюем, - закончила она пересказ недолгой жизни маленького Васьки. – Но жалко его, сироту. – Пожилая женщина погладила малыша по стриженной голове.

Васька оторвался от раскуроченного грузовика и прозрачно-голубыми глазами посмотрел на Жанну. Ей стало не по себе. Не может ребенок на всех взирать с такой ненавистью. С необъяснимой опаской она протянула ему коробку конфет. Тот оценил подношение взглядом, отбросил грузовичок и взял коробку. Повертев ее в руках, он отдал коробку прабабушке и поднялся на ноги. Снова окинул взглядом гостей, остановился на Жанне, подошел к ней и протянул маленькую ладошку.

- Василий, - громко назвал он свое имя.

- Он... умеет разговаривать? – удивилась гостя. Опомнилась и ответила рукопожатием. – Жанна Петровна, - почему-то сказала она, не тетя, не бабушка, а именно - Жанна Петровна.

Васька проделал ту же процедуру знакомства и с Борисом, который представился дядей Борей.

- Конечно, разговаривает, - прошептала мать, - мы с ним занимаемся, книжки читаем, только он неусидчивый очень... Но сейчас, - она стала говорить еле слышно, - от сверстников уже не отличается, только агрессивный чересчур. Недаром Степка зовет его Волчонком.

Жанна внимательно посмотрела на Ваську, будто хотела увидеть короткую шерсть на теле малыша или выявить наличие волчьей пасти.

- Вась, - обратилась к нему прабабушка, - помнишь, мы с тобой стихотворение учили? Расскажи гостям. - Потом обратилась к дочери. - Вообще-то, он парень сообразительный, а то, что плохо запоминает, так это... наследственность плохая: Колька с Лидкой пили беспробудно.

- Она и будучи беременной, пила? - решила уточнить Лейкина, нисколько не сомневаясь, что упомянутая Лидка своим увлечениям не изменяла в любой период своей короткой жизни.

- Пила, - покачала головой мать. - Вась, ну расскажи, - снова обратилась она к правнуку, который не отводил взгляда от Жанны.

- Иди ко мне, - позвала она его.

Васька не заставил себя упрашивать, приблизился к сидящей на стуле родственнице, та подхватила худенькое тельце и усадила к себе на колени.

- Так расскажешь нам стихотворение? - мило улыбаясь, спросила Жанна. В ее голосе проскользнуло заискивание.

- Не-а, - отказался малец.

- А почему? - не сдалась Лейкина и пригладила вихры на его голове.

- Мура все это, - философски выдал Васька. - Я люблю танцевать, только у нее, - он кивнул в сторону прабабушки, - кроме радио и телевизора нет ничего. Вот у деда Степы есть проигрыватель, он мне ставит пластинки, а я танцую.

- Это не танцы, а кривляние одно, - не удержалась хозяйка дома. Васька не удостоил ее ответом, только свел брови на переносице, выказывая недовольство ее словами.

- А сказки на пластинках у тебя есть? - встрял в разговор Борис.

- Не люблю! - отрубил мальчик и резко махнул рукой, разрезав ладонью воздух.

- Почему?

- Это надо сидеть, слушать, а я ЭТОГО не люблю! - терпеливо пояснил он. Последнее слово произнес по слогам, чтобы гостям было понятнее.

- А чем ты еще любишь заниматься кроме танцев? - не унимался Борис Андреевич.

- Еще? - Васька задумался. Он хотел рассказать, что любит кидать камнями по воробьям, тянуть за хвост зазевавшегося кота Рыжика, драться с соседскими пацанами, но почему-то решил об этом умолчать. Ему захотелось быть перед гостями таким же, как Васютка, который жил через два двора от прабабушки: тихим и послушным. Вроде они тезки, но он Васька, как кот, а тот Васютка или Васюточка, как ласково называла его мама. От этого сюсюкающего обращения и от зависти, что у того есть и отец, и мать, Васька Гордин своего тезку не любил больше всех местных ребятишек.

- Ну, что-то тебе нравится? - вмешалась Жанна. Ей стал интересен этот ребенок. Недавний испуг прошел, а агрессивность малыша она списала на невнимательность со стороны родственников, которые считают, будто воспитание заключается в подзатыльниках и шлепках.

- Мне нравится, когда на меня не кричат, разрешают все делать, - произнес он, хитро поглядывая на гостью.

Жанна убедилась в своих недавних выводах относительно воспитания ребенка-сироты.

- Если тебе дать волю, то ты мне дом спалишь! - возмутилась прабабушка.

Васька презрительно посмотрел на нее и тяжело вздохнул, показывая всем видом, как ему трудно.

Лейкины пробыли в гостях несколько дней. Васька не отходил от Жанны ни на шаг. Борис съездил в районный центр и накупил много детских книжек. Женщина читала мальчику вслух, он внимательно слушал, хотя, смысла не понимал, но считал такое поведение правильным. Надо сидеть и слушать, не капризничать, не драться...

Мать Жанны не могла нарадоваться на мальчика.

- Нам ребенка подменили, - веселилась она.

Лейкин приглашал Василия на рыбалку, тот соглашался, если с ними шла полубившаяся тетя. Он так привязался к ней, что даже спать укладывался с гостьей, а Борису ничего не оставалось, как отправиться в соседнюю комнату, где ему заботливо постелила теща.

Когда дед Степан хотел забрать внука, чтобы дать возможность сестре и зятю насладиться тишиной и покоем, Васька уже открыл рот, чтобы огласить прилегающие окрестности своим воем, но резко передумал: что подумает о нем тетя? Поэтому взял деда за руку, заглянул ему в глаза и тихо спросил:

- А можно я останусь у старенькой бабушки?

Степан удивился. Он ожидал другой реакции истеричного внука и уже был готов схватить его в охапку и быстро покинуть дом своей матери. Жалобный взгляд мальчика решил все: Василий остался рядом с полюбившейся Жанной Петровной.

Накануне отъезда гостей малыш был задумчив и молчалив. На вопросы встревоженных домочадцев не отвечал, только с укором поглядывал на собирающих вещи Лейкиных.

В доме матери собралась вся многочисленная родня. Все сели за стол. После обеда гости собирались отбыть в родной город.

Васька сидел на коленях Жанны и водил ложкой в тарелке с супом.

- Ты не хочешь расставаться? – спросила она, наклонившись к самому уху мальчика. Тот кивнул. – Но ты остаешься с бабушкой, с дедушкой...

- Они... меня не любят, - промямлил Василий.

- Почему ты так решил? – осведомилась женщина.

- Потому! – привел весомый аргумент мальчишка. Подумал и все-таки расширил свое объяснение. - Одна ты ко мне хорошо относишься, а другие... - Он смачно шмыгнул носом и потер кулачком сухие глаза, - а другие меня ругают и бьют. Постоянно бьют. – Слезы все-таки закапали в тарелку с супом. Любой профессиональный актер мог позавидовать маленькому «самодеятельному» артисту, способному «вызвать слезу» в любой момент.

Расчет на жалость себя оправдал.

- Васенька, успокойся, - пожалела ребенка Жанна и чмокнула его в затылок. Но Васенька упорно ревел, молча, без причитаний. Слезливый поток усилился, обещая пересолить суп в тарелке. Женское сердце разрывалось от сострадания. Решение проблемы родилось само собой. – Васенька, ну, не плачь, успокойся и ответь мне на вопрос: ты... хотел бы жить... с нами?

- С тобой? – Он с удивлением взглянул на нее своими прозрачными глазами.

- И со мной, и с дядей Борей.

- Очень бы хотел... А можно? - Слезы моментально высохли, мальчик преданно посмотрел на Лейкину.

- Давай договоримся так: мы уедем ненадолго, а потом вернемся и заберем тебя. Договорились? – Малыш кивнул. – Ну, вот и хорошо. Только пока никому не говори, это будет наша с тобой тайна. Ты умеешь хранить тайны? – Он снова кивнул.

Компания за столом была увлечена обедом и разговорами, никто не заметил слез мальчика и не услышал его доверительного разговора с Жанной.

Вскоре Лейкины уехали. Горины думали, что Васька снова вернется в свой образ драчуна и разбойника, но ошибались: мальчик был спокоен, строил во дворе домики из кирпичей, помогал прабабушке по хозяйству и не проказничал. Только часто выходил за калитку и смотрел на дорогу, словно ждал кого-то.

- Я хочу забрать Василия к нам, - заявила Жанна через два дня после возвращения домой.
- Что значит - хочу забрать? – опешил Борис. – Он не игрушка и не вещь. Это во-первых.
- А во-вторых? – поторопила жена, которую меньше всего заботили рассуждения супруга.
- А во-вторых, в семье надо принимать решения сообща, тем более решения по серьезным вопросам.
- Одно решение мы уже приняли... сообща - отправили Яночку... - Она не договорила и скрылась в спальне.

Борис не пошел за ней, он знал, что все слова давно сказаны, больше слов утешения у него нет, как и нет желания их произносить. Почему Жанна считает, что потеря любимой дочери – это только ее горе? Она поинтересовалась хотя бы раз, каково ему? Если он не рыдает и не ругает последними словами зятя, то это не значит, что его несчастье ничтожно по сравнению с ее несчастьем. Конечно, она мать, но он отец, который все двадцать два года боготворил свою доченьку. И всего два месяца Раечку...

Он заметил, что жена привязалась к мальчику, да, и он к ней, но взять чужого, пусть и внучатого племянника, в свой дом – это выше его понимания. Он не будет заменой дочери, ее никто и никогда не заменит, лучше жить воспоминаниями о ней. Доживать...

А ребенок требует постоянной заботы и внимания, он не может расти, как цветок в горшке: полил, полюбовался и забыл до следующего полива...

Борис Андреевич больше не желает ни растить кого-то постороннего, ни ухаживать за ним, ни проверять уроки и водить за ручку в спортивную секцию. Не желает! Он хочет жить воспоминаниями...

Ко всему у Василия плохая наследственность. Лейкину показалось, что резкая перемена в характере ребенка не связана с их появлением в доме тещи и воспылавшей в маленьком сердце любви к доброй тетеньке. Было в поведении Васьки что-то наигранное, неестественное, словно он исполнял чужую роль - роль хорошего мальчика, подсмотренную сквозь щели забора в соседнем дворе.

Первый раз он почувствовал это несоответствие, когда Жанна читала Ваське сказку Пушкина «О рыбаке и рыбке». Он внимательно слушал, а глаза... не восторженные, а пустые-пустые, как у наемного убийцы. Борис понимал, что такое сравнение неуместно, если не сказать, ужасно, но это было так. Потом в комнату зашла теща, и глаза мальчика превратились в колючие глазки волчонка. Затем он уловил пристальный взгляд Лейкина и сразу уткнулся в книгу.

Борис Андреевич вспомнил детство Яны, когда она была ровесницей Васи. Она открыто смотрела на мир с удивлением и радостью. Они с Жанной только-только окончили институт и устроились на работу на предприятие, на которое получили распределение. Им предоставили место в детском саду, и они отдали туда трехлетнюю Яну, так как сидеть с ней было некому: Лейкины работали, Варфоломея тоже, не в деревню же ее везти. Сначала дочь покапризничала для вида, а потом стала с удовольствием ходить в детсад. Каждый вечер она пересказывала прожитый день: чем их кормили на завтрак, обед и полдник, чем они занимались, показывала поделки, выполненные под руководством воспитательницы, декламировала стихи, приготовленные к предстоящему празднику. Она была искренним и добрым человечком...

Трогательные воспоминания о детстве любимой дочери ушли с возвращением Жанны.

- Боря, пожалуйста, выслушай меня!

Ему не хотелось разговаривать с женой и выслушивать ее доводы. Он не мог понять, почему они, не совсем здоровые и не далеко не молодые люди, тяжело пережившие ужасную драму, должны вытравливать душевную боль с помощью чужого ребенка с плохой наследственностью? Именно так он расценивал желание Жанны. И чем труднее, тем для нее лучше.

Жанна приняла молчание мужа, как согласие, и пустилась в объяснения.

Но муж ее не слушал. Он знал, что она поступит по-своему. Она говорила о чем-то, он смотрел на ее шевелящиеся губы и понимал, что больше не любит ее. Он не знал, когда ушло это чувство, а ему на смену пришло безразличие.

Сначала он жалел жену, терпел ее выходки, успокаивал и мысленно приводил доводы в ее защиту. Потом от жалости осталась только видимость, вскоре испарилась и она. К безразличию изредка примешивалось тупое раздражение и желание навсегда остаться одному. Просто жить, без эмоций, без сухих рыданий, но с постоянными воспоминаниями о живой Яне. Но как оставить несчастную Жанну? Борис не мог с ней так поступить.

Он понимал, что жена больна, что ей нужна его поддержка, необходимо его участие, его терпеливое выслушивание.

Ей надо то, ей надо это.

Борису обрыдло слово «надо». Оно применимо к ребенку – любимому чаду: надо подготовить к школе, надо дать лекарство, надо сделать все, чтобы поступил в институт, надо помочь разобраться с чертежами, надо выслушать, надо пожалеть, надо посоветовать, надо предостеречь, надо осторожно вмешаться, если свернул не туда, и не надо вмешиваться, когда стоит перед сложным выбором.

Ребенок и надо – идут параллельно... До тех пор, когда жив родитель.

Почему он жив, а Яночки и Раечки больше нет?

Кровь прилила к голове Бориса, когда он вспомнил расставание у трапа «Нахимова»... Яна несет на руках Раечку...

Почему он не настоял, чтобы внучка осталась с ними?!

Значит, они с Жанной тоже виноваты в гибели девочек. Нельзя винить одного Роберта. Удивительно, что свекрови не досталось от невестки. Только один раз Жанна высказалась по этому поводу, когда Варфоломея решила уйти в монастырь.

- Она хочет замолить свой грех! – Жанна сказала это безучастным голосом, без скрытой ненависти. Видно, всю ненависть жена хранила для зятя.

Ненависть – для зятя, для мужа – словесные тычки.

- Ты тряпка, ты не можешь отомстить за свою дочь! – выговаривала она ему и смотрела так, что он удивлялся, почему до сих пор еще жив: не способен на месть, тогда выход один – самоубийство. Презрение быстро сменялось коротким перемирием, признанием в любви и вбиванием в голову одной и той же фразы: у меня, кроме тебя, Боренька, никого нет!

А Боренька мечтал освободиться от любящей супруги.

С появлением в их доме мальчика Васи его желание может исполниться: теперь Жанна не будет одна.

А это выход! – мысленно порадовался Лейкин...

- Боря, ты слушаешь меня, - теребила его жена. Он рассеянно кивнул. – Ты не волнуйся, мы не будем его усыновлять.

- Не понял, - вернулся в реальность Лейкин.

- Он просто будет жить на два дома: и здесь, и в деревне.

- То есть надоела тебе кукла, вернула ее хозяйке, потом поняла, что у тебя такой нет, снова пошла и забрала. Так, что ли?

- Ты все неправильно понимаешь! – скривилась Жанна.

- Да, все я понимаю, - отмахнулся Лейкин, лелея свою мечту, казавшуюся до сей поры несбыточной. – Значит, поступаем по всем правилам или...
- Я не хочу, чтобы все знали о моем родстве с Васей, – не дала ему договорить Жанна.
- Почему? – хмыкнул Борис.
- Тогда... мне придется рассказать все.
- И что в этом страшного?
- Я не хочу, чтобы окружающие знали о его родителях-алкоголиках, а сочинять на ходу историю его сиротства я не в силах.
- Тогда какой ты видишь выход?
- Мы скажем, что взяли ребенка из детского дома.
- А в детских домах дети без патологии?
- Разные. Бывают и нормальные. Большинство нормальные, - поправила ее она.
- Ты проводила исследование?
- Боря, не ерничай! Решается серьезный вопрос...
- Я уже высказал свое мнение.
- Ладно, мы усыновим Васю, но... Прошу тебя, давай не будем всем рассказывать, что он мой внучатый племянник.

Лейкин согласился...

Василия поместили в детский дом. Прежде бабушка с дедушкой выполнили просьбу Жанны: отказались от опекуна. А она пообещала мальчику, что скоро заберет его оттуда, нужно потерпеть всего пару месяцев.

- Зачем такие сложности?! – возмутился Лейкин.
- Так надо, - отмахивалась жена.
- Ты хочешь, чтобы все восхищались твоим благородным поступком?

Жанна промолчала.

- Я могу узнать о твоих истинных мотивах усыновления? - не сдавался супруг, заподозрив неладное.
- Мне жаль сиротку. В деревне он не получит той заботы и внимания, которыми я окружу его здесь, у нас.
- Будем считать, что я тебе поверил.

Лейкина передернула плечами: то ли возмутилась недоверием, то ли дала понять, что его мнение ее не волнует...

Глава пятая

- Как я понял, вас интересует крепость Суджук–Кале? – спросил Лев Александрович Спиринов, научный сотрудник музея–заповедника, когда я заявился к нему и с порога спросил о старинной крепости.
- Да, - подтвердил я свое первоначальное желание, не вдаваясь в подробности. Честно говоря, моему собеседнику эти подробности были не нужны: о старинной крепости он мог рассказывать сутками напролет, был бы внимательный слушатель. Об этом я догадался по азартному блеску в глазах, который появился при одном упоминании некоего сооружения, произведшего на меня неизгладимое впечатление.
- Это очень хорошо! – воскликнул ученый муж, подтверждая мою догадку. И сразу перешел к повествованию. - Еще в пятнадцатом веке турки-османы завоевали Константинополь. И Тамань, и Цемесская бухта тоже перешли в турецкие владения. А в начале восемнадцатого века турки, предвидя войну с Россией, укрепили оборону черноморского побережья – возвели крепость Суджук–Кале. Долгие годы название крепости связывали то с абхазским, то с черкесским языками. В переводе с абхазского Суджук–Кале означает «Колбасная крепость», а с черкесского – «Замок маленьких мышей». Я обратился к турецким ученым с просьбой перевести надпись, сохранившуюся

на надвратной плите крепости. И оказалось, что в действительности, эта крепость называлась «Согуджак», что в переводе с турецкого означает «холодный». Скорее всего, турков измучил постоянно дующий холодный норд-ост, и они назвали так крепость на берегу Цемесской бухты.

- Согуджак, - задумчиво повторил я.

- Называйте ее Суджук–Кале. Это название записано в Государственном военном архиве.

- А вы видели рисунки или чертежи этой крепости? – ввернул я очередной вопрос, заметив, что Лев Александрович начнет говорить о фактах, мало интересующих меня.

- Конечно! В архиве хранятся чертежи, выполненные французом Лафитт–Клаве. Именно, он занимался реконструкцией крепости, которая его стараниями превратилась в сложное фортификационное сооружение протяженностью более одного километра. Крепость имела два выхода: одни ворота были обращены в сторону моря, другие – в противоположную сторону. По четырем углам стояли круглые башни, стены были выложены из камня на известковом растворе. Рядом с крепостью был причал для кораблей. В те времена Цемесскую бухту называли заливом. Дно залива было илистое, и суда находились здесь в безопасности восемь месяцев в году. Место для крепости турки выбрали идеальное.

- Про внутренние строения в архивах указывалось? – поинтересовался я. Перед глазами была моя картина, точь-в-точь повторяющая рассказ Спирина, будто сначала я услышал его рассказ и по нему написал картину, а не наоборот.

- Наш местный художник–самоучка по документам воссоздал крепость, он сделал два акварельных рисунка: на одном – общий план крепости, а на другом – ее фронтальная часть, обращенная к побережью Цемесской бухты. На нем можно рассмотреть казармы, где жили почти четыреста янычар, торговые лавки, мечеть...

- Мечеть? – почему-то удивился я. Как было не удивляться, если я, своей собственной рукой, нанес ее на картине, не зная еще о ее обитателях мусульманах...

- Конечно, мечеть, это же турки. Они мусульмане, – подозрительно поглядывая на меня, человека-невежу, высказался Спирин. Видимо, я не оправдал первое впечатление, которое произвел на него. Думал, что наш разговор будет мягко и не навязчиво подведен к логическому завершению, но Лев Александрович решил меня немного развить.

Он долго рассказывал о главной базе флота Турции; об интересе императрицы Екатерины II к этой крепости. Именно по ее указанию полководец Суворов зорко следил за всеми событиями, происходящими там. Не забыл о затяжной войне России и Турции за выход к Азовскому и Черному морям, пока договор, подписанный в Андрианополе в 1829 году, не поставил точку в споре двух держав. В итоге, крепость перешла России, а на месте крепости со временем вырос город, который называли Новороссийск.

- Столько прошло тысячелетий, а мы до сих пор можем видеть разрушенные временем стены крепости! - с восхищением протянул я, непроизвольно копируя речь ученого мужа, который обогатил мои скудные познания в истории. И сразу понял, что ляпнул не совсем то: его глаза вылезли из орбит. Кажем прямо - совсем не то, на что рассчитывал лектор после своего затяжного монолога.

Лев Александрович перешел от убийственного созерцания к задумчивому поглаживанию рукой своей седой ухоженной бородки, стараясь не встречаться со мной глазами. Я, напротив, старался поймать его взгляд, желая разобраться в чувствах собеседника, сраженного моей безобидной фразой. Глаза Льва не избавились от живого азарта, а азарту добавилось озорство, присущее любителям проказ, но совершенно не свойственное пожилым людям, к которым относился мой визави. Спирина было никак ни меньше шестидесяти.

Я был озадачен и не знал, как загладить свою вину, которую виной не считал – недоразумением, еще так сям. Или оплошностью. Тогда, тем более, мне нужно

втолковать, что я недопонял. Пока я раздумывал и ловил чужой взгляд, Спирина оставил в покое бороду и вкрадчиво поинтересовался:

- А где же вы, батенька мой, видели сии развалины?

- Там, - пространно ответил я и дернул головой в сторону открытого окна, словно крепость Суджук-Кале турки построили у стен музея.

- Так, так, так, - протараторил он и в такт побарабанил пальцами по столу.

Я сжался в ожидании вынесения приговора, не выпуская из вида короткие толстенькие пальцы Спирина. Отбарабанив свое, пальцы стали недвижимы, чего не скажешь и седовласой голове их владельца. Он то поворачивал голову влево, то вправо, как будто кривлялся. Вскоре должно было сорваться с его уст обидное обзывательство, касаемое моего умственного развития, на которое не могла повлиять доходчивая лекция. Пришлось поспешно оправдываться, чтобы великовозрастный «забияка» не успел дать мне характеристику.

- Но я... видел развалины этой крепости. И могилы с надгробными плитами... Не лгу! Я был там и все видел собственными глазами. - Про картину, написанную собственноручно, промолчал, дабы не усугублять свое и без того незавидное положение.

- А могу я узнать, что предшествовало вашему посещению крепости? - тем же вкрадчивым голосом спросил он. В вопросе затаился явный намек. На что? Я так разволновался, что не мог ничего сообразить.

- Одно видение, - не подумав, признался я.

- Хорошо, - попытался успокоить меня или себя ученый муж. Да, кто-то из нас сегодня «не в порядке», и я догадываюсь, кто. - А вы могли бы рассказать подробнее, - попросил он совершенно спокойно, даже ободряюще. Так спрашивает врач-психотерапевт у душевнобольного об увиденном накануне привидении.

- Это... так, случайная встреча, - отмахнулся я.

- Встреча с девушкой? - не унимался «врач-психиатр».

- Да. - Если сказать, что я обалдел от его догадки, то, значит, ничего не сказать! - А откуда вы...

- Я хотел бы вас послушать! - перебил меня Спирина. Моя напряженность передалась ему.

Неожиданно я воспрял духом: если Лев Александрович избавился от неподобающего ему тона, а как он умеет общаться с собеседником я успел убедиться за эти два с лишним часа, и вспомнил о девушке, то она существует, а не живет в моем воображении. Вздых облегчения невольно вырвался у меня. Я подобрался и ответил вопросом на вопрос, чтобы окончательно расстаться с недопониманием.

- Лев Александрович, а вы сами видели эту девушку?

Недопонимание сменилось пониманием того, что сегодня не мой день: чтобы я не сказал, всё не в масть.

- Я? - удивился он и дернул себя за бороду. Потом признался, - я ее не видел. Наверное, в этом не было необходимости.

- Я вас не понимаю, - пролепетал я. Я себя не понимаю, чего уж о других говорить.

- Говорят, что она приходит к людям, которым нужна помощь, - деловито сообщил Спирина.

- Помощь!? - В моей голове начало что-то шелкать и переключаться. Кое-что я начал соображать: если эта девушка... пришла ко мне, то я нуждался в ее поддержке. Я покосился на Спирина, пребывающего в задумчивости, - Лев Александрович, вы готовы выслушать мой... бред? - задал я вопрос и запоздало подумал: нужны ли этому человеку мои откровения?

Он смотрел на меня с сочувствием и пониманием, в его глазах не было безразличного любопытства, присущего людям, которые забудут о тебе и о признании сразу после твоего ухода.

И я решился...

Поведал ему о катастрофе теплохода «Адмирал Нахимов», о которой он, естественно, знал, но послушать очевидца тех горьких событий был не против. Признался в своих душевных муках, пересказал день годовщины катастрофы на Черном море вблизи Новороссийска, когда я рассмотрел на глубине затонувший теплоход, а закончил кратким диалогом между мною и восточной красавицей на мысе Дооб. О ее пожелании мне отправиться в поселок Большой Утриш, я умолчал.

- Больше я эту девушку не встречал. - Этими словами я закончил свое повествование.
- Она посчитала свою миссию выполненной, - сделал свой вывод Спирин.
- Кто она? Как ее зовут? Где она живет? Я могу ее найти? - забросал я его вопросами.
- Ее зовут Марты, что в переводе с турецкого означает «чайка», - ответил всего на один вопрос собеседник, пребывая в своих думах.
- Я видел чайку на развалинах крепости! – вырвалось у меня.
- Значит, так было угодно судьбе, чтобы вы увидели не только Марты, но и саму крепость Суджук-Кале.
- Какая связь... - начал я – недогадливый и тупоголовый мужчина, но был мягко остановлен очередным пояснением историка.
- Крепости давно нет. А девушка по имени Марты давным-давно стала птицей. Чайкой.
- Девушка-чайка?
- Существует легенда, которой предшествовали реальные события. Хотите, расскажу? – Я сразу кивнул. – В 1782 году прибывший сюда на корабле новый правитель крепости по имени Ферах–Али, завидев с моря свои будущие владения, приказал упредить свое появление салютом. Но на его удивление ответа не последовало. Тогда он послал в крепость людей для выяснения причины. Когда они вернулись, то рассказали о страшной картине, представшей их глазам: весь гарнизон вымер от голода. Оказалось, что военное начальство Турции забыло послать продовольствие в крепость, а турки не имели права выходить за ее пределы, опасаясь нападения. Это исторический факт. Потом начинается легенда. Говорили, что Марты была женой янычара. После смерти своего возлюбленного, она поднялась на мыс, который в то время назывался Тауба, и бросилась вниз. Но не разбилась, а превратилась в чайку... Некоторые утверждали, что Марты - русалка, другие - будто бы Марты - обычная с виду турчанка, которая спокойно ходит по морской глади, как по земле. Поговаривали, что она предупреждает моряков о приближающем шторме, приходит на помощь терпящим бедствие. – Я недоверчиво посмотрел на Спирина. – Если вас интересуют старинные легенды о Марты, о девушке-чайке, то можете обратиться к сотруднице нашего музея. У нее собралась целая тетрадь...

Я не знал: хочу этого или нет. Рассказ историка сначала разложил в моей голове все по полочкам, а потом снова все перемешал. Сумбур, да и только.

- А развалины крепости... точно не сохранились? – Я решил идти до конца.
- На ее месте сейчас «Мемориал Малая Земля» - памятник защитникам Новороссийска. - Лев Александрович произнес эту фразу извинительным тоном, будто своими руками разобрал крепость по кирпичику и возвел на ее месте монумент.
- Я не видел мемориал, я видел Суджук–Кале, - с упорством заявил я.
- Значит, так было угодно Марты, вы перенеслись во времени, но не в те годы, когда она служила туркам защитой от нападения, а позже, когда стала никому не нужна.
- Но, может, где-то неподалеку сохранились какие-то... строения? – не унимался я, показывая себя не с лучшей стороны.
- Когда экскурсоводы рассказывают о защитниках Новороссийска, они показывают на углубления в земле, заросшие травой, утверждая, что это окопы, где располагались наши войска во время Великой Отечественной войны. Но историки утверждают, что на самом деле это следы крепости Суджук–Кале.

- Просто... окопы, заросшие травой, - повторил я.
- Да. Но главное, что крепость была! В этом вы не ошиблись. А то, что она не сохранилась, виноваты и мы, и турки. Ведь, она дважды разрушалась, но никто ее не восстанавливал.
- Почему?
- Крепость уже не имела стратегического значения...

В гостиницу я вернулся задумчивым и отрешенным. В голове вертелся один вопрос: зачем турчанка Марты возникла в моей жизни? Причем дважды. Да, пришла мне на помощь! Это я понял. Но в чем выражалась ее помощь? Что она хотела сказать, когда приказала отправиться в неизвестный поселок?

Я попытался восстановить в памяти весь короткий диалог...

Сначала она подтвердила, что черная точка на дне Цемесской бухты – это потерпевший крушение теплоход «Адмирал Нахимов», потом спросила: «А ты все убиваешься?» И эта фраза вывела меня из себя... А уже потом отправила меня в Большой Утриш. Для поправки здоровья ли? Что всё это значит?

А то и значит, что Марты поняла мое душевное состояние и решила, что только отдых в этом Утрише поможет мне вернуться к жизни.

Подобное объяснение меня не успокоило. Эта девушка не доктор, прописывающий лекарство от стресса, а спаситель, как утверждает Лев Александрович Спирин. В самом прямом понимании этого слова.

Нет, не хочу я ехать в Большой Утриш! Не хочу! Я вредный и упертый? Да, я очень вредный и очень упертый.

Я старался себе переубедить, уговорить, будто сам не властен над своими поступками, пока в мою дверь не начал кто-то скрестись.

- Привет, Роберт, - произнесла Варфоломея с ударением на втором слоге, проникая в мой номер.

- А где привычное обращение Робик?

- Тебе же оно не нравится?!

- Наконец, до тебя это дошло, не прошло и пяти лет, - усмехнулся я.

- Мне мое имя, может, тоже не нравится, я же молчу! – заявила она и передернула плечами, словно нелюбимое имя было накинуто на них в виде шали.

- Отлично, я буду называть тебя Вафа, - с чувством предложил я и страстно закусил губу.

- Вафа? – Истомина посмаковала новое слово. – Похоже на вафлю, какое-то слащавое...

- Не нравится?

- Ладно, называй Вафа, - милостиво разрешила она.

- Рассказывай, как прошла экскурсия.

- Экскурсия, как экскурсия, - промямлила нареченная мною Вафа, пряча глаза.

- Ты видела «Мемориал Малая Земля»? – Я стал догадываться, почему женщина так себя ведет.

- Это где Брежнев воевал? - Безразличие давалось ей с трудом. Я кивнул. – Видела. Красивый мемориал. Знаешь, - наигранно повеселела она, - памятник стилизовал под нос десантного корабля.

- А главное, - так же весело продолжил я, - на месте мемориала когда-то была крепость Суджук– Кале, от которой теперь не осталось и следа. Так? Даже поросший травой ров, будто бы отметина крепости, и ту назвали окопом времен обороны Новороссийска.

- Так, - не раздумывая, согласилась Вафа. Но тут же попыталась меня успокоить. - Но девушка Людмила, наш экскурсовод, сказала, что крепость турок была именно на этом месте! - Она помолчала немного, а потом бойко стала рассказывать дальше. – Еще мы видели памятник–ансамбль Героям Гражданской войны и памятник «Взрыв». Потом нас

повезли на Морской вокзал. Там пришвартован крейсер «Михаил Кутузов», сейчас там находится филиал музея Военно-Морского Флота.

Ну, прямо не женщина–пенсионерка, а девочка- пионерка: столько радости в душе и искры в глазах. Наигранной радости и актерской искры. Прямо позавидуешь актерскому таланту. Ей бы на мхатовской сцене играть вместе с великими мастерами.

- А в Цемесской бухте были? – буркнул я, чтобы не остаться в стороне, и желая избавиться от злости, заполнившей меня по самую макушку. Не понятно, кто открыл вентиль крана, из которого эта злость потекла по трубопроводу, подсоединенному ко мне. Возможно, я, возможно, умный историк, возможно, Вафа, искусно прячущая свои чувства.

- Да, были. И вид, скажу тебе, там великолепный, - без эмоций пробормотала она, вмиг растеряв актерское мастерство. Ко всему, Вафа сразу уменьшилась в размерах: спина согнулась, голова втянулась в плечи.

- Что же тебя впечатлило?

- Огромные суда, снующие туда-сюда. Ими так ловко управляют маленькие буксиры. А морская вода такого необыкновенного изумрудного цвета! Особенно у берега! Справа виден Новороссийск. Он похож на большущее чудовище мезозойской эры, горбатое и с длинным хвостом... – Она произнесла это речитативом, только музыкальное сопровождение отсутствовало, будто она только готовится к выходу на сцену, стоит за кулисами и повторяет в последний раз текст. Пока она «без свидетелей», то можно не следить за осанкой, главное – повторение текста, чтобы потом не «упасть в грязь лицом». Текст Истомина знала на «отлично», видно хорошо подготовилась к выступлению перед единственным зрителем, которым был я.

- А...

- Я не видела его! – перебила она меня, догадавшись, о чем я хочу спросить. И снова потупила взгляд, словно чувствовала за собой вину, что как не старалась, не могла увидеть лежащий на морском дне теплоход. Мой очередной мираж.

- Извини меня. – Я склонился перед ней и поцеловал руку. Она ласково погладила меня по голове, как, наверное, не раз проделывала это с Яной.

- Все нормально, все нормально, - как заклинание повторяла Вафа.

Вдруг я встрепенулся.

- Мужчина! Помнишь, я тебе о нем рассказывал, ну, у которого дочь погибла? - Вафа кивнула, - он первый разглядел «Нахимова» на морском дне. – Я замер, затем завопил, - как я о нем не подумал! Если мы вместе видели теплоход на дне, то могли оба встретить Марты. У него тоже горе, ему тоже нужна помощь!

- А Марты это та девушка, с которой ты столкнулся на мысе Дооб? - догадалась Истомина. – Но раньше ты не называл ее имя.

- Вафа! Я же тебе не успел рассказать о сегодняшней встрече с необыкновенным человеком!

Мой рассказ был длинным и интересным. Это я понял по лицу Варфоломеи Ильиничны. Я поведал ей о посещении библиотеки, о моем усердии в изучении местных газетных изданий, которое, в итоге, дало положительный результат: я встретился со Львом Александровичем Спириным, прекрасным ученым, посвятившим свою жизнь изучению загадочной крепости Суджук–Кале.

- Ты думаешь, что тот несчастный отец мог тоже, как и ты, встретить Марты?

- Это мое предположение.

- А как нам это выяснить?

- Завтра тридцать первое августа... Все родственники погибших по традиции соберутся на мысе Дооб.

- Думаешь, он приедет?

- Если сможет... Или... если еще жив, - тихо сказал я, вспомнив про его больное сердце.

Мои опасения оправдались: пожилого мужчины не было...

Мы стояли с Вафой на мысе Дооб перед памятным знаком в честь погибших на теплоходе «Адмирал Нахимов».

- Он внушает мне... страх, - прошелестела Истомина и взяла меня под руку. – Такое чувство, что подлодка спряталась под землей, остались только три обрезанные трубы... Думаешь, странное сравнение пришло мне в голову? – Я неопределенно повел плечами. - Нам вчера девушка-экскурсовод сказала, что эти часы, - она кивнула в сторону памятника, - подняты с теплохода и показывают время гибели – 23.20.

- Да, 23.20.

- Пойдем, посмотрим на море, - предложила Вафа.

Мы подошли к ограждению. Цемесская бухта выглядела великолепно, все было, как рассказывала мне вчера Истомина: и большие груженные баржи, и снующие деловые буксиры, и вода, разноцветная морская вода, утекающая за горизонт, или притекающая из-за горизонта. Все живет, все радуется, все меняется...

У подножия мыса, на берегу, загорали беззаботные люди. Детвора сидела на т-образном волнорезе, болтала ножками в прохладной воде и задорно смеялась. Я удивился беспечности родителей, которые оставили своих отпрысков без присмотра. Последняя, мысленно произнесенная фраза, ударила меня... током. И вернула душителя, от которого, как я думал, смог избавиться. Я дотронулся до горла, пытаюсь защититься от него.

- Простите меня, девочки, простите, что оставил вас без присмотра, - придушенно прошептал я.

Я поднял глаза к небу, синему небу с легкими воздушными облачками, и снова повторил свою мольбу.

- Мальчик мой, прошу тебя, не нужно себя казнить, - попросила Вафа сквозь слезы. – Ты...

Я не дал ей договорить, я не хотел услышать очередное заверение в моей невинности...

- Не надо, не говори ничего, - попросил я. – Давай просто помолчим...

Потом нас пригласили на катер, который должен доставить нас к месту гибели теплохода. Но Вафа наотрез отказалась.

- Ты прости меня, Роберт, но я не поеду. Я... боюсь.

- Хорошо. Жди меня на берегу...

Мы положили цветы на воду и, молча, склонили головы. Наши глаза с укором смотрели на море, поглотившее самых дорогих людей. В этот момент каждый страдал еще сильнее. Хотя, сильнее, уже страдать невозможно. Не знаю, преданы ли земле их погибшие родственники, или, как Яна и Берточка остались на затонувшем судне? Разница есть. Лично для меня. И это меня убивало.

Вдруг на воду плавно опустилась большая чайка. Она ловко лавировала среди лежащих на море цветов, как утка. Я никогда не видел плавающих чаек. Конечно, не раз слышал, что они могут и плавать, и нырять, охотясь за добычей. Может, наши цветы привлекли внимание мелкой рыбешки, а теми, в свою очередь, заинтересовалась эта птица. Однако чайка не собиралась нырять за добычей, ее интересовали цветы, которые расплывались по морской глади. Она долго изучала венки и отдельные букеты, словно проводила понятный одной ей отбор. Затем выделила из общей массы мой букет для Берточки. Для Яны я, как всегда, купил гладиолусы, а для Берточки - маленький букетик садовых гвоздичек бледно-фиолетового цвета. Чайка сделала вокруг гвоздичек небольшой круг, не сводя с букета взгляда, будто прицеливалась, потом ловко схватила его клювом, взмахнула крыльями и... полетела, не удостоив взглядом присутствующих, словно ее интересовали только цветы, а не люди на катере. Ее плавный парящий полет не был похож на полет обычной морской чайки. Да, и сама птица была несколько крупнее своих сородичей. Я стал следить за ее полетом. Ее движения были плавными и

завораживающими. Вдруг чайка стала замедлять полет, пока не замерла на несколько мгновений, словно задумалась: А не вернуться ли назад? Вот она начала разворачиваться... Я видел все, как в замедленной съемке... Чайка полетела назад, не выпуская из клюва букетик с гвоздиками. Она приблизилась настолько, что я смог хорошо рассмотреть ее большие круглые глаза, смотрящие на меня... уничижительно, будто я совершил ужасный поступок...

- Марты?! – вырвалось у Меня. Мой окрик напугал скорбящих родственников. Они с осуждением посмотрели на меня. – Простите, - нашелся я.

Чайка совершила разворот на сто восемьдесят градусов и удалилась в сторону берега. Я провожал ее взглядом, пока она не исчезла...

Зачем она это сделала? – мысленно задался я вопросом, на который не находил ответа. – Девушка, которая, согласно легенде, превратилась в чайку после смерти возлюбленного, никак не может оставить меня в покое. То советы раздает, то приводит в разрушенную крепость, от которой в наше время не осталось ничего, кроме рва, а теперь еще одна выходка – забрала букет гвоздик, ей не предназначенных. Почему она выбрала именно этот букет? Чем он ей приглянулся? Тем, что его положил я? Или она догадалась, кому он предназначен, и решила, что этого делать не следует? И к чему этот убийственный взгляд...

Я начинаю сходить с ума...

А что можно сказать о человеке, который... заглядывает в глаза птице, читает в них некий укор себе, а рядом стоит уйма людей, которые не видят ни чайку, ни ее выкрутасов, ни ее стараний осудить поведение мужчины, забывшего правила приличия...

Когда катер подошел к берегу, я уже принял важное для себя решение – надо выбросить из головы чайку, то есть девушку по имени Марты, пока у меня крыша не уехала окончательно. Забыть и о ней, и о ее предсказании, и о ее поведении в образе чайки.

От принятого решения мне легче не стало.

В условленном месте меня ждала Истомина. Она держала в руках тонкую брошюрку и обмахивалась ею, как веером.

- Ты плохо выглядишь! – сразу заявила она. – Не надо было ехать...

- Давай не будем! – Я не желал слушать лекцию на тему: «Что мне нужно делать, и как мне жить».

Я замечал, что в Новороссийске мой характер становится невыносимым. Зря я взял с собой Варфоломею Ильиничну. На нее обрушились все мои негативные эмоции.

– Прости меня, - покаялся я и взял ее за руку, как маленькую обиженную девочку.

- Проехали, - отмахнулась она и пригрозила, - но в следующий раз... получишь ремня!

- Согласен. Но думаю, другого раза не будет!

- Ты не приедешь сюда больше? Или меня не возьмешь? – испугалась она.

- Тебя не возьму.

Вафа ничего не ответила.

Мы, молча, дошли до гостиницы.

- Я хочу побыть один, - признался я.

- Я понимаю... Когда... приедешь в себя, то забегай ко мне в номер. Пойдем обедать.

- Ты проголодалась? – Я обнял Вафу за плечи, притянул к себе и чмокнул в висок.

- Нисколько, - успокоила она меня.

- Дай мне час, - попросил я, не особо доверяя её «нисколько». За завтраком она почти ничего не ела, готовилась к печальному мероприятию. - Лады?

- Лады, - усмехнулась она и исчезла в дверях своего номера. Но не успел я зайти к себе, как Вафа снова возникла в коридоре. – Роберт, я забыла отдать тебе вот это, - она протянула мне брошюру, которую использовала в качестве веера.

- А мне она зачем? – удивился я, но тонкую книжонку забрал. Женщина не удостоила меня ответом и быстро скрылась в номере. – Курорты Краснодарского края, - вслух прочел я надпись на обложке. Кроме нее имелся еще бездарный рисунок: неискренне улыбающаяся девушка в сарафанчике на фоне синего моря, в руках – веселый зонтик с пальмами. Желтый песок, синее море, красный сарафан и желтый зонт с зелеными пальмами. Бр-р-р!

Я бросил брошюру на стол, а сам развалился в кресле, призывая себя отключиться от всего. Призыв не получился. Закрыв глаза, я представлял парящую чайку с букетиком в зубах. Я не оговорился, мысленно произнеся «в зубах», так как это была турчанка Марты, а не обычная чайка, парящая над морем. Вновь задался вопросом - чем вызван ее интерес к моей персоне? – несмотря на то, что принял решения обо всем забыть. На катере было много людей, нуждающихся в поддержке, а она выбрала меня... На погибшего мужа-янычара, я так же похож, как коренной финн за узбека. Тогда в чем причина?

Этот вопрос будет мучить меня, пока я не найду на него ответ! Сам или с чьей-то помощью. Например, с помощью глубокоуважаемого Льва Александровича Спирина...

Я позвонил ему и облегченно вздохнул, когда тот согласился со мной встретиться. Перед уходом я заглянул к Истоминой.

- Ты не умрешь с голода, если я отлучусь на пару часов?

- Не умру! – успокоила она меня, не задавая лишних вопросов.

В синих глазах Льва Александровича я заметил некое удовлетворение, подтверждение которому я получил незамедлительно.

- Я рад, что вы пришли! – заявил он, потирая руки. Он был собран, деловит и настроен на серьезный разговор. – Мы с вами не договорили в нашу прошлую встречу! Так? – Я неопределенно повел головой.

- Я бы... хотел переговорить с вашей коллегой, которая... собирает легенды о Марты... - Не знаю, что задумал Лев, а я сразу «взял быка за рога».

Спирин внимательно посмотрел на меня, потом перевел взгляд на свой стол, заваленный бумагами, пошелестел ими, перекладывая с места на место, потом, наконец, обратил внимание на меня.

- Это невозможно, - задумчиво констатировал он, отсекая дальнейшие вопросы. Об этом я, как воспитанный человек, догадался. Но отступить не стал.

- Почему?

- Она заболела...

- Я могу пойти к ней домой, - нерешительно предложил я.

- Она в больнице.

- Что-нибудь серьезное?

- Инсульт, – коротко ответил Спирин.

- Прямо так раз, и инсульт, – не поверил я. Да, и весь вид историка утверждал обратное. Он, по обычаю, пригладил свою бороду, потом подергал ее, задумался о моей возможности быть доверенным лицом и решился.

– После вашего ухода, я отправился в архив. Эта женщина служит у нас архивариусом, - пояснил он. – Когда я туда зашел, то увидел ее лежащей на полу без чувств. Я думал, что это элементарный обморок, постарался привести ее в сознание, но безрезультатно. Пришлось вызвать неотложку. Я был рядом. Прибывший доктор сразу заявил о госпитализации. Ее уложили на носилки, доставили до машины скорой помощи, и вдруг она приоткрыла глаза, увидела меня и тихо что-то сказала. Я наклонился к ней, пытаюсь разобрать произнесенную фразу. Она произнесла всего одно слово, вернее, имя: Марты...

- Может, она... была не в себе, - неуверенно предположил я. – Инсульт это дело такое. Тем более, вы сами сказали, что она увлеклась сбором информации об этой турчанке. В голове все смешалось.

- Не думаю. Согласен, что при таком серьезном заболевании поражается головной мозг, и что Инна Львовна с излишним фанатизмом увлеклась легендами о девушке – чайке, но почему назвала ее имя? И что хотела этим сказать?

- А вы верите в эти легенды?

- Я... не знаю. Что-то было на самом деле, а потом... - Спирин смолк на полуслове.

- Вы считаете, что я все придумал?

- Не знаю, - неопределенно сказал он. – После перенесенной трагедии вы могли заинтересоваться историей этих мест. Много читали, в голове всё... перепуталось.

- Я не сошел с ума, - опроверг я недосказанный диагноз.

- Я не это имел в виду. Просто стресс вызвал желание найти советчика, помощника, который избавит вас от вины перед близкими. Вы же чувствуете за собой вину? Уверен, чувствуете. Каждый человек, потерявший дорогого ему человека, чувствует вину: что-то не сделал, мог спасти и не спас...

- Откуда вы знаете, что я корю себя за смерть моей жены и дочери? Может, я исключение из правил! – с вызовом заявил я. – Вина полностью лежит на двух капитанах!

- Вина обоих капитанов бесспорна, они понесли заслуженное наказание, но... Я повторюсь: любой человек, теряя своего близкого, винит себя за его смерть. Самоистязание свойственно почти всем людям, только одни это делают открыто, а другие – убивают себя изнутри. В первом случае, человеку легче избавиться от чувства вины: он получает подтверждение своей невиновности от всех родных и знакомых, заверение в его полной самоотдаче ушедшему близкому человеку. Закрытым людям тяжело вдвойне: они не выплескивают наружу накопившуюся боль, которая откладывается в душе тяжелым грузом. Самобичевание сидит внутри, никто из окружающих ничего не замечают, даже мысленно возмущаются безразличием, и такое возможно. Поэтому считают, что помощь и поддержка не нужна. Другие не возмущаются, удивляются выдержке и самообладанию, и тоже не лезут в душу, чтобы не усугубить ситуацию. Два разнополярных мнения добивают тайно скорбящего человека. Он мечтает об участии и боится этого участия, чтобы не мусолить горе, не вытаскивать его наружу. Неизвестно, как его спрятать подальше после пересудов. Он никому ничего не доказывает, не объясняет, просто живет один на один со своим горем. Хочет его с кем-то разделить, и не может. И делает вид, что его не заботит чужое мнение. Как можно сравнить чье-то мнение с пожаром внутри себя?! С пожаром, который уничтожает все внутренности. Подспудно человек понимает, что еще чуть-чуть, и он может не выдержать. Нужен человек или... видение, которое успокоит его, потушит этот пожар, заметный только ему и спасителю. Это своего рода самозащита организма от стресса, который достиг гигантских размеров.

- Вы считаете это вымыслом? Игррой моего воображения? – прямо спросил я, желая, во что бы то ни стало, получить конкретный ответ.

- Это лекарство для успокоения души, назовем это так. – Спирин откинулся в своем кресле и прикрыл глаза.

Я не понял: показывал ли он таким поведением, что разговор окончен, или это анабиоз, в который он впал, дабы обдумать создавшуюся ситуацию и вынести окончательный вердикт, объясняющий мои галлюцинации. Хотя, Лев Александрович уже ясно выразился по этому поводу. Но я надеялся, нет, я желал получить другой ответ.

- Тогда, как объяснить счастливые случаи спасения людей?! – взорвался я, вытаскивая ученого мужа из забытья.

- Фата-моргана! – изрек он, не открывая глаз.

- Фата-моргана? - повторил я, как попугай.

- Да-да, батенька мой! – Спирин очнулся и пытливо уставился на меня. - Слышали о фата-моргане?

Я сжался на стуле: его вопрос поставил меня в тупик.

- Это... мираж? – неуверенно произнес я.

- Мираж! – успокоил меня Лев Александрович. – Но более сложное оптическое явление, чем обычный мираж. В этом случае вместо предметов в их истинном положении видны их мнимые смещенные изображения. Ученые утверждают, что мираж появляется в ясной спокойной атмосфере при различной температуре ее слоев.

- Я всегда считал, что мираж возникает у человека, который лишен чего-то жизненно важного, например, спутник идет по пустыне, он не пил день или два, в голове у него одна мысль - дойти до водоема, упасть возле него и пить, пить, пить... Одним словом, когда желаемое становится навязчивой идеей, потом идея становится бредом, который, в свою очередь, превращается в визуальную галлюцинацию. Мне кажется, что перегрев происходит в голове, а не в атмосфере... Все проблемы у человека начинаются с головы, - философски заметил я.

- Вы правы... и неправы одновременно...

- Я не думаю, что усталый путник, увидев колодец и убедившись, что тот на самом деле не источник утоления жажды, а всего лишь мираж, спокойно сделает вывод: это оптическое явление смещенного изображения колодца, смещенного! Значит, настоящий колодец, не мираж, скоро появится... Или не скоро, но появится. И надеждой на это я живу, продолжаю идти... Я сейчас ползу, допустим, по пустыне Наска, что в Перу, а колодец в средней полосе нашей Родины. Это он так сместился. Но он появится, обязательно появится... через несколько тысяч километров. Не думаю, что это объяснение успокоит путника, который провел без воды два дня и жить которому остался один день. Без воды, как известно, человек может прожить три дня... Ему нужен настоящий колодец, а не мнимый... Это я к тому, что мираж или, как вы выражаетесь, видение, может помочь человеку, потерявшему близких людей. И, вообще, - зло бросил я, - мираж какого-то предмета появляется, если ты о нем постоянно думаешь, а я ни о Марты, ни о крепости Суджук–Кале ничего не знал. И книг на эту тему не читал. Я просто стоял на мысе Дооб и думал о своих девочках, а не о какой-то турчанке, которая бросилась со скалы в восемнадцатом веке. Откуда взяться фата-моргане? – Последнее слово я повторил по слогам.

Спирин занимался своим излюбленным занятием: поглаживал свою седую бороду и хитро поглядывал на меня.

- Фата–моргане! – повторил он, мое ерничество его не тронуло. – Помните, как у Бальмонта: «Правда тут будет, неправда ль обмана, только роскошной цветной пеленой быстро возникнет пред ним над волной – Фата–моргане!»

- Я Пушкина люблю! - парировал я резче, чем нужно.

- Пушкин – это великолепно, Пушкин – это наше все, - задумчиво проворковал Спирин. – Знаете, фата–моргане получила название от феи Моргана - персонажа английских легенд. Ее главный дар – целительство, она видела истинный смысл вещей и событий.

- То Марты, то целительница Моргана, - возмущенно сказал я. – То, вообще, мираж. Говорите прямо – у меня помутнение рассудка! – Горько усмехнулся я.

- Фата–моргане – не помутнение рассудка, это помощь человеку, находящемуся на грани...

- И чем же этот... мираж может мне помочь?

- Марты что-то сказала вам на прощание? – Спирин пронзил меня взглядом, упираться было бессмысленно.

- Она высказала пожелание мне...

- Не хотите говорить?

- Почему, не хочу. Я не принял ее слова всерьез.

- Давайте разберемся вместе, - предложил Лев Александрович.
- Она предложила мне поехать в поселок Большой Утриш.
- Марты как-то объяснила это?
- Сказала, что там я найду успокоение своей душе, что-то в этом роде...
- Большой Утриш... Это рыбацкий поселок...
- Да.
- Вы были там?
- Нет! – рявкнул я, выказывая недовольство.
- А на следующий день вы отправились бродить по окрестностям Новороссийска в надежде отыскать девушку, которую повстречали накануне. Так? – Я кивнул. – Эта девушка приказала вам поехать в рыбацкий поселок, а вы не выполнили ее требование. Она, скорее всего, решила, что вы, Роберт, незамедлительно туда последуете, а вы почему-то воспротивились... - Он странно посмотрел на меня, словно я какое-то животное, не понимающее простых слов и упирающееся огромными ветвистыми рогами.
- Да, батенька мой, - изрек Лев Спириин после некоторого молчания, - на развалины крепости она вас не так просто привела! – Мой рот самопроизвольно открылся, выражая наивысшую степень удивления. – Она хотела показать, что время играет против вас. Она призвала вас к действию, показывая на примере разрушенной крепости, что все может превратиться в руины, разрушиться, если... вовремя... - Он замолчал, усердно потер переносицу, потом очень тихо произнес, я едва расслышал, - недаром, чайка смотрела на наручные часы. Она намекала: ты зря теряешь время. Ты занят не тем!
- Не проще было явиться мне в образе девушки-турчанки и пояснить: зачем мне ехать в какой-то рыбацкий поселок?

Я вспомнил, как тогда, среди руин крепости Суджук–Кале, появилась чайка, что-то промурлыкала и пристроилась на надгробной плите. Может, это могила ее мужа? – подумал я. Но теперь этот вопрос был вызван не просто интересом, а нечто иным. Я хотел найти ответ, восстановив в памяти каждое движение чайки. Сейчас мне стало казаться, что анализ ее поведения поможет мне...

- Давайте рассуждать вместе, - предложил Лев Спириин, заметив мое погружение в мыслительный процесс.
- Я увидел разрушенную крепость, - голосом медиума начал я, прикрыв глаза. – То, что это крепость, я понял сразу... Наверное, меня убедило в этом удачно выбранное место для отражения нападения врага, и размах строения: его размеры были четко обозначены четырьмя полуразрушенными башнями. – Я замолчал, озадачившись озарением: почему я сразу не догадался, что это укрепление принадлежало туркам? Ведь, знал из истории о затяжной русско-турецкой войне. И быстро нашел этому объяснение: тогда мои мысли занимала девушка, это раз, я не думал, что этим руинам может быть двести лет, это два. Спириин говорил, что крепость была построена в тысяча семьсот семьдесят третьем году. Сейчас на дворе тысяча девятьсот восемьдесят девятый... Боже мой, я побывал в прошлом. Нет, не в восемнадцатом веке, когда она была только построена и не являла собой унылое зрелище, а годков так это через сто, когда никому до нее не было дела. Как сказал Лев Александрович: Крепость уже не имела стратегического значения. Но побывать в прошлом – это так здорово! Особенно среди руин... Ты уверен, что этих камней не касалась рука твоего современника. И это подкупает больше всего. Это не картина Рембранта, которая дошла до нас благодаря кропотливому труду реставратора. Да, это творение Рембранта, но уже... восстановленное. Ценится не состояние, а чувство неприкасаемости. Или, например, перед тобой квартира Пушкина в доме на Арбате, на втором этаже. Именно, сюда привез поэт свою жену после венчания. Все годы об этом событии объявляла небольшая мемориальная доска на доме. Три года назад квартире придали нормальный вид, я не люблю утверждение «восстановили по рассказам современников», я в это верю с трудом. Да, конечно, в этой квартире что-то оставили от

той поры, но ремонт с помощью современных строительных средств вызывает усмешку. Да, лепнина, да, стены, но это прошлое скрыто под слоем краски или побелки made in USSR. Я не говорю, что наша история, под которой я подразумеваю всю старину с ее домами, особняками, дворцами, должна покоиться в руинах, но надо подходить к этому вопросу более тонко, оставляя небольшой кусочек прошлого, подтверждающий ее подлинность. Реставрация не должна быть фанатичной, это не заказ хозяина на ремонт квартиры, где все должно быть замазано, заклеено, сиять чистотой и новизной. Это не просто квартира человека, это место, где жил гений, где он спал, сидел, творил. Он пережил твоих предков, переживет и тебя. Он вечен... А ты можешь сделать только одно – прикоснуться к святыне: прийти в его квартиру и подышать с ним одним воздухом, закрыть глаза и увидеть Пушкина, сидящего за столом с пером в руке. Но в этом... отреставрированном помещении ты, увы, не видишь Александра Сергеевича с Натальей Николаевной, даже если закрываешь глаза. Перед тобой отреставрированная квартира, куда поместили отреставрированную мебель прошлого века, рукописи поэта, его вещи... Главное – ты не чувствуешь дух того времени, ты не ждешь появления самого гения, который отлучился на несколько минут, не закончив очередное творение. Вроде, все предметы на месте, и перо в чернильнице ждет хозяина, но ты знаешь – он не вернется, потому что это... не его дом.

Поэтому руины крепости так повлияли на меня: я, словно очутился в том времени. Прочувствовал его. И занялся написанием картины. В помощники мне вызвался шепчущий на ухо невидимка. Это я понял только сейчас. Поэтому смог воспроизвести на холсте крепость в момент ее расцвета, а не заката, какой она представилась мне год назад. Любой человек может подвергнуть сомнению соответствие крепости Суджук–Кале ее изображению на холсте, к которому приложил руку художник Роберт Зепп. Но я, Роберт Зепп, уверен, что именно так выглядела крепость в те годы, когда в ней жили янычары...

Я почувствовал чье-то дыхание совсем рядом...

Я вернулся из грез. Рядом стоял Лев Спиринов и с интересом рассматривал рисунок, лежащий передо мной. Я уставился на свою руку с зажатым карандашом. Значит, сие изображение воина сделано мною, а я и не заметил. Повертев в руках лист, я обнаружил, что обратная сторона моего творчества исписана неразборчивыми каракулями.

- Извините, - покаялся я, сообразив, чьему перу принадлежат научные тезисы.

- Это интересно! – Спиринов выхватил из моих рук лист бумаги с рисунком, вышедшим из-под моего карандаша, вернее, карандаша хозяина кабинета, который оказался в моих руках во время размышлений о прошлом. – Вы знаете, как выглядели янычары? – Удивился он.

- Это... янычар? – Я по-хозяйски вернул свой рисунок и стал изучать его. Это не рисунок, а так, набросок... Некоторые рисуют розочки, ромашки или домики, раздумывая над очередной проблемой, а я – янычаров. Надо признать, что мужик-янычар получился что надо, колоритный: с усами и аккуратно постриженной бородой; на голове колпак, как у запорожских казаков, даже сзади похоже свисает кусок ткани, напоминающий по форме рукав. Униформа оторочена мехом, на одном боку – сабля, на другом – некое подобие арбалета. Да, в вооружении я не силен... И когда я успел сделать этот рисунок? – Странная шапочка, - усмехнулся я, ляпнув первое, что мне пришло в голову, желая загладить свою вину.

- Это берк - головной убор янычар, - подсказал Лев Александрович. – Такое впечатление, что вы сами не понимаете, кого изобразили.

- Не понимаю, как это вышло, - согласился я, пристально рассматривая набросок. - Задумался и не заметил, как он получился.

- Вы – художник? – догадался Спиринов, переводя взгляд с меня на изображение янычара, словно искал между нами некое сходство.

- Художник, - кивнул я. Его попытка найти сходство турка со мной, перенесло меня к Марты... Я снова принялся гадать: почему эта девушка–мираж выбрала меня для короткого душевного разговора, который, лично я, задушевым не считал. Оброненная в начале фраза заставила любое ее слово принять «в штыки». Можно предположить, что Марты считает свое горе более значимым, чем другие, отсюда и бесцеремонность, отсюда и несдержанность. А кто способен разобраться в твоих глубоких чувствах к ушедшему в мир иной любимому человеку?! А Спирина утверждает, что Марты – это поддержка человеку на грани... Допустим. Она обронила дурную фразу, опомнилась, но поздно. Решила загладить свою вину, затянув меня в развалины крепости... Дальнейшее объяснение Спирина мне импонирует... Но я не верю, что ее интерес ко мне появился «на пустом месте». Еще раз вернусь к ее супругу. Неужели мы похожи? Может, я напоминаю ей его походкой или еще чем-то? Или, все-таки, она - целитель, как выразился уважаемый Лев Спирина, целитель моей израненной души - собирательный образ турчанки Марты, девушки – чайки, не вынесшей потери любимого мужа–янычара, и героини английских легенд – феи Моргана, помогающей найти истинный смысл жизни...

Мои мысленные рассуждения прервал телефонный звонок. Терпеливо поджидавший моего возвращения в реальность Лев Спирина коротко переговорил по телефону, положил трубку и удивленно произнес.

- Звонили из больницы. Инна Львовна пришла в себя. Врачи говорят, что она очень плоха, но она в сознании. - Он задумчиво потер указательным пальцем переносицу. Потом обратился ко мне. - Инна Львовна желает меня видеть. Вы поедете со мной? Мне кажется, вам стоит услышать то, что она мне хочет сказать. Недаром она упомянула Марты.

Сначала я хотел отказаться, но любопытство взяло верх. Мы сели в старенький «Москвич» Спирина, и отправились в больницу...

Глава шестая

В больничной палате стояли две кровати. Одна пустовала, а на другой лежала бледная женщина. Я догадался, что это и есть Инна Львовна – коллега Спирина.

У постели больной пристроилась на стуле заплаканная молодая женщина, наверное, родственница. Мы тихо зашли и замерли у порога. Тут же появилась медсестра и попросила нас долго не задерживаться. Мы дружно кивнули. Я чувствовал некоторую неловкость: ладно бы, пришел один Спирина, он давно знаком с архивариусом, скорее всего, проработали вместе не один десяток лет, а мне-то что тут делать. Я уже собрался ретироваться, но Лев Александрович уловил шевеление за его спиной и ухватил меня за руку. Так мы парой и подошли к молодой женщине, которая при виде нас поднялась и промокнула платочком влажные глаза. Спирина приобнял ее и по-отечески поцеловал в лоб. Обстановка не способствовала знакомству, мой спутник это понял и не представил нас. Он опустился на стул, на котором сидела молодая женщина, и коснулся руки Инны Львовны.

- Инночка, я пришел, - ласково голосом сообщил Лев. Та приоткрыла глаза и еле слышно что-то произнесла, не акцентируя взгляд на ком-то конкретном.

- Ей трудно разговаривать, - пояснила заплаканная женщина. – Мамошка, ты меня слышишь? Пришел Лев Александрович, ты хотела с ним поговорить... - Она старалась внятно произносить слова, делая значительные паузы.

Инна Львовна поводила глазами и остановила затуманенный взгляд на коллеге, который придвинулся к ней ближе.

- Инночка, я здесь, рядом.

- Хорошо... - невнятно произнесла она. – Я хотела... тебе кое-что рассказать...

- Если тебе тяжело, то давай перенесем разговор на другое время.
- Потом будет поздно, а мне это необходимо... – Инна Львовна провела языком по потрескавшимся губам. Дочь схватила стакан с водой. Мать сделала несколько глотков. Попыталась улыбнуться, подбодрить ее. После снова обратилась к Спирину. – Лева, она приходила ко мне...
- Кто? – не понял он. И оглянулся на меня. Я не понял, что было в его взгляде: укор мне или сомнение в словах больной женщины. О ком идет речь, он, естественно, догадался.
- Марты. Она приходила ко мне. Появилась... внезапно, словно из ниоткуда...
- С чего ты взяла, что это была Марты?
- Я знаю... Многие спасенные описывали ее. Один даже написал ее портрет. Как умел... Он был моряком, а не художником...
- Она что-то сказала?
- Да. – Женщина закрыла глаза, наверное, пыталась вспомнить, о чем говорила турчанка. Но продолжила рассказ не заявлением неожиданной гостьи. – У нее были большие серьги. Они доставали ей до плеч... Серьги раскачивались при каждом сказанном ею слове, и гипнотизировали меня. Я не сразу сообразила, что она говорит, я видела только серьги, качающиеся туда- сюда...
- Ты ее хорошо рассмотрела, вдруг кто-то прознал о твоём интересе к турчанке и решил тебя разыграть? Он мог сделать это без проблем: в архиве достаточно темно, помещение полуподвальное, а вокруг здания раскидистые деревья, – пристрасно проговорил Лев Александрович. Мне показалось, что объяснение было адресовано мне. – Поэтому весь день, даже летом, горит свет.
- Почти все лампочки потухли, только у входа в архив, над дверью, горел настенный фонарь дневного света.
- А марты появилась до или после того, как потух свет?
- Сначала потух свет, а потом появилась Марты, – почти нормальным голосом ответила Инна Львовна. Мне показалось, что в процессе диалога с коллегой, ей стало гораздо лучше.
- Ты не помнишь, что она сказала?
Женщина вновь прикрыла глаза и сосредоточилась на воспоминании. Прошло минут пять, я подумал, что она уснула, но ошибся.
- Марты сказала: «Не надо собирать обо мне небылицы и рассказывать их людям». Я заверила ее, что никому не рассказываю, просто записываю все рассказы в тетрадь... Она протянула руку и приказала отдать ей эту тетрадь, чтобы она не досталась... Марты назвала имя... Боже, я забыла... Мужское имя... Не могу вспомнить, что ж такое.
Дочь начала перечислять мужские имена, ее мать не произносила ни слова: для резких отрицаний у нее не было сил, ожидала нужное имя.
- Погоди, девонька, – остановил ее Спиринов. – Этак мы до ночи будем гадать. Инночка, может быть, этот человек работает в нашем музее? Или он тебе знаком вне пределов работы? – Он повернулся ко мне и прошептал, – нужна какая-то зацепка.
Инна Львовна услышала.
- Есть зацепка. Молодежь не помнит, но в нашу молодость был кинофильм, в названии которого упоминалось это имя.
Лев покосился на меня, словно я снимался в этом фильме или был в числе постановщиков. Следующая фраза все объяснила.
- Этот фильм назывался «Его звали Роберт»? – спросил он у коллеги, не сводя с меня глаз.
- Точно, Роберт, – на ее губах появилось некое подобие улыбки, только какой-то перекошенной. – Марты так и сказала: «Не хочу, чтобы эта тетрадь досталась Роберту». Но я не знаю никакого Роберта. И тетрадь я никому не собиралась отдавать.
- Марты объяснила причину?

- Она что-то говорила... Я не помню... – И снова погрузилась в себя. Я надеялся, что память не подведет её и на этот раз. Она так резко открыла глаза, что мы дружно вздрогнули и непроизвольно отпрянули. – Я вспомнила! Марты сказала: «Я хочу навсегда уйти из его жизни, потому что он не понял меня. Если я даю совет, надо следовать этому совету»...Только я не понимаю, зачем ей тетрадь, все мои записи я помню наизусть, если бы пришел этот Роберт, я ему все рассказала и без тетради.

Мы переглянулись.

- А потом? Что было потом? – спросил Спирин.

- Потом я отдала ей тетрадь, и она исчезла. Тут же зажегся верхний свет. Больше я ничего не помню...

В дверях появилась медсестра.

- Вам пора, - поторопила она нас.

- Да-да, уже уходим, - заверил ее Лев Александрович. Потом склонился над Инной Львовной. – Я завтра приду, ты выздоравливай... - Мы простились и вышли на улицу.

- Побывав в таком месте и увидев мучения больного человека, начинаешь ценить жизнь, – философски изрек Спирин.

- Вы понимаете что-нибудь? – поинтересовался я, не поддерживая философское отклонение от темы.

- Я чувствую, что Инна, увы, не жилец на этом свете, - с грустью заметил он.

- У этого чувства есть основания?

- Марты затаила на вас обиду, а расплачиваться будет Инна.

- Что за ерунда! – возмутился я. – Мне показалось, что эта женщина, - я кивнул в сторону больницы, - слишком много времени посвятила собиранию легенд об этой турчанке, вот и... заболела. – Я хотел сказать «тронулась умом», но не стал делать резких заявлений. – А Марты ей привиделась уже после того, как случился приступ... - Вспомнил, что турчанка приходит к тем, кто нуждается в поддержке, и добавил, - Инна Львовна мучилась от боли, а Марты решила облегчить ей страдания.

- Разговором о некоем Роберте, который не последовал ее совету? – с долей иронии произнес ученый муж.

Я промолчал. И что я могу сказать, если совпадения на лицо: обо мне сотрудница архива ничего не знала, Спирин не успел ей пересказать случай на мысе Дооб, который вскоре был засвидетельствован в ее тетради.

- Я хочу вам дать совет. Можно? – задал вопрос Спирин. Я кивнул. – Забудьте о Марты. И не приезжайте сюда больше...

- Я не могу, я должен приезжать сюда каждый год, тридцать первого августа, - тотчас нашел я оправдание своим ежегодным визитам.

- Это все... неправильно, - скривился он. - Оставьте в покое ваших близких... и не рвите свое сердце. Я не говорю, что вы должны забыть о прошлом. О прошлом забывают люди без будущего. Ваша супруга и ваша дочь всегда будут жить в вашей душе, поэтому не обязательно выставлять напоказ свои чувства в памятный день. Никто вас не осудит, если перестанете сюда приезжать тридцать первого августа. Не кляните себя, не откручивайте пленку назад, не переживайте заново трагедию, не выдумывайте, как бы сложилась ваша жизнь, если бы... У вас с женой было много хороших моментов, вот на них и концентрируйтесь. Вспоминайте ее слова, произнесенные в ваш адрес, ее советы, и следуйте им. Становитесь мудрее с ее помощью.

- А моя...

Продолжить у меня не получилось. Душитель подкрался незаметно. Я автоматически прикрыл горло рукой. Спирин наметил мои манипуляции, мое затрудненное сглатывание слюны и без предисловий, поставил диагноз:

- Это спазм! Вам нужна таблетка валидола!

- Не нужна мне таблетка, - прохрипел я. – У меня сердце... не болит.

- Оно не болит, оно возмущается вашим отношением к нему! – констатировал Спирин. – И все-таки, рекомендую валидол – отличное спазмолитическое средство. – Он вытащил стеклянный цилиндр с лекарством и протянул мне.

Я не смог отказать ему и сунул таблетку под язык, как это делала Варфоломея. Как это делал пожилой мужчина, потерявший в катастрофе дочь и зятя. Странно, но душитель вскоре исчез. Значит ли это, что он – моя выдумка?

Лев догадался, о ком я хотел поговорить.

- Что касается вашей малютки, - он с сочувствием посмотрел на меня, – которая не умела говорить, но за два месяца многому научилась: держать головку, улыбаться, реагировать на родные голоса, вот об этом и вспоминайте. Не представляйте ее в двухлетнем или в пятилетнем возрасте. Придумайте себе грустную сказку – она перебралась на другую планету, где рост и развитие человека останавливаются. Она там, а вы здесь, и добраться до той планеты вы не можете по независящим от вас обстоятельствам. Договорились?

- Я постараюсь.

- Вот, и отлично! – Мы сели в машину и поехали. – Куда вас подвезти? – спросил Лев Александрович. Было заметно, что разговор с Инной Львовной и убедительный монолог, обращенный ко мне, отняли у него много сил.

- Высадите меня у ближайшей автобусной остановки. Я сам доберусь.

- Надеюсь, вы на меня не в обиде?

- Что вы, нет, конечно.

- Тогда я доставлю вас до места.

Только сейчас я до меня дошло, что на улице давно стемнело. Я посмотрел на часы: было почти девять...

Бедная моя Вафа! – с сочувствием подумал я.

Когда «Москвич» затормозил у дверей гостиницы, я неожиданно пригласил Спирина в свой номер, пространно намекнув, что хочу ему кое-что показать. Желание отдать на суд специалиста мою картину с изображением старинной крепости пришло спонтанно. В глубине души я был благодарен Льву за совет, наверное, захотел его отблагодарить.

- Да, вы талант, батенька мой! – воскликнул Спирин, разглядывая изображение крепости Суджук–Кале. – Такой я ее и представлял!

- Картина еще не закончена. – Его похвала мне льстила.

- Мне кажется, - осторожно начал он, - но это мое мнение, не обижайтесь и поступайте, как считаете нужным, но... я бы не стал... дописывать ее.

- Почему? – удивился я. – Вы считаете, что янычары здесь не нужны. А как же...

- Эта пустота и отсутствие копошащихся защитников внутри крепости, превращает ее... в фата-моргану. Существовала некая крепость два века назад, потом время взяло над ней верх, она медленно разрушалась, пока на ее месте не осталось почти ничего. Так, какие-то углубления в земле. Но она вдруг явилась взору художника, как мираж, нет, мираж – это слишком просто, как фата-моргана, которую некоторые ученые называют воздушной линзой. Художник смог ее рассмотреть там, где другие ходили миллион раз и не видели ее. И не только рассмотрел, но и изобразил на холсте, чтобы его современники могли насладиться крепостью Суджук-Кале в ее первозданном виде. – Спирин задохнулся от переполнявших его чувств. – Такое изображение крепости, - он показал рукой на мою картину, - никто не видел. Помните, я рассказывал вам о чертежах, хранящихся в военном архиве?

- Конечно! Вы еще называли фамилию архитектора. Лафитт–Клаве, так кажется?

- Абсолютно верно! У вас хорошая память. Но, у Лафитт-Клаве были просто чертежи, сухие чертежи. По ним невозможно ярко представить крепость Суджук–Кале.

- Лев Александрович, я вам очень признателен, что так высоко оценили мою работу. - И произнес фразу, о которой после никогда не пожалел. – Я хочу подарить вам эту картину.

- Это... это лучший подарок для ученого, всю жизнь посвятившего восстановлению крепости по крупицам. Я надеялся в скором будущем сделать макет Суджук–Кале. Не сам, конечно, для этого Бог, увы, не наделил меня способностями... А ваша работа – это шедевр! Я передам ее в наш музей.

- Мне кажется, что она...

- Достояна, достойна, - отмахнулся Спирин, не дослушав меня до конца.

В дверь робко постучали. Я догадался, кто меня посетил.

- Роберт, - заявила Вафа с порога, не забыв поставить ударение на втором слоге, - ты меня в могилу сведешь! Куда ты пропал?

- Извини, я немного задержался, - я подвел ее к Спирину. – Лев Александрович, это моя бабуля – Варфоломея Ильинична.

Мой гость подобрался, втянул живот, расправил плечи и слегка склонил голову. Так, чтобы моя бабуля не выпала из поля зрения. Под взглядом синих искрящихся глаз она сразу стушевалась, раскраснелась, как молоденькая девушка на сватовстве, кокетливо повела плечиками и поджала губки.

- Роберт, я думал, это ваша маман, - сделал он неловкий комплимент.

Истомина сначала нахмурилась, потому как не выносила лицемерия, потом окинула оценивающим взглядом стоящего перед ней навтыжку мужчину, смилостивилась и вступила в великосветский разговор.

– Чем вы здесь занимаетесь, молодые люди? – поинтересовалась она, гордо вздернув подбородок и сцепив в перекрестный замок пальцы перед собой.

- Я люблю картину Роберта, - поглаживая бородку, пояснил Лев. В голосе проскользнули оправдывающие нотки.

- Мой мальчик очень талантливый художник! - тоном, не терпящим возражений, сказала Вафа, а я легонько дернул ее за рукав.

Для позднего вечера моя дама выглядела слишком торжественно: на ней была белая блузка с легкомысленными рюшами и темная юбка, а на ногах элегантные черные лодочки. Уложенные волосы я тоже оценил по достоинству.

Я знал, что через «картонные» стены из соседних номеров слышны любые звуки, поэтому наши разговоры не остались ею незамеченными. Заслышав незнакомый мужской голос, она навела «марафет» и отправилась ко мне, якобы пожурить.

- Роберт, не нужно меня дергать! Я имею право на свое мнение. – Вафа «взбодрила» руками рюши на блузе и выжидательно уставилась на Спирина – следующий ход был за ним.

- Э-э-э, - протянул человек с «подвешенным» языком, вмиг растерявший свои способности.

- Погода хорошая, - вставил я, изучая потное лицо суетливого кавалера.

- Хорошая, - подтвердил он без продолжения.

- Лев Александрович, я обещал бабуле быстро вернуться и повести ее на обед... На ужин, - поправился я. – И жестоко ее обманул.

- Роберт, ну что ты, право слово, выставляешь меня в неблагоприятном свете – я не страдаю зверским аппетитом, – растерялась Вафа. Видимо, знакомство с приятным мужчиной, который «положил на нее глаз», сильно подействовало – она правильно поставила ударение в моем имени.

- Есть на ночь вредно! – брякнул Лев и смутился. Как не смутиться, если бабуля резко отвернулась, еще минута, и она покинет мой номер, выстукивая каблуками послание глупым мужчинам.

- Э-э-э, - заблеял совсем поглупевший историк.

- Погода хорошая! – повторил я с нажимом на втором слове.
- Варфоломея Ильинична, не хотите ли прогуляться перед сном, - наконец, сообразил Спирин и успел изогнуть баранкой руку, чтобы женская рука могла туда проскочить. Не проскочила. Вафа сочла это преждевременным. Но снизошла.
- Я бы подышала свежим воздухом, чтобы лучше спалось. У меня бессонница. Знаю я, какая у нее бессонница! Ее способности засыпать в любых условиях позавидовали бы люди с крепкой нервной системой.
- Я уже собрался выпроводить парочку из своего номера, но бабуля решила выяснить еще один важный момент.
- Лев Александрович, вы женаты? – в лоб спросила она, будто он пригласил ее «замуж», а не на вечерний моцион.
- Я вдовец, уже пятнадцатый год, - отчитался он.
- А можно узнать, сколько вам лет? – не унималась «невеста». Нет, скорее инспектор отдела кадров предприятия, на которое пришел устраиваться на работу мужчина, который не выглядит на свой возраст, указанный в паспорте.
- Мне шестьдесят шесть! – Он признался в этом с такой легкостью, словно на самом деле ему было двадцать шесть.
- Я старше вас на два года, - укоризненно заметила Истомина, будто мужчина был виноват в этом возрастном неравенстве.
- Не может быть! – искренне удивился он и поспешно проворковал, - что такое два года! Пустяк!
- Вафа, если у тебя больше нет вопросов к Льву Александровичу, то...
- Не подгоняй меня! – взбрыкнула она, повернулась в мою сторону и хитро мне подмигнула. Спирин в это время пристально изучал обои на стенах.
- Я подбодрил бабулю кивком головы и показал большой палец. Она пожала плечиками, мол, раз ты настаиваешь...
- Лев Александрович, - обратился я к историку, оторвал от серьезного занятия, - вы накормите ее ужином, пожалуйста.
- Глаза Истоминой округлились, выражая высшую степень недовольства.
- Роберт! – призвала она к порядку и для пущего устрашения притопнула ножкой.
- Спирин не дал ей продолжить наступление.
- Дорогая Варфоломея Ильинична, - мягко вступил он, а Вафа стрельнула в меня глазами, показывая, что обращение «дорогая» ей импонирует. – Не обижайтесь на Роберта, он проявляет о вас заботу. А то, что он оставил вас без обеда и без ужина, есть и моя вина. Это я заболтал вашего внука.
- Но я хочу увидеть вечерний Новороссийск, - романтично протянула она.
- Все потом, после ужина! Мы сейчас же идем в ресторане, выпьем по бокалу шампанского, перекусим, а потом отправимся гулять по ночному городу!
- Ого! – не выдержал я. – Насыщенная программа! К утру управитесь?
- Не переживайте, молодой человек, - заверил меня помолодевший Лев Спирин, - я верну Варфоломею Ильиничну в целостности и сохранности!
- Нисколько в этом не сомневаюсь!
- Пусть картина пока полежит у вас, - тихо добавил он, не сводя влюбленного взгляда с Вафы.
- Они покинули мой номер.
- И эта женщина хотела уйти в монастырь! – усмехнулся я, стоя у окна и провожая взглядом мою счастливую бабулю.
- Рассуждения Спирина о шашлычке разбередили мой аппетит. На шашлык в гостиничном ресторане я не надеялся, но с удовольствием уплел отбивную с жареной картошечкой. Утрамбовал все это чашкой чая с двумя пирожными и поплелся в свой номер, тяжело вздыхая при подъеме по лестнице.

На ночь есть вредно, - считала Яна, как и Спирин. И не забывала уточнить, - особенно вредно жареное и сладкое!

Вспомнив Яну, я не подвергся нападению душителя, только внутри меня что-то приглушенно заныло и через некоторое время отпустило, словно я успел выпить обезболивающее. На самом деле, я всего лишь представил лицо Яны, когда она рассуждала на тему правильного питания. Как она не пыталась спрятать презрение к вечерней трапезе, у нее это плохо получалось.

Я мысленно поблагодарил Спирина за совет. За размышлениями не заметил, как оказался в своем номере, быстро принял душ и, прихватив выданную мне Вафой брошюру, улегся на кровать. Хорошее чтение для быстрого засыпания, - сделал я вывод и стал её небрежно перелистывать.

Каждая страница содержала описание различных курортов. Я читал одни названия, пока мой взгляд не наткнулся на... поселок Большой Утриш. Я мысленно дал характеристику поведению моей спутницы, которая решила во чтобы то ни стало отправить меня в рыбацкий поселок, предварительно подсунув мне хвалебную статью о нем.

А почему бы не обогатиться сведениями об этом Утрише? – подумал я и стал читать.

Надо отдать должное автору, воспевающему рыбацкий поселок: реклама сделана на пять с плюсом. Создалось впечатление, что лучшего места для отдыха нет на всем белом свете!

Начиналась реклама с легенды. (Опять легенда!) Именно в тех местах Зевс ударил молнией в скалу, чтобы на отвесном выступе приковать цепями провинившегося Прометея, который посмел подарить огонь людям. Потом прилетел орел и стал клевать его печень. После кровожадного орла явился Геракл и избавил Прометея от мук, освободив от оков. Перед уходом Прометей взял на память кусочек скалы и после сделал из нее перстень...

Автор призвал всех последовать примеру Прометея, не в том смысле, чтобы приковаться к скале для истязания печени орлом, а в том, чтобы смастерить себе перстень из этой же скалы и рассказывать всем, из чего тот сделан.

Вторым достоинством поселка Большой Утриш была замечательная рыбалка. Сразу вспомнился фильм «Бриллиантовая рука», где герой Никулина не успевал вытаскивать рыбу из морских глубин...

Рыбалка меня мало интересует, - решил я и стал читать дальше.

Автор советовал приехать сюда для совершения пеших прогулок по горам, чтобы насытиться воздухом, перенасыщенным йодом и фитонцидами можжевельника, произрастающего повсюду в этой замечательной местности! И опять о можжевельнике: А на рынке можно приобрести подушку, набитую можжевельниковой стружкой, которая избавит от простуд и головной боли.

Еще одно чудо рыбацкого поселка – Змеиная бухта, которая находится в Государственном заповеднике. Здесь, действительно, огромное количество этих представителей отряда чешуйчатых.

Остальную часть текста я быстро пробежал глазами, посчитав ее ненужной. Нет, все же одна фраза меня заинтересовала: В Большой Утриш приезжают будущие мамы, - писал автор, - чтобы родить ребенка в чистой морской воде.

Средневековье, - заключил я. – Неужели кто-то пойдет на такое?

Спирин был прав, когда призывал меня забыть о Марты... Можно сойти с ума, если постоянно думать о ней и анализировать нашу беседу. Как утверждала Инна Львовна, турчанка обижена на меня за невнимание, ну, и ладно...

Перед тем, как уснуть я подумал о больной женщине... Надо завтра позвонить в больницу и справиться о ее здоровье...

Уже под утро я услышал сквозь сон, как скрипнула соседняя дверь...

Вафа вернулась, - успокоился я и перевернулся на другой бок.

Я позавтракал в полном одиночестве: будить загулявшую невесту не осмелился.

Я стал упаковывать свои вещи, когда раздался стук в дверь. Это был Спириин.

- Вы видели Варфоломею Ильичичну? – с порога поинтересовался он, даже забыв поздороваться.

- Нет, - ответил я, почувствовав тревогу и попытался себя успокоить, - кажется, я слышал сквозь сон, как она вернулась. А вы... проводили ее до гостиницы?

- Обижаете, молодой человек! - нахмурился и нервно дернул себя за бороду бабулин приятель.

- Тогда, почему вы спрашиваете?

- Я думал, что она успела... поделиться своими... мыслями. – Лицо пожилого мужчины пошло красными пятнами.

- Вам нехорошо? – испугался я.

- Нет, все замечательно, только... я волнуюсь, - робко признался он и покосился на стену, за которой почивала его новая знакомая. – Я не догадываюсь, какое... я произвел на нее... впечатление.

- Обещаю всё выяснить и доложить вам! – сдерживая рвущийся наружу смех, протараторил я.

- Я буду вам искренне признателен, - рассеянно поблагодарил он. – Но я, собственно, пришел не за этим. Я вчера оставил у вас картину.

- Я так и понял. Конечно, за картиной, за чем же еще. – И с этими словами передал ему из рук в руки вчерашний презент.

- Спасибо. Еще раз спасибо... Я пойду?

- Лев Александрович, вы в больницу не звонили? Как себя чувствует Инна Львовна?

- Еще нет, закрутился, забегался...

За девушкой Вафой ты забегался, - мысленно закончил я за него.

- Можно я позвоню с вашего телефона?

- Звоните.

Спириин стал накручивать диск телефона.

- Все время занято. - Он откинулся на спинку кресла и потер глаза, потом подавил зевок.

– Вы, наверное, смеетесь надо мной: старик гуляет по ночам, как влюбленный подросток?!

- Ни в коем случае! Я рад, что вы подружились.

- А вы уже уезжаете? - испугался он, заметив мой собранный чемодан.

- Да. - Мне стало жаль этого немолодого мужчину, которому, возможно, впервые за все время вдовства понравилась женщина, разлука с которой совсем близка и еще неизвестно, встретятся ли они вновь.

- Жаль. Очень жаль.

– Но я не настаиваю, чтобы Вафа следовала за мной, как жена декабриста, - попытался успокоить я Спирина.

- Но захочет ли она остаться, вот в чем вопрос? – Он снова вернулся к накручиванию диска телефона. – Девушка, - произнес он в трубку...

Я скрылся в ванной, чтобы не мешать разговору. Выждав там несколько минут, я вернулся и застал его с телефонной трубкой в опущенной руке. Было заметно, что новость его потрясла.

- Лев Александрович, вы сами вчера говорили, что Инна Львовна не жилец на этом свете... - Я взял трубку и положил ее на рычаг. О том, что я косвенно виновен в ее смерти, мне думать не хотелось. Признаться честно, с резким утверждением Спирина я был не согласен, но вчера спорить не стал, у каждого свое мнение, тем более его мнение

сложилось после посещения больницы – «такого места, после которого начинаешь ценить жизнь» - как он сам выразился.

- Инна... была моложе меня на восемь лет...

Я не стал говорить банальные слова о людях, которые уходят навсегда в рассвет жизненных сил, а перескочил с трагической темы, чтобы самому не оказаться в лапах душиителя.

- Хотите, я покажу вам портрет Марты? - предложил я.

- Портрет Марты? – как эхо, повторил за мной Лев.

Я покопался в своей папке, вытащил эскиз и протянул Спирину. Он стал с интересом рассматривать его.

- Он у вас в единственном экземпляре? – спросил он совсем не то, что я ожидал услышать.

- Нет, в Берлине есть несколько.

- Этот отдайте мне, а те... уничтожьте! Обещаете?

- Но... почему?

- Так надо... Этот портрет будет вам лишним напоминанием о ней и о... В общем, порвите, сожгите...

- Хорошо, - согласился я. – Лев Александрович, спасибо вам за все! – искренне поблагодарил я.

- Да, что вы, - отмахнулся он. – Это я вам благодарен за подарок. - Спирин кивнул на свернутый холст...

Вечером я отбыл в родной город, Вафа осталась в Новороссийске, заверив меня, что вернется через несколько дней.

- Лев пригласил меня пожить в его доме, - поделилась она, стоя на перроне у вагона моего поезда. – Ты не возражаешь?

- Почему я должен возражать? Он хороший человек... Я даже буду не против, если ты выйдешь за него замуж. Кстати, как ты к нему относишься? – вспомнил я просьбу Спирина.

Истомина задумалась.

- Знаешь, Роберт, я всю жизнь прожила одна. Из всех знакомых мужчин я всегда любила только одного – моего сына, потом к нему добавился ты. Я не знала, какво любить не своего ребенка или внука, а мужчину-мужа. Я не умела этого делать, пока не встретила Льва. Я признаюсь тебе, что услышала его голос в твоём номере и сердце начало биться часто-часто. Сначала я решила, что у меня сердечный приступ, но потом поняла: оно наполнилось каким-то радостным чувством. Я, словно, помолодела... Этот город забрал у меня девочек и взамен дал мне любимого мужчину...

- Это не город забрал, - успокоил я её. – И давай не будем сегодня грустить. Я рад за тебя.

- Правда? Ты считаешь, что в моем возрасте можно влюбиться?

- Я произнесу избитую фразу: любви все возрасты покорны!

Потом я переместился к стоявшему поодаль Спирину, и выполнил свое обещание. Пусть Вафа считает меня стукачом, но поступить иначе я не мог: я должен был успокоить этого хорошего человека, который так много сделал для меня...

Я ехал в поезде и под стук колес слушал радио, которое голосом Высоцкого доказывало мне:

- Возвращаются все – кроме лучших друзей,

Кроме самых любимых и преданных женщин.

Возвращаются все – кроме тех, кто нужней,

Я не верю судьбе, а себе – еще меньше...

Хотя, доказывать мне было не нужно... С тремя первыми строками я был согласен, а вот с последней, касательно судьбы и себя, я бы поспорил с уважаемым мною Владимиром Семеновичем.

Я задумался: появление Марты в моей жизни – судьбоносное явление? Может быть... Своего рода подсказка судьбы, озвученная турчанкой.

Спирин назвал Марты спасительницей, целительницей душ. Оказывается, только она понимает истинный смысл твоей жизни и направляет тебя, заблудшего, мечущего, по правильному пути. Следовательно, можно сложить ручки и ждать у моря погоды... А зачем напрягаться, если вскоре появится человек-указатель и направит по нужному пути. Судьба-а-а...

Иной раз начинаешь кивать на судьбу, когда хочешь как-то объяснить необъяснимое. У меня, у обычного гражданина Роберта Зеппа, была семья, но вмешалась судьба и забрала самое дорогое. Будто бы так ей было угодно. Бред! Кто дал ей право распоряжаться моей жизнью и жизнью моих девочек? Говорят: если где-то что-то забирают, то обязательно что-то дают взамен. Закон сообщающихся восполнений. Что судьба может предложить взамен? Неужели считает, что такой обмен возможен? Найдется кто-то, кто сможет заменить мне Яну и Роберту? Никогда! Ты слышишь, судьба, никто и никогда не заменит мне девочек. Это я говорю через три года после их гибели, это я повторю и через двадцать...

Представим себе, что уже при рождении судьба выдает человеку некий план его жизни, в котором четко всё расписано: какое он получит образование, когда женится и на ком, сколько у него будет детей, чем он будет заниматься, увлекаться, какой будет его жизнь – плавной, сюрпризной, полной лишений или безоблачно-счастливой, когда он «сыграет в ящик» и по какой причине - после тяжелой болезни, в результате несчастного случая или уйдет из жизни глубоким стариком, пережив не только своих детей, но и старших внуков. Человек, пробежав глазами этот планчик, заявляет:

- Раз мне предначертано судьбой умереть в тридцать три года, то возникает резонный вопрос: на фиг мне тратить драгоценное время на учебу? Школа еще куда ни шло, а институт?! Целых пять лет выбросить из тридцати трех! Лучше не отвлекаться на такие глупости, а взять от жизни все!

Человек запрограммирован!

И что он делает? Шалко-валко оканчивает школу - усердия в учебе ни к чему! – и пускается во все тяжкие! Тем самым, выполняет собственный расширенный план существования. В результате погибает в пьяной драке или еще проще - умирает под забором от переохлаждения, потому как не рассчитал правильную норму и не дошел до дома в студеную зимнюю пору всего-то метров пятьдесят. А если бы в его распорядке жизни была приписка, пусть и мелким-мелким почерком - для желающих прочесть, где было доведено до сведения сомневающихся: Продление жизни или иной выбор - профессии, жены, хобби - в ваших собственных руках! Вы можете умереть в возрасте Христа, можете стать поэтом вместо навешенного вам инженера, можете выбрать в жены неказистую Милку вместо красавицы Галочки, которая будет пить из вас кровь, но вам будет приятно выставлять ее напоказ, можете воспитать десять детей, а не одного! МОЖЕТЕ! Все в вашей власти! Только для этого нужно приложить усилия. Не заключать перемирие с судьбой, а противостоять ей в спорных вопросах. Примитивный пример: сегодня я хочу на завтрак очень вредный для организма зажаренный кусок мяса, а не полезную кашу. Кому от этого станет хуже? Только мне! Но я мечтаю о куске мяса, и я способен исполнить свою мечту, никто мне этого не запретит, потому что это моя жизнь. Когда я стану... взрослей, то, возможно, откажусь от мяса на завтрак, выберу более подходящий продукт, который не способен ухудшить мое и без того не очень хорошее самочувствие. Но это опять же – будет мой выбор!

Я не могу утверждать, что на судьбу полагаются слабаки. Наверное, людям так проще жить. А я не ищу легких путей, потому что... не заслужил этого. Я обязан искупить свою вину перед девочками.

Я не задумываюсь, сколько лет жизни мне отвела судьба, я в это не верю. Я живу. И не пытаюсь заигрывать с судьбой, чтобы вымолить прибавку к отведенному сроку, чтобы она меня вознаградила за примерное поведение.

Ждать милостей от судьбы не в моих правилах. Вот этим и объясняется мой отказ от предложения Марты – предсказательницы, желающей направить меня по правильному жизненному пути.

Борис Лейкин устал спорить с женой.

- Хорошо, назови его Аввадоном! – воскликнул он.

- Аввадоном? – Жанна задумалась. – А что означает это имя?

- Так звали ангела смерти!

- Боря, ты сошел с ума! Как можно такое предложить?! – возмутилась Жанна и призадумалась.

- Я, вообще, не понимаю: зачем давать мальчику другое имя? Василий – вполне нормально звучит! Его так назвали при рождении родители, вот и...

- А ты знаешь, что оно означает? – перебила его взволнованная супруга и начала нервно перелистывать тонкую книжицу, которую держала в руках. – Василий – это царственный... Мы что на престол его готовим?

- Причем здесь престол. Ты еще скажи, что всем Васям, хочешь - не хочешь, а приходится править страной. – Лейкина выводила из себя непонятное упорство Жанны сменить имя Василию. Ему надоел бессмысленный спор. – Поступай, как хочешь, - в итоге отмахнулся он.

В этой же комнате находился мальчик, вокруг которого завертелись пересуды. Он делал вид, что занят лепкой из пластилина, однако, Борис заметил его хитрый взгляд и перекошенные в усмешке губы. Непонятно, что его забавляет: сама перепалка новых родителей, или уверенность в победе Жанны.

Да, странный мальчик этот Вася. И не по-детски циничный и хитрый.

Когда он впервые назвал Бориса папой, тот непроизвольно скривился: так к нему обращалась только Яна. А теперь и этот странный мальчик. Мальчик – артист, ловко меняющий маски в зависимости от того, с кем он в данный момент общается.

Их квартира незаметно превратилась в сцену, едва в ней появился новый жилец. Вася Горин. Теперь Вася Лейкин.

А Жанна Петровна не догадывалась, что идет на поводу ребенка, и придумала новый повод для спора: ее, видишь ли, не устраивает имя мальчика. За спором недалеко и до ссоры, о которой мечтает маленький артист.

- Послушай, Боречка, - замурлыкала новоиспеченная мать, - давай назовем его Мартином. Имя Мартин произошло от Марса – бога войны.

- Так звали гуся в шведской сказке о путешествии Нильса с дикими гусями, - напомнил супруг, который был согласен на кого угодно, лишь бы от него отстали.

- Там ударение было на второй слог, а у нас – на первый, - уточнила Жанна.

- Мартин Лейкин... Странное сочетание, если не сказать, смешное...

- А кто будет смеяться, тот будет получать по зубам! Да, сынок? – обратилась она к Ваське, который «оторвался» от своего увлеченного занятия и, растянув губы в улыбке, кивнул в знак согласия.

- Жанна, ты в своем уме?! Чему ты учишь ребенка?!

- Я учу его жизни! Каждый человек должен уметь постоять за себя и своих близких!

- Mamочka, я тебя в обиду не дам! – сурово сдвинув белесые брови, заявил мальчик и с вызовом посмотрел на Бориса, который почувствовал себя неуютно под его взглядом: первый враг уже замаячил на горизонте.

Лейкин вспомнил первую встречу с Васей, тогда было такое же чувство. Еще несколько месяцев назад Борис Андреевич не мог предположить, что этот ребенок поселится в их доме и сразу проведет невидимую черту – границу между супругами Лейкиными. Мальчик не раздумывал, на чьей стороне он будет выступать, он сразу вычислил, кто в доме хозяин. Чем дольше жил у них Вася, а прошло всего четыре недели, тем больше отдалялись супруги друг от друга. Если в начале это была всего лишь тонкая линия, проведенная остро заточенным карандашом, то теперь по этой линии начали вести скальпелем. Наметился разрез, осталось потянуть в разные стороны, и две половинки оторвутся друг от друга навсегда. И соединить их будет весьма проблематично, лишь при горячем взаимном желании обеих сторон.

Лейкин не мог винить одного Васю, Жанна тоже приложила руку к скальпелю. Ее поведение удивляло Бориса. Сначала она накупила мальчику кучу ненужных вещей, потом стала пичкать его сладостями. Мальчик отказывался от нормальной еды и уплетал немереное количество булочек, пирожков и пирожных, запивая все это лимонадом, который ему очень нравился. Лейкин не был скрягой, он просто считал такую вседозволенность неправильной. Конечно, наложить запрет на каждый шаг в сторону невозможно – нельзя рубить на корню любую инициативу. Как нельзя постоянно «бить по рукам» резким «нет». Всякое «нет» должно дополняться объяснением «почему». Так воспитывали Яну. Нет, Борис не забыл, что с возрастом дочь считала свое решение единственно правильным, но они с Жанной нашли способ ее переубедить.

За четыре недели худощавое личико новоявленного сына округлилось. Тельце стало каким-то рыхлым и мягким. Но Жанна изменений во внешности Василия не замечала.

- Ребенок никогда не ел таких вкусностей, пусть наворачивает! – заявляла она, с умилением поглядывая на постоянно жующего мальчика.

- Можно подумать, его в Колязеве не кормили! – возмущался Борис Андреевич.

- Какая в деревне еда!

- Самая полезная еда, без химии! Всё со своего огорода! Всё свежее и полезное! – не унимался Лейкин.

- Пусть ест то, что ему нравится! – отрезала женщина и тотчас обращалась к мальчику за поддержкой, - да, Васенька?

- Да, мамочка! – быстро соглашался он и преданно смотрел на нее хитрыми глазами.

- Жанна, не втягивай в нашу... дискуссию ребенка! – выговаривал ей муж, пытаясь увести её в другую комнату. Но мальчик, как привязанный, следовал за ними. Мужчина пытался его урезонить, что-то объяснить, но Жанна пресекала попытки ЕГО воспитания на корню.

- Оставь его в покое! – с вызовом говорила она и прижимала к себе сына, будто изверг отец решил заняться рукоприкладством. – Боря, ты понимаешь, что мы с Васей правы, потому и злишься.

- А ты, дорогая Жанночка, не замечаешь, что в нашей семье есть два мнения: ваше и мое. Причем, первое доминирует...

И вот теперь его супруга, с подачи Васьки, решила найти еще одну тему для дискуссии.

- Поступай, как хочешь. Пусть будет Мартин.

- Я же вижу, что тебе это имя не нравится.

- А тебя это волнует?

- Конечно! Если бы не волновало, то я бы с тобой не советовалась.

- Я согласен на Мартина, - выдохнул Лейкин. - Буду назвать его Марсиком, как котика.

- Я не хочу быть Марсиком! – набычился Вася. – Не хочу называться котовым именем. И Васей быть не хочу! Это имя тоже котовое!

- Вот, видишь! Мальчику не нравится его имя, он чувствует: оно ему не подходит! – снова запела Жанна.

- И Марсиком не нравится, - напомнил Лейкин.

- Марсик и Мартин – не одно и то же.

- Почему ты решила, что имя бога войны ему подходит больше? - снова вступил он в спор. - Чего ты прицепилась к этому имени?!

- Мне оно нравится, - неуверенно пробормотала Жанна.

- Так бы и сказала... А то, бог войны, бог войны... С кем вы воевать собрались?

- Странно, что ты забыл, с кем надо воевать, - отвернувшись от мужа, прошептала она. Сорвалась с места, вытащила из шкафа семейный альбом и попыталась привлечь внимание Василия.

А рассерженный Борис Андреевич удалился в спальню. Он был зол на себя за нерешительность.

Почему я снова не объяснился с ней?! – спрашивал он у себя. – Почему не сказал, что хочу уйти и пожить отдельно?!

Он устроился в кресле, чтобы почитать газету, но его внимание привлек громкий разговор из соседней комнаты.

- Он очень плохой человек! – доказывала Жанна маленькому Васе. Борис был уверен, что скоро он превратится в Мартина, его супруга не привыкла менять своих решений.

Интересно, о ком идет речь? – задумался Лейкин, но следующая фраза, сказанная женой, все объяснила.

- Он убил Жанну и малышку Раечку!

- Из пистолета? – испугался Васька.

- Нет, он утопил их в море!

Что за сумасшествие! – мысленно возмутился Борис, но вмешиваться не стал...

По прошествии многих лет, он часто вспоминал этот разговор Жанны и трехлетнего мальчика. Если бы он тогда вмешался, все могло пойти по другому сценарию. Но ему стало всё безразлично. Единственно, чего он хотел – это покинуть этот дом навсегда...

И это случилось спустя два месяца после спора об имени.

Жанна ушла с работы одна, у Бориса были неотложные дела. Он вернулся домой часов в девять и застал жену и Мартина за игрой в дартс.

Они по очереди бросали дротики в мишень, закрепленную на стене. Каждый бросок сопровождался комментариями.

- Я ему попал в глаз! – ликовал мальчик.

- А я всего лишь в ухо! – вторила ему Жанна.

- Я не понял! - вмешался Лейкин, появляясь на пороге комнаты, - откуда у круглой мишени уши и глаза?

По лицам игроков он догадался, что пришел не вовремя. Жанна кинулась к другой двери, в спальню, на которой висела мишень.

- Сейчас я все уберу и будем ужинать! – запричитала она, стараясь закрыть дверь собой.

Но хорошее зрение не подвело Бориса. Он увидел на двери... портрет своего зятя Роберта Зеппа, исколотый дротиками.

Лейкин ошарашено постоял пару минут, потом двинулся в сторону спальни, на ходу отодвинув супругу. Вытащил чемодан, бессмысленно покидал в него вещи и направился к выходу.

- Ты куда? – встрепенулась она.

- Я не желаю сойти с ума вместе с тобой! – процедил Борис сквозь зубы, обозрел парочку игроков и вышел.

Его поразила торжествующая улыбка на лице приемного сына, на редкость искренняя. Мальчик прямо светился от счастья, потому что достиг желаемого...

Глава седьмая

- Тебе звонила твоя сокурсница, - сообщила мне мама, как только я переступил порог дома. Потом заглянула за мою спину, пытаясь отыскать за ней Варфоломею.

- Она осталась в Новороссийске, - пояснил я, не вдаваясь в подробности. Я не надеялся, что ответ устроит моих родителей и не ошибся.

- Почему? – поочередно спросили они, не забыв укоризненно на меня посмотреть, будто я не поддался уговорам бабули и насильно оставил ее на Черноморском побережье без средств к существованию.

- Ей... нужно отдохнуть, - неопределенно заявил я. – А кто мне звонил? – Хотя, мог и не спрашивать, сам догадался.

Мама открыла блокнот, который лежал в прихожей на тумбочке около телефона.

- Елена Приставка, - прочла она. – Она просила тебя перезвонить...

- Хорошо... Она не объяснила, что ей нужно? – Я старался не выказывать своего недовольства, чтобы оградить себя от вопросов мамули. Но та все равно не удержалась.

- У этой девушки такой приятный голос. Почему ты никогда не рассказывал о ней, когда учился в своем училище живописи?

- Мы... мало общались.

- Ты всегда избегал общения с противоположным полом! – упрекнула меня мать. – И сейчас... почему бы тебе не позвонить Елене, не поговорить... Может, ей нужна твоя помощь? Роберт, ты слышишь меня?

- Да, мам, я тебя внимательно слушаю. – Я скороговоркой произнес эту фразу и скрылся в ванной.

Мне нравилось, когда прохладные струи душа стучат по голове, стимулируя мыслительный процесс. Вот и сейчас я раздумывал: позвонить Приставке или нет. Признаться честно: я боялся. Я не знал, что последует за моим звонком к ней? Ограничится ли наше общение междугородними переговорами? Или она предложит встретиться и вспомнить былое. Я не желал ни встреч, ни воспоминаний. Я уже выстроил схему нашей беседы, это будет легкий и непринужденный разговор двух сокурсников. Ведь, предаться воспоминаниям о студенческих годах можно и по телефону.

А почему я, собственно, так переживаю? И с чего я решил, что Лена до сих пор питает ко мне чувства? Может, она давно замужем, у нее трое детей, муж – токарь шестого разряда... А почему токарь? Скорее всего, такой же художник, как и она. Они берут с собой детей и отправляются на пленэр...

Так что опасаться ее притязаний не стоит.

Моя мама излишне громко шумовала на кухне, выказывая недовольство и моим корявым объяснением отсутствия Вафы и нежеланием перезвонить сокурснице.

- Сейчас будем ужинать, - деловито сообщила она и, молча, протянула мне листок с номером телефона Елены Приставки. Я понял, что мне не отвертеться, и направился к телефону.

Тягучие гудки внушали надежду - Лены дома нет! Перезванивать я едва ли стану, мамин напор к тому времени ослабнет. Но Приставка все же откликнулась бодрим «алло!»

- Привет, Лена, - так же позитивно поприветствовал я её, - это...

- Здравствуй, Роберт. – Она узнала меня сразу. – Я тебе звонила...

- Да, мне мама передала. – Мы немного помолчали. Я с волнением ожидал следующего вопроса: как дела? Но ошибся.

- Я звонила тебе по просьбе Валеры Фокина. Он сейчас в Киеве и никак не может с тобой связаться. - Она сказала это совершенно спокойным безразличным голосом, что с одной стороны меня успокоило, а с другой озадачило. Наверное, она все-таки замужем, - решил я.

- Как твои дела? - неожиданно спросил я, пропуская мимо ушей Валеру Фокина, который спит и видит, как бы со мной связаться.

- Нормально, - буркнула Лена и снова вернулась к причине телефонного звонка. - Валерка просил, чтобы я уговорила тебя приехать к нему в Киев, раз он сам не может до тебя дозвониться.

- Приехать в Киев? – удивился я.

- А ты забыл, зачем он туда направился? – поинтересовалась Лена, не дала мне возможности ответить и сказала, - а Валерка говорил мне, что вы встречались в аэропорту. Он успел рассказать о своем новом увлечении – о тральфреализме.

- Да, он мне рассказал о тральреализме, - без энтузиазма подтвердил я.

- Он хочет, чтобы такой талантливый художник, как ты, примкнул к их компании. Валерка сказал, что тебе это нужно... Не так тебе, как людям, которых ты можешь спасти, - поправились она.

Я задумался: а почему бы нет? Кто или что ждет меня в Берлине? Элька? У нее есть муж... Работа? Работа может подождать. Холст с изображением крепости Суджук-Кале передан в надежные руки. Марты благополучно забыта... Почти забыта... Чем занять свою голову и руки?

А почему бы тебе, Роберт Зепп, не поехать в Киев?

Елена терпеливо ждала моего ответа.

- А ты? – бросил я. И снова удивился вылетевшему из моих уст вопросу.

Если бы она ответила вопросом: хочу ли я этого? Я, скорее всего, отказался от поездки, но Лена деловито сообщила:

- Я лечу завтра в Киев вечерним рейсом. Если желаешь, можешь присоединиться...

На следующий день я стоял в переполненном зале аэропорта и старался отыскать глазами Елену.

- Привет! – раздался сзади меня звонкий голос.

Я начал оборачиваться, при этом, не забывая нацепить на лицо маску искренней радости от встречи с сокурсницей. Но маска быстро сползла, уступив место удивлению: это была все та же Лена Приставка – худенькая девушка-подросток с длинными волосами и карими глазами, но какая-то другая. Ее тусклые русые волосы превратились в блестяще-каштановые, а бледное лицо мима засияло благодаря искусно наложенному, едва заметному, макияжу, выделившему на лице те самые красивые карие глаза. Эти глаза не смотрели на меня, как раньше - преданно и зовуще, теперь это был взгляд молодой женщины, знающей себе цену. На Лене были потертые джинсы, майка с портретом девушки, очень похожей на саму Приставку, в руке она держала джинсовую курточку и спортивную сумку, совсем небольшого размера. Женщины берут в путешествие гораздо больше вещей, - подумал я, делая при этом вывод, что Лена летит в Киев ненадолго. Почему-то эта догадка меня не порадовала.

- Привет, - протянул я ей в ответ. Она сделала вид, что не заметила моего удивленного ощупывающего взгляда.

- Уже началась регистрация, - сообщила она. Я галантно забрал из ее рук сумку, Приставка не выказала эмансипированных наклонностей, избавилась от груза и пошла впереди. Я был похож на пажа, следующего за своей хозяйкой. Но меня это не раздражало. Я следовал за ней и любовался ее ладной фигуркой и легкой походкой. И мне нравилось, что многие мужчины обращают на нее внимание. Но Лена никого не замечала или делала вид. Она шла, высоко подняв голову и рассекая толпу людей, как ледокол «Ленин». Несколько странное сравнение хрупкой девушки с ледоколом-богатырем, но оно мне пришло не зря... Совсем недавно я слушал по радио новости. Женщина-диктор доложила всем советским гражданам, что ледокол «Ленин» выведен из состава флота, его проводили на пенсию. Я еще подумал: сколько же это судно прошло миль по Северным

морям за свою долгую жизнь? И сразу же получил ответ, словно там, на радио, услышали мой вопрос: женщина назвала цифру, которую я не запомнил, но я запомнил сравнение: это равняется тридцати земным экваторам!

Надо признать, моя голова, по мнению моей сестры Эльки, напоминает хламовник, где складывается ненужная информация. Нечто подобное я думал о своей Янке.

- Она сейчас не нужная, но в любой момент мне эти сведения могут пригодиться, - всякий раз оправдывался я перед старшей сестрой.

- Чтобы поражать девчонок своей эрудицией! – догадалась она.

- Об этом я думаю в последнюю очередь?

- Но все-таки думаешь, - уцепилась за неосторожно брошенную фразу Эля...

Сейчас мне хотелось чем-то поразить Елену Приставку.

Конечно, не сведениями о ледоколе «Ленин», с которым я ее сравнил...

Я не мог понять: почему я никак не могу познать мир тральфреализма, ведь прошло почти полгода? Мне это не дано или... я попросту тупой?

- Потерпи, Роб, - уговаривали меня друзья на протяжении всего этого времени, - постарайся сосредоточиться только на этом, выбрось из головы весь негатив, хоть, на короткий период. Надо всего лишь подойти к холсту с желанием создать что-то простое и непростое одновременно, взять в руки кисть и без долгих размышлений изобразить то, что взбредет тебе в голову. Это называется сиюминутный всплеск мысли.

- Я так не могу! – нудил я. – Не могу, понимаете! Я привык делать наброски, размышлять... А, вот так, подойти и что-то писать на холсте без подготовки, мне не дано. Я понимаю, что все должно идти изнутри. Я должен думать о незнакомом человеке, которому моя картина облегчит страдания.

- Нет, не облегчит страдания, а поможет избавиться от тяжелого недуга! – доказывал мне Валера Фокин. – Настраивайся на это. Облегчить страдания – это тоже результат, но в этом помогут лекарственные препараты. Ты замахивайся на большее. – Он умолкал, устало проводил рукой по лицу, показывая, как он замучился нянчиться со мной. И в сто тысячный раз призывал, - Роб, ты должен очиститься от земных проблем. Твоя душа должна парить...

Я сидел и виновато смотрел на товарища. Его слова отлетали от меня, от моей головы, перенасыщенной информацией. Я чувствовал себя глухим человеком, который даже не понимает по губам. Он видит, что сидящий перед ним мужчина пытается что-то до него донести, но безуспешно.

Когда мое отчаяние достигало апогея, я возвращался в родной город, затем пересекал границу, скрываясь в Берлине. Я снова принимал решение - бросить все! Заняться чем-то другим, более доходчивым для моей натуры, растворившейся в печали.

Но мысленно я оставался в Киеве...

И вновь возобновлялся круговорот с задержкой в столице Украины.

Я не мог разобраться в тральфреализме, и не мог выбросить его из головы...

Однажды Лена сказала:

- У тебя в голове засела одна мысль, от которой не можешь избавиться. Так бывает, когда хотел что-то сделать и не сделал. Смысл позабылся, а желание осталось. Еще бы вспомнить, чего ты хотел. Как поступить в этом случае? Выбросить из головы эту мысль! Это единственно умное решение. Рано или поздно ты всё вспомнишь, а сейчас лучше не заикливаться. Когда в голове не будет ненужной паутины, загораживающей свет, станет светло, идеи начнут вылетать легко и талантливо.

- Я так не могу.

- Я не заставляю тебя забыть собственное имя на неопределенный срок. Лишь на время, чтобы погрузиться в тральфреализм и создать шедевр. В подобном погружении постоянно жить нельзя. Это не нормально. Чувствуешь желание творить, зашел в

мастерскую, закрыл за собой дверь, оставил за ней все проблемы, ненужные мысли, посторонние желания, погрузился в транс творчества, и начал... получать удовольствие от того, что твоя крылатая мысль очутилась на холсте.

- Я не успеваю крылатую мысль ухватить за хвост.
- Она не проникает в тебя, ее отбивает глубоко засевшая проблема.
- Наверное, мне не стоит этим заниматься.
- Я этого не говорила... - Лена понимала, что на данном этапе мне это необходимо больше, чем больным людям, которые нуждались в моих картинах...

Я тоже болен... Для начала надо разобраться с собой...

Приставка права. В моей голове засела нерешенная проблема. Она съедала меня изнутри. Можно было обсудить проблему с Леной, а смысл? Чем она мне может помочь? Скажет: «Да, езжай ты в свой Утриш! Зачем всё усложнять?! А если не хочешь этого делать, то выбрось всё из головы!»

Я давно выбросил, но паутина, как выразилась Лена, закрывает свет...

Лена Приставка незаметно стала мне близким другом. Я не шарахался от нее. Мы нормально общались, она не требовала от меня ничего. Мы встречались, расставались без страстей и эмоций. Когда я находился в Берлине, мы перезванивались, говорили на общие темы, не касались межличностных отношений.

Ни сразу, но я рассказал ей о катастрофе «Нахимова». Лена не просила меня об этом, она догадывалась, что мне это воспоминание дается нелегко. После рассказа она не стала произносить слов утешения и убеждать меня в невинности, заканчивая словами о судьбе-злодейке, которая так жестоко обошлась со мной...

О Марты я рассказывать не стал, не хотелось вспоминать о ней, тем более меня просил об этом Спирин. Но не это главное. Я не хотел, чтобы обо мне думали, как об умственно неполноценном человеке. Одно дело люди, которые «варятся» в этой среде, другое дело - люди творческие, но не подверженные мистике.

Лена по-прежнему любила меня. Я чувствовал это. Я читал по ее глазам. Но ничего не говорила на эту тему и не пыталась вызвать ответное чувство. Однажды я сорвался, как срывается алкоголик, прошедший долгий курс лечения, и нагло предложил Лене остаться у меня. Она передернула плечами и осталась.

Она стойко выносила мои метания из одной страны в другую, никогда не спрашивала, когда я вернусь. Надеялась, что вернусь, и я возвращался. Иногда мне было обидно, что она не выдает своих чувств, а она боялась меня спугнуть своей навязчивостью. Мы оба все понимали, и отношений не выясняли...

Я собирался вернуться домой двадцатого августа девяносто первого года. Уже на выходе из моей берлинской квартиры меня перехватил телефонный звонок.

Это была моя заботливая мама.

- Сынок, не приезжай! – неожиданно заявила она, - в стране переворот. Путчисты захватили власть, Горбачева не выпускают из Фороса... - Понижила голос и доложила, - в Москве танки...
- Я видел репортаж по телевизору...
- Вдруг тебя обвинят в шпионаже, как иностранца, - испуганно произнесла мама.
- Я не иностранец, у меня двойное гражданство.
- Все равно...
- Мам, я еду в аэропорт! Скоро увидимся...

Я был уверен, что эта неразбериха скоро закончится. Так все и вышло... Уже двадцать первого числа сторонники Ельцина праздновали победу.

Я побыл пару дней с родителями, а потом поехал в Новороссийск. Необходимо во всем разобраться. Избавиться от паутины...

Вафа встретила меня на вокзале, не забыв прихватить свою вторую половину – Льва Спирина. Выглядели оба просто великолепно: помолодевшие, счастливые, с горящими глазами.

- Роберт, ты похудел, - пожурила меня Истомина, привычно поставив ударение на втором слоге. И сразу успокоила, – но, ничего, я тебя откормлю.

- Он не поросенок, - вставил реплику Спирин.

Я усмехнулся и обнял сначала Вафу, расцеловав ее в обе щеки, затем Льва Александровича.

- Я соскучилась по тебе, мой мальчик, - бабуля вытерла слезы.

- Я тоже соскучился.

- Как родители?

- Все хорошо. Отец не отходит от телевизора, смотрит новости по всем каналам, мама работает официанткой. – Я заметил удивленный взгляд Вафы и пояснил. – При папе. Мечется между кухней и гостиной, подавая кушанья любимому супругу.

- Вдвоем всегда лучше, чем одному, - изрекла она и с любовью взглянула на мужа.

Они поженились через год после знакомства. Истомина сначала возражала, ссылаясь на возраст и на осуждение окружающих, но Спирин смог ее уговорить. Жаль, что я не присутствовал на их бракосочетании, но я делегировал своих родителей в Новороссийск на это торжественное мероприятие. Новобрачные расписались, а потом вместе с гостями отправились в ресторан. Кроме моих предков на празднике были еще трое друзей Спирина с супругами и Борис Андреевич Лейкин с молодой женой.

Мама мне потом все пересказала в подробностях.

- Верочка, жена Бориса, очень милая и приятная женщина. Она на четырнадцать лет моложе моего сына, но искреннее его любит. И он ее. Мы много говорили о тебе. Боря не в чем тебя не винит. Твои родители тоже ему понравились...

Она еще долго предавалась воспоминаниям о собственной свадьбе, пока я не уснул под ее тихий монотонный голос...

- Ты надолго к нам? – на следующее утро после приезда спросила Вафа.

- Пока не надоем! – развеселился я, нисколько не удивляясь ее прямоте. После Германии я привык к «открытому диалогу».

- Так ты и чаю не попьешь? – улыбнулась она, вспомнив старый анекдот.

- Как мне с тобой хорошо! - с чувством признался я. Подошел к ней и прижал к себе. – Обнимаю тебя, а кажется, что... обнимаю Яну. Вы так похожи... Смотрю на тебя и представляю ее в твоём возрасте. Но она... навсегда осталась молодой... - Я заметил слезы на глазах Вафы. – Ты извини, что я завел разговор на эту тему–табу, но только с тобой я могу говорить о ней... Лев Александрович говорил, что нельзя этого делать – нельзя представлять наше совместное будущее, надо вспоминать милое прошлое.

- Яночка, девочка моя, - всхлинула Вафа, уткнувшись лбом мне в грудь, - как я тоскую по тебе!.. Как я...

- Бабуля, не нужно... Прошу тебя, успокойся.

- Знаешь, Роберт, я часто хожу на мыс, смотрю на море и разговариваю с нашими девочками... Наверное, я осталась здесь из-за них. Кто-то должен быть рядом с ними... Когда приезжал Борис, мы вместе ходили туда. Он плакал... Уже не упомяну, когда он плакал в последний раз. Еще в младенчестве. Боря не любит выставлять чувства напоказ, всегда держит все внутри.

- Прости меня, Вафа, прости, что растревожил твою душу... Но мне так хочется поговорить с кем-то о Яне и Роберте, поплакаться...

- Я понимаю тебя...

Я провел у них три дня. Спирин не заводил разговор о Марте, за что я был ему благодарен.

- Вафа, я решил съездить в поселок Большой Утриш! – объявил я утром четвертого дня.

- Надолго? – забеспокоилась она, забыв, что сама уговаривала меня на эту поездку.
- Не знаю... Поеду, осмотрюсь, прогуляюсь.. Я храню твою брошюру, которую ты мне подсунула тогда в гостинице...

- Поезжай, осмотрись, погуляй, - автоматически повторила она за мной, погрузившись в себя. Помолчала и брякнула, - поезжай, раз она велела.

- Я еду туда не потому, что кто-то мне велел, просто хочу подышать свежим воздухом, проветрить голову, - обманывал я ее и себя...

Я шел по узкой улице рыбацкого поселка и разглядывал небольшие домишки, укрывшиеся за густой зеленью. Все они были чистенькие, выбеленные, в каждом дворе стоял стол и две скамейки по бокам.

Дома-близнецы, выбирай любой, - подумал я.

На каждой калитке имелась табличка, где старательно выведено: сдается жилье. Еще при приезде в поселок у меня возникло чувство, что кто-то целенаправленно меня направляет по нужном ему пути. Сначала вывел на эту улицу, а потом тащит дальше и дальше, не дает затормозить. Я уже хотел остановиться возле одного двора, завидев в нем симпатичную женщину, но ноги двинулись дальше. И я подчинился.

Вдруг мои ноги... приросли к земле. Или я наткнулся на невидимую преграду, которая не пускает меня дальше. Я огляделся, надеясь найти объяснение.

Совсем близко, во дворе одного дома-близнеца, на маленькой скамеечке сидела девочка. Столом ей служила табуретка, где были разложены карандаши. Она увлеченно что-то рисовала в альбоме, высунув от напряжения свой язычок. Из дома показалась немолодая женщина. Сначала она улыбнулась, глядя на ребенка, потом, завидев меня, напряглась.

- Вы кого-то ищите! – повысив голос, спросила она, продолжая вытирать тарелку перекинутым через плечо полотенцем.

- Я ищу пристанище, - улыбнулся я, переводя взгляд на девочку. – Вы не сдаете жилье? – Я настолько обнаглел, что зашел во двор без разрешения хозяев.

- Сдаем, но... - начала она и осеклась. Я решил, что мне откажут. И это обстоятельство меня напугало. Мне хотелось остаться в этом доме.

- Я хорошо заплачу... Я художник, могу позаниматься с вашей внучкой, – привел я последний довод, который, по моему мнению, должен сработать.

- Это моя дочь, - ответила она, нисколько не смутившись. Видно, подобные заявления, она слышала не раз. – Наша Раечка очень любит рисовать.

- Раечка? - Я присел возле девочки, которая только сейчас оторвалась от своего занятия и серьезно посмотрела на меня.

- Вы кто? – заинтересовалась она.

- Я дядя Роберт, - назвал я и протянул ей руку. – А тебя зовут Рая?

- Раиса Леонидовна, - насупившись, поправила она, отвечая на мое рукопожатие.

Мне не хотелось выпускать ее маленькую ручку из своей руки. Внутри что-то сжалось, выдавив сердце с положенного места. Показалось, что эта моя Берточка, что я сжимаю ее ладошку. И сейчас услышу» «Пап, ну, посмотри, что я нарисовала! Пап, ну, посмотри!»

Девочка Рая освободилась от моей руки и недовольно покосилась на меня.

- А сколько тебе лет? - спросил я, пытаясь заглядеть свою вину. Девочка вытянула вперед левую ручку с пятью растопыренными пальцами, показывая, что ей пять лет. – Пять? – Удивился я.

- Да, пять, - подтвердила она.

- Как моей дочери... - обронил я.

- А как ее зовут? – заинтересовалась Рая, продолжая пристально меня изучать.

- Ее... - Я хотел сказать «звали», но передумал: за этим последуют вопросы, отвечать на которые у меня не было желания.

- Так как ее зовут, дядя Робот? – повторила девочка, не понимая моих затруднений.

- Дядя Роберт, - подсказала мать, которая до этого, молча, наблюдала за нашим знакомством.

- Нет, дядя Робот! – упрямо заявила она. Мать только развела руками.

- Она у нас упрямая, всегда стоит на своем...

Я знал одну девушку по имени Яна, которая всегда отстаивала свое мнение.

- Роберт, - я опомнился и протянул руку хозяйке.

- Феона Карповна. – Женщина приветливо улыбнулась мне. От уголков глаз разбежались лучики морщинок. У нее было доброе, открытое лицо, и походила она на сдобную аппетитную булочку: такая же пухленькая и мягкая. Длинные волосы были забраны в тугой пучок. – Если вас устроит наше скромное жилище, то добро пожаловать. Хотите, я покажу вам комнату?

- Хочу. – Я пошел за Феоной Карповной, не забыв оглянуться на Раю, которая продолжила свое занятие.

Женщина провела меня в небольшую светлую комнату, где стояла кровать, застеленная пестрым покрывалом, рядом с кроватью - тумбочка, на противоположной стене - небольшой шкаф для одежды, журнальный столик, между шкафом и столиком втиснулся выдавший виды стул, оббитый дерматином.

- У нас все по-простому, - извинилась хозяйка, - и удобства во дворе... Вы надолго в наши края?

- Даже не знаю... - Сначала я думал, что поеду в Утриш на пару дней, но, увидев даже незначительную часть этого райского места, решил задержаться. – Может, на неделю, - неопределенно ответил я.

- Вам здесь понравится: у нас воздух необыкновенный, а море... - Она удовлетворенно вздохнула полной грудью, - такого чистого моря нет на всем побережье! – Ну, что, остаетесь?

- Остаюсь! – улыбнулся я. – Сколько я вам должен?

- Ой, - отмахнулась Феона Карповна, - потом сочтемся.

Во дворе раздался мужской голос, потом залихватский детский смех.

- Это мой муж, - пояснила хозяйка и выскользнула во двор.

Я двинулся следом за ней. И успел к концу радостной встречи отца и дочери. От этой картины мое сердце значительно увеличилось в размере, как воздушный шар, и как воздушный шар готово было лопнуть – разлететься на мелкие кусочки. У меня все это могло быть. Милые домашние радости...

- Ленчик, знакомься, это наш новый постоялец, - сказала женщина, любуясь дочерью и мужем.

Мужчина выпустил из рук хохочущую девочку и подошел ко мне.

- Комаров Леонид Иванович, - представился он.

- Роберт Зепп. – Мы пожали друг другу руки.

- А я на рыбалку ходил. – Он кивнул головой на ведро, стоящее неподалеку.

- Мам, дай мне хлебушка, - попросила Рая, - я буду рыбок кормить. Дядя Робот, посмотри, какие они красивые.

Мы присели возле ведра и начали разглядывать рыбешек, мечущихся по небольшому объему.

- Это мама, папа и их рыбенок, - важно пояснила она мне, выделив три рыбешки.

- Ребенок, - поправил я.

- Нет, рыбенок, он же рыба, только еще маленькая, - сказала Рая и покачала головой, удивляясь моей несообразительности.

- Давайте обедать, - пригласила хозяйка.

Мы расселись по двум сторонам стола: с одной – родители Раечки, с другой – она сама и я.

- Доченька, иди ко мне, - позвал ее отец.

- Нет, я с дядей Роботом.
- Наша Рая, как придумает что-то, - рассмеялся Леонид Иванович. - Дядя Робот...
- Я ей уже говорила, но она в своем репертуаре, - усмехнулась Феона Карповна. – Вы кушайте, Роберт, - сказала она, показывая рукой на стол.
- Я с удовольствием принялся за еду.
- Никогда не ел такой вкуснятины, - признался я, быстро расправившись с огромным куском жареной рыбы.
- Берите картошечку, салат, вот морс... Угощайтесь!
- Феона Карповна, вы великолепный кулинар, - похвалил я, накладывая полную тарелку.
- Да, что вы, - отмахнулась она, - Рая мою стряпню не очень ценит, кушает плохо...
- Женщина должна следить за фигурой, - важно заявила упомянутая Рая, ковыряя картофелину. Мы дружно рассмеялись...

Неделя пролетела незаметно. Сначала я гулял по горам один, дышал можжевелевым воздухом, потом мое одиночество разбавила Раечка, чему я был очень рад. Ее родители сначала присматривались ко мне, а затем дали добро на наши совместные прогулки, поверив в мою благонадежность. Мы брали альбом и карандаши и после завтрака шли или в лес, или на берег моря. К обеду мы возвращались голодные и усталые. Во дворе стояла старая кровать на панцирной сетке, после плотного обеда мы устраивались на ней вместе с Раей и читали детские книжки, вернее, читал я, а Раечка внимательно слушала. Хотя, девочке было всего пять лет, она знала все буквы и уже складывала слоги, ей хотелось читать быстро - «как взрослые», но пока не получалось.

- Чтобы хорошо и быстро читать, надо больше заниматься, - говорил я, чувствуя себя занудой.
- Я знаю, но у меня нет времени, - разводила руками Раечка, - я очень занята...
- Чем же та так занята? – спрашивала мать.
- Рисованием! – удивлялась Рая недогадливости взрослых. – Когда я вырасту большая, буду рисовать огромные картины, - она при этом разводила в стороны ручки, показывая величину полотен, - и отдавать их в музей за деньги, потому что родители буду старенькие и им надо помогать.
- Слышь, Ленчик, нам старость не страшна! - успокаивала супруга Феона Карповна.
- Да, повезло нам с дочерью, - соглашался с ней Леонид Иванович, - есть кому дать бутерброд с маслом.
- А у вас еще есть дети? – как-то спросил я за ужином.
- Одна Раечка. И ту нам бог послал за наши молитвы. – Женщина прижала к себе худенькое тельце дочери. – Мне уже сорок девять лет было, когда я ее родила.
- Вы здесь давно живете? – Я удивился: мой вопрос вызвал в рядах хозяев тихий переполох. Они переглянулись, причем Ленчик посмотрел на жену с укоризной, а она – встревожено.
- Раньше мы жили на севере, - наконец, сказала Феона после переглядываний, - но там климат, как известно, суровый, вот и пришлось перебраться сюда... из-за ребенка.

Ответ, как ответ... Что здесь такого – ну, перебрались ввиду суровости климата, но к чему волнения?

Я хотел поинтересоваться тамошней жизнью, но хозяева быстро перевели разговор на живопись, зная, что эта тема мне близка.

Я рассказывал о своей учебе в училище, о своих работах и поделился своими переживаниями по поводу тральфреализма:

- Ну, ничего не могу с собой поделаться: не идет работа, хоть, плачь! Уже прошло два года, а я никак не могу понять сути...

- Не плачь, дядя Робот! – жалостливо произнесла Рая и погладила меня по руке. – Надо просто больше рисовать и тогда все получится, - заявила она, вспомнив мои слова о занятиях чтением.

- Один-один! – рассмеялся я, - вот умыла, так умыла! – Я подхватил ее за руки и закружил вокруг себя.

И вдруг резко остановился, споткнувшись о взгляд Феоны Карповны, которая замерла, как изваяние, и ошарашено уставилась на нас. Я уже хотел поинтересоваться ее здоровьем, но она подхватила, взяла посуду и ушла в дом.

- Пойду, телевизор посмотрю, сегодня футбол, - прервал затянувшуюся паузу Леонид Иванович. – Не хотите присоединиться, Роберт?

- Нет, спасибо. Из всех видов спорта я предпочитаю только хоккей.

- Вы тоже? – хмыкнул он. – Наша Рая тоже любит хоккей. Да, доча?

- В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей, - весело запела Рая. – Ты иди, папочка, смотри свой футбол, а мы с дядей Роботом будем книжку про крота читать.

В ее руках появилась любимая книга – «Как кроту штанишки сшили».

- Раечка, мы ее сто раз читали, - попытался отговорить я. – Давай, другую почитаем. Я тебе привез из Анапы «Незнайку»...

- Про крота! – заявила девочка, взяла меня за руку и повела на наше место. Мы расположились на кровати, и я стал читать. После третьей страницы я начал зевать, мои глаза стали закрываться...

Во дворе дома Комаровых, возле старой кровати с продавленной панцирной сеткой, на которой лежали мы с Раей, стояла... Марты. Турчанка держалась за металлический поручень и с укоризной смотрела на меня. Я тихо поднялся, чтобы не разбудить спящую Раечку.

- Чего ты хочешь, Марты?

- О, ты даже знаешь, как меня зовут! - удивленно протянула она.

- Да, и еще я знаю...

- Остановись! – Она выставила вперед ладонь, предостерегая от дальнейших заявлений. Большие серьги в ее ушах тревожно качнулись.

Вы слышали выражение – «язык прирос к небу»? Я испытал это на себе. Эта женщина-чайка умела повелевать людьми: то мои ноги парализовало на развалинах крепости, то теперь язык не слушается...

- Молчи и слушай! – приказала Марты голосом медиума, будто я мог послушаться ее повеления.

А так хотелось задать вопрос, который волновал меня уже несколько лет. Я выполнил ее приказ и приехал в Утриш, что дальше? Последуют новые подсказки? Или обида за несвоевременное выполнение приказа грозит наказанием? Обиженная Марты не пожелает исполнять роль судьбоносного вещателя при неудачнике Роберте Зеппе...

И она словно услышала мой мысленный посыл и подтвердила сомнения.

- Теперь, ты не получишь подсказку. Слишком много времени взял на размышление. Я имею право так поступить!

Кто бы спорил!

Я открыл рот, не мог выдать ни звука, и закрыл рот, чтобы меня не посчитали глухонемым попрошайкой - отказывает мне в поддержке, ну, и ладно.

- Но ты можешь сам во всем разобраться, если у тебя хватит сообразительности, - доложила «добрая фея» и перевела взгляд на спящую Раечку. – Роберт, посмотри на эту девочку. Посмотри внимательно! И сделай вывод!

Я отрицательно покачал головой, выказывая так свою непонятливость. Уже решил, что турчанка рассмеется и исчезнет, но она только горько усмехнулась и презрительно заявила:

– Все мужчины.... жуткие тупицы...

Я поднял брови и опустил, выказывая удивление ее несдержанностью. Хотя, чему тут удивляться?! С первой встречи она неправильно повела разговор.

- Тебе пора создать собственную семью тогда в душе наступит мир и покой, и ты сможешь творить и помогать своими работами больным людям, - услышал я. Марты обнадеживающе кивнула. - У тебя все получится. И не смотри на меня с таким недоверием. Надо принимать на веру мои советы, а не раздумывать несколько лет, когда уже ничего нельзя изменить.

- Почему? – Последовал новый мысленный посыл.

- Потому что нельзя построить счастье на несчастье других. Я сама виновата, но у меня не было выбора.

Она взмахнула руками, как крыльями, мое лицо обласкал легкий ветерок, словно это рука Марты провела по нему, я упал на кровать и снова погрузился в беспокойный сон...

Меня разбудил чей-то взгляд. Я уже приготовился выслушивать продолжение монолога турчанки, будучи сам при этом немым слушателем.

Я ошибся. Передо мной навтыжку стояли Комаровы и внимательно рассматривали нас с Раей. Я оторопел от их пронзительных гипнотических взглядов, не понимая, чем вызван этот интерес, и непроизвольно покрутил головой.

- А где... - Я вовремя замолчал. До меня стало доходить, что Марты мне приснилась... Но все происходило, как наяву... Полусон – полуявь.

- Вы нормально себя чувствуете? – встревожено поинтересовалась Феона Карповна. Я пожал плечами, потому что сам не мог понять, как я себя чувствую. – Роберт, вы так стонали во сне, мы с Ленчиком перепугались, подумали, вдруг у вас сердечный приступ или... - Дальнейшее оправдание не последовало, Комаровых заинтересовали мимические упражнения, выполняемые мною: я открыл рот, потом закрыл, затем повторил это движение несколько раз, будто я рыба, выброшенная на сушу. Потом подвигал нижней челюстью.

- Сон приснился... странный, - наконец произнес я хриплым голосом, но был рад, что речь вернулась. Я сел на кровати, посмотрел на спящую Раечку, потом - на ее родителей.

– А девочка мирно спит, ее мои стоны не потревожили.

- А я на кухне услышала и прибежала, потом мужа позвала, он футбол смотрел. – Леонид подтвердил слова жены кивком головы. – А Раечка всегда чутко спит, удивляюсь, что... - Она испуганно кинулась к дочери. – Рая, доченька, просыпайся. – Феона стала гладить ее по голове, по лицу, но та не реагировала. Мы с Леонидом присоединились к встревоженной матери.

- Раечка, открой глазки! – Отец стал тормозить девочку. Он приложил голову к ее груди.

– Она дышит... - Радостно сообщил он нам, вызвав облегченный вздох.

Я пощупал пульс на руке.

- Нормальное сердцебиение, - непонимающе пролепетал я и погладил ее по плечу. – Раечка, просыпайся, красавица, - ласково пропел я.

Девочка сразу открыла глаза, посмотрела на наши испуганные лица, потом потерла кулачками глазки и снова окинула взглядом нашу компанию.

– Какой счет? – бодро поинтересовалась она.

- Ничья, - на автомате ответил отец, - 1:1.

- Победила дружба! – Она вскинула вверх ручки, сжатые в кулачки.

- Доченька, мы тебя еле-еле разбудили... У тебя что-то болит? – забеспокоилась мать, осматривая и ощупывая Раечку.

- Мне снился интересный сон, и я хотела досмотреть его до конца, а вы мне не дали! – возмутилась она.

- И что тебе снилось? – осторожно поинтересовался я.

- Не что, а кто! Мне приснилась странная тетя.

- Какая тетя?
- Почему ты спрашиваешь, если сам с ней разговаривал. Ты еще называл ее Марты...
- Ты же... спала, - ляпнул я.
- Спала и видела сон, будто ты и тетя Марты разговаривают, только я ничего не поняла... У нее такие красивые серьги и корона на голове...
- Диадема, - подсказал я.
- Вы видели один сон? – хором спросили Комаровы.

Я не знал, что им ответить, но Рая, как всегда, имела свое мнение на этот счет.

- Конечно! – с умным видом заявила она. – Мы же рядом спали.

Ее ответ несколько разрядил обстановку, но весь вечер Феона с Ленчиком странно поглядывали на меня. Но я старался не обращать на это внимания, моя голова была занята Марты.

Если мы с Раей оба видели турчанку, то это... не сон. Сон про сон в унисон, - усмехнулся я про себя. - Означает ли ее приход, что она меня простила за пренебрежение? И, как человек-спаситель, выражаясь словами Спирина, снова протянула мне руку помощи и указала направление движения моей дальнейшей жизни. Марты решила помочь мне, чтобы я не блуждал бесцельно по рытвинам-ухабам, а пошел коротким утрамбованным путем к намеченной цели.

Теперь я могу принять ее совет, потому что она правильно угадала мое желание. Не стала его оспаривать. И это меня подкупило.

Что касается всего остального, то я ничего не понял. Сказано: мужчины – тупицы! Если тупицы, то доходчиво объясни – почему поздно? То, что на чужом несчастье счастья не построишь – это бесспорно.

И чтобы постичь тральфреализм, мне нужно тотчас жениться и завести детей. Тогда у меня будет такая же счастливая семья, как у Комаровых. Я избавлюсь от паутины в голове и займусь настоящим делом – мои картины буду лечить людей.

Ах, вот, зачем Марты выманивала меня в Утриш... Однако, неувязочка выходит – о тральфреализме я тогда не знал.

Я окончательно запутался. Неужели Марты не разобралась в моих желаниях. Но тогда... семья – не выход из творческого кризиса...

На следующий день за завтраком я заикнулся об отъезде. Мое сообщение порадовало хозяев, что отчетливо отразилось на их лицах, но опечалило Раечку.

- Дядя Робот, побудь еще, - заныла она.

Я усадил ее на колени и погладил по густым светло-русые волосам.

- Я приеду на следующий год, - пообещал я.
- Ты точно приедешь? – спросила она сквозь слезы.
- Конечно! Я ты будешь рисовать все, что пожелаешь, а потом покажешь мне свои работы.
- Я хочу научиться... этому... тр.. Ну-у-у, как его? Которому ты никак не научишься
- Тральфреализму, - подсказал я.

Мы с Раей проводили много времени вместе, я беседовал с ней, как с взрослым человеком: рассказывал о своих проблемах, о жизни, о своих родителях.

Девочка внимательно слушала. Ее очень заинтересовал мой рассказ о тральфреализме.

- Я всегда так поступаю: беру в руки карандаш и рисую. Заранее никогда не спрашиваю у себя: «А что бы ты, Раечка, хотела изобразить?» Сегодня я хочу нарисовать наш дом, завтра маму с папой, потом небо...

- Просто небо? – удивился я. Вот тебе и пятилетний ребенок. Она, в отличие от меня, сразу проникла в смысл.

- Просто небо... Иногда я рисую солнышко и облачка. Но мне больше нравится рисовать ночное небо: тоненький месяц и звездочки...

- Интересно, - задумчиво протянул произнес я, - оказывается, ты художник-тральфреалист.

- Не знаю, - пожала Рая плечами и принялась перелистывать свой альбом.

Эта пятилетняя художница рисовала такие радостные картинки, любой тяжело больной, глядя на них, моментально выздорoveет.

Я понял, чего не хватает моим творениям: детской наивности и открытости. Надо показывать радость жизни! А как я могу показывать радость, если у меня на душе темно? Но надо признать правоту Марты - после приезда в Утриш и знакомства с Раечкой моя душа просветлела. Эта девочка дала мне ключ к пониманию тральфреализма.

Но надо ли исполнять второе пожелание турчанки?..

- Так вы сегодня хотите уехать? – вернул меня в реальность вопрос Феоны. Она замерла в напряженном ожидании.

- Да, сегодня вечером автобусом.

У хозяйки непроизвольно вырвался вздох облегчения. Я не понял: чем им так не угодил? Неужели Комаровы ревнуют ко мне своего ребенка? Мы с Раечкой, действительно, очень подружились и что в этом плохого? Я не настолько дрянной человек, чтобы ограждать меня от общения с девочкой. А что касается ревности, то дети часто привязываются к людям, которые уделяют им больше времени, чем собственные занятые родители. Посторонние дают им ключ к познанию нового, но потом их детская память стирает облик старшего друга. Ребенок помнит, что когда-то давно один дядя научил его каким-то поделкам или, как в случае с Раей, основам живописи. Так что Комаровым не следует волноваться...

- Дядя Робот, пойдём на море... в последний раз, - предложила девочка и печально вздохнула. Я вопросительно посмотрел на ее мать.

- Идите, - с неохотой разрешила она.

- Поплаваем? – спросила Раечка и, не дожидаясь ответа, побежала к воде. Я устремился за ней.

Мы долго плескались в морской воде, пока губы девочки не посинели. На берегу я закутал ее в полотенце и усадил к себе на колени.

- Какой заботливый отец, - услышал я совсем рядом женский голос, - а как дочь на него похожа, прямо одно лицо.

Я оглянулся, чтобы посмотреть на того, к кому было обращено заявление неизвестной особы. Недалеко от нас стояли две кумушки лет под пятьдесят и с умилением смотрели на нас.

- Они думают, что ты мой папа, - прошептала Рая и хихикнула.

- А ты бы этого хотела? – вырвалось у меня. Я об этом пожалел, но было уже поздно оправдываться.

Девочка серьезно посмотрела на меня, вздохнула и промолчала. Она оказалась гораздо умнее дяди, который старше ее на четверть века.

Согревшись, Рая выскользнула из моих объятий, достала из своего рюкзака альбом и карандаши и протянула мне.

- Нарисуй мне что-нибудь на память, - попросила она.

- А чтобы ты хотела?

- Не знаю. – Девочка задумалась. И я тоже.

Мы с Раей сидели и смотрели на спокойное море. Потом она тихо сказала.

- Я хочу, чтобы ты сделал несколько рисунков...

- Хорошо, - невесело согласился я. Предстоящая разлука тяготила нас обоих.

- Сначала нарисуй большой корабль...

- Теплоход или яхту?

- Очень большой...

- Значит, теплоход... А почему именно теплоход?
- Мне часто снится море, а по нему идет белый большой... теплоход.
У меня по телу побежали мурашки. Я по привычке потянулся к горлу. Друга душевателя я боялся зря: он исчез еще два года назад и с тех пор не возвращался. Но головная боль волной накатила на меня. Я положил руку на затылок и закрыл глаза.
- У тебя болит голова? – озабочено спросила девочка.
Она поднялась на ножки, стала возле меня и начала гладить по голове.
- Сейчас все пройдет, раз мной занялась такая целительница, - с серьезным видом признался я.
На удивление, боль, и правда, исчезла. Рая еще пару раз провела рукой по голове – для закрепления результата.
- Ты мой маленький доктор! – Я прижал ее к себе.
- Я бы очень хотела, чтобы ты был моим папой, - шепотом призналась она. – Я тебя люблю!
- Я тоже тебя люблю. Я никому не говорил этих слов уже... пять лет.
- Почему пять? – нахмурилась Раечка.
- Так получилось, - ушел я от ответа, чтобы не пугать маленькую девчушку.
- Ты был занят? – не унималась она и заученно повторила, - постигал свой... тральфреализм?
- Тральфреализм, - автоматически поправил я. – Я все пять лет... спал.
- Спал? – вскинула брови Рая, выказывая удивление. – Как же можно проспать столько времени? Это значит, что ты заснул, когда я родилась, а проснулся, когда я стала такая большая? – Она расправила плечи и приподнялась на цыпочках.
- А когда ты... родилась? Когда у тебя день рождения? – Я замер в ожидании ответа.
Почему-то мне показалось, что Раечка появилась на свет в один с Робертой...
- Первого июля, - доложила девочка.
- Я моя дочь родилась двадцать девятого июня. – Я облегченно вздохнул. Чего я испугался? Испугался совпадения? Или того, что одна девочка уже достигла пятилетнего возраста, а другая... осталась двухмесячной... Мне тридцать, а Янке было... бы двадцать семь... А осталось двадцать два... Навсегда молодая Яночка и навсегда двухмесячная Берточка... Боже мой, как мое сердце выдерживает это?! Почему оно не остановится и не избавит меня от мук?! Зачем я живу на свете? Для чего? Для кого? Для отца и матери? Для Варфоломеи? Наверное, да... Я нужен им, а они нужны мне. Почему я постоянно забываю о том, что мне говорил Лев Александрович?!
- Я закрыл глаза. Еще чуть-чуть и я потеряю сознание от нахлынувших воспоминаний.
- Дядя Робот, что с тобой? Ты больше не заснешь? Ты не заснешь? – тормошила меня Раечка.
- Я вырвался из полубессознательного состояния.
- Нет, я уже выспался на всю жизнь.
- Тогда давай рисовать. Давай? Ты же обещал.
- Давай. А какой рисунок будет следующим?
- Ты пока рисуй теплоход, а я буду думать. – Рая села на коврик возле меня, подставила кулачки под подбородок и задумалась. Она была такой трогательной, что я не выдержал и чмокнул ее в затылок.
- Вот, жене повезло! – услышал я тот же голос. – Ухаживает за дочерью не хуже матери.
- Мы с Раей заговорщицки переглянулись и занялись каждый своим делом. Я рисовал в альбоме теплоход, а малышка предавалась размышлениям.
- Как мы назовем его? – спросил я, когда моя работа подходила к концу.
- Мы назовем его... - Она задумалась, а я снова напрягся. - Надо соединить два наших имени в одно, придумала она. – Робертрая. – Она несколько раз произнесла это слово и

осталась недовольна. – Какое–то оно корявое. Лучше... Роберта. – Она повторила новое сочетание наших имен и улыбнулась – Правда, хорошо получилось?

- Неплохо, - согласился я и стал выводить на борту теплохода придуманное Раей название. Я споткнулся перед последней буквой, написав «Роберта». Имя моей дочери...

- Дядя Робот, ты неправильно написал: надо еще букву «я» добавить. Смотри, ты написал «Роберта», а надо – «Робертая». Смотри, как смешно получилось, будто Роберта – я.

Я посмотрел на девочку, словно первый раз ее увидел: у нее такие же пухлые губки, как у моей жены... А улыбка... У кого я видел похожую улыбку?

Кажется, я начинаю терять рассудок, хотя, это произошло давно, пять лет назад. Нельзя в каждой сверстнице дочери искать знакомые черты...

Рая забрала у меня рисунок теплохода, внимательно изучила его и осталась довольна, о чем свидетельствовало ее радостное личико.

- Теперь переходим ко второму рисунку, - заявила она с важным видом. – Следующее задание: нарисуй меня и себя. – Сказала она и перекинула альбомный лист на чистую страницу.

- А позировать будешь? – таким же серьезным тоном поинтересовался я.

- Ну, если это надо, - жеманно произнесла она. – Только нарисуй нас сидящих на горе, а внизу море.

- А мы сидим и смотрим вдаль, - продолжил я. – Так?

- Да, так мне нравится.

Перед моими глазами вдруг возник мыс Дооб. На самом краю сидим мы с Раей и... пытаемся разглядеть место гибели «Нахимова». Маленькая девочка даже не догадывается, что этими рисунками пытается излечить мою душу. Сейчас я изображу этот мыс, на котором провел не самые лучшие часы своей жизни, и найду успокоение. Ведь, я не один... Рядом со мной, на рисунке, будет сидеть девочка, очень похожая на Берточку. Будто это не чужая девочка Рая, а моя дочь, которая чудом спаслась в той катастрофе. Мы сидим на мысе, и я рассказываю ей о ее матери, которую она совсем не помнит...

Когда я закончил у меня в горле стоял ком, а в глазах – слезы. Но на душе стало светло и спокойно.

- Здорово! – похвалила меня Раечка, - дядя Робот, ты – талант!

- Я ты - будущий гениальный художник!

- Гений не может быть будущим, - заявила она после некоторого раздумья. – Человек или гений сразу после рождения, или... просто человек.

- Ну, значит, ты... уже гений! – рассмеялся я.

- Мне кажется, что гению сегодня всыпят по первое число! – испуганно произнесла она, взглянув на мои часы. – Мы опоздали к обеду...

Глава восьмая

До дома Комаровых мы добежали за семь минут, раньше наш неспешный путь занимал не менее получаса. Калитка была распахнута настежь, в доме никого не было.

- Странно, - произнес я и почесал затылок. – Куда подевались твои родители?

- Не знаю, - ответила рассеянная Рая и зачем-то заглянула в холодильник. Потом уселась на табурет, сложила колечком руки на груди и с умным видом произнесла, - надо в милицию заявить. Так и сказать: пропали родители, довольно симпатичные и положительные люди, без вредных привычек...

При всей серьезности момента я не выдержал и расхохотался. Рая недоуменно взирала на меня, а потом закатилась вместе со мной. Наше веселье прервал недовольный голос.

- Им, видите ли, весело, а меня чуть удар не хватил! – возмутилась Феона Карповна и обтерла платком пунцовое мокрое лицо. Сзади нее маячил муж и укоризненно поглядывал на меня. Женщина опустила на стул, и более сдержанно доложила, - я уже весь поселок оббегала, вас нигде нет. – К дочери она не бросилась, и старалась не смотреть в ее сторону: видимо, обида касалась не только меня, но и её.

- Извините, это я виноват, - попытался оправдаться я.

- Нет, это я виновата, - встряла в разговор Рая, сползла с табурета, подошла к матери, прижалась к ней, преданно глядя в глаза, и отрапортовала, – я дала задание дяде Роботу, он так увлекся, что забыл о времени. Так всегда бывает, когда человек занят творчеством - он не замечает, как быстро летит время. – Погладила мать по руке, и пролепетала, – мамочка, ты зря волновалась...

- Я думала, что Роберт увез тебя, - всхлипнула женщина и прижала к себе дочь, позабыв об обиде. Мне показалось, что она защищала девочку от меня. Так защищает курица своих цыплят.

- По... почему вы решили, что я могу увести вашу дочь?! Как вам это в голову могло прийти?! - опешил я. Что угодно ожидал услышать, только не обвинение в киднеппинге.

- Потому и решили, что... - осеклась Феона и вопросительно посмотрела на мужа, будто искала у него подсказки.

- Вы, Роберт... очень... привязались к нашей Рае, а она – к вам. Вот, мы и подумали, что вы пригласили ее поехать с вами, а она не стала возражать.

Объяснение повергло меня в шок.

- Как вы могли такое подумать?! Неужели я похож на человека, который может похитить ребенка?! - возмутился я, пусть чересчур резко, но эмоции захлестывали. Бросил взгляд на притихшую девочку и более спокойным тоном попросил, - Раечка, выйди, пожалуйста, на улицу.

Она не стала спорить, двинулась к выходу, но постоянно оглядывалась на меня. Комаровы проводили ее взглядом, потом дружно перевели взгляд на меня. Я предчувствовал, что Феона сейчас возмутится моим поведением. Я даже знал, что она скажет...

- Да, я здесь не хозяин, - предварил я ее высказывание в свой адрес, - но мне кажется... - Тут я задумался: а надо ли давать советы людям старше меня по возрасту? Зачем лезть в чужую жизнь? Марты уверяла, что с этой образцовой семьи надо брать пример. Но будет ли счастлива в этом идиллическом болоте их талантливая дочь? Ведь, они не понимают ее, ставя во главу не развитие интересов девочки, а только примитивную заботу о ней: накормил, одел, обул - этого на первых порах достаточно. Потом приготовил к школе, научил читать – писать, прицепил банты на голову, вырядил в ужасную форму и вперед... Десять лет пролетит, не заметишь, и на пороге выпуска опомнятся и спросят: «А где ты Раечка хочешь учиться дальше?» Будто за все годы не заметили особых талантов ребенка, не вникли в ее увлечения... Складывается впечатление, что эти престарелые родители растят себе заботливую сиделку на склоне лет. Скорее всего, они впихнут её в какое-нибудь медучилище. Как хорошо иметь в доме своего медаботника! И давление померяет, и укольчик сделает... Благодать, живи и радуйся! А как иначе? Мы тебя растили, кормили, поили, теперь будь добра – отплати за заботу! А то, что у девочки талант художника – это никого не интересует! Это же божий дар! А родителям и дела мало! Сидит ребенок на маленькой скамеечке и целый день рисует в своем альбомчике. Вывод: спокойный воспитанный ребенок, не пристаёт с вопросами, не мешается под ногами... Идиллия в семье Комаровых!.. Что-то Марты перемудрила! Ведь счастье не во внешнем спокойствии и заботе и не в постоянном заверении в любви... Счастье, когда тебя чувствуют... даже на расстоянии. Как меня чувствует моя мамуля... Мне плохо, я мечусь по своей берлинской квартире, и тут же раздаётся телефонный звонок. Сынок, у тебя все хорошо? – беспокоится мама. И на душе становится тепло-тепло, я купаюсь в ее

заботе... Никто и никогда не поймет человека так, как понимает собственная мать. Это аксиома. Других матерей я называю мачехами, даже тех, которые произвели ребенка на свет. Родить – не главное, главное – дать путевку в жизнь, пусть это звучит немного по-коммунистически, но в этой фразе скрыто многое... Какую путевку в жизнь получит Рая, живя в этом поселке? Да, это великолепное и красивое место, может, именно здешняя природа наделила девочку талантом, но где здесь развиваться? Я не должен оставаться в стороне!

Боевой настрой передался взгляду, под которым и без того присмирившие Комаровы как-то сникли. Но глаз не отводили, пытались угадать, что у меня на уме. Пока я думал, как бы поделикатнее «повоспитывать» родителей Раи, Леонид Иванович перехватил инициативу.

- Вы хотите забрать у нас Раечку?

- С чего вы это взяли? – удивился я. – Вы родители, какое я имею отношение к ВАШЕМУ ребенку?!

- Никакого! – вразнойой заявили Комаровы и облегченно выдохнули. Вид у обоих был, как после тяжелых физических работ.

И чего я в них въелся? – подумал я, - нормальные простые люди. Любят дочь, заботятся о ней... С чего я взял, что они не захотят развить её талант? И кто я, вообще, такой, чтобы им указывать? Постоялец!

Но все-таки брякнул.

- А можно я дам вам совет... Если вы, конечно, не против? – После моих заверений, они готовы выслушать, что угодно, даже нелестные речи в их адрес.

- Мы вас слушаем, Роберт, - подбодрил меня Леонид Иванович.

Я попытался донести до родителей, насколько их ребенок талантлив. Я вбивал это в их головы, а они тупо смотрели на меня, явно думая о своем и лелея мечту о том, чтобы вы вымелся из их спокойной и понятной жизни.

– Леонид Иванович! - на повышенных тонах обратился я к главе семейства, даже мерзко взвизгнул, словно мне наступили на больную ногу. - Вы должны взять семью в охапку и уехать отсюда!

- Зачем? Здесь хорошо, а воздух...

- Это я уже слышал, – невежливо перебил я. - Но вы понимаете, что Раечке нужно заниматься живописью, серьезно заниматься с хорошим педагогом? – Тот кивнул. – А где это лучше сделать? – День вопросов без ответов. До Комарова не доходило. – В столице или, в крайнем случае, в крупном областном центре!

- А как же мы туда поедим?

- На поезде! – рявкнул я.

- Да, я не об этом... У нас никого там нет, - промямлил он и кивнул на жену, - а ты чего молчишь?

- Вы, Роберт, конечно в вопросах... рисования...

- Живописи, - подсказал я.

- Да, живописи, - согласилась Феона. – Вы в этом деле... специалист, - наконец, она подобрала слово, которое мне якобы подходило. Не художник, а специалист! Ну, и ладно!

- Но это НАШ ребенок и нам решать, что ему лучше! Как-нибудь обойдемся без чужих советов! – С явным недовольством произнесла гордая мать.

А как не гордиться - у нее все отлично: заботливый муж, послушная дочь, есть дом – «полная чаша». И тут приходит какой-то специалист и указывает, как жить, где жить.

Я понимал, что был неправ – не стоит вмешиваться в их семейный уклад. Или я правильно сделал, дав им совет? С этой миссией меня направила сюда турчанка Марты: прознала о талантливой девочке и моими руками решила ей помочь. Чтобы талант не был загублен на корню!

Пока я раздумывал, стоит ли продолжать бессмысленный разговор – выполнять возложенную Марты на меня миссию, Феона Карповна бросила реплику, после которой у меня пропало желание не только разговаривать, но и оставаться в этом доме.

- У вас есть свой ребенок, вот им и занимайтесь!

Я пошел в отведенную мне комнату, покидал вещи в сумку, оставил на столике деньги и вышел из дома.

Во дворе сидела Раечка на своей скамеечке и рисовала в альбоме. Та же картина, что и в день моего приезда. Девочка услышала шаги и подняла голову.

- Дядя Робот, еще не вечер! Ты же обещал только вечером уехать! – На ее глазах выступили слезы.

Я присел на корточки и постарался ее успокоить.

- Я должен уехать, у меня дела. – Я поцеловал ее в макушку. – Я оставлю тебе свой адрес. – Я взял ее альбом и написал свои координаты. – Когда вырастишь, приезжай...

- Я обязательно приеду! – пообещала она.

Мое сердце разрывалось на части. Но я взял себя в руки, попрощался с маленькой пятилетней девочкой и покинул дом Комаровых...

У меня остался неприятный осадок, будто я забыл что-то в поселке Большой Утриш. Я старался не вспоминать юную художницу, но она постоянно вставала у меня перед глазами.

Чтобы заглушить душевную боль, я переключился мыслями на Марты.

Ну, Роберт Зепп, вы получили очередной намек? Как вы отнесетесь к этой подсказке судьбы? Отмахнетесь или все-таки прислушаетесь? – обратился я к себе.

Жениться, жениться или не жениться, - мысленно пропел я, подражая Миронову. В сочетании с частицей «не» глагол «жениться» мне нравится больше. Так что, можете обижаться на меня, уважаемая Марты, но предать Яну я не могу.

Я сам удивился, но воспоминание о жене не принесло обычной душевной боли. Нет, я так же ее помню и люблю, но при нахлынувшем воспоминании о ней, я больше не бьюсь о стену, только наваливается мягкая грусть-тоска, не такая колюче-сверлящая, как раньше.

Марты что-то говорила о прямой связи понимания тральфреализма и женитьбы... Значит, если я ослушаюсь, то никогда не постигну этого направления в живописи? Ерунда! Мне кажется, что я, наконец, дошел до понимания с помощью Раечки.

Всю дорогу домой я вспоминал слова Валеры Фокина и Лены Приставки, а так же рисунки Раи Комаровой...

Лена... Лена Приставка, - пережевывал я. – Как же ты измучилась из-за своей любви к неблагодарному Зеппу! А, может...

А Яна? Яночка, тебя нет уже долгих пять лет!

Почему я считаю, что женитьба – это предательство, а занятие сексом с нелюбимой женщиной – нет. Из-за того, что она нелюбимая или из-за того, что мы не связаны узами брака? Я хочу обмануть себя, а не Яну на небесах... Она все давно поняла.

Мне стало так стыдно, даже уши покраснели, будто жена меня застала в постели с другой женщиной. Но так все и было...

Что теперь? Узаконить свои отношения с одной, а любить другую? Ту, которая давно ушла, ушла навсегда.

Обидится на меня Яна или все же поймет? Если Марты права, и я смогу помочь больным людям, когда обзаведусь семьей, то... надо принять ее условие. Не каждый человек, разобравшийся в тральфреализме, сможет своими творениями облегчить, нет, излечить от тяжелой болезни. Нужно обладать чуткостью и талантом – все эти качества, по мнению, друзей у меня есть. И еще... Я сам выкарабкался с того света, если можно сравнивать неизлечимую болезнь от потери самых близких людей с обычной физической

болью, поэтому я могу понять чужие страдания, умею сопереживать, обладаю желанием помочь.

Значит ли это, что я готов сочетаться законным браком с...

С кем? С Леной Приставкой? С Ильзе Айгнер? Или найти другую кандидатуру? Марты говорила о счастливом браке, но разве может быть счастливым брак без любви? Бывает брак по расчету или брак по договоренности. Мы договариваемся о видимости счастливого брака, без заверений в любви... Брак, основанный на уважении друг к другу, на доверии, а еще лучше на единомыслии. Тогда это уже не видимость счастливого брака, это на самом деле счастье, когда у людей есть единство взглядов и убеждений...

Из двух имеющихся в наличие кандидатур наиболее подходящая – Лена Приставка. Может, Ильзе тоже мыслит со мной одинаково, но мне сие неизвестно ввиду замкнутости этой женщины. То ли она не очень умна, то ли теряется в моем присутствии... Хотя, внешне Айгнер очень даже ничего. Последнее время она очень изменилась: стала следить за собой, перестала носить потертые джинсы и ужасные майки, из русоволосой превратилась в платиновую блондинку, даже стала пользоваться косметикой. Не иначе подействовали советы моей сестры! Но все эти внешние достоинства перечеркивались одним – мы были и остаемся разными людьми. Я утверждаю это, а сам до сих пор не понял эту женщину, не знаю ее мыслей, ее интересов. И сколько нужно времени на это узнавание, мне неизвестно, может, год или два, может меньше, если я захочу этого. Я прислушался к себе: хочу я узнать Ильзе Айгнер ближе? Ни да, ни нет... Мне все равно. Безразличие – это самое ужасное! Безразличный человек не живет, он существует. Я не выношу людей-амеб, которые никак не выражают своих чувств. Это не значит, что у них внутри пустота, просто они более сдержанны в эмоциях. Сидит перед тобой человек, ты говоришь, говоришь, а он молчит и слушает, молчит и слушает. Сначала тебя устраивает терпеливый слушатель, а потом ты начинаешь ерзать: он, вообще-то, понимает, о чем идет речь, или понимает, но не вникает, предаваясь своим мыслям? Возникает резонный вопрос: какого черта я «мечу бисер» перед этим человеком?! Это я об Айгнер...

Я не люблю безвкусных конфет, даже если они завернуты в красивую обертку...

- Я решил жениться! – заявил я с порога, чем удивил моих родителей.
- Ты встретил в Новороссийске девушку? – сдержанно поинтересовалась мама.
- Эту девушку я знаю много лет, - обронил я.
- Это Лена Приставка? – быстро догадалась она.
- Да. И я вас скоро познакомлю.
- А она об этом знает? – усмехнулся неразговорчивый отец и, как всегда, оказался прав.
- Лена не будет против! - Невзирая на скрытые внутренние сомнения, в моем голосе было уверенности с избытком.

А почему я решил, что она согласится выйти за меня замуж? Лена знает, что я ее не люблю. Не каждый решится на брак с человеком, который к тебе «просто хорошо относится». И в будущем вряд ли что-то изменится в его отношении.

Не перевелись еще мужчины-однолюбы, которые душевно верны своим женщинам всю жизнь.

Я только сейчас понял, что, женившись на Лене, никогда не изменю Яночке, потому что буду любить только ее одну.

Я боялся одного, что уже завтра могу передумать. Поэтому решительно набрал телефонный номер Лены. Трубку долго не брали. Внутри меня вдруг появилась надежда, что дома никого нет. А на нет и суда нет. Судьба, - подумал я и обругал себя за трусость. Совсем недавно я отметал это понятие. Каждый человек – кузнец и так далее. Сейчас я спихиваю все на судьбу.

И тут в телефонной трубке раздался спокойный голос Приставки.

- Роберт, это ты? – сразу спросила она, словно кроме меня ей никто не звонит. – Я боялась, что ты больше не вернешься в мою жизнь.

- Почему? – удивился я, забыв поздороваться.

- Не знаю... Предчувствия, наверное.

- Лена, выходи за меня замуж! – скороговоркой предложил я, испугавшись, что продолжение нашей беседы уведет меня от этого решения.

- Я согласна! – не раздумывая, сказала она. А мне стало стыдно, что я использую эту девушку в своих целях, что я живу по подсказке судьбы в лице турчанки Марты. Но я должен так поступить.

Я оправдываю себя и злюсь...

Через месяц мы расписались и отправились в Берлин. Моя сестра встречала меня в аэропорту Шенефельд. Я не оговорился, сказав меня. Она не знала о моей женитьбе и думала, что я прилечу один.

Когда мы с Леной появились в поле ее зрения, я сразу вспомнил картину великого Ильи Репина «Не ждали».

Опережая вопросы сестры, я заявил.

- Элька, знакомься, это Лена – моя жена.

- А как же, - едва не сдала меня и себя сестра, но вовремя остановилась.

Я догадался, кого она имеет в виду. Можно подумать, что я что-то обещал ее подруге.

В паузе выступил я. Покаялся, что скрыл факт своей женитьбы, сам не ожидал от себя такого прыткого шага. Да, я очень люблю сестру, которая негодует, и я принимаю это негодование и готов загладить свою вину, пригласив ее и ее мужа в самый лучший ресторан, где мы посидим в узком семейном кругу и отметим это событие.

- И не нужно вопросов! – выдохнул я.

- Но, Роберт... – начала Элька.

- Все выяснения отношений мы перенесем на более удобное время. А сейчас предлагаю выпить по чашечке кофе? Дамы, вы не против?..

Октябрь в Берлине выдался холодным и дождливым. Полуголые деревья стыдливо прикрывали мокрые стволы остатками желто-красной одежды с вкраплением коричневых ржавых пятен.

Сырая промозглая осень навевает на меня скуку. Я люблю весну - рождение новой жизни, когда вокруг все просыпается, когда дни становятся длиннее, когда на душе глупо-празднично и неоправданно-весело. Но приходится переживать и увядание-усыпание.

Творческие люди черпают из осени вдохновение, а я хожу полусонный и вялый...

Мы сидели в кафе-кондитерской на Бергманнштрассе. Подобные заведения называют «завтрачными», потому что сюда люди приходят завтракать. Я никогда не понимал странности: если сюда ходят завтракать, то почему кафе-кондитерские работают до полуночи? А некоторые и, вообще, круглосуточно. Где логика? Нет, есть и такие, которые работают до двух или до четырех часов дня, но это исключения. Их, немцев, нам русским не понять!

Эля что-то рассказывала о своем муже, а я не слушал ее и смотрел в окно. А еще я смею клеймить позором людей-амеб, которые никак не реагируют на посторонние заявления! Так всегда – в чужом глазу и мелкую соринку увижу, а в своем – и бревна не замечу!

Мелкие дождинки колотили по большому стеклу, будто просились к нам. Мне захотелось подставить лицо под этот холодный душ, прийти в себя после всех событий последних дней.

- Роберт, - окликнула меня сестра, - вернись к нам.

- Я здесь! – наигранно–весело откликнулся я. И мы продолжили беседу втроем. Я стал рассказывать о родителях, Элька загрустила, а Лена решила оставить нас одних и отправилась в дамскую комнату.

Я попытался развеселить сестру и начал вспоминать смешные случаи из нашего детства, но вдруг замер. В кафе зашли две девушки, причем одна из них была Ильзе Айгнер, а другая – тоже Ильзе Айгнер, но выглядела она так, будто стилисты над ней еще не работали. Первая Ильзе улыбалась и что-то рассказывала своему двойнику. Такой я ее никогда не видел. Оказывается, эта девушка может разговаривать и веселиться. Она поправила свои влажные волосы и провела взглядом по столикам. Ильзе улыбнулась, увидев нас с Элькой, и подошла к нам.

- Добрый день! – поздоровалась она, естественно, по-немецки, не отрывая от меня взгляда, будто я сидел в гордом одиночестве. – Роберт, когда ты приехал?

- Пару часов назад. Присаживайтесь за наш столик, - пригласил я. – Надо сказать, что маленькие круглые столики были рассчитаны максимум на четырех человек. Ильзе хотела позвать свою сестру–близняшку, но потом заметила еще один прибор на нашем столе.

- С вами Франц? Мы все не поместимся...

- Сейчас что-то будет, - прошипела Элька, продолжая скалить зубы. Естественно, она произнесла это по-русски, чтобы ее подруга ничего не поняла.

- Не начинай, - отмахнулся я, продолжая приветливо улыбаться. – Лучше пусть узнает обо всем сейчас.

- Надо ее подготовить.

- Эля, перестань! Я не знаю, что вы с ней нафантазировали, но я никогда не собирался на ней жениться. – Улыбка стерлась с моих уст, когда я уловил странное выражение лица Айгнер. Мне показалось, что она уловила суть нашей беседы. Или не показалось?

Разобраться я не успел, вернулась Лена. Она заметила возле нашего стола незнакомку и напряглась.

- Лена, познакомься, это подруга моей сестры Ильзе Айгнер, - произнес я по-русски, так как моя жена не знала немецкого. Потом повернулся к Ильзе и представил Лену, как свою жену, уже по-немецки.

Когда Ильзе услышала, что перед ней моя жена, то пошатнулась, как от удара, потом опомнилась, вежливо поздоровалась и перевела взгляд на меня.

- Когда ты успел жениться? – Девушка старалась говорить спокойно, но ее выдавали нервически-подрагивающие губы.

- Неделю назад...

- Поздравляю! – Она произнесла это таким тоном, словно желала мне провалиться на этом самом месте.

- Спасибо, - сказал я с глупой улыбкой. Лена наблюдала за нашим диалогом. Для тех, кто не владеет немецким, тоже было понятно, что моя собеседница раздавлена новостью.

- Ты надолго вернулся в Берлин? – продолжила светскую беседу подруга моей сестры, игнорируя всех остальных.

- На пару недель, - ответил я.

- Тогда мы еще встретимся...

Она махнула рукой и ушла в дождь. Я видел ее бредущей по улице без зонта, она подставляла свое лицо мелким дождевым капелькам, о чем еще недавно мечтал я. Я не понимал, почему испытываю чувство вины, ведь между нами ничего не было, клятв и обещаний я не давал. Женщины сами выдумывают себе объект для завоевания и ведут постоянную осаду. А еще утверждают, что мужчина – охотник, а женщина – слабое существо.

Ее сестра расположилась через два столика от нас. Она непонимающим взглядом проводила Ильзе, потом укоризненно посмотрела в нашу сторону, поднялась и бросилась догонять беглянку.

- У нее есть сестра, а я и не знал, - изучая дождевые потоки на окне, безучастно произнес я.

- Есть, - односложно подтвердила Эля. - Они, как все близнецы, очень привязаны друг к другу. - Потом Элька посмотрела на мою жену. - Лена, ты не волнуйся по поводу Ильзе, у нее с моим братом ничего не было... - Та лишь пожала плечами: понимаете, как хотите.

Мы посидели еще немного, разговор не клеился, и Эля отвезла нас домой...

Мы проскочили мимо двух похожих девушек и даже не заметили их...

- Это был он? - спросила Марит свою сестру.

- Отстань от меня! - Ильзе вырвалась и пошла по улице. Она не чувствовала, что ее курточка промокла, что в туфлях хлюпает вода, ей было все равно. Зачем теперь жить? Она знала, что Роберт ее не воспринимает, как женщину, она - приложение к его сестре, но фрейлейн Айгнер так хотела стать фрау Зепп. Она мечтала, что ее эротические фантазии претворятся в жизнь... Она болела Робертом, она жила надеждой и теперь эта надежда испарилась. Пшик и нет ее! Ильзе подняла глаза к серому небу, словно хотела рассмотреть улетевшую надежду.

- Почему мне не везет? - взвыла она и почувствовала на локте чью-то руку.

- Пойдем домой, сестра! - Марит потянула её к припаркованному автомобилю. - Только не надо принимать быстрых решений, жизнь не закончена. - Произнесла она, когда они сели в теплый салон «фольксвагена». Марит убрала мокрые волосы с лица сестры. - Ты слышишь меня?

- Да, - тихо ответила Ильзе и беззвучно заплакала.

- Поплачь, - разрешила Марит, - пусть слезы унесут все неприятности.

- Я все делала ради него, а он... Он сказал, что... никогда не собирался жениться на мне... - Она всхлипнула и закрыла лицо руками, загораживаясь от сестры.

- Все можно исправить, - задумчиво произнесла она, потом повторила эту фразу несколько раз, то ли внушала это себе, то ли сестре. - На пятый раз Ильзе ее услышала, подняла на Марит опухшее от слез лицо и спросила.

- Как? Найти себе другого? Я не хочу! Мне нужен Роберт Зепп! - закричала она, отбросила от себя дверцу и хотела улизнуть, но сестра удержала ее.

- Успокойся, Ильзе! Куда ты пойдешь такая мокрая?! Я же говорю - все можно исправить! Ты меня не поняла?

- Ты будешь исправлять? Это не автомобиль, который ты чинишь в своей мастерской, - вяло отозвалась Ильзе. Внешнее сходство сестер оставалось только внешним: Ильзе была ранимой и слезливой, а Марит обладала волевым мужским характером. Она давно призывала сестру бросить этого Зеппа, оглянуться вокруг и найти более подходящую кандидатуру, но Ильзе была помешана на Роберте и никого не желала видеть рядом с собой.

Профессия, как и характер, была у Марит самая мужская: она трудилась в небольшой автомастерской обычным механиком и могла «засунуть за пояс» любого мужчину. Сейчас она поняла, что должна принять важное решение и помочь сестре.

- Ради твоего счастья я готова на все! - с чувством произнесла она после раздумий.

- Даже... убить его молодую жену? - проницательно глядя на Марит влажными глазами, спросила Ильзе.

- На все! - резко подтвердила сестра...

Первую неделю пребывания в Берлине я полностью посвятил жене. Мы гуляли по парку Тиргартен, который предпочитали для прогулок молодые мамочки с колясками и для

пробежек - спортсмены-любители. На площади Большой Звезды мы постояли возле Триумфальной колонны Победы.

- А что это за статуя на вершине? – поинтересовалась Лена.

- Это скульптура богини победы Виктории, в народе ее называют «Золотая Эльза». Отцы города четыре года назад выделили килограмм золота на ее покрытие.

- Красиво! – восторженно протянула жена и повертела головой. – А эта улица куда ведет?

- К Бранденбургским воротам. Пойдем! – Я взял ее за руку и потянул за собой.

- Так бы шла и шла рядом с тобой всю жизнь, - мечтательно произнесла она.

- Так и будет! – уверенно заявил я. Когда мы добрались до Бранденбургских ворот, я сказал, - есть одна примета: если пройти через ворота, то обязательно вернешься в Берлин еще раз.

- Ты не обижайся, но мне этого не хочется. – Лена покачала головой. – Мне здесь... неуютно.

- Это погода навевает на тебя грусть, - проницательно глядя на нее, предположил я.

- Не знаю, может, и погода...

Но мы все равно прошествовали через Бранденбургские ворота, и вышли на знаменитый Унтер-дер-Линден.

- Эту улицу называют «бульваром под липами».

- Какие хорошие дороги в Берлине, не то, что у нас, - посетовала жена, не среагировав на мое заявление, будто дорожные покрытия были для нее важнее.

- Когда Гитлер пришел к власти, в Германии была безработица, и он предложил всем безработным пойти на строительство дорог, с тех пор проблема решена. На бульваре много магазинчиков, но я думаю, что с Элькой тебе здесь будет интереснее, чем со мной. Я отвечаю за культурную программу, а она - за шопинг. Согласна? – Лена кивнула.

- Надеюсь, наша экскурсия еще не закончена?

Я молчал и «ощупывал» жену взглядом, будто никак не мог разобраться – хочет она бродить по городу или мечтает вернуться домой, раз ей здесь неуютно.

- Что-то не так? – поежилась она под моим изучающим взглядом. – Роб, не молчи. О чем ты задумался? – У Ленки возникла паника, плохо скрываемая под напускным весельем. Да, сложно ей со мной.

- Вот подумываю над решением одной проблемки, - насупившись, произнес я, намекая, что мои размышления не приведут ни к чему хорошему.

- Это... касается меня... Извини, но я сказала правду. Зачем мне тебя...

- Не за чем, - подтвердил я, не дослушав продолжения. – И раз тебе не комфортно в моем любимом Берлине, то я тебе жестоко отомщу.

- К...каким образом? - заикаясь, поинтересовалась Лена.

- Брошу реку Шпрее и дело с концом! – плотоядно скалясь, миролюбиво пообещал я.

Лена исподлобья посмотрела на меня. В глазах затаилось удивление: чувство юмора посещает меня так же редко, как идет снег в Африке. И тотчас в её глазах заплясали чертики: решила мне подыграть.

- Прошу тебя, смилуйся надо мной, я тебе еще пригожусь! – пообещала она, приподнялась на цыпочках и звонко чмокнула меня в щеку. Но на всякий случай шепотом напомнила, - а реки-то рядом нет.

- Здесь нет, но там, куда я тебя сейчас повезу, будет. Так что бойся!

- А куда ты меня повезешь?

- На остров!

- На остров, - восторженно протянула Лена, вскинув брови. – Мы будем робинзонами?

- Увы! Этот остров обитаем! И называется он Музейный остров...

Был понедельник, и я совсем забыл, что на этот день выпадает выходной для всех музеев острова. Поэтому мы никуда не попали. Но с другой стороны – не было

привычных столпотворений, и мы спокойно могли погулять и полюбоваться красотами острова. Я перечислил названия всех музеев, мы дошли до конца острова, где стоял музей Боде, последний из пяти, побродили возле него и отправились в обратный путь.

Вечером состоялся семейный ужин, который прошел не в ресторане, как я обещал, а по настоянию сестры, в доме Шуттлеров. Элька расстаралась на славу, наготовила разных блюд, Франц веселил нас своим русским, невероятно коверкая слова. Причем, как нам показалось, он делал это намеренно, чтобы позлить супругу и рассмешить нас с Леной.

- Учучу- учу его, а он... - отмахнулась Элька.

- Дорогая, я тебе очень благодарен! - произнес Франц на чистом русском языке. Его жена открыла рот от удивления, да, так и осталась сидеть. - Муха залетит! - Выдал он, чем окончательно довел нас до слез. Мы так хохотали, что дрожали стены.

- Сейчас соседи вызовут полицию! - безразличным голосом предупредила сестра, вытирая слезы. Немецкое «стукачество» ее бесило больше всего. Но чужие порядки надо уважать, поэтому мы более-менее успокоились.

И вскоре разделились на две половины – мужскую и женскую. Не знаю, о чем беседовали наши жены, а мы разговаривали о работе.

Мне было любопытно услышать компетентное мнение врача-онколога. Я поведал Францу о тральфреализме.

- Ты веришь в подобный способ лечения? Или доверяешь только проверенным методам?

- Не думал об этом. - Франц потер подбородок, что говорило о высшей степени задумчивости. Меня успокоило и порадовало одновременно, что он не воскликнул: «Это полная ерунда!» - Знаешь, Роберт, в Канаде недавно открылась артклиника. В ней пациентов лечат воздействием различным цветом на биологически активные точки проблемных органов. Известно, что красный цвет положительно влияет на репродуктивные органы, зеленый – на сердце...

- Если у меня все получится, мы смогли бы открыть подобную клинику в Германии! - моментально вдохновился я идеей. Раньше я не был строителем «воздушных замков». Но ищущий повод забыться ухватится даже за нереальную на первый взгляд мысль. А почему нереальную? Потому что для начала нужно раствориться в тральфреализме, научиться создавать картины, способные вылечить больного человека.

Не знаю, что отразилось на моем лице, кроме, естественно, неудержимого восторга, но Франц в лоб заявил:

- Как я понимаю, ты еще не создал ни одной картины.

- Пока не создал, но в скором будущем... - Не договорив, я заметался по комнате, как тигр в клетке в ожидании обеда. Мне захотелось убежать домой, схватить кисти и писать, писать, писать... Я не знал, что изображу, но огромное желание накатило на меня волной. Я удержал свой порыв, посчитав такое поведение бестактным. Даже пригвоздил себя к стулу. И более сдержанным тоном проговорил, - у меня много друзей, увлеченных тральфреализмом. На первых порах они могли бы... нас поддержать.

Шуттлер уже не смотрел на меня с недоверием. Недоверие еще не затмилось желанием открыть новое лечебное заведение с революционными методами, но мое предложение не казалось ему иллюзорным. Он снова стал рассказывать об артклиники в Канаде, но я так ерзал на стуле и так напряженно поглядывал в сторону выхода, что он постоянно сбивался. Первым не выдержал я. Вскочил с места и заявил:

- Извини, Франц, но я сейчас должен уйти! Извини.

Прихватил жену, напомнил сестре, что завтра она будет её гидом, поблагодарил на прекрасный ужин и оставил чету Шуттлер в полном недоумении. Я понимал, как был не прав: сейчас Элька начнет выяснять у мужа, почему я так быстро ретировался, начнет обвинять его во всем. Но я не сомневался, что их ссора будет милой, беззлобной, и закончится скорым перемирием.

Я не мог тратить время на объяснения. Меня захватила жажда творчества. Я, как алкоголик, пустился в запой! Я был счастлив!

Я забыл, какой день недели, забыл о времени, я упивался.

Лена понимала мое состояние, не приставала с вопросами, оставила меня наедине с мечтой, казавшейся совсем недавно несбыточной. Жена уходила с утра и возвращалась вечером. Перед уходом оставляла мне еду, здесь же, на столике. Я чем-то перекусывал, чем-то запивал. Мог, вообще, ничего не впихивать в себя. Я не испытывал голода, не испытывал жажды, не мечтал о глотке свежего воздуха, заточив себя в четырех стенах по собственной воле. Я был ученым, который изобретает новый супер препарат для лечения людей со страшным диагнозом.

Моя первая работа вызвала у меня нескрываемую гордость, а у Лены – восхищение.

- Ты – гений, Роберт! – с трудом справившись с дыханьем, произнесла она.

- Давай позовем Шуттлеров и поинтересуемся их мнением.

- Отличная идея! Я приготовлю ужин! – с готовностью заявила жена и умчалась на кухню, бросив еще один взгляд на мое творение.

Ничего особенного в этой картине не было. На первый взгляд...

Темно-зеленое болото, которое с первого взгляда пугало и вызывало удушьящее отвращение. Будто стоишь совсем близко и боишься, что тебя оно затянет. Но следующее пятно заставляет расслабиться и позволяет вдохнуть полной грудью. Этим пятном является божественный лотос – белоснежный невинный цветок, расположившийся на светло-зеленых листьях. Я не знаю, почему, именно, лотос, а не наша родная водяная лилия. Это получилось спонтанно, по всем правилам тральфреализма: подошел к холсту, взял в руки кисть и, не задумываясь, начал творить.

Спасибо тебе, маленькая девочка Раечка!

- С ума сойти! – своеобразно выразила свой восторг сестра и повторила слова Лены. – Роб, ты – гений! – Не забыла одарить меня укоризненным взглядом и добавила, - только, чур, не зазнаваться!

Я с готовностью кивнул, хотя, «надевать корону» не собирался. Элька то приближалась к полотну, то отступала, продолжая восхищаться.

- Ты даже не представляешь себе, что написал! – Я пожал плечами, будто, и, правда, не сознавал. И тут она произнесла то, что я никак не ожидал услышать. И не потому, что сомневался в её умственных способностях, просто считал ее познания ограниченными. – Лотос это символ возрождения новой жизни, символ красоты и чистоты. – Мы смотрели на нее с ожиданием, она приняла это за недоверие, - да-да, я читала, что лотос – взаимодействие мужского и женского начала, поэтому он и связывается с плодородием и зарождением новой жизни.

- А я и не знал! – удивленно протянул я. А хорошо менять мнение о родном человеке в лучшую сторону! Только обидно, что ты жил с этим человеком бок обок и, как оказалось, плохо его знал. Не хотел покопаться у него в голове, не хотел прислушиваться к нему, почему-то считал себя гораздо умнее.

- Лотос – символ мирового древа, - выдал Франц, который с интересом рассматривал картину и до сей поры собственное мнение не высказывал. – Это древо связывает три уровня мироздания: во-первых, лотос растет из ила, во-вторых, его стебель находится в воде и, в-третьих, - он загнул палец и обвел нас взглядом, - в-третьих, цветок обращен к небу! – Шуттлер поднял вверх палец другой руки, а мы дружно проследили за его направлением. И это было еще не всё, что он хотел сказать, оставив в покое свои руки. – Если перейти к индийской культуре, то нужно вспомнить, что лотос олицетворяет богиню-мать и соотносится с женским детородным органом.

- Кажется, я догадываюсь, к чему ты ведешь! – Я чуманел от счастья: первая работа и такая удача! – Моя картина поможет женщине стать матерью! – Заявил я, с трудом соображая, что несу.

- И не только! – вмешалась Лена. – Для художника очень важно начать новую творческую жизнь с изображения лотоса.

- Почему? – хором спросили мы.

- Лотос – символ творческого рождения. Сегодня ты родился, как художник–тральфреалист! Я тебя поздравляю, дорогой! – Жена обняла меня и нежно поцеловала. Я любил ее в эту минуту. Я любил всех!

- Спасибо вам, друзья! Спасибо за понимание и поддержку!..

Я боялся, что после первой удачи наступит некий ступор, я предамся размышлениям о новых планах, чего делать ни в коем случае нельзя. Это будет уже обычный пейзаж, а не картина-лекарь.

Но я боялся зря: через день меня снова потянуло к холсту...

Но моей увлеченной работе помешал требовательный телефонный звонок. Я хотел отмахнуться, но телефон продолжал трезвонить и вынудил меня поднять трубку.

- Слушаю! – рявкнул я, забыв, что нахожусь «в неметчине», как говорила Вафа.

- Роб, ты только не волнуйся, - прошептала Элька испуганным голосом, - у нас тут...

- Что случилось? – перебил я её.

- Лена... немного травмировалась. Самую малость. Ее жизни ничего не угрожает, - промямлила сестра.

- Ты можешь выразиться яснее! – растерялся я. – Где вы?

- Мы в больнице, - она назвала адрес клиники, и я бросился туда...

Дамы поджидали меня на улице, что меня немного успокоило: если бы травма была серьезной, мою жену так просто из больницы не отпустили. Я не успел ни о чем спросить, как затараторила сестра.

- Мы были в супермаркете на Потсдамской площади, ехали по эскалатору и вдруг... - Она сделала круглые глаза, словно увидела инопланетянина, случайно залетевшего на своей тарелочке в этот многоэтажный магазин.

- Ну, - поторопил я её, - не тяни...

- Мы ехали по эскалатору, - снова повторила Эля. Я, молча, показал ей кулак, как в детстве, что привело ее в чувство, она даже усмехнулась. – И какой–то парень толкнул Лену в спину, она скатилась вниз и ушибла плечо.

- Не толкнул, - вмешалась в разговор моя покалеченная жена, - он меня случайно зацепил, а я не удержалась на каблуках и полетела вниз.

- Нет, толкнул! – не сдавалась Элька.

- Как он выглядел? – Этим вопросом я озадачил девчонок.

- Это был... черный человек! – после недолгих раздумий, выдала сестра.

- Не рассказывай мне страшилки! Черный человек под ручку с желтой женщиной, а у той в руках желтый чемоданчик! ... Вы в полицию заявили?

- Все произошло на глазах сотрудников безопасности супермаркета. Но они не успели задержать этого парня. Он скрылся.

- Он был в черных брюках, в черной куртке, а на голове бейсболка, - вспомнила Лена.

- Тоже черная? – невесело усмехнулся я.

- Кажется, - пространно ответила жена.

- Приметы... так себе...

- Не бери в голову, Роберт, - попыталась успокоить меня Лена, - я сама виновата: стала посередине прохода.

- Но это не эскалатор в метро в Москве, где все летят, как на пожар. Это Берлин – спокойный размеренный город. С чего бы этому парню спешить по коротенькому эскалатору? – не унимался я.

- Я хочу кушать! – капризно заявила «больная» и прильнула к моему плечу.
- Фрау Зепп, ваша уловка удалась: я на время забуду об этом инциденте.
- А как же театр? – вмешалась в наш диалог сестра и растерянно оглядела нас, остановив глаза на подвязанной руке Лены.
- Какой театр? – взбодрилась жена и тотчас вытащила руку из перекинутой на шею широкой ленты, показывая этим, что с ней все в порядке. Я вернул конечность на место и повернулся к Эльке.
- Что за сюрприз ты нам приготовила?
- Это Франц... Он купил билеты в «Шaubюне ам Ленинер Платц».
- Это как Большой театр в Москве, - объяснил я жене.
- Хочу, хочу! – развеселилась она. - А этот театр находится на улице Ленина? – Хитро улыбнулась она.
- На улице Крупской, - выдал я. – Ну, если чувство юмора не пропало после непродолжительного полета и жесткой посадки, то... - Я загадочно оглядел присутствующих дам. – Думаю, что поход в театр Лене не повредит.
- Даже пойдет на пользу! - со счастливой улыбкой пообещала она...
- Когда вечером мы вернулись домой, я сказал, глядя на бледное лицо жены:
- Теперь ты находишься под домашним арестом! Без меня из дома ни шагу!
- Роберт, ты не прав, - попыталась поспорить Лена.
- Это приказ! Споры здесь неуместны!
- Я не хочу отвлекать тебя от работы.
- Ты не будешь меня отвлекать. Найди себе занятие по душе.
- Хорошо. Но удели мне внимание... Например, завтра. А потом каждый займется своим делом... Это возможно?.. Если у тебя другие планы...
- Я согласен. После сегодняшнего происшествия все равно не смогу полностью сконцентрироваться на работе...

На следующий день с самого утра мы отправились на прогулку, заранее не обговаривая маршрут.

Уже по дороге я решил, что мы пойдем смотреть Рейхстаг. Нужно было переключиться с волнительных моментов настоящего на ужасы прошлого...

Вся площадь перед зданием Рейхстага была запружена народом. Желаящих попасть внутрь, как всегда, было много.

- Туда пускают не всех? – почему-то испугалась Лена, словно боялась расстаться с мечтой, о которой с утра еще не подозревала.
  - Всех, - успокоил я жену, - вход свободный.
  - А где флаг, о котором нам рассказывали в школе? – поинтересовалась она, запрокидывая голову.
  - На реконструкции, - рассеянно ляпнул я. Меня преследовало странное чувство, похожее на манию преследования: казалось, что мой затылок сверлит чей-то пристальный взгляд. Я вертел головой, пытаюсь уловить чей-то нездоровый интерес, но ничего необычного не замечал.
  - На какой реконструкции?
  - Шутка, - усмехнулся я и пожалел, что я не сова, которая можем вращать головой на сто восемьдесят градусов. – Наверное, временно сняли...
  - Понятно, что ничего не понятно, - вяло отозвалась жена.
  - Как ты себя чувствуешь? – забеспокоился я.
  - Нормально.
  - Пойдем в более спокойное место, а то тебя зацепит как-нибудь шустрый турист.
  - Хорошо, - согласилась она.
- В сквере у Рейхстага стоял памятник советскому солдату, туда мы и направили стопы.

- Есть еще один памятник в Трептов-парке, - пояснил я.
- Памятник советскому солдату с девочкой спасенной на руках, - процитировала Лена и поинтересовалась, - эти стихотворные строки про тот памятник, в Трептов-парке?
- Да.
- Смотри, все надписи сделаны на русском языке! – с восторгом сказала она, рассматривая два танка, стоящих по бокам от памятника, и зенитные установки времен отечественной войны. - Так приятно читать и понимать... Словно находишься дома в России. – С грустью добавила она.
- Ты хочешь домой?
- А ты?
- Мне все равно. Главное – ты рядом.
- Мне так приятно услышать это, - с чувством сказала жена и положила голову на мое плечо...

Вечером позвонил Франц Шуттлер, поинтересовался здоровьем Лены и быстро перешел к главному.

- Твоя картина имеет успех у женщин! – обрадовано заявил он, будто сам имел успех у дам. В тот вечер он прихватил картину с моего разрешения. Я ее писал не для удовлетворения собственных амбиций, а для людей. Поэтому с удовольствием расстался с ней, но с волнением ожидал результатов. Нет, я не думал, что они появятся через день – два, но очень хотелось узнать реакцию на нее пациенток гинекологического отделения, куда Франц ее передал. – Картину повесили в холле, над телевизором, - доложил он. - Все женщины сидят на диванах и вместо включенного телевизора любуются твоим творением. Раньше их интересовали перипетии сериалов, после просмотра проходили дискуссии, но теперь все изменилось. Фильмы ушли на второй план. Не у всех, конечно, некоторые продолжают пялиться в телевизор и принимать пилюли. А другие сочетают и пилюли, и созерцание твоего шедевра.
- А как мы узнаем: помогло им лекарство или мое творение?
- Узнаем, - пространно заявил он. – Мой друг, врач-гинеколог, выявил группу женщин – фанаток твоей картины, и решил отказаться на время от лекарственных препаратов. Он дает им безобидные витамины. Конечно, он проводит этот эксперимент, подвергая риску свою репутацию...
- А эти женщины в курсе?
- В курсе чего? – не понял Франц.
- Ну, что... являются подопытными кроликами? Если нет, то сам знаешь, чем это может закончиться.
- Никто им ничего не рассказывал! Если им рассказать, то они будут проводить на диване круглые сутки, там же дремать, там же питаться, постоянно молясь на картину, как на икону. Здесь нужны не мольбы, а заряд энергии, идущий от картины. У человека появляется вера в свои силы...
- Франц – ты гений! – повторил я слова, обращенные в мой адрес совсем недавно. – Держи меня в курсе, - попросил я и отключился.
- Но через пять минут он перезвонил снова.
- Они предлагают купить у тебя картину, - произнес он извиняющимся голосом.
- Но я же...
- Твоя работа стоит денег. И не малых денег, - перебил он и назвал сумму, от которой мои волосы на голове пришли в движение.
- Ничего себе! – Я пригладил шевелюру, призывая ее к порядку. – Но...
- Без «но»! – отрезал зять. – Твой шедевр стоит гораздо больше. Это во-первых.
- А, во-вторых? – усмехнулся я его немецкой расчетливости.

- Во – вторых, тебе нужно кормить семью! Нельзя жить на те крохи, что ты зарабатываешь случайными заработками.
- Слушай, Франц, если так пойдет дело, то мы сможем открыть свою артклинику! – размечтался я.
- Поживем – увидим, - по-русски рассудил он. Сказывалось воспитание жены.
Связь с Шуттлером можно держать, находясь в России, - решил я и объявил Лене, что через два дня мы возвращаемся домой.
- Ура! – Она обняла меня одной рукой, так как вторая была подвязана. – Завтра мы поедем с Элей на Александрплатц! – С вызовом заявила она, дав понять, что споры здесь неуместны.
- Я не понял: кто в семье главный?
- Ты, только ты! – пропела она. – Но я должна купить подарки родным, а твоя сестра говорила, что там самый лучший выбор сувениров.
- Ладно, - легко согласился я, пребывая в превосходном настроении. Нехорошие предчувствия меня не тревожили. А зря...

На следующий день произошло еще одно происшествие... с теми же участниками. С теми ли? Но двое точно были теми же.

Снова какой-то черный человек вытолкнул Лену на проезжую часть, когда по ней шустро сновали автомобили. Хорошо, что немцы – законопослушные граждане, всегда соблюдают скоростной режим, поэтому водитель успел вовремя затормозить. И Эля не опростоволосилась - в последний момент успела ухватить мою жену за пояс плаща, чтобы она плашмя не растянулась на проезжей части. Лена только сделала пару шагов в наклонном состоянии.

Я узнал об этом поздно вечером, о чем мне было сказано за ужином, как о чем-то незначительном. Я взбесился и прочел длинную лекцию о поведении на улицах Берлина. Я не знаю, что на меня нашло, ведь жена была не причем, но плохое настроение, преследовавшее меня весь день, к вечеру, только усугубилось.

Причина мне была известна – новое творение забуксовало в самом конце. Я не мог ухватить самого главного и злился на себя.

Когда я понял, что день потерян, то лег на диван и углубился в чтение, стараясь отвлечь себя от горьких мыслей. Нельзя додумывать, нельзя! – приказал я себе и незаметно уснул.

Проснулся я еще в худшем настроении, выглянул в окно, увидел робко выглядывающее из-за туч солнышко и решил пройтись.

Бесцельное брожение завело меня в незнакомое место. Я оглянулся по сторонам и заметил маленькую кафешку.

Никто не скажет, что я тиран и сумасброд, за то, что к чаю я люблю хороший бутерброд! - вспомнил я стихотворные строки из детства и решительным шагом двинулся к заведению.

С газетой в руках и чашечкой чая я почувствовал себя... лентяем и тунеядцем.

Сидишь, - мысленно обругал я себя, - наслаждаешься жизнью, а работа стоит!

Самоедство заняло немного времени, после чего я решил вернуться домой и приступить к написанию другой картины. Если получится. И только поднялся на ноги, как в поле моего зрения, сосредоточившегося на изучении полового покрытия, попались женские туфельки.

- Какая приятная встреча! - широко улыбаясь, воскликнула Ильзе Айгнер. От радости клацнула зубами.

Акула на охоте, - подумал я, а вслух заметил, не преминув съязвить:

- А главное – случайная!

- Я здесь была... недалеко... у подруги, - с трудом справившись с дыханием, сбивчиво пояснила она. Я пожал плечами и попытался обойти Ильзе по большому радиусу, на

ходу придумывая, чем бы ее «порадовать», чтобы она отстала от меня раз и навсегда. Дерзить или напрямую высказывать свое пожелание я не собирался. – Уже уходишь? - Испугалась она. Хотела ухватить меня за руку, но мой взгляд остудил ее порыв.

- Дела, - нашелся я, передумав с ней разговаривать о чем-либо.

- Боишься, что жена увидит в обществе другой женщины! – вскипела подруга моей сестры.

Я мило улыбнулся, попрощался и покинул заведение. Акула осталась без добычи...

А вечером я услышал бесшабашную историю о новом приключении моей супруги на улицах Берлина.

- Да, что ж за день такой! – возмутился я не первый раз за сегодня.

- Что-то еще случилось?

- На жизнь моей жены покушаются уже второй раз! Этого недостаточно?!

- С эскалатора меня столкнули ни сегодня, - напомнила она, - так что колись, чем тебя поразил прошедший день?

- Я застопорился, - признался я.

- Не тебе объяснять, что в творческом процессе бывают взлеты и падения. После большой удачи всегда идет некий спад... Тебе кажется, что ничего более совершенного ты уже не создашь. Отчаяние – не самый лучший помощник. И злость, - совсем тихо добавила Лена.

- Извини меня, - я притянул ее к себе и поцеловал в висок. – Совсем скоро мы будем дома, а дома, как известно и стены помогают.

- И черные человечки не посещают! – хмыкнула жена...

Глава девятая

Сегодня мы отметили сорокапятилетие Яны. На этом празднике мы были вдвоем: я и ее фотография. Фотография молоденькой девушки, чей возраст остановился двадцать три года назад.

Все мои несчастья начались с той ужасной ночи.

Да, прошло двадцать три года.

Никакие подсказки судьбы не помогли предотвратить череду испытаний, выпавших на мою долю. Одно яркое пятно за все годы – это встреча с Раечкой Комаровой.

Через год после первой поездки в поселок Большой Утриш я снова вернулся туда. Я догадывался, что Феона и Ленчик не особо обрадуются моему появлению, но останавливаться у них в мои планы не входило, просто хотелось повидаться с Раечкой и узнать о ее успехах в живописи. Но меня постигло разочарование: в их доме жили чужие люди. О прежних хозяевах они ничего не знали, только сказали, что те куда-то уехали и все. Я стал приставать к соседям. Одна шустрая пенсионерка вспомнила меня по прошлому приезду, пригласила в дом и напоила чаем с пирожками.

- Комаровы уехали еще в прошлом октябре, - поведала она мне.

- А я останавливался у них в начале сентября, и они не собирались никуда переезжать, - удивился я, позабыв о собственных настойчивых уговорах. – По крайней мере, до моего сведения не донесли.

- Я сама узнала в последний момент. Феона зашла ко мне попрощаться, а я поинтересовалась, почему, дескать, покидаете наш райский уголок?

- А она?

- Она говорит: «Вы же знаете, баба Фая, Раечке скоро в школу идти, нам нужно в город перебираться. И рисует она хорошо. Один человек сказал, что у нее талант». - Хозяйка зыркнула на меня. – Этот человек ты, что ли?

- Я. Но почему они так быстро уехали? Ведь, Рая должна пойти в школу только на следующий год?

- Не знаю, мил человек. Но могу сказать одно – перепуганная Феона была. Вот что! Я даже подумала, что они хотят спрятаться от кого-то... Свалились, как снег на голову, так и исчезли, ничего толком не объяснив.

- Что значит – свалились, как снег на голову?

- А как же, именно, как снег... Кто ж с таким малым дитем переезжает? Тем более с далекого Севера... Только я сомневаюсь...

- В смысле?

- В том смысле, что они с Севера приехали...

- Почему?

- Потому, что с двухмесячной девочкой на руках из такой дали переться не каждый решится. Если надумали переезжать, то надо было еще до родов здесь обосноваться. В Утрише бы и родила. Слышал, к нам роженицы приезжают из разных мест? – Я кивнул, вспомнив путеводитель, которым меня снабдила Варфоломея. – То-то! – Важно заявила баба Фая. – И потом... они приехали загорелые, а не бледно-синие, как все северяне... И говор у них местный. – Заключила наблюдательная бабуля.

- А вы не пытались узнать правду? – Я не знал: на чьей стороне эта правда: то ли баба Фая все придумала, чтобы разнообразить скучную однообразную пенсионную жизнь, то ли Комаровы зачем-то скрыли прежнее место проживания.

- Да, подъезжала к ней пару раз, но Феона, как бронезилет.

- Почему... бронезилет? – усмехнулся я такому сравнению.

- Потому что, ее ничем не пробьешь! – выдала хозяйка и хитро прищурилась. – Но я сама догадалась, вот как!

- И о чем же вы...

Не дослушав наводящих вопросов, соседка Комаровых поделилась своими соображениями.

- Я думаю, что Рая... - Она огляделась по сторонам, словно собралась мне выдать государственную тайну и боялась быть услышанной посторонними. У меня в груди перестало биться сердце, вот взяло и остановилось, замерло в ожидании... - Что Раечка им не родная дочь!

- А откуда... А где... А чья... - Я начинал задавать вопрос, и стопорился. Голос каждый раз срывался. Я прокашлялся, вытер испарину на лбу. Сердце не запустилось...

Догадливой бабе Фае мои вопросы были без надобности.

- Эта девочка – дочь их сына. Или дочери. В общем, она их внучка! – констатировала она.

- Почему вы так решили? – Сердце застучало часто-часто, а в моей душе поселилось разочарование: я сам не знал, что хотел услышать. Может, что Раечку взяли из дома малютки? Или еще что-то...

- Слушай, парень, ты сам подумай: кто рождает под пятьдесят лет?

- Ну... - протянул я, - Феона утверждала, что они всю жизнь хотели детей... Что же им от этого счастья отказываться, если оно пришло так поздно?

- Ерунда! – отмахнулась пожилая женщина. – Если в молодости детей не было, то в старости аист уже не принесет. Я же говорю: Рая – их внучка. Врать не буду, о родных детях Комаровых ничего не знаю. Но мало ли что с ними могло приключиться - умерли, погибли, или просто спились, а малютка осталась. Вот бабушка с дедушкой ее к себе и забрали. А чтобы никто из свидетелей не проболтался, они перебрались в наш поселок.

- А что здесь страшного: ну, не родители, а бабушка и дедушка? Все равно родные люди!

- А это подтверждает то, что настоящие родители Раечки были... Как бы помягче выразиться... В, общем, алкашами были, вот как! Их лишили родительских прав, и старшие Комаровы скрылись, чтобы они не стали терроризировать девочку, когда она подрастет. Может такое быть?

- Может, почему, нет, - вздохнул я. – И аист может ребенка принести в пятьдесят лет. Сейчас и позже рожают.

- Искусственным путем! – выказала свое глубокое познание баба Фая. – Аисты в такое семьи не залетают.

- Аисты не знаю, а вот чайки... - еле слышно промямлил я и сам удивился вырвавшейся фразе. Боже мой, неужели и здесь приложила руку турчанка Марты? Забрала ребенка у плохих неблагополучных родителей и отдала в хорошие руки? Нет, не может быть!

- Что ты сказал, милочек? – отвлекла меня от размышлений хозяйка.

- Да, так, мысли вслух...

- А я тебя вспомнила! Я видела, как вы с Раечкой мимо моего двора проходили. И не один раз! – Она произнесла это с таким видом, словно я нарушил чужие границы. - Я еще подумала, что ты сын Комаровых. Уж, больно вы с девочкой похожи... На алкаша ты совсем не похож, - успокоила она меня и «ударилась» по голове новым заявлением, - решила, что ты... из тюрьмы вернулся!

- Вы даете, баба Фая! – обалдел я. – Значит, на алкоголика я не тяну, а на человека, осужденного за преступные деяния, вполне...

- Мало ли за что люди срок получают, - здраво рассудила женщина. – Да, ты не обижайся, это моя версия.

- Да, воображение у вас развито.

- И не только воображение.

- Что же еще?

- Любопытная очень! Некоторые считает это недостатком, а зря. Я в меру любопытная. Было бы меньше безразличия в людях, преступления легче бы раскрывались.

- А что, в вашем поселке сложная криминальная обстановка?

- Не-е-е, у нас все нормально. Тихо, спокойно... Потому Комаровы сюда и завернули! – снова переключилась она на главную тему. Я хотел послушать рассуждения любопытной в меру соседки, но она перескочила на другое. - Страсть, как люблю детективы про мисс Марпл! – Неожиданно призналась она, озорно взглянула на меня и восхитилась, - вот, тетка дает! Я тоже так хочу! А что? По возрасту, мы почти одногодки, она в деревне живет, я тоже, она – наблюдательная, а я... пуще нее!

После этого заявления хозяйки моя душа успокоилась: я понял, что женщина заигралась в детективов. Все ее предположения относительно Раечки – выдумка для собственного развлечения.

Вот так я потерял из вида маленькую художницу Раю Комарову. Но с другой стороны, я был рад, что родители послушали меня и решили вплотную заняться развитием ее способностей...

- Янка, я не люблю август. Я его ненавижу! – Я сидел перед портретом моей жены и вглядывался в любимые черты. - Именно, в августе я потерял тебя и Роберту, а через восемь лет после этой потери последовала еще одна...

Поздно вечером я вернулся домой, в квартиру, в которой мы жили с Леной. Её нам подарили родители моей жены. Моей второй жены.

Это была крохотная квартирка на Малой Полянке, недалеко от Ленинского проспекта. Дом был старый, еще дореволюционный. Но мы были рады такому щедрому подарку. На ремонт пока денег не было, но мы не обращали внимания на неустроенный быт, каждый занимался творчеством и был выше всего земного.

Со временем я стал неплохо зарабатывать на своих картинах, и предложил жене купить более приличную квартиру.

- Никогда! – резко отказалась всегда покладистая Лена. – Разве можно уехать из этого тихого района?! Тем более, мы живем почти в центре!

В итоге пришли к консенсусу, как любила говорить моя вторая жена: решили сделать ремонт, но все трудности я взвалил на её хрупкие плечи, а сам умотал в Берлин.

Лена ничуть не расстроилась и взялась за дело. Быстро нашла умельцев, которые за сумасшедшие деньги сделали великолепный ремонт в короткие сроки.

К тому времени квартиры в нашем старом доме стали выкупать состоятельные люди, и скоро трехэтажный облезлый домишко превратился в роскошный особняк. Со временем новые русские, живущие в нашем доме стали пропадать, но им на смену приходили другие. Лена была в курсе дел нашего дома, и вечерами выкладывала мне новости, похожие на криминальную сводку.

- Откуда такая осведомленность? – удивлялся я.

- Наша соседка Валентина Павловна раньше служила в органах, - сообщила жена приглушенным голосом, будто эта самая соседка стояла за стенкой, приложив к ней полулитровую банку в качестве подслушивающего устройства. - Теперь она на пенсии, но считает своим долгом стоять на страже Родины. Это она так говорит.

- Я ты ее доверенное лицо? – улыбнулся я.

- Она считает меня единственным порядочным человеком в доме, остальные все бандиты!

- Я поднял брови в знак протеста. – Нет, ты тоже... ничего, но чрезмерно заносчив. Это я повторяю слова Валентины Павловны. И ты... иностранец.

- Она и это знает?

- Хм, она знает все!

- И докладывает тебе?

- Ей же надо с кем-то поделиться собранной информацией, а то она лопнет, - хихикнула Лена.

После нашего разговора прошло два дня и произошло ЧП: на пороге нашего дома был застрелен бритоголовый парень со второго этажа. Наша квартира располагалась как раз над ним. Надо сказать, что сосед, имея бандитскую внешность, нас не беспокоил, всегда вежливо здоровался, а бывшую сотрудницу органов даже побаивался.

Валентина Павловна сразу вмешалась в расследование, давала советы и... была доставлена до своей квартиры заботливым участковым.

- Васенька! – раздавался в подъезде ее зычный голос, обращенный к притихшему участковому, - я могу быть полезна следствию!

- Будете, - бормотал Васенька и услужливо придерживал пожилую женщину под локоток. Когда за ней захлопнулась дверь ее квартиры, участковый громко выдохнул и побежал вниз. Все соседи слышали его страдания, так как прильнули к своим дверям, желая узнать последние новости.

Потом была еще парочка краж квартир зажиточных граждан нашего веселого дома. Со временем появление вереницы милицейских автомобилей не вызывало удивления у жителей...

Как-то вечером мы опять поссорились с Леной. Причина была все та же: она хотела родить ребенка, а я был категорически против.

- Почему? – в сто первый раз спрашивала она, и в сто первый раз не получала ответа.

Я не знал, как ей объяснить, что больше не смогу... пережить потерю. Почему с ребенком должно что-то случиться, я не знал. Просто вбил в свою голову и все, уперся и стою на своем. Я разглядывал рисунок на обоях и молчал. Лена ходила туда-сюда, что-то говорила, но я не слушал. Пока не вырвал из ее речи одну фразу: «...если погибла твоя дочь»... Продолжения я услышать не пожелал, быстро ретировался, громко хлопнув дверью.

Я бродил по улицам вечерней Москвы, засунув руки в карманы, и вызывающе посвистывал, создавая иллюзию абсолютного счастья. Счастья, которого нет и быть не может. Как не старался себя уговорить несколько лет назад, что брак может быть основан на единомыслии, подтверждения не получил. Возможно, это было основной причиной

нежелания иметь детей. Я давно для себя решил, что дети должны рождаться в счастливой семье, в которой родители любят друг друга, а не создают иллюзию. Только в том случае рождаются здоровые, красивые и талантливые дети. Многие посчитают мое мнение бредом, но это мое мнение и я его менять не собираюсь.

Марты уверяла, что моя работа будет успешной при наличии счастливой семьи. Я пытался, я, правда, пытался полюбить Лену, но... я еще раз убедился, что всегда буду однолюбом.

Женившись на Лене, я, действительно, постиг тральфреализм. И теперь уже не сойду с этого пути, никто не сможет мне помешать. Моя работа приносит мне моральное удовлетворение. И материальное тоже. Скоро, я надеюсь, мы с Францем Шуттлером откроем артклинику. Сбудется моя мечта! Люди, совершившие преступление, стараются загладить свою вину, жертвуя деньги на благотворительность, а я создам клинику, где людей будут лечить моими картинами. Я стараюсь, я пытаюсь замолить свой грех... Да, я виновен в смерти моих девочек.

То, что я постиг тральфреализм, еще не значит, что Лену можно выбросить, как отработанный материал. Она всегда будет моей женой, я ее уважаю и понимаю ее желание иметь детей, ведь годы идут... Но...

Почему она не может понять меня? Лена считает меня эгоистом, но это не так... Я не могу стать отцом... Вернее могу, но не хочу...

Итак... Поздно вечером я вернулся домой, в квартиру, которую нам подарили родители моей второй жены, с которой у меня произошла очередная ссора...

Я все отлично помню, будто трагедия произошла вчера.

Вот я захожу во двор и снова вижу автомобили с мигалками.

- Вы в этом доме живете? – спрашивает у меня молоденький сержант.

- Да, - киваю я. – Я могу пройти в свою квартиру? – Меня не интересует очередная кража, я хочу лечь в кровать и уснуть...

- Вы в какой квартире живете? – не унимается страж порядка.

- В девятой, - тихо отвечаю я, а внутри появляется холод. Парень странно смотрит на меня и подзывает старшего по званию.

- Этот мужчина... из девятой квартиры? - докладывает он уставшему человеку в штатском.

- А Елене Викторовне Зепп вы кем приходитеесь? – начинает допрос «усталый».

- Мужем, - тяну я, словно боюсь замолчать и услышать страшную новость.

- Пройдемте! – Он указывает на мой подъезд, словно я не догадываюсь, куда мне идти, и я беспрекословно следую за ним в мою собственную квартиру. Там расположились люди в погонах, которые ведут себя по-хозяйски. Я окидываю взглядом помещение в поисках собственной жены и утыкаюсь взглядом... в Валентину Павловну.

- Что произошло? – спрашиваю я почему-то у нее.

- Лену... убили. – Она прикладывает платочек к глазам, но при этом успевает пронзить меня взглядом, проверяя произведенный эффект от этой новости.

Я опускаюсь на стул, потом вскакиваю и проверяю все помещения, не доверяя словам «представительницы органов». «Усталый» следует за мной, как привязанный. Я снова возвращаюсь на стул...

- Мне нужно задать вам несколько вопросов, - без эмоций заявляет он.

- Вы... кто? – Этот вопрос я считаю очень важным в данный момент. Где моя жена и что с ней произошло – я отодвигаю на второй план. Я не хочу слышать этого!

- Майор Гвоздики. – представляется он и усаживается на соседний стул.

- Гвоздики от слова гвоздь или от слова гвоздика? – выдаю я. Все люди замирают и с интересом разглядывают меня.

- Художник! – презрительно сообщает соседка.

- Защитная реакция организма, - ставит диагноз майор. – Скажите, вы сегодня сорились со своей женой? – Он раскладывает на столе бумаги.
- Меня зовут Роберт Владимирович Зепп, – говорю я, потому что так положено, а этот Гвоздилов забыл об этом.
- Очень хорошо, - нерадостно произносит майор и внимательно смотрит на меня. - Так вы ссорились?
- Небольшая семейная размолвка, - вздыхаю я.
- Он детей не хочет, а Лена настаивает! – бойким голосом доложила бывшая сотрудница органов и поправилась, - настаивала.
- Это... так? – не удивился Гвоздилов. Он, наверное, уже ничему не удивлялся. Скорее бы закрыть дело и завалиться спать. Сейчас повесит на меня убийство собственной жены...
Но мне тоже все равно... Должен я когда-то ответить за все...
- Это так? - уже громче спросил он. Я кивнул.
- Потом он вышел и хлопнул дверью, - снова вмешалась Валентина Павловна. У меня даже зонтик в прихожей с полки упал. Взяли моду дверями хлопнуть! – Возмутилась она. – Но я, хоть, и не люблю шпионов...
- А кто шпион? – очнулся Гвоздилов.
- Этот, - она мотнула головой в мою сторону.
- Вы же только что заявили, что он художник, - усмехнулся майор.
- А что, художник не может быть шпионом? Художник – это профессия, а шпион – призвание! – пронизательно глядя на меня, изрекла она.
- Так, гражданка...
- Товарищ, - перебила его соседка.
- Товарищ Кривошеева, давайте по существу! – призвал Гвоздилов.
- Я по существу! – сурово заявила она. - Роберт Зепп – немецкий шпион.
- У меня два гражданства, - встрял я, устав от этого бреда. Сходил за паспортами и протянул оба майору.
Тот долго изучал мои документы, а местная стукачка подглядывала через плечо.
- Там не написано, что я шпион, - хмыкнул я.
- Все равно...
- Хватит! – прервал нашу перепалку Гвоздилов. - Гражданка, тьфу, товарищ Кривошеева, у вас есть, что сообщить следствию?
- Я и говорю, - начала присмирившая Валентина Павловна, - Роберт хлопнул дверью и ушел. Через пару минут из квартиры вышла Лена, она посмотрела вниз и что-то сказала...
- Может, она назвала кого-то по имени? – поинтересовался милиционер. Соседка задумалась.
- Кажется, она сказала: «Роберт, вернись, я больше не буду говорить на эту тему»... Что-то в этом роде.
- А он что, внизу стоял?
- Нет, он вышел из подъезда сразу после того, как хлопнул дверью!
- Сдалась вам эта дверь, - не выдержал майор.
- А как же... - начала Кривошеева.
- Стоп! Только по существу! – настроил ее на нужную волну Гвоздилов. – Роберт Зепп точно ушел и больше не возвращается?
- Точно! Я видела, как он покинул наш двор, а в это время снова открылась... дверь их квартиры, и вышла Лена. Тогда она и сказала...
- Получается, что она перепутала собственного мужа... с убийцей? Но у вас в парадном горит свет, - засомневался он.

- Лампочка освещает центр, - соседка очертила рукой круг, - если стоять сбоку, то видно, что кто-то стоит, а лица не разобрать... Она, наверное, подумала, что муж вышел на лестничную клетку, спустился вниз, сейчас остынет немного и вернется...

- Что было дальше?

- Лена не услышала ответа и сама пошла по лестнице вниз, а я подошла к окну, чтобы посмотреть, куда она направится.

- Так и метались от двери к окну?

- Работа такая, - развела раками бывшая сотрудница органов. Майор не стал уходить от темы.

- Погибшая вышла из подъезда?

- В том-то все и дело, что не вышла. Я ждала, ждала, а ее нет и нет. Я разволновалась и вышла на лестничную клетку, посмотрела вниз и вижу... кто-то лежит... Я спустилась, а там... там Лена с ножом в груди. - Кривошеева прижала руки к своей груди и тяжело вздохнула.

Так я узнал, как погибла моя вторая жена. Благодаря бдительности соседки, меня не посадили.

Убийцу нашли через месяц. Им оказался молодой отморозок, наркоман, который за дозу родную мать отправит на тот свет. Я был на суде. Он уверял, что заказчицами убийства Лены были две женщины.

- Они очень похожи друг на друга, - рассказывал он. - Только одна все время молчала, а другая говорила с сильным акцентом. - Когда он описал этих дамочек, я сразу понял, о ком идет речь...

Обиженные сестры Айгнер решили мне отомстить через мою жену? Или убрать с дороги жену, чтобы добиться моего внимания? Неужели они на это рассчитывали? Думали, что я быстро забуду Лену, найду утешение на груди Ильзе Айгнер? Они сошли с ума! И я вместе с ними.

И еще я уверен в том, что НИКОГДА больше не женюсь.

Я не создан для брака с любой женщиной Земного шара.

Роберт Зепп всегда есть и будет единым целым с Яной Лейкиной. Эту пару временно разделили, с кровью разорвав на две части. И теперь какой-то посторонний, выдающий себя за подсказчика судьбы, старается найти ему другую половину, совпадающую по отрезанной части, бывшей когда-то Яной. Не выйдет!

Мои мысли снова вернулись к Лене.

Лена Приставка. Еще одна моя жертва...

Убийцу моей второй жены приговорили к пятнадцати годам лишения свободы. Заказчиц не нашли. Я не стал говорить суду о моих догадках, решив разобраться с сестрами Айгнер самостоятельно. Как? Пока не знаю...

Для начала я решил поехать в Берлин и посмотреть им в глаза...

По обычаю в аэропорту меня встречала Эля. Издали я заметил ее мечущийся взгляд и изогнутые дугой вниз губы. Сестра пыталась не расплакаться. Я соскучился по ней. Они с Францем приезжали на похороны Лены, и с тех пор мы не виделись. Франц часто мне звонил, я понимал, его интересует, как продвигается моя работа, но спрашивать он не решался, а я о застопоренном творчестве не вспоминал. На душе было снова темно...

- Плохо выглядишь! - заявила сестра, забыв поздороваться.

- Спасибо, - поблагодарил я за «хорошие» слова в мой адрес.

- Не обижайся, - она расцеловала меня в обе щеки. - Как майне муттер унд фаттер?

- У родителей все хорошо, - монотонно ответил я.

- Смотрят на собственного сына и радуются, - съязвила она. – Как у них может быть все хорошо?! – Последние слова она произнесла так же монотонно-безучастно, как это сделал я. – Почему ты на меня так смотришь?

- И, правда, почему я так на тебя смотрю?! На тебе цветы не растут, пауки не ползают, огромные бабочки на голову не садятся.

- Очень смешно! Прямо умру сейчас от смеха. - Она махнула рукой. – Роб, заканчивай!

- С чем?

- Пора быстро преодолеть полосу самобичевания и самоуничтожения! Займись делом!

- Легко сказать...

– Ладно, поехали к нам, там поговорим...

Франц был на работе. Элька накрыла на стол, мы перекусили, думая каждый о своем, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Она не знала, как ко мне подступить, я, вообще, не хотел ни о чем разговаривать.

Потом сестра забралась с ногами на диван и позвала меня присоединиться к ней.

- У меня две новости! – призналась она, еле сдерживая эмоции. - Одна хорошая, а другая... плохая. С чего начать?

- С плохой, - безразлично предложил я.

- Сестры Айгнер разбились на автомобиле, – тихо произнесла она и внимательно проследила за моей реакцией. – Это для тебя... плохая новость?

- Неужели ты думаешь, что я буду радоваться чей-то смерти? – удивился я.

- Но ты же намекал по телефону, что они виноваты... - Она замолчала, не решившись закончить фразу.

- Пока это мои предположения...

- А почему ты не сказал об этом в полиции?

- В милиции, - автоматически поправил я.

- Один черт! Надо было заявить на них, милиция стала бы их искать через Интерпол. Привезли бы сестер в Россию, устроили очную ставку с наркоманом-убийцей и упрятали бы их в тюрьму.

- Их бог наказал, - изрек я, посмотрев вдаль. Эля пожала плечами.

Мы немного помолчали. При всей моей заторможенности я не мог не заметить, что мою сестру переполняет желание поделиться еще одной новостью.

- Ты забыла поделиться хорошей новостью, - «вспомнил» я и догадался, что только этого она и ждала.

- Роберт! Я беременна! – радостно сообщила сестра.

- Точно? – вкрадчиво поинтересовался я.

- Нет, это выдумка для поднятия твоего настроения! – взвилась Эля.

- Я очень рад! - восторженно воскликнул я, но особой радости не проявил. Судя по нахмурившемуся лицу, она обиделась. А что я должен был делать? Прыгать до потолка? Надо – буду прыгать, но после того, как мой племянник или племянница появится на свет.

- Роб, давай я отвезу тебя домой! – предложила Эля и погладила меня по руке. Не обиделась.

- Тебе надо меньше гонять на автомобиле! – позаботился я о будущей матери. – Подумай о ребенке. Ложись и отдыхай! Я сам доберусь. – Я поднялся и направился к двери.

- Подожди, я с тобой! – Эля быстро сунула ноги в туфли и последовала за мной...

Упрямство - главная черта в наших с Элькой несладких характерах.

Да, характер у меня не сахар. Я не от рождения упрям, сколько себя помню, ненавижу слово «должен», не принимаю к сведению чужие советы, напротив, делаю все наоборот, злюсь без всякого повода, сам лезу с советами, когда меня об этом не просят, а в последнее время стал какой-то бронированный. Не знаю, к каким качествам – положительным или отрицательным – это отнести? Баба Фая, соседка Комаровых, назвала Феону Карповну «упакованной в бронезилет». Это к тому, что из нее слова не

вытянешь. Я всегда был таким человеком, но теперь закрылся от всех броней, через которую ко мне не достучишься.

Вспомнив бабу Фаю, я подумал о Раечке. Интересно, сохранила ли она мой адрес? Вернее, адрес моих родителей? Или наблюдательная Феона попыталась избавиться от альбома? Рае уже пошел девятый год. Какой она стала? Добилась ли успехов?

В тот приезд в поселок Большой Утриш после бабы Фаи я заглянул еще к одной соседке. Эта женщина оказалась неболтливой и неприветливой, но я ее разговорил. Она предположила, что Комаровы могли перебраться или в Анапу, или в Новороссийск...

Я побывал в справочных бюро этих двух городов. Комаровы – фамилия распространенная, даже был один полный тезка Леонида Ивановича, но годился ему в сыновья...

Берлинская квартира сохранила следы пребывания Лены, хотя, сестра постаралась убрать все ее вещи.

Мой портрет работы художницы Елены Зепп висел на стене и взирал на меня с неммым укором... Рядом висела еще одна картина – на квадратном полотне размером метр на метр была изображена огромная красная роза, сотканная из маленьких лепестков. Когда она моя жена закончила эту картину и показала мне, я сразу вспомнил слова Франца Шуттлера о воздействии красного цвета на репродуктивные органы. Но Лена не присутствовала при нашем разговоре. Может, прочла где-то сама. Или вложила в свою работу совершенно иной смысл. Красная роза – эмблема любви... Она хотела красным цветом, огромной красной розой, пробудить во мне чувство любви к ней, к автору этой картины...

- У Лены ничего не вышло, - очень тихо сказал я и погладил Яну по щеке. Ее умные глаза с пониманием и доверием смотрели с фотографии на меня. Она знала, что я люблю только ее. – Янка, я приношу.... женщинам несчастье. Не всем... Только тем, которые мне близки...

- Завтра приезжает Роберт, и я должна навести порядок в его квартире! – заявила Эльза Шуттлер своему мужу.

- Найми кого-нибудь, - рассеянно предложил Франц, перебирая бумаги на своем столе.

Жена не ответила, она была занята трудной работой – застегивала сапоги на отекающих ногах.

- Ох, нелегкая это работа быть беременной женщиной! – Она поднялась и придирчиво осмотрела себя со всех сторон, хотя, проделала эту процедуру полчаса назад. – Мне кажется, или мой живот вырос?

- У тебя половина срока! – усмехнулся Франц. – Твой живот заметен только вооруженным взглядом.

- Да, ну тебя, - отмахнулась Эля. – Одни насмешки! - Она взяла в руки пальто, - в нашем доме есть джентльмены? Или мне самой одеваться?

Муж вскочил с места и выхватил из ее рук пальто.

- Ты куда? - опомнился он.

- Я тебе пять минут назад сказала: Еду к Роберту! А ты еще посоветовал, нанять кого-нибудь...

- Зачем? – нахмурился Франц.

- Доктор Шуттлер, вам необходимо больше внимания уделять беременной жене, а не думать только о своих больных!

- Виноват, - покаялся Франц, потом осмысленным взглядом посмотрел на Эльзу. – Но тебе же нельзя выходить на улицу! Лечащий врач сказал соблюдать постельный режим! Или ты остаешься дома, или я кладу тебя в клинику! – Грозным голосом заявил он.

- Отстань! Я должна сделать брату сюрприз!
  - Не нужно сюрпризов! – произнес он по–русски, и тут же перешел на немецкий. – Ты хочешь провести ревизию содержимого его шкафов, посмотреть картины и поискать еще кое – что...
  - Да, меня интересует его коллекция! – фыркнула Эля.
  - Неужели ты думаешь, что он хранит ВСЁ дома? Твой брат не дурак! – Последнюю фразу он тоже произнес по–русски.
  - Выучила на свою голову, - скривилась супруга.
  - Эльза, прошу тебя, останься дома!
- Но она не удостоила его ответом...

Наконец, зима отступила. Весело щебетали немецкие воробьи, очень похожие на русских. Элька улыбнулась воспоминанию... Это заметил отец в их первый день новой жизни – жизни в Германии. Тогда тоже был март. Они чувствовали себя чужими и боялись всех и вся. Ходили по улицам и с опаской поглядывали на людей, на дома, на полные полки магазинов. В СССР в те времена ничего не было. Тогда он и произнес эту фразу, чтобы разрядить обстановку...

Эля решила не садиться за руль, а прогуляться по улице, надышаться мартовским воздухом, пока муж не закрыл ее в доме, как в тюрьме. Она не стала шататься по магазинам, просто шла по улице и улыбалась. Улыбалась своим воспоминаниям, хорошей погоде, своему пока не родившемуся ребенку. Она мысленно разговаривала с ним, пересказывали последние милые и глупые новости, рассказывала о дяде, который должен скоро вернуться.

- Мы с тобой посмотрим марки. Если найдем, конечно, - мысленно обращалась она к сыну. У нее будет сын! - Твой дядя совсем с ума сошел! Все денежки вкладывает в хобби! Однако, дорогое хобби... Он сказал твоему папе по секрету, что недавно купил одну марку за... Нет, я не хочу пугать тебя, малыш! Лучше бы домик купил за эти деньги! Я ему предлагала подыскать приличный вариант, недалеко от нас, но он не желает! «Зачем мне дом? – возмутился он. – В Германии я бываю набегами, могу, вообще, останавливаться в гостинице». Я, конечно, возмутилась. Говорю, у тебя есть сестра, если ты не забыл, а у нее просторный дом, где любимому братцу всегда найдется место. Но он в своем репертуаре - начал плести про личное пространство. Кто посягает на его личное пространство, тот долго не живет! – Последняя фраза выстрелила из нее! Эльза остановилась и приложила руку к губам, словно боялась еще одного нехорошего высказывания в адрес брата. – Ты не слушай меня, малыш! Я не со зла... - Извинилась она почему–то перед ребенком. Он толкнул ножкой, выказывая свое недовольство. – Да, каюсь...

Покаяние не принесло успокоения. Эля больше не замечала чистого весеннего солнышка, радостного щебетания птиц, она шла по улице с опущенной головой и сожалела об оброненной фразе. Она вылетела и унесла с собой хорошее настроение.

Роб, я так не думаю! – мысленно повинилась сестра теперь перед братом. – Я дура, а на дур, как известно, не обижаются! – Перед глазами стояло лицо Роберта. Он не был огорчен, он был удивлен, застыл с кривой усмешкой на устах, словно неожиданно получил удар в спину от человека, от которого этого никак не ожидал...

Эля хотела повернуть назад, но любопытство взяло верх: желание увидеть коллекцию марок взяло верх. Франц утверждает, что ее там нет, а она считает, что есть! Пусть не вся, хотя бы, часть...

Фрау Шуттлер открыла дверь своим ключом и переступила порог. Необъяснимая тревога закралась в ее сердце. Ей вдруг показалось, что в квартире брата кто–то есть. Она осторожно прошла в одну комнату, потом в другую. Нежилое помещение встретило ее затхлым запахом краски и слоем пыли. Она не была здесь со дня отъезда Роберта.

- Все нормально! – громко сказала Эля, пытаясь себя успокоить. – Никого! Я здесь одна, ни грабителей, ни привидений. – В знак протеста против последнего высказывания... со скрипом открылась дверца старенького шкафа. Женщина вздрогнула и повертела головой. С портрета неприятливо поглядывал Роберт, будто сестра пришла не ко времени. – Я... прибраться, - дрожащим голосом доложила она. Брат недоверчиво пронзил прищуренным взором.

Эля ретировалась в кухню.

- Сейчас выпью кофейку. Ты не будешь возражать? – снова обратилась она к малышу. – А твой папа запрещает мне, он утверждает, что у меня повышается давление и, вообще, беременным женщинам кофе и шоколад противопоказаны. – Эльза проверила шкафы, отыскала небольшую плитку шоколада и умяла ее за пять секунд. - Сладкое помогает бороться со стрессом, - успокоено произнесла она, облизывая губы.

Потом налила себе кофе, расположилась в уголке, блуждая взглядом по кухне, и предавалась размышлениям: где брат может хранить свою коллекцию? Сейфа в его квартире нет, разных потайных местечек, кажется, тоже нет. Хотя, с уверенностью это утверждать нельзя: Роберт - скрытный человек, если и делится секретами, то с Францем, а не с родной сестрой. Мужчины уединяются в кабинете и долго беседуют, у нее начинает болеть спина от длительного напряженного выстаивания в неудобной позе. Да, она подслушивает! И подглядывает, если есть такая возможность. И что в этом плохого? Сестра должна все знать о жизни брата. Франц рассказывает о работе клиники, о поступивших больных. Роберт внимательно слушает, что-то фиксирует в блокноте, ему необходима эта информация для создания новых картин–лекарей, как он их называет. Зепп работает не один, он сплотил вокруг себя целую группу художников–тральфреалистов. Элька никого из них не видела, кроме однокашника Роберта – Валеру Фокина. Парень он... необычный, напоминает хиппи, его хочется посадить в ванну и долго драить мочалкой. Нет, он не замурзанный, но какой–то неухоженный, без женской заботы и... ласки. При воспоминании о Фокине щеки Эли залились румянцем: ей нравился этот парень, который был полной противоположностью ее мужа. Франц рассчитывал каждый шаг, был сдержан и... не страстен, а Валера... А что она, собственно, знает об этом мужчине, ровеснике ее брата? Фокин моложе ее, ну и что? Может, ее материнская забота поможет сменить нездоровый блеск стальных глаз на страстный взгляд влюбленного мужчины... И тогда...

- Стоп! – призвала себя к порядку фрау Шуттлер. – Я замужем! И я беременна! – Она приложила руки к горящим щекам. – Не о том думаешь, будущая мать! – Эля хмыкнула, вспомнив «материнскую заботу». – Кого я пытаюсь обмануть?

Эльза резко поднялась, покинула кухню – место, где она предавалась греховным мыслям, и окинула хозяйским взглядом небольшой холл.

- Странные люди эти немцы! Эту малюсенькую прихожую они называют холлом!

Она поймала себя на мысли, что не отождествляет себя с ними, несмотря на то, что живет в Германии ровно десять лет! Эля пронзила лазерным взглядом высокий компактный шкафчик, стоящий в холле и решила начать поиски марок с него. Потерла от удовольствия руки, словно собиралась не рыскать по мебели в квартире брата, а слопать еще пару плиток обожаемого шоколада. Проведя ревизию всех полок, кроме двух верхних, она не нашла ничего заслуживающего внимания.

Она спрятала бы коллекцию на самой верхней полке, чтобы некоторые любопытные особы–маломерки до этой полки не дотянулись даже на стуле. И что же делать? - задумалась беременная женщина, которая себя маломеркой не считала, но стоя на стуле до верхней полки все же не доставала. И вспомнила, что у брата есть стремянка.

Поставила стремянку в прихожей возле шкафа и стала осторожно подниматься по перекладинам.

- Только там, на са-а-амой верхней полке Роберт хранит все ценные вещи! – уговаривала она себя. – Чтобы не попались на глаза посторонним людям. Если я не найду коллекцию, то новые работы, уж, точно оценю первая. Может, творения брата излечат меня от недуга, про который я не знаю. - Эля тяжело вздохнула. – Ну, боюсь я высоты! С детства боюсь! Спрашивается, зачем мне лезть на такую верхотуру?.. И ни верхотура это вовсе, ни Эверест, а всего лишь антресоль...

Она поднялась на нужную высоту, оторвала одну руку от стремянки, открыла дверцу и потянулась. Стремянка пришла в движение, словно началось землетрясение. Эля испугалась, вцепилась в лестницу двумя руками и одновременно стала зачем-то приседать. Стремянка потеряла равновесие и стала заваливаться, подминая под себя беременную женщину...

Эля, потерявшая сознание на короткое время, пришла в себя, с трудом отбросила от себя стремянку, оперлась обеими руками о пол, желая принять сидячее положение, и тут же громко вскрикнула, когда руки погрузились в теплую влагу. Она все-таки села, сообразила, что находится в центре кровавой лужи, но волю эмоциям не дала. Попыталась мысленно себя успокоить. Превозмогая боль, доползла до телефона. Ей показалось, что прошла вечность.

Каждый длинный гудок забирал последние силы.

- Франц возьми трубку! – молила она. Наконец, это случилось. Она произнесла несколько слов. Муж даже не дослушал, он все понял.

Надо открыть дверь, пока я снова не отключилась, - мысленно приказала себе женщина. – Я должна это сделать, у Франца нет ключей, пока вскроют дверь, уже будет поздно. А сейчас еще есть надежда...

Шуттлер застал жену в бессознательном состоянии на пороге квартиры Роберта...

- Янка, сестра винит во всем меня. Прошло четырнадцать лет, а она каждый раз упрекает... Ладно, я виноват, пусть! Но не понимаю, в чем... Я не просил ее приезжать в мою квартиру и делать в ней генеральную уборку. И зачем было лезть беременной женщине на такую высоту? Ты думаешь, что из любопытства? Я с тобой солидарен. Но Элька все отрицает... Мне ее очень жаль... Это был последний шанс стать матерью. Врачи удивлялись, что она, вообще, забеременела. Я так хотел стать дядей. Особенно меня порадовала новость, что это будет мальчик. Я не хотел девочку... Девочка у нас одна. Берточка, маленькая куколка с голубыми глазами... Представляешь, у них с Робертой была... бы разница в десять лет. Наша девочка ходила... бы уже в четвертый класс. Все уверяли, что она похожа на меня, а я представляю ее твоей копией... Да, я забыл о наставлениях Спирина! Горбатого могила исправит... Роберта ходила бы уже в четвертый класс! – с вызовом повторил я. - Янка, помнишь, у тебя есть фотография вашего класса перед окончанием начальной школы. У всех такие радостные лица, одна ты смотришь в объектив с ироничной улыбкой, едва тронувшей твои пухлые губки. Все девочки в формах и белых фартучках, с белыми бантами на голове, у тебя тоже бант, но не белый и сидит на твоей головке как-то игриво, то ли сам съехал в сторону, то ли специально так завязали... Ты всегда любила выделяться из толпы... Твой отец шутил, что ты родилась не в то время... Да, кстати, забыл о нем рассказать...

Борис Лейкин ушел не только от жены, но и уволился с работы. Лицезреть каждый день Жанну – было выше его сил. Его пугали изменения в жизни, но отступить он был не намерен.

Лейкин снял квартиру подальше от бывшей супруги и устроился на работу, что называется - по месту жительства. НИИ, куда его взяли руководителем конструкторского бюро, находилось на соседней улице. Должность была выше, а зарплата ниже, но его это

не смущало. Часть денег уходила на оплату квартиры, часть он отдавал Жанне. Алименты на усыновленного ребенка Борис платил исправно. Оставалась совсем небольшая сумма на личные нужды, но свободный мужчина не обращал на такие мелочи внимания.

Через пару месяцев он заметил, что нужно проделать в ремне дополнительные отверстия – объем талии значительно уменьшился, а без ремня брюки, вообще, соскальзывают вниз. Изучив свое отражение в зеркале, Боря сделал вывод, что по ту сторону зеркала живет незнакомый осунувшийся мужик с трехдневной щетиной на щеках.

- Что это я так распустился! - возмутился он, - жизнь, несмотря ни на что, продолжается. - С этими словами он выудил из тумбочки электрическую бритву и начал усердно водить ею по подбородку. Потом внимательно оценил свое новое отражение и успокоил сам себя: А мясо нарстет, как говорит моя мать... Но с сухомяткой надо завязывать...

На следующий день новый начальник явился на работу «при параде»: коричневый костюм, хоть, и болтался на нем, но был тщательно отутюжен, бежевая рубашка и галстук в тон освежали смуглое лицо.

- Верунь, ты бы откормила шефа, а то без женской заботы совсем отошал, - усмехнулась Светлана Ивановна, обращаясь к сидящей за соседним кульманом Верочке Райской. Девушка уткнулась в чертеж и сделала вид, что слова старшей коллеги к ней не относятся.

Борис Андреевич понравился Вере с первого взгляда. Взрослый мужчина, похожий на потерявшегося в толпе ребенка. Ей хотелось взять его за руку и отвести... к себе домой. То, что Лейкин разведен, сразу заинтересовало незамужних дам разной возрастной группы.

Новый начальник не делил подчиненных на женщин и мужчин. Это была общая масса, трудовой коллектив. А Вере так хотелось, чтобы он выделил ее из толпы, оценил платье, которое она так долго примеряла сегодня утром, выбирая из большого количества утрамбованных в шкафу вещей. Вера была единственным ребенком обеспеченных родителей. После окончания института они купили дочери однокомнатную квартиру и предоставили полную свободу. Они надеялись, что Вера, наконец, встретит принца и тот жениться на ней. Но шли годы, а принцы женились на других.

- Мужчины любят стерв, - убеждала ее подруга Мила и призывала пополнить ряды стержовых женщин.

Вера, вообще, не понимала, кто такие стервы. Она представляла себе базарных торговек, громкоголосых и упитанных. Эти женщины и дома все время ворчат и раздают подзатыльники сопливым невоспитанным детям. Стервы ходят в ситцевых засаленных халатах и с закрученной на голове дулей, из которой выпадают отдельные пряди, которые они постоянно сдувают с лица.

Милка уверяла, что ее нарисованный образ абсолютно не соответствует действительности и пускалась в объяснения. Но Вера ее не слушала, она не хотела менять представления о таких женщинах и не желала пополнять их ряды. Она не любила перемен.

- Ты не актриса! – возмущалась Мила. Вера пожимала плечами и уверяла подругу, что никогда не стремилась попасть в театральное училище им. Щукина. Что в людях ценит искренность. Ни в коем разе не желает обидеть служителей Мельпомены: игра - их работа, дома они, скорее всего, совершенно другие, ценят тишину и покой. Но это обратная сторона их жизни, нам неизвестная...

Райская любила возвращаться с работы в свою чистенькую квартирку, где все лежало на своих местах, где никто не разбрасывал носки и не тушил окурки в цветочных горшках. Это было ее пространство, и пускать в него она никого не собиралась. Или не встретился еще тот человек, который сможет проникнуть в это пространство. Но если проникнет с

ее согласия, то он никогда не будет делать всего вышеперечисленного, в этом Вера была уверена на сто процентов. Девушка воспитывалась на Чехове и Тургеневе, Мандельштаме и Блоке. Поэтому представляла рядом с собой некий собирательный образ: этот мужчина должен ее любить, только ее одну, он должен быть интеллигентным, щедрым, неболтливый, заботливым, умным. А главное – его внешний вид! Она встретит его по одежке, распахнет объятия и передумает провожать, если... он отвечает всем ее требованиям!

О внешнем виде Вера могла рассуждать часами. Естественно, единственным слушателем была подруга Милка.

- На нем обязательно должен быть фрак, узкие, но не сильно обтягивающие, брюки. Манжеты белоснежной сорочки слегка видны из рукавов фрака. А белый пикейный жилет на трех пуговицах подчеркивает его ладную фигуру. Ой, забыла! Про белый галстук–бабочку забыла! И цилиндр на голове! Как у Александра Сергеевича Пушкина. Именно, в таком виде он изобразил себя на своих собственных рисунках.

- Вернись в наше время! – призывала ее Милка, - ты живешь в конце двадцатого века, а не в девятнадцатом...

- Как бы я хотела жить в девятнадцатом веке, ходить на бал, танцевать с Болконским, как Наташа Ростова.

- Дура эта твоя Наташа Ростова! – фыркала подруга. – Не уподобляйся ей, а то найдешь себе недотепу типа Пьера Безухова...

Вера предпочитала мужчин другой комплекции. Ей нравились щуплые высокие мужчины типа доктора Борменталья, ассистента профессора Преображенского из «Собачьего сердца». В последнее время она полюбила Булгакова, сочетая его произведения с крепким кофе и яблоками. Главное - не переборщить с последним и не выложить в вазу килограмма два... А то, зачитавшись, можно незаметно проглотить все пару килограммов. Какая прелесть... нет, не Наташа Ростова, прелесть лежать на диване с толстенной книгой в руках, и чтобы рядышком, нет, не храпящий мужчина, а... несколько румяных яблок, выложенных в красивую вазу, и чашка накрепчайшего кофе. Как можно променять такое приятное времяпровождение на свидание с каким–то необразованным парнем, который ни одной классической книги не прочел! Нет, прочел! Много-много лет назад, и это были «Русские народные сказки»... Да и те ему, скорее всего, читала мама.

Почему претендент на ее руку обязательно должен быть необразованным, она и сама не знала.

Претендентов, вообще, не было: ни невежд, ни принцев. Милка находила причину легко – ее подруга была несовременной! Что под этим подразумевалось, она пыталась втолковать Верочке, но та так ничего и не поняла.

- Ну, что еще нужно молодым людям! – не сдерживала негодования мать, когда дочь приходила на воскресный обед к родителям. – И красотой, и умом бог не обидел!

- И квартира своя, - вставлял отец.

- Что я вам плохого сделала, что вы всеми силами хотите от меня избавиться? – хмурилась девушка.

- Мы желаем тебе счастья! – заверяли родители.

- И оно должно быть таким, когда ты счастлив сам, счастьем поделись с другим! - с чувством тянула Вера и обнимала своих озабоченных предков.

Попытки матери познакомить дочь с отпрысками своих подруг не увенчались успехом. Пустоголовых щеголей девушка терпеть не могла.

- Может, обратиться в службу знакомств, - осторожно предложила женщина, когда возраст дочери достиг критического значения - докарабкался до тридцати лет.

- Только попробуй! - внятно произнесла послушная дочь и покинула квартиру родителей.

Вера не зря получила такое имя: она верила, что наступит день и ей повстречается человек, который заинтересует ее, как личность...

Борис Андреевич Лейкин был личностью. Она поняла это сразу...

- Может, у него день рождения? – не унималась Светлана Ивановна, коллега Веры, выглядывая из-за чертежной доски, чтобы получше разглядеть начальника-франта. Конечно, франтом его можно назвать с большой натяжкой, но по сравнению с тем мужчиной, который ими руководил раньше, этот был почти франтом. – Схожу в отдел кадров, посмотрю личное дело нашего Лейкина.

- Вам его не дадут! – не выдержала Вера и выглянула из-за кульмана. Но смотрела не на начальника, а на свою коллегу.

- Дадут, - хитро улыбнулась женщина, с трудом передвигая больные ноги. – Скорее бы на пенсию, - на автомате повздыхала она. Райская посмотрела на нее с сочувствием. – И не надейся! – Отрубила только что стонущая Светлана Ивановна. – Пока тебя замуж не выдам, не уйду!

- Ну, что вы... - задыхнулась от возмущения Вера. Но потом все же напонила, - Свет Ивановна, а вам до пенсии осталось два месяца!

- Не волнуйся, я все успею! – успокоила она потенциальную невесту, которая переключила внимание на Лейкина.

Вера не могла подумать, что этот день станет для нее таким значимым.

Тем более, не могла предположить, что когда-нибудь сама пригласит мужчину на свидание. Даже не на свидание, а...

В общем, все началось с того, что она стала мысленно примерять на голову Лейкина пресловутый цилиндр. И осталась довольна. Головной убор сидел не как на трубочисте, а как на денди.

Рядом с ним Вера поставила персонаж Булгакова и с радостью обнаружила несомненное сходство похудевшего начальника и доктора Борменталья. Борис Андреевич был несколько старше, даже не несколько, а значительно, но Вере это нравилось: не все мужчины, достигнув пятого десятка, сохраняют стройную фигуру без выступающего пузика. Еще неизвестно, каким станет в возрасте Лейкина идол Борменталь. Райская мысленно дорисовала ему пузцо, скривила ноги (а как иначе - под такой тяжелой массой тела они должны согнуться), лишила растительности на голове и нацепила кепку – самый «любимый» головной убор у мужчин в этот период жизни. Теперь ассистент известного профессора стал походить на... карманника тридцатых годов...

- День рождения у него уже прошел, - доложила вернувшаяся их отдела кадров Светлана Ивановна. – Вера, ты чертежи закончила? – Поинтересовалась она у задумчивой Райской.

- Что? – переспросила Вера.

- То! – по-доброму возмутилась женщина. – Если закончила, то иди к начальству, пусть проверит. Мне нужны твои данные... - Молодая девушка, она же потенциальная невеста, продолжала летать в облаках. – Вер, ты меня слышишь?

- Слышу! – кивнула та.

- Ты меня задерживаешь! – «разозлилась» Светлана Ивановна.

- Уже иду! – отозвалась девушка, собрала кипу чертежей и отправилась «на ковер» к Лейкину.

Борис Андреевич успел перебраться в свой кабинет. Он сидел за своим громоздким столом и с увлечением строил на листе бумаги замысловатый график.

- Можно? - нерешительно поинтересовалась Вера, приоткрыв дверь и просунув в щель голову. Кипа чертежей едва не разлетелась по коридору, но девушка успела прижать их к себе.

- Заходите, э-э...

- Вера, - подсказала она.

- Вера, - подхватил Лейкин и улыбнулся.

Улыбка добила Райскую окончательно. Она осторожно положила чертежи перед начальником и, не дожидаясь приглашения, присела на краешек стула...

Гораздо позже Борис признался, что в тот момент был очень занят. Хотел отложить проверку чертежей и попросить подчиненную удалиться, но не стал этого делать. Сам не знает, почему. Возможно, в душе она ему сразу понравилась. Он испытывал неловкость в ее присутствии. Робел, как мальчишка, забывал ее имя, и путался в словах.

Его желание - отложить проверку чертежей - вмиг забылось, когда он заметил, как она бледна. И что сильно озабочена, тоже заметил.

- У вас неприятности? Я могу чем-то помочь? – с заботой в голосе поинтересовался он.

- Какие неприятности? – не поняла Вера, пребывая в своих мыслях.

- Ну, я подумал, что у вас ребенок заболел...

- Ребенок? – вскинула брови девушка. – У меня нет детей... - И с вызовом похвалилась, - я не замужем! - будто это было ее большим достижением...

Спустя время, Вера поинтересовалась у мужа, почему в тот день он решил, что у нее есть семья?

- У тебя был озабоченный вид уставшей от домашних хлопот женщины.

- А мое имя ты, правда, забыл? – не поверила она. Лейкин не признался, что эта тургеневская барышня сразу привлекла его внимание. Как всегда отшутился, что она женила его на себе.

Вера не обижалась. Считала правильным свое поведение: не проявила бы инициативу, ее любимого мужчину увели бы из-под носа.

- Как увели бы, так и вернули, - усмехался Лейкин.

А на той аудиенции у начальника перепуганная девушка сообщила:

- Борис Андреевич, скоро обед!

Должна была сказать совсем другое, что Светлана Ивановна просит не задерживать проверку, что она очень торопилась и могла сделать ошибку. И надеется, очень надеется, что этого не произошло. И рассчитывает на него, на Бориса Андреевича. Но не ушла с выбранного пути и промямлила:

– Тут неподалеку есть кафе, называется «Летнее», давайте сходим! – Пригласила и... не скрылась из вида, а осталась сидеть... с чувством выполненного долга, как человек, уставший от непосильной ноши и сбавивший ее на чужие плечи, преодолев свою часть дистанции. Пусть теперь он выкручивается. Вера была уверена, что джентльмен Лейкин не пошлет ее подальше, а согласится. Согласится, хотя бы, один разочек отобедать дуэтом. Они узнают друг друга поближе, а там будет видно. Может, нарисованный ею образ не соответствует действительности... Тем более обед – это не свидание. Пусть думает, что я хочу обсудить с ним предстоящую работу...

- «Летнее»? – удивился Борис Андреевич, словно в названии был скрыт пароль. Сейчас последует отзыв и... прости- прощай, Вера Райская! Тебе этот орешек не по зубам. И он на самом деле женат, только в личное дело закралась ошибка. И семеро детей по лавкам, от того и отошал, что прокормить эту ораву, ох, как нелегко. Ведь жена – стерва в ситцевом халате не работает, раньше на базаре торговала, до рождения детей, там и познакомились, когда за овощами зашел... Очаровал ее зычный голос, да, так, что уже двадцать лет живут душа в душу. А вы, подчиненная Райская хотите разбить дружную семью? Или просто на обед приглашаете за ваш, естественно, счет, потому как ваш начальник стеснен в средствах. Это будет всего лишь обед. Он не привык заглядываться на посторонних женщин, у него есть своя, законная супруга в ситцевом халате – обладательница зычного голоса.

Вера перевела взгляд на дверь кабинета. Ей показалось, что сию минуту дверь распахнется, и пред её ясными, но бесстыжими, очами предстанет гром-баба, она же стерва- бывшая базарная торговка, а по совместительству – супруга начальника и мать семерых детей. А вот и детки! Они гуськом двигаются вслед за матерью, которая не

догадывается, как вовремя она появилась в кабине супруга: еще несколько минут и он бы косвенно изменил ей с наглой девицей. Мать и дети с укором взирают на нее – на разлучницу, покусившуюся на самое дорогое – на единственного кормильца в семье. Что должно последовать за укоризненным взглядом, Вера представить не смогла, так как бывать в подобных ситуациях ей не приходилось, а в любимых книгах о таком не писали...

На ум, некстати, пришли строки из «Скифов» Блока, может воображаемая орава напомнила ей нашествие азиатов с раскосыми и жадными глазами... Всплывшие в памяти строки ее не успокоили: Мы любим плоть – и вкус ее и цвет, и душный, смертный плоти запах...

Вера передернула плечами, словно пыталась сбросить чью-то руку...

Борис с интересом наблюдал за ней. Она сама предложила сходить в кафе, потом сидела на стуле с грозным видом – «попробуй – откажись», а теперь с опаской поглядывает на дверь, будто ожидает появления ревнивого мужа.

Нет, она боится сквозняков, – сделал вывод Лейкин. – Даже плечами передергивает... Замерзла, наверное... А вслух сказал:

- Вам... – быстро поправился, – Нам просто необходимо сходить в кафе «Летнее», чтобы окунуться в лето и согреться. – Он понял, что сморозил неподобающую его возрасту и должности глупость, и напрягся: эта мадмуазель не привыкла к таким фамильярностям.

Вера была слишком занята перевариванием блоковской цитаты, чтобы отреагировать на фразу начальника.

«Плохой слух» визави порадовал Лейкина, и он поспешил исправиться.

- Вера! – обратился он в ней и замер, заметив ее отчужденный взгляд. Девушка вела себя довольно странно: Борис обращался к ней, а она не сводила глаз с двери. – Вы боитесь сквозняков? – Излишне громко поинтересовался он, словно разговаривал с плохо слышащим человеком.

- А? – вздрогнула Райская. – Сквозняков? Каких сквозняков? – пробормотала она без интереса, и снова просверлила дверь взглядом, будто на самом деле хотела проделать отверстие для проникновения холодного воздуха без применения вспомогательных технических средств.

- Вам холодно? – не унимался Борис.

Девушка пожалала плечами. Лейкин, как истинный джентльмен, уже хотел снять пиджак и накинуть его в виде бурки на плечи девушки, но она, наконец, осознанно посмотрела на начальника и спросила:

- Борис Андреевич, вы женаты?

– А вы, как я уже понял, не замужем, – ушел он от ответа.

- А если бы была замужем, вы бы отказались от похода в кафе «Летнее»?

- Скорее всего, не отказался бы... Мы же всего лишь идем в кафе обедать, – произнес Борис таким интимным тоном, будто они шли заниматься черт знает чем в обеденное время.

- Понятно, – протянула Вера. – Но вы не ответили на мой вопрос.

- Не знаю, что вам понятно, – начал в очередной раз увиливать от ответа Лейкин, ощупывая интеллигентным взглядом сидящую перед ним девушку тридцати двух лет от роду, которая открыто смотрела на него влюбленными глазами. – А мне понятно одно – если б вы были замужем, то я увел вас от мужа.

- Это намек на то, что я должна увести вас от жены?

- Я... разведен. – Лейкин постучал пальцами по столу, отбивая какой-то марш, потом радостно улыбнулся. – Встречаемся у входа в двенадцать ноль- ноль.

- Может, чуть дальше, чтобы не привлекать внимание?

- Нам некого бояться! – отрезал Борис и прибавил к своим многочисленным плюсам еще один жирный плюс...

Через два месяца Лейкин переехал к Вере Райской, а еще через месяц они поженились...

Глава десятая

- Боря, можно я схожу в новой шубе... за хлебом? – заканючила Вера.
- Я сам схожу за хлебом! На улице гололед, ты можешь поскользнуться и упасть, а тебе рожать через месяц! Мы семь лет ждали этого... – озабоченно произнес Лейкин. Перед этим он устанавливал в ведре с песком пушистую ель, но прервал свое занятие, чтобы прочитать нотацию беременной жене.
- Ну, неужели ты не понимаешь, мне так хочется пройтись в этой шубке по улице! – Она ласково пригладила блестящий мех норки.
- Давай сходим вдвоем, позже, - предложил Борис, окидывая взглядом разруху.
- Потом будет уже темно!
- Конечно, в темноте твою шубу никто не увидит! – усмехнулся муж.
- А не понимаю: почему я не могу выйти одна на улицу, без твоего сопровождения?
- Ой, извините, я не подумал, что у вас может быть назначено свидание...
- Борька, перестань! Это не ты старше меня на четырнадцать лет, а я тебя на двадцать восемь! - поморщилась Верочка.
- Почему на двадцать восемь? – не понял Лейкин.
- Откуда я знаю! – расплылась в улыбке жена.
- Когда мы только начали встречаться, ты каждые день поражала меня своей эрудицией. На все вопросы у тебя были ответы, наверное, готовилась по ночам. А теперь необходимость завоевания мужчины отпала, график умственных способностей плавно пошел вниз, даже боюсь подумать, что будет через десять лет нашей совместной жизни? - деланно посокрушался Лейкин.
- Я превращусь в дауна! - разозлилась Вера. - Послушайте, господин Лейкин...
- Господа давно в Париже! – перебил ее супруг.
- Были, а теперь вернулись! Время коммунистов прошло! – продолжила словесную перепалку беременная женщина. Подумала и снова заныла, – Борь, так хочется в Париж!
- Напешься, будешь! – повторил Лейкин изречение из известной кинокомедии, совершенно не подходящее для этого случая.
- Ты можешь говорить серьезно? – обидчиво вздохнула Вера. Ей так хотелось пройтись по улице в новой шубке. А придется ее снять и повесить в шкаф. А когда она сможет покрасоваться в подарке мужа в следующий раз, еще вопрос. Врач уверяет, что ребенок появится на свет через месяц, а сама будущая мать в этом глубоко сомневается, она чувствует, что значительно раньше.
- Она привела последний аргумент.
- Булочная за углом, что со мной может случиться? - Она замерла перед мужем в ожидании приговора, но тот делал вид, что не слышит. – Боречка, я схожу? А ты пока елку нарядишь!
- Давай наряжать вместе! – не отступал Лейкин.
- Вот жизнь настала, - сокрушено пожаловалась Вера в пустоту, - муж работал – работал, получил премию, купил жене шубку, а куда ей ходить в этой шубе?! Даже в булочную не выйдешь!
- Показательный монолог, наконец, достиг ушей мужа.
- Иди, но будь осторожна!
- Последнее слово Вера уже не услышала...
- Она спустилась на лифте, вышла на улицу, незаметно окинула себя взглядом и с гордым видом прошествовала со двора.
- Прямо там, пойду я в соседнюю булочную, - подумала Лейкина и отправилась в магазин за три квартала от собственного дома.

Обратная дорога заняла еще больше времени, так как беременная женщина решила подышать свежим морозным воздухом, и пройтись по парку, расположенному на полпути между домом и магазином.

Вера медленно шла по дорожке, размахивая легким пакетом, загрузиться по полной программе она не решилась. Она радовалась подарку мужа, хорошей зимней погоде, радостным и в тоже время озабоченным лицам прохожих, мысли которых были заняты подготовкой к встрече Нового года. Она была счастлива, как может быть счастлива любящая и любимая женщина. Совсем скоро она станет матерью. Этого события они ждали долгих семь лет.

Вера обращала внимание на малышей, семенящих рядом с мамами. На следующий год и наш будет так ходить, - подумала она и погладила свой живот.

- Верка! Райская! – услышала она знакомый голос.

- Милка! – обрадовалась она, увидев подругу. – Когда ты запомнишь, что я давно уже не Райская!

- Как можно было поменять такую благородную фамилию на... Лейкину! – скривилась та.

- Милка, ты неисправима! – рассмеялась Вера и заглянула в коляску. - Как Женечка выросла! – Удивилась она, - ну, вылитая ты!

- Да, ладно, - отмахнулась Мила, - она вся в отца.

- А где Виктор?

- Вон, катается с Витюшкой с горы! – махнула рукой мать двоих детей.

- Пойдем к ним, - предложила Вера, - я три месяца не видела своего крестника. - Она отодвинула подругу и ухватилась на поручень коляски.

- Тренируйся! – улыбнулась Мила и запоздало заметила новую шубу на подруге. – Какая у тебя классная шкурка!

- Муж подарил! – похвалилась Лейкина.

В конце парка был пологий спуск к замерзшему озеру. Детвора с визгом спускалась по нему на санках. Вера вспомнила свое детство, когда отец катал ее на таких же санках по этому парку. Он долго уговаривал ее спуститься с горы, но девочка наотрез отказывалась, она боялась. Тогда отец усаживался вместе с ней, и они с ветерком мчались вниз. Теперь Виктор старший катался на пару с Виктором младшим.

- Не понятно, кому этот спуск нравится больше? – задалась вопросом Милка.

Отец с сыном скатились к самому озеру и стали подниматься на гору. Мальчик заметил Веру и быстро побежал к ней.

- Не висни на крестной! – приказала строгая мать. – Слушай, Вер, давай я отправлю своих домой, а мы немного прогуляемся, поболтаем. Ты не спешишь?

Вера не могла отказать подруге и согласилась.

- Я дам пару напутствий Виктору...

Лейкина отошла от Милкиного семейства и приблизилась к самому краю обрыва, пытаясь разглядеть образовавшуюся внизу кучу малу.

- Не так и высоко, как казалось в детстве... - пробормотала она и почувствовала сильный толчок в спину...

- Если бы с Верой или с ребенком что-то случилось, я бы разорвал тебя на мелкие кусочки! – прошипел Борис, вглядываясь в лицо бывшей жены.

- Почему ты решил, что я причастна к этому... - Жанна не смогла подобрать подходящего слова.

- Ты и твой... Мартин! – презрительно бросил Лейкин. – Больше некому! Мне хорошо описали подростка, который толкнул в спину мою жену, и описали женщину, вместе с которой он скрылся.

Мартин, бывший когда-то Васей, сидел рядом с мамочкой и злобно поглядывал на Бориса.

- Не смей так разговаривать с ней! – процедил он сквозь зубы.

В голове у Лейкина зашумело. Он перестал контролировать себя. Вплотную подошел к маленькому волчонку, схватил его за шиворот и сильно встряхнул. Потом грубо вернул на место.

- Я вас обоих предупредил!

Мартин не ожидал такого от всегда сдержанного Бориса и не на шутку струхнул. Жанна даже не дернулась, что его тоже озадачило и... обидело. Он считал, что приемная мать никогда не даст его в обиду, он же заступился за нее, а она...

- Не думай, что в следующий раз я стану обращаться в милицию. Я сам разберусь и с тобой, и с твоим волчонком.

- Следующего раза не будет.

- Жанна, до чего ты докатилась...

Беременную женщину спасла шуба... и мгновенная реакция. Она совершила в воздухе кульбит и приземлилась не на живот, а на спину. Осторожно съехала с горы и... решила вернуться домой.

- Ты с ума сошла! – возмутилась подросевшая Милка, - сейчас найдем машину и быстренько помчимся в больницу!

- Не хочу в больницу! – закапризничала Вера. – Мне еще рано!

- Ты точно дура, Райская!

- Как Наташа Ростова? – не к месту поинтересовалась Лейкина, будто этот вопрос был самым главным на повестке дня.

- Еще хуже! – вынесла вердикт Мила...

Вера пролежала в больнице две недели. И с ней, и с ребенком все было хорошо, но врачи хотели подстраховаться и понаблюдать за женщиной и ее дочерью, которая родилась раньше положенного срока.

- Дочь? – удивилась мать, когда услышала пол ребенка. – А нам говорили, что будет сын...

- Бывает, - философски рассудила толстая врачиха. – За сыном позже приходите!

- Нет, я и так старородящая, - прошептала Вера.

Когда ее и дочь выписали из больницы, она спросила у мужа:

- Мы назовем ее Яной?

Они с умилением рассматривали нового члена своей счастливой семьи.

- Нет, – не раздумывая, обронил Лейкин. Сказано это было таким тоном, что Вера сжалась. Она пожалела, что задала этот вопрос. Быстро сменил гнев на милость и сказал, - мы назовем ее Раечкой.

- Раечкой? Очень хорошо!

Счастливым отец взял на руки тугой кулечек и осторожно поцеловал дочурку в щечку.

– Раиса Борисовна...

- Янка, твой отец очень счастлив. У него есть дочь Рая. Ей уже тринадцать лет. И есть жена Верочка. Почему раньше не рассказывал?.. Не мог. Не мог вот так сидеть перед твоей фотографией и разговаривать с тобой. Почему не мог, а сейчас могу? Ты всегда была любознательной. А я тебе отвечу. Потому что я совершенно спокоен. И не просто спокоен, я парю от счастья, потому что совсем скоро мы с тобой встретимся. Максимум через год...

Я не признался Яне, что тупая головная боль доводит меня до сумасшествия. Вот и сейчас боль резко накатила, я сжал голову обеими руками, пытаюсь выдавить гадость, которая прочно засела в моем мозге. Франц уверяет меня, что диагноз пока не подтвердился. Он успокаивает, вспоминает Ильзе Айгнер, которая тоже жаловалась на головные боли...

Я увидел внимательный взгляд Яны. Она беспокоилась за меня.

- Давай я расскажу тебе о твоей сводной сестре, – бойким голосом предложил я, пытаюсь успокоить жену. – Я всегда навещаю Лейкиных, когда приезжаю в Россию. Вера очень хорошая жена и мать. Она прекрасный человек, Борису Андреевичу повезло... Не осуждай его, Яночка, каждый человек достоин быть счастливым, - сказал я и мысленно добавил, все, кроме меня – человека, убившего свою жену и дочь. Боль усилилась, изображение Янки расплылось перед глазами. Но я справился и продолжил, – Рая такая егоза, вы с ней очень схожи характерами, но внешне (слава богу!) вы совершенно разные... Родители зовут ее Райкой-шалопайкой. Маленькая бандитка... Вера отдала ее на танцы, чтобы она выматывалась на занятиях и дома вела себя смирно, но и это не помогло. Но при всей непоседливости, девочка учится на одни пятерки. Борис Андреевич говорит, что поздние дети рождаются или гениями, или идиотами. Райка, явно, относится к первым. Она так сечет в математике, что будет вторым Лобачевским... Твой отец беспокоится, что не доживет до этого, но я его успокаиваю: он проживет долго, глядя на его долгожительницу мать, которой недавно исполнилось восемьдесят шесть лет. Варфоломея Ильинична здравствует, и не только здравствует, но и радуется всех нас своим оптимизмом и жаждой жизни. Лев Спиринов сильно болел, но она подняла его на ноги... На них так приятно смотреть: два любящих старика, понимающих друг друга с полуслова, с полувзгляда... А мои родители ушли друг за другом... Сначала мама, а через полгода отец... Из родных осталась одна сестра, и та... за глухим забором, до нее не достучишься... Ее интересует только одно – кого я упомяну в завещании...

- Франц, чем ты занимаешься? – Эльза ворвалась в кабинет мужа и встала в позу сахарницы.

Муж оторвался от бумаг и недовольно заметил:

- Я просил не мешать, когда я работаю!

- Ты... всегда работаешь, а на меня никогда нет времени! – разозлилась она.

- Поэтому ты находишь утешение в объятиях других мужчин? – безразлично спросил он.

- Ты... совсем рехнулся! – Эльза не заметила, как перешла на русский.

- На немецком языке ты не можешь найти слов оправданий, - равнодушно заметил Франц. Он давно знал о любовных похождениях своей супруги...

Все началось с друга Роберта – Валерия Фокина.

После семейной трагедии прошло два года. Однажды Шуттлер ехал на своем автомобиле и увидел жену, которая важно вышагивала под ручку с Фокиным. Он остановился и уже хотел окликнуть её, но поведение прогуливающейся пары заставило ее вернуться за руль. Парочка остановилась... и стала самозабвенно целоваться. Людской поток лавировал вокруг них, а они нисколько не смущались. Франц замешкался, он не знал, что предпринять: пуститься в разборки с любовником жены или проследить за ними... Последнее он посчитал унижением собственного достоинства, а драться... Шуттлер - солидный мужчина, его многие знают и уважают, не дай бог, кто-то увидит, расстрезвонит на весь белый свет. Что тогда? Захотят ли больные люди обращаться в клинику, где главный врач ведет себя неподобающим образом? Но что-то нужно предпринять! Что? Сделать вид, что ничего не произошло, что он не ехал по этой улице и не видел свою жену с любовником? Нет, страусом, прячущим голову в песок, Франц быть не желает.

Шуттлер легко принимал решения на работе, а за пределами клиники терялся, как ребенок. Сейчас, после увиденной сцены на улице, ему захотелось поехать домой, накрыться с головой одеялом и плакать. Он всегда так поступал в детстве, когда его незаслуженно обижали сверстники, а Франц не знал, как поступить...

Наверное, я сам виноват, - начал он мысленно оправдывать жену. – Она находится в стрессовом состоянии, а мне до нее нет никакого дела. Эльза права, когда утверждает, что

я больше забочусь о своих больных, чем о ней. Скандалом и выяснением отношений делу не поможешь, надо измениться самому. В любом случае мне нужен чей-то совет...

Он перебрал в голове немногочисленных знакомых и решил сходить на консультацию к одному психологу, с который работал когда-то в одной клинике. Франц завел автомобиль, подумал, и заглушил двигатель. На парочку он старался не смотреть. Даже не заметил, как они скрылись за углом. Ехать к знакомому психологу он передумал. Не захотел открывать душу постороннему человеку, пусть и специалисту.

- Роберт! Вот тот человек, который может мне помочь! – возрадовался Франц. – Роберт! Конечно, Роберт! Он лучше всех знает свою сестру, знает меня, осведомлен о наших отношениях, о проблемах. Он даст мне нужный совет...

Роберт Зепп выслушал сбивчивый рассказ зятя и похлопал его по плечу.

- Предоставь мне решить эту проблему! Я обещаю, что все будет по-старому.

- Нет, - покачал головой Франц, - прошлого уже не вернешь.

- Если ты любишь Эльку, то должен простить. Я ее не оправдываю, но ты тоже должен понять: она пытается заглушить боль, но не знает как.

- Это не выход, - пробормотал себе под нос Шуттлер.

- Не выход, - согласился Роберт, - но ты... Извини, что я вмешиваюсь в вашу семейную жизнь, но мне кажется, ты... невнимателен к жене.

Франц пожал плечами, выказывая сомнение, хотя, сам еще несколько часов назад думал о том же...

Шуттлер не знал, о чем говорил с сестрой Роберт, но через пару дней Эльза зашла к нему в кабинет с видом побитой собаки.

- Извини меня, дорогой, я доставила тебе... неприятности.

- Хороши неприятности! – Франц хотел высказать свое мнение по поводу этих, так сказать, неприятностей, но передумал: выяснение отношений не пойдет на пользу их семейной жизни. Тоненькая ниточка, которая их связывает, разорвется и связать ее не сможет никто. В результате Шуттлер останется один, вряд ли решится создать новую семью - в его-то годы подстраиваться под кого-то! Опять же, развод с Эльзой может повлиять на их сотрудничество с Робертом Зеппом. И что тогда будет с его любимым детищем – артклиникой?

В результате эгоистические соображения взяли верх над обидой.

Франц улыбнулся, обнял супругу, шепнул на ухо ласковое слово и постарался забыть обо всем...

Но через несколько месяцев жена принялась за старое: она знакомилась с молодыми мужчинами и крутила короткие романы... Об этом Шуттлеру докладывали знакомые, которые встречали Эльзу в обществе молоденьких мальчиков. Сначала Франц ссылаясь на приехавших родственников из России, позже, молча, выслушивал о новых похождениях жены, мучился и страдал от унижения и от растущих день ото дня ветвистых рогов, потом махнул рукой и переехал в другую спальню, благо в доме их было несколько. Элька поняла, что перегнула палку и может остаться без средств к существованию. Исчезнут денежки с ее банковской карты, и вслед за этим сдует ветром всех кавалеров. Немолодая женщина отлично знала, что любовники кружат вокруг нее не от большой любви. Эля не запоминала их по именам, ей это было не нужно, она называла всех одним прозвищем - «Альфонсик».

Франц больше не беспокоил Роберта жалобами на Эльзу, ему было все равно, а сам Зепп не замечал напряженных отношений в семье Шуттлер. Однажды очередной рассказ «доброжелателя» добил всегда сдержанного доктора, и он решил объясниться с женой.

- Ты можешь не показываться вместе со своими кавалерами в местах, которые посещают наши общие знакомые, - задушенным шепотом урезонил он супругу.

Эльза покраснела, носик еще больше заострился, глазки забегали, будто она только сейчас поняла, что муж знает о ее похождениях. Она хотела «стать в позу» и возмутиться, но поняла, что все это бесполезно.

- Я не люблю тебя, - тихо, без эмоций, призналась она, сама не понимая, как это ненужное никому признание сорвалось с ее уст. Она пригладила свою роскошную рыжую копну волос без всегдашней нервозности и села напротив мужа, ожидая развязки.

- Я тоже... тебя не люблю, но давай, хотя бы, делать вид, что у нас все хорошо. Ты унижаешь не только меня, себя еще больше. Неужели не понимаешь, что над тобой все смеются? Или... ты хочешь развестись? – таким же безучастным голосом произнес супруг.

- Нет - нет, - задергала головой Эля. – Я не хочу. Надеюсь, ты тоже не будешь растаивать на разводе?

- Не буду.

- Франц, я все поняла и... согласна на твои условия.

Договор был заключен: фрау Шуттлер может встречаться с любовниками, но тайно, а перед знакомыми они изображают счастливую семейную пару.

Уже через пару дней Франц и Эльза прибыли на празднование дня рождения одного приятеля. Оба выглядели вполне довольными и не сводили друг с друга влюбленных глаз, даже находясь в разных концах помещения. Все знакомые решили, что недоразумения между супругами улажены, прошлое забыто. В любой семье всякое бывает.

Поздно вечером пара вернулась домой. Еще в машине Франц «снял» с лица маску счастливого мужа, а переступив порог, уже хотел отправиться в свою спальню, но Эля удержала его за руку, обернула его руку вокруг своей талии, заглянула в его колючие глаза и прошптала:

- Если бы ты всегда был таким, как сегодня... - И слегка коснулась своими губами его сжатых губ. Неподатливые мужские губы не отреагировали на это прикосновение. Она повторила процедуру, но теперь не мазнула по его губам, а чуть задержалась. И губы Франца дрогнули. Он прижал Эльку к себе и начал жадно и страстно целовать.

Они стояли посреди большого холла и целовались. Долго, как никогда не целовались за всю совместную жизнь. Потом жена с трудом оторвалась от мужа.

- Пойдем к тебе или ко мне? – спросила она таким испуганным голосом, будто боялась отказа.

- Разве у нас не общая спальня?..

- Может, есть, хотя бы, малюсенькая надежда? – спросил Франц. – Я сам врач и знаю, что чудеса бывают, главное – верить в них.

- Я уже ни во что не верю! – Эльза закусил губу, чтобы не расплакаться. Потом немного успокоилась и заявила, - Франц, во всем виноват мой братец! Никогда не прощу его!

- Эля, ты не права, Роберт здесь не причем...

- Я это слышала миллион раз! – фыркнула жена и отвернулась.

- Успокойся, дорогая! - Франц поцеловал ее в плечо.

- Он ответит за это, - еле слышно сказала она...

И Роберт «ответил» спустя несколько лет.

Эльза ликовала.

- А ты уверял меня, что он не виноват! Бог наказал его за все грехи... Да, наказал! За Яну и маленькую дочь, за Лену, за Ильзе и за меня, конечно! - Она была так возбуждена, что Франц испугался за ее рассудок.

- Скажи, ты, правда, так считаешь? – сдержанно поинтересовался он.

- Ха! Ты думал, что он овечка несчастная?! Он волк!

- Wolf? – гаркнул по-немецки Шуттлер, повторив последнее слово супруги, которым она нарекла своего брата. В его устах оно походило на собачий лай.

- Волк, волк, - покивала Элька, - и оборотень!

- Эльза! Как ты можешь так отзываться о своем родном брате?! Роберт – хороший человек, он искупил вину своими великолепными полотнами... Если и был косвенно виновен в чьей-то смерти, в чем лично я сомневаюсь.

- Твое право! Но я остаюсь при своем мнении.

- Ты хочешь найти виноватого, и ты его нашла. Тем более далеко ходить не надо.

- Ты еще скажи, что я сама виновата в том, что... что больше никогда не стану матерью. – Эля еле сдержалась, чтобы не разрыдаться.

- Я этого не говорил, - извиняющимся тоном пробормотал Франц. - Я хотел тебя убедить, что такие светлые люди, как Роберт, не могут писать картины, которые творят чудеса. Я и тебе рекомендую...

- Ах, оставь ненужные уговоры, - отмахнулась супруга. – Возможно, кому-то его картины и помогли. И знаешь, почему? Потому что больной человек поверил, что эта картина ему поможет излечиться от недуга. С таким успехом он мог запихнуть в себя корочку хлеба, предварительно проведя медитацию: этот кусочек хлеба меня вылечит, этот кусочек... Ты, мой дорогой Франц, сказочник!

- Работая в артклинике, начинаешь верить в сказки, - задумчиво произнес он. – Ты бы видела этих людей, стоящих на последней ступени. Еще один шаг, и они окажутся за жизненной чертой. Отчаявшиеся больные хватаются за последнюю надежду. Они просто смотрят на работы твоего гениального брата и начинают выздоравливать.

- Пусть теперь себя излечит от страшной болезни, - съязвила Эля.

- Перестань! – прикрикнул на нее муж, - Эльза! Как ты можешь быть такой бессердечной?! Не забывай, что любое зло, посланное от тебя человеку, к тебе же и возвратится.

- Я ему ничего не желала, он сам заболел, - скривилась «добросердечная» сестра. – Это к нему бумерангом вернулась беда, которую Роберт наслал на других. Он приносит несчастье! – Элька дернулась, словно несчастье кирпичом ударило ей в лоб, и захлопнула рот, как лягушка, проглотившая мошку.

Она вспомнила тот ужасный весенний день, когда шла на квартиру к брату и мысленно разговаривала с еще не родившимся малышом. Тогда из нее выскочила подобная фраза, а после... случилась трагедия...

Фрау Шуттлер убеждала всех, что кто-то невидимый выбил из-под нее ту проклятую стремянку. Окружающие соглашались с ней, как соглашаются с человеком, которому от силы осталось жить пару дней, пусть говорит, если его это успокоит. Человек в стрессовой ситуации должен выговориться, только, что он говорит, это мало кого интересует. Он не может адекватно реагировать на ужасы прошлого и ищет любое объяснение.

После того рокового падения Эльза хватала за руку мужа, призывая выслушать ее.

- Когда я пришла на квартиру Роберта, то сразу почувствовала чье-то присутствие. А потом... - Эльза смотрела невидящим взглядом, - потом, перед тем, как отключиться, увидела лицо женщины. Она склонилась надо мной и что-то сказала... Что-то про моего брата... Франц, я не помню, что она сказала!

- Это так важно? – спросил убитый горем немолодой муж, потерявший последнюю надежду стать отцом.

- Очень, очень важно. - Эля лежала на кровати и судорожно сжимала руку мужа.

- Ты была без сознания, тебе это почудилось, - попытался успокоить жену Шуттлер...

Теперь эта же фраза снова сорвалась с уст Эльзы. Она испуганно огляделась в поисках женщины, которая карает за плохие слова в адрес брата...

И почему все женщины млеют от него? - подумала она. – Даже привидение... Или это не привидение, а ангел-хранитель? Скорее всего... Недаром, он чудом спасся с тонущего теплохода много лет назад.

Думая о брате, она постоянно озиралась по сторонам.

- Ты ищешь кого-то? – спросил у нее муж, тоже повертев головой в разные стороны.
- Никого я не ищу, - буркнула она, - кого мне искать, если кроме тебя и меня в кабинете никого нет. - Непроизвольно пробежала глазами по стенам, склонилась над столом и шепотом спросила, - когда будет проведено повторное обследование Роберта?
- Когда Роберт согласится снова лечь в клинику.
- Ты должен ему сказать, что шансов на выздоровление у него нет.
- Как это? – перешел на трагический шепот Шуттлер. – Я уверен, что диагноз не подтвердится.
- А ты ему говорил о первоначальных результатах?
- Нет, я не хочу пугать твоего брата. Я тебе еще раз говорю...
- Диагноз подтвердится! – уверенно произнесла Эльза. – Франц, ты в своем уме?! Как ты можешь защищать человека, который лишил тебя права стать отцом. Нашему ребенку в этом году исполнилось бы четырнадцать лет... И все эти четырнадцать лет я ищу смысл жизни и не нахожу. В чем ты видишь смысл своей жизни?
- В спасении людей... - неуверенно пробормотал Франц, хотя, минуту назад был в этом полностью уверен. Перед глазами встал его четырнадцатилетний сын...
- Тебе, в каком-то роде, повезло. У тебя есть любимая работа, а у меня...
- Есть я, - подсказал муж. Пересел к ней поближе, обнял за плечи, приткнул свою голову к ее голове и признался, - я люблю тебя Эльза, у нас хорошая семья, все недоразумения позади...
- У нас неполноценная семья, - всхлипнула она. – И никогда не будет полноценной по вине моего брата.
- Я устал спорить с тобой.
- И не спорь, в глубине души ты сам знаешь, что я права...

Если в трехтысячный раз убеждать тебя, что ты верблюд, ты перестанешь сомневаться...

В этом году я не поехал в Новороссийск. Франц Шуттлер сказал, что мне лучше пока не менять климат. Я хотел его послушаться, но передумал. В голову, в мою большую голову, пришла интересная мысль – отметить день рождения Яны. Только она и я. Сорок пять лет значимая дата для женщины, она становится мудрой. Я сам так решил, даже не знаю, почему...

Я хотел написать портрет Яны в этом возрасте, представить ее сорокапятилетней мудрой женщиной, чем-то похожей на Вафу, которую в этом возрасте еще не знал, но потом передумал: это будет уже не Яна, я не смогу с ней разговаривать. А мне так много надо ей рассказать...

И, именно, сейчас, потому что после нашей встречи на небесах я буду молчать. Хочу слушать ее голос, любоваться ею и любить.

Я не сошел с ума, пока, не сошел.

Головные боли меня мучают, но не до такой степени, чтобы лезть на стену. Я отдаю отчет своим поступкам и словам, только иногда проваливаюсь в забытье...

Я представляю, как мы встретимся с ней на том свете, она протянет ко мне руки и скажет:

- Почему тебя не было так долго?! Я очень соскучилась!

Мы будем гулять, взявшись за руки, собирать цветы, Яна сплетет веночек и наденет его на голову.

- Роберт, тебя что-то беспокоит? – спросит она, заметив мой встревоженный взгляд.

- Я... хочу познакомиться с Берточкой! – попрошу я и осмотрюсь вокруг, надеюсь, что наша дочь где-то неподалеку.

- Как! – удивится жена и непроизвольно стянет с головы венки из полевых цветов, будто он мешает ей правильно разобраться в ситуации. – Разве она не была все эти годы рядом с тобой?! – громким шепотом произнесет она, потом еще громче, - разве она не была все эти годы рядом с тобой?! И так по нарастающей, пока не захлебнется собственным криком. – Тогда где она?! Где моя дочь?! Где?!

Я хочу обнять Яну, но она вырывается, пятится назад, не сводя с меня безумных глаз. И то, что она начинает говорить абсолютно спокойным голосом, пугает меня больше.

- Роберт, все эти годы я пребывала в абсолютной уверенности, что Бертуся живет с тобой.

Янка пятится от меня, я ее преследую.

- Роберты со мной не было. Она... погибла вместе с тобой, - тихо говорю я, пытаюсь ухватить жену за руку. Мне это удается, но она сбрасывает мою руку.

- Не иди за мной! Слышишь? Стой, где стоишь! – четко выговаривая слова, приказывает Яна. – Ты должен найти Бертуся! Когда найдешь, тогда поговорим.

Мы стоим на границе жизни и смерти по разные стороны, я хочу к жене, но не могу преодолеть преграду. Я стучу по невидимой стене и кричу:

- Яночка, ее здесь нет! Ее здесь нет!..

- Роберт, что с тобой? – Я открыл глаза и увидел испуганное лицо Франца. – Ты так кричал...

- Сон приснился, - еле слышно сказал я и вспомнил Комаровых, которые выстроились передо мной и спящей Раечкой много лет назад в рыбацком поселке Большой Утриш. Тогда мне явилась Марты. С тех пор она не приходила ни разу. Ни наяву, ни во сне. Интересно, почему?

Марты, ты должна была прийти и подсказать, как жить дальше. Неужели снова обиделась на меня за непослушание. Но я выполнил твою просьбу и создал семью. Но, увы, мы не были счастливы с Леной, и в этом моя вина. Только моя. Лена делала все, чтобы я ее полюбил. Даже написала картину «Красная роза». Но было слишком поздно. Лена ушла из жизни тоже по моей вине. Признаюсь, я редко вспоминаю свою вторую жену. Это неправильно. Будто ее и не было.

Не обижайся на меня за эти слова, милая добрая Лена...

- Роберт, я должен с тобой поговорить! – деловито сказал Шуттлер, призывая обратить на себя внимание рассеянного человека после странного сна.

- Только не сейчас, я не пойму ни одного слова. Франц, давай позже поговорим, мне нужно обдумать кое-что.

- Хорошо, я приду позже, - поморщился мой лечащий врач и покинул мою палату...

Я должен уснуть и увидеть продолжение сна. Я должен разобраться. Я должен понять...

Передо мной фотография Яны. Я раздумываю, рассказать ей о Марты или... промолчать? Потом решаюсь...

Мой рассказ длился долго, когда я дошел до встречи с Раей, мне показалось, что Яна напряглась и укоризненно посмотрела на меня. Но я сделал вид, что не заметил...

- В прошлом году я ездил в Новороссийск... в конце августа, и Лев Спиринов рассказал мне об одном странном случае. Много лет назад мы договорились, что не будем вспоминать о Марты, а тут он сам нарушил это табу.

- Знаешь, Роберт, я всегда считал турчанку спасительницей, но встреча с тобой повлияла на нее странным образом. Недавно я прочел в одной газете, что вблизи острова Ньюфаундленд потерпела крушение яхта...

- Это тоже моя вина? – горько усмехнулся я, не дослушав до конца.

- Обломки яхты и тела погибших людей были обнаружены у канадского берега, - доложил мой собеседник, не оценив по достоинству мою самоиронию.
- Я не силен в географии, но про этот остров делал доклад в седьмом классе и так долго его зубрил, что могу рассказать, хоть, сейчас... Ньюфаундленд, насколько мне не изменяет память, находится у северо-восточных берегов Северной Америки, там самое большое количество туманных дней и климат так себе, всегда холодно и ветрено. Так что крушение яхты при сильном тумане и ветре возможно, особенно если капитан неопытен...
- Как-будто опытен... - Спирин глянул на меня с сомнением, словно раздумывал, открыть мне страшную тайну или нет.
- Лев Александрович, давайте начистоту!
- Роберт, ты знаешь этого капитана! – констатировал он весьма трагично.
- Я знаю только двух капитанов – теплохода «Адмирал Нахимов» и сухогруза «Петр Васев». Лично незнаком, но видел на суде двадцать два года назад. Больше я о них ничего не знаю, да, и не желаю знать! - Заметив напряженное лицо своего собеседника, задал короткий вопрос, - который из них?
- Ткаченко, - выдохнул Лев.
- Прославленный капитан сухогруза, - ядовито сказал я.
- Только он не Ткаченко...
- Неужели подался в бега и сменил фамилию? Я хорошо помню, что обоих капитанов осудили на пятнадцать лет...
- Осудили на пятнадцать, выпустили через шесть. Марков с «Нахимова» остался в Новороссийске, а Ткаченко сменил фамилию на Тальор и уехал в Израиль. Яхта под его командованием потерпела крушение у острова Ньюфаундленд.
- Он... погиб?
- Все погибли, кроме одного матроса. Он чудом остался жив...
- Его спасла Марты? – ляпнул я, не подумав.
- Не знаю...
- Но вы же сами намекали, что Марты после встречи со мной стала неадекватной.
- Я сказал: встреча с тобой повлияла на нее странным образом.
- Я понял. Дальше что?
- А дальше... Единственный спасшийся молоденький матрос после рассказывал, как все произошло. Действительно, был сильный туман... Вдруг прямо по курсу он увидел девушку, она стояла на воде и совершала руками непонятные движения, будто создавала завихрение. И тут яхту закрутило, будто она угодила в воронку. Больше он ничего не помнит. Очнулся уже в больнице...
- Бред после пережитого шока!
- Может быть, может быть, - рассеянно пробормотал Спирин, - а, может, в самом деле, это была Марты. Она захотела наказать Ткаченко – бывшего капитана сухогруза «Петр Васев», протаранившего пассажирский теплоход.
- А причем здесь остальные люди? Вы же сами убеждали меня, что она спасительница, подсказчица судьбы и так далее.
- Влюбленная женщина способна на многое, - многозначительно протянул он, хитро поглядывая в мою сторону.
- Она вам сама об этом сказала? – хмыкнул я.
- Нет, эту мысль подсказала мне Вафа.
- Зачем вы ей рассказали весь этот бред?
- Ее интересует всё, что связано с трагедией в Цемесской бухте, – попытался оправдаться Лев.

- То Цемеская бухта, а то остров Ньюфаундленд... Чайки такое расстояние преодолеть не могут. Так что о желании Марты наказать Ткаченко можно забыть. И забыть о ее... интересе ко мне. - Я сразу догадался, в чей огород заброшен камень.

- Когда имеешь дело с мистикой или с фата-морганой расстояние значения не имеет.

Зачем спорить с человеком, который заразился от Варфоломеи Ильиничны фанатичным отстаиванием собственного мнения? Такой же, как ее бабушка, была моя Яна.

- Не знаю, верить рассказу молодого матроса или выкинуть этот бред из головы? Как думаешь, Янка? – Жена насмешливо смотрела на меня. – Я тоже считаю, что Спирина прочел статью Вафе, а та убедила его в причастности Марты. Бабуля всегда считала, что каждый, совершивший злое деяние, должен получить по заслугам. Вот турчанка и расстаралась восстановить справедливость.

- Ну? Ты ему сказал?

- Нет!

- Почему?

- Он попросил зайти позже!

- Он что директор клиники, а ты мальчик на побегушках?! Это твоя клиника, а он здесь обычный пациент!

- Эльза, он же твой брат! Одумайся!

- Решение принято и обратной дороги нет!

Когда я открыл глаза, то увидел сидящего у моей постели Франца. Выражение лица у него было похоронное.

Я сразу понял. Без слов. Мой диагноз неутешителен.

И с облегчением вздохнул...

- Сколько? – безучастно спросил я.

- Что? – не понял Шуттлер.

- Сколько мне осталось?

- Полгода, год.

- Шансы есть? - спросил я и затаил дыхание. Не потому, что надеялся на выздоровление, напротив, я мечтал быстрее встретиться с Яной.

- Шансов нет, - с трудом сказал Франц и отвел глаза.

- Не переживай, - успокоил я его: не он меня, а я его, - так и должно быть...

- Роберт, я попытаюсь... тебе помочь. Мы не будем опускать руки.

А я уже не думал о себе. Смысл? Я понял, что надежды нет. Зачем тянуть? Что мне дадут эти полгода, год? Сам измучаюсь, других измучаю. Под другими я подразумеваю Вафу и Льва Спирина. Больше у меня никого нет. Элька ни в счет. Но я выполню ее просьбу и напишу завещание в ее пользу. Это что касается денег. Но что делать с коллекцией марок? Это проблема. Сестра надеется, что и коллекция достанет ей. Ну, уж дудки!

- Сказал?

- ДА!

- А он?

- Он воспринял новость совершенно спокойно.

- Теперь переходим к следующему этапу: ты начинаешь давать ему те пилюли...

- Я не могу... травить твоего брата!

- Можешь...

- Франц, я не хочу лежать в клинике! – уперся я.

- Но я хочу опробовать на тебе одно чудодейственное средство!
- Согласен, только я буду принимать его дома.
- Каждое лечение должно проходить под неусыпным контролем лечащего врача, - не унимался Шуттлер.
- Ты не только мой лечащий врач, но и мой друг, поэтому должен войти в мое положение.
- Когда я назвал его другом, он отшатнулся, едва не свалился со стула, потом быстро ретировался.

Значит, мои дела совсем плохи, - подумал я, - а про чудодейственное средство он явно придумал. Будет давать какие-нибудь витамины, чтобы вселить в меня уверенность в победе над недугом.

На следующий день я покинул клинику.

Именно, после этого я решил отметить сорокапятилетие Яны. Мы провели вместе чудный день, я давно не чувствовал себя так хорошо. Жаль, что жена мне ничего не отвечала, но я понимал ее по взгляду. Я рассказал ей про сон, который видел в клинике, попытался поразмышлять вслух, но реакцию жены не понял и подтверждения моим догадкам не получил.

- А не вернуться ли мне в Россию? – спросил я у Яны. – Махну рукой на все запреты и через пару дней буду уже дома...

Я подъехал на такси к нашему старенькому дому и любовно окинул его взглядом. Сколько раз я порывался продать квартиру, но каждый раз передумывал: в ней жили мои родители, здесь жили мы с Яной и совсем недолго с Робертой...

Я подошел к подъезду и уже взялся за ручку, когда услышал знакомый голос.

- Робка, поди сюда! – Только один человек называл меня так – баба Мара. Да, это была все та же любопытная баба Мара. Мне казалось, что она всегда выглядит одинаково: и сейчас, и в годы моего детства. Сколько же ей лет? Девяносто или сто? Иногда она жаловалась на ноги, но при ее «работе» ноги не главное, главное – подвешенный язык и желание быть информированной во всем. Сейчас она сидела на скамейке под раскидистым орехом и с интересом наблюдала за дворовой жизнью.

- Здравствуйте, баба Мара, - вежливо поздоровался я. – Я вам лекарство привез, которое вы просили. – Такое же лекарство продавалось в соседней аптеке, но соседка считала его «подделкой» и просила привезти из Германии.

- Вот, спасибо! Твои таблетки мне сразу помогают, ноги в пляс готовы пуститься, а наши... ерунда! – махнула она рукой. – Денег стоит немалых, а пользы никакой!

- Вот, - я протянул ей упаковку с лекарством. – Подарок!

- Я за твоей квартирой приглядывала! – доложила баба Мара. – Соседка Валька ходила на кладбище к своим, так я ее упросила и к твоим родителям заглянуть.

- Спасибо. – Я решил ретироваться, но от бабы Мары так легко не отделаешься.

- Постой-ка! – остановил меня ее зычный голос. – К тебе девушка приходила пару месяцев назад! – Без перехода заявила она.

- Какая девушка? – удивился я.

- Молодая, высокая блондинка... в джинсах, - доложила соседка. – Больше ничего сказать не могу, вижу плохо!

Все бы так «плохо видели»!

- Что она сказала?

- Я сидела на скамейке, - начала издалека баба Мара и постучала рукой по этой самой скамейке, - вижу, идет девица... Идет и разглядывает номера домов. Я хотела ее окликнуть, а она дошла до твоего подъезда и быстро в нем скрылась.

- Почему вы решили, что она приходила ко мне? – задал я резонный вопрос, показавшийся соседке глупым: мимо нее птица не пролетит без позволения, что говорить о новом человеке в нашем дворе.

- Когда она вышла из подъезда, то сразу направилась ко мне, - сообщила она, глядя на меня честными глазами.

- И спросила обо мне, - догадался я, поторапливая бабу Мару, любившую во всем неторопливость.

Она недовольно поджала губы, еще сильнее выделив вертикальные складки к подбородку. Проигнорировала мою подсказку минуты две, затем снизошла.

- Я, говорит, ищу Роберта Зеппа. Он в этом доме проживает? – В этом, - отвечаю, - в том подъезде, откуда ты только что вышла. А тебе он, собственно, по какой надобности?

- Я его старая знакомая, - сказала она... Ничего себе старая знакомая, ей лет двадцать, может, чуть больше.

Я сразу подумал о Раечке Комаровой, которой я оставлял свой адрес.

- Я ей рассказала, что ты живешь в Берлине, а сюда приезжаешь раз или два раза в год. Она поинтересовалась, не знаю ли я, когда ты должен приехать? Я ответила, что в августе или в сентябре? Ты же всегда приезжаешь сюда до поездки в Новороссийск или после.

Я кивнул, подтверждая ее слова, и поспешно поинтересовался:

- Она назвала свое имя?

Да, баба Мара любила неторопливую и обстоятельную беседу. Причем, она должна сама задавать тон этой беседе, а «указчиков и подгонял» терпеть не могла, отвечать на поставленный вопрос или промурыжить собеседника и оставить без ответа – это ее право.

Потеребив в руках привезенное мною лекарство - подарок из Германии, она не стала меня перевоспитывать и уклоняться от темы.

- Перед уходом девушка попросила передать тебе привет от Раисы Комаровой! – Она произнесла это таким надменно-осуждающим тоном, словно была уверена в моей связи с молоденькой девушкой, которая долго меня искала и, наконец, почти нашла.

- Это... дочь моих знакомых, - нашелся я, не забыв мысленно обругать себя последними словами за желание оправдаться. – Давным-давно ее не видел. В последнюю нашу встречу ей было пять лет. – Несмотря на осуждение, я продолжал оправдываться.

- Ага! – брякнула баба Мара, не поверив ни одному моему слову. Её право.

- Рая была одна? – неожиданно спросил я, хотя, соседка говорила только о девушке, которая зашла в подъезд, а потом вышла из него. На улице ее никто не поджидал.

- Нет, не одна! – дернула головой любознательная особа и стала ждать следующих вопросов.

- Баба Мара, не тянуть же мне из вас каждое слово клещами!

- Ладно, Робка, не буду над тобой измываться, потому что ты, сорок лет назад, никогда не лазил по этому дереву, - она подняла вверх голову, указав на раскидистого старичка, - и не бросался в нас орехами, как это делали другие мальчишки. – Какое счастье, что я был прилежным мальчиком, поэтому через сорок лет, я могу получить ответ на элементарный вопрос. – Неподалеку стоял чернявый парень, - теперь она кивнула в сторону выхода со двора.

- Один? – Я подумал, что семейство Комаровых должно прибыть ко мне в полном составе, прихватив «чернявого парня».

- Один, - удивилась моему вопросу баба Мара и не сдержалась, - твой соперник?

- Я же вам все объяснил!

- А я тебе поверила, - хмыкнула она. – Девица, конечно, тебе в дочери годиться, но в жизни всякое бывает. А ты мужчина, хоть, куда!

Я понял, что разговор еще долго может вертеться вокруг темы любви между молоденькими девочками и престарелыми богатыми мужиками, к которым меня причислила соседка, и поспешил к себе домой, напоследок поблагодарив соседку за информацию.

- Если она еще придет, что передать? – спросила вдогонку баба Мара.

- Попросите оставить ее свои координаты! – сказал я, недолго думая...

Опять в моей жизни промелькнула Раечка и исчезла. Все эти годы я не забывал о ней. Предпринимал попытки отыскать семью Комаровых, но тщетно...

Теперь я знаю, кому оставлю свою коллекцию марок. Пусть мой душеприказчик приложит все силы, чтобы отыскать Раису Леонидовну Комарову...

Я невольно улыбнулся, вспомнив нашу первую встречу, когда пятилетняя девчушка представилась Раисой Леонидовной...

- Первым делом я вытащил из дорожной сумки портрет Яны, поставил на стол, сел рядом и продолжил свой монолог, прерванный в Берлине.

- Янка, я хочу рассказать тебе о своей коллекции...

Глава одиннадцатая

- Роберт, я нашла твой альбом с марками! – когда-то давно сообщила мне мама в мой очередной приезд.

- Неужели он сохранился? - удивился я.

Филателией я увлекся в пятом классе. Все мальчишки нашего класса коллекционировали марки. Так бывает всегда: один начал и заразил всех. Перемены между уроками были заняты рассматриванием коллекций и обменом. Наше увлечение доставляло удовольствие не только нам, но и нашим родителям: с помощью марок мы познавали историю, географию и многое другое и отвлекались от «глупостей».

Сначала моя коллекция носила бессистемный характер. Я покупал в киосках «Союзпечать» наиболее понравившиеся и раскладывал в своем альбоме в определенном порядке. В итоге получалось, что альбом выглядит пустым: на каждой странице было по пять–шесть марок. Потом отец посоветовал мне сосредоточиться на одном направлении. Я задумался. В то время я уже всерьез занимался живописью и решил собирать марки с репродукциями картин великих художников.

Вскоре я понял: моя коллекция интересна только мне. Обмениваться марками со мной никто не желал, а простое собирательство и единоличное любование для несерьезного коллекционера, каким был я, не вдохновляли.

Передо мной встала новая задача – придумать новую тематику, которая была разнообразной, но содержала нечто общее, а главное – заинтересовала бы моих собратьев-коллекционеров.

Решение пришло неожиданно...

У нас появилась идея – поздравлять именинников в классной стенгазете. Я, как главный редактор, постановил на заседании редколлекгии, что газета должна выходить раз в месяц, а поздравление объединять всех именинников этого месяца. Одна девочка вызвалась сделать таблицу, куда переписала всех учеников с датами рождения. Достаточно большое количество именинников пришлось на лето, поздравление мы решили отложить на сентябрь – начало учебного года, остальных разделили по месяцам. И почти все ученики были одного года рождения – шестьдесят первого, кроме Толи Варавкина и Насти Ветровой – оба родились на год раньше, в последних числах декабря тысяча девятьсот шестидесятого года.

Не знаю почему, но год рождения всех одноклассников занозой засел в моем мозгу на весь день. Я даже напевал про себя это четырехзначное число на разный мотив, хотя, со слухом у меня всегда были проблемы. Учительница пения выделяла меня из общего хора и просила замолчать, так как я своим зычным голосом портил все слаженное исполнение.

- Шестьдесят первый, тысяча девятьсот шестьдесят первый, - выводил я вслух уже дома, чем вывел из себя мою сестру. Она отвесила мне подзатыльник, а я поставил огромную кляксу в ее тетради, куда она только что переписала с черновика сочинение.

- Сволочь! – взвыла Элька и разревелась.

- Крыса! – радостно парировал я без сожаления и продолжил свое пение.

Вечером я получил нагоняй от мамы, но быстро забыл об этом: меня беспокоила одна мысль – новая тематика для коллекции. Проблема разрешилась за ужином...

По телику рассказывали об очередном полете наших космонавтов, и я вспомнил Юрия Алексеевича Гагарина, который отправился в космос в тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

- Пап, как ты думаешь, много событий произошло в тот год, когда я родился?

- Самый неудачный год! – съязвила Элька, но свои нападки на меня прекратила под грозным взглядом мамы.

- Думаю, немало, - ответил отец, после недолгих раздумий. – Чтобы больше узнать, надо почитать энциклопедию.

- Или начать коллекционировать марки, выпущенные в том году, - рассеянно заметил я.

- Тоже вариант, - поддержал меня он.

И я увлекся новой идеей.

Первой по этой тематике, конечно, была марка «Первый в мире космонавт Ю.А. Гагарин». Потом, естественно, марка с портретом вождя мирового пролетариата, которому в тот год исполнилось девяносто один. Вроде дата не круглая, а марку выпустили, - подумал я. Потом покопался в каталогах и выяснил, что такие марки выпускали каждый год: девяносто два, девяносто три... Об этом я незамедлительно сообщил отцу за очередным ужином.

- А наш сын оказывается диссидент, - сообщил папа сидящим за столом домочадцам.

- Боже упаси! – взмахнула руками мама, - у нас итак фамилия...

- Что фамилия? – хмыкнул я. – Нормальная фамилия! Бывают и хуже.

- Ты не умничай, а слушай, что тебе старшие говорят, - прошептала она и оглянулась по сторонам, словно за ее сыном уже пришли люди из органов.

- Эти старшие... ничего не объясняют и изъясняются загадками, – спокойным тоном отозвался я, запихивая в себя котлету.

- Роберт! – взвилась мать.

- А я что?! Я ничего...

- Так что там с марками? – пресек нашу словесную перепалку отец голосом рефери, разводящего боксеров по углам.

- Пап, не знаю, как в другие годы, но в шестьдесят первом столько событий произошло!

- Неужели? – Его заинтересованность подвигла меня на подробный рассказ.

- В этот год исполнилось сто лет Рабиндранату Тагору и грузинскому поэту Важе Пшавела, сто лет со дня смерти Тараса Шевченко...

- Подожди, не тараторь! – перебил меня отец. – Что тебе лично дали эти марки, что ты успел почерпнуть?

- Тараса Шевченко мы в школе проходили...

- «Тараса Бульбу», - подсказала мама, которая участвовала в написании сочинения.

- «Я тебя породил, я тебя и убью!» - похвастался эрудицией отец.

- Давно пора! – вмешалась сестра.

- Крыса!

- Сам ты... - задыхнулась она от зашкаливающего возмущения, забыв все эпитеты, которыми обычно характеризовала меня. В отместку я показал ей язык.

- Не отвлекайся! – призвал папа.

- На марке такое же изображение поэта, как на портрете, что висит в кабинете литературы...

- Он и писатель, - вновь встряла мать, взявшая на себя роль подсказчика. Я кивнул.

- Про Рабиндраната Тагора я до этого не знал... На марке я с трудом смог прочитать его имя и фамилию, потому что шрифт какой-то странный: то ли «а», то ли «и». Пришел в

школьную библиотеку и говорю: «Дайте мне, пожалуйста, книгу о Рибандрините Тигори». Библиотекарь странно на меня посмотрела, улыбнулась и спрашивает: «Наверное, о Рабиндранате Тагоре?» Я смутился и промолчал. А она протянула книжку, а на ней портрет того же дядьки, что и на марке... Теперь я знаю, что он был индийским писателем, поэтом, композитором и общественным деятелем.

- Об этом всем известно, кроме таких ничтожеств, как ты! – скривилась Элька и сквозь зубы процедила, - дядька! Сам ты дядька!

Мама перетянула ее полотенцем.

- Да что ж ты за злыдня такая! – возмутилась она. - Порадовалась бы увлечению брата, а ты... -

Сестра насупилась и уткнулась в свою тарелку.

- Продолжай, Роберт! – вежливо попросили родители почти одновременно, а я восторжествовал: наконец–то, не я получил нагоняй от матери, а моя старшая сестра, не ее приводят мне в пример, а восхищаются моим хобби.

- Вы слышали про Важу Пшавела? – спросил я заумным голосом, каким вещает с экрана телевизора ведущий программы «Очевидное-невероятное» Сергей Капица.

- Нет! – отрицательно задергали головами родственники, даже Элька оторвалась от тарелки и заинтересованно взглянула на меня.

- Я увидел его портрет и удивился: почему человек с грузинской фамилией больше похож на простого русского крестьянина средней полосы?

- Почему? – подхватил «зал».

- Оказывается, Важа Пшавела – это псевдоним, а на самом деле его зовут...

- Иван Иванович Иванов, - усмехнулась сестра.

- Нет, - с улыбкой заметил я, - его зовут – Лука Павлович Разикашвили. В его родословной прослеживаются русские корни, - задумчиво добавил я, будто делал очередное открытие в литературе, в котором сам пока не уверен.

- Не носи отсебятины! - вернул меня на землю отец. – Излагай полученную информацию!

- Излагаю... Важа Пшавела – известный грузинский поэт, родился в семье священника...

- Стихи читал? – оборвала мое монотонное бормотание мама.

- Кое–что, - уклончиво заметил я.

- А надо не кое–что!

Я пристыжено кивнул, а Элька возликовала. Чтобы ее «уесть», я продолжил выкладывать полученную информацию.

– Еще у меня есть марка с изображением Патриса Лумумбы! Он погиб в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. – Я сбежал в свою комнату и вернулся с альбомом в руках. – Посмотрите, совсем молодой мужчина, ему было всего тридцать шесть лет...

- «Памяти Патриса Лумумбы», - прочитала мама, - а он не похож на борца за свободу конголезского народа, больше на преподавателя университета: костюм на нем европейский, ухоженное лицо с маленькими усиками и очки в дорогой оправе.

- Я хочу сделать доклад на следующем классном часе. Сначала решил написать заметку в стенгазету, но потом передумал: мои одноклассники не станут ее читать.

- А доклад будут слушать! - ядовито сказала неугомонная сестрица.

- Будут! – уверенно заявил я.

- Надо собрать побольше информации, - посоветовала мама.

- Дай, мне альбом, - протянул руку отец. – О, да у тебя здесь много марок серии «Костюмы народов СССР». При слове «костюмы» Элька вытянула шею, пытаясь разглядеть марки. Потом не удержалась и выхватила из рук отца мой альбом.

- Мне нравятся грузинские национальные костюмы! – призналась она после недолгого изучения.

- А мне коряцкие! Смотри, какая девушка симпатичная сидит на санях! – Я увидел удивленные взгляды родителей и поспешил пояснить, - мне понравилась поза: этакая дамочка на приеме, сидит с прямой спиной, ножка на ножку...

- А сзади кавалер со шкурками песцов в руке, - подхватила сестра. Мы дружно расхохотались...

За короткий период времени я собрал большое количество марок, выпущенных в год моего рождения. В моем альбоме были марки с изображением космонавта Титова, молодежи на ударных стройках, посвященные достижениям советской науки и техники из серии «XXII Съезд КПСС».... Я увлекся сам и увлек своих одноклассников, мы не просто обменивались марками, но и обменивались информацией. Просто похвастаться добытой маркой было неинтересно, надо было рассказать о ней...

- Когда я решил снова заняться филателией, то долго размышлял, на какую тематику обратить свой интерес. Янка, ты не задумывалась, в какой период времени человек бывает счастлив? Конечно, в беззаботном детстве! Как вернуться туда? Можно читать детям сказки. Наверное, поэтому я был так счастлив в поселке Большой Утриш... Жаль, очень жаль, что у меня нет ни своих детей, ни племянников... Ладно, не будем сыпать соль на кровоточащую рану, вернемся в детство. Попытаемся вернуться. Какие марки мне в этом помогут? С изображением детей? Таких, как девочка Аленка на шоколадке? Не думаю. Надо придумать что-то поинтересней...

Однажды я прочел в одном немецком издании, что почтовое агентство Германии выпустило «сказочные» серии марок. Это было то, что нужно!

Марки выпускались совсем небольшими тиражами, что отражалось на их стоимости. Меня это очень устраивало, так как деньги я зарабатывал немалые, а тратить их было не на что. Поэтому я решил вкладывать деньги в покупку редких марок. Первой в новой коллекции стала марка посвященная столетию со дня смерти Вильгельма Гримм, одного из братьев-сказочников. Затем последовали марки с изображением фрагментов из их сказок. Меня увлекал поиск раритетов, я шел по следу, как заправский сыщик. На каждую из сказок было выпущено четыре фрагмента. Это были известные из детства сказки: «Красная шапочка», «Белоснежка», «Волк и семеро маленьких козлят» и много других. Мне была неизвестна лишь одна – «Король-лягушонок, или Железный Генрих». Эти марки стоили дорого поодиночке, а в серии их цена еще больше возрастала.

Еще в восемьдесят пятом ГДР выпустила марку к двухсотлетию второго брата – Якоба Гримм. Вот за ней мне пришлось побегать! Потом последовала серия из других сказок, за которой я тоже долго охотился.

Примеру Германии последовали Польша и Швейцария. Первая выпустила красочную серию марок, посвященных писательнице Марии Конопницкой и ее сказкам, а вторая – еще одну серию, посвященную братьям Гримм...

Скоро вся моя коллекция перейдет в руки Раисы Леонидовны Комаровой...

- Что-то мне совсем не понравилось настроение Роберта, - сказала Вера мужу, убирая со стола. – Тебе не показалось, что он... пришел проститься?

- Мне не понравилась напускная веселость, - задумчиво произнес Борис Лейкин. – Раньше я его таким никогда не видел. Даже отказался смотреть хоккей...

- Тоже мне показатель! – хмыкнула жена.

- Я очень люблю дядю Роберта, хоть, он нам и не родня, - встряла в разговор появившаяся из своей комнаты Райка.

- Иногда не родня бывает роднее всей родни, - философски изрек отец, а мать пожурила дочь.

- Раиса, тебе разве не говорили, что подслушивать за дверью некрасиво!

- Я не подслушивала, - заявила Рая, взирая на родителей широко открытыми глазами, выказывая свое удивление. – Я хотела показать свой портрет, который успел набросать дядя Роберт. Еще он сказал... - Девочка замолчала и с испугом посмотрела на родителей.
- Что? – дуэтом спросили они испуганно.
- Он сказал, чтобы я не беспокоилась, деньги на учебу он мне оставит...
- Что значит, оставит? – не понял Лейкин.
- Дядя Роберт сказал, что откроет счет на мое имя...
- Почему сейчас? – нахмурилась Вера. – Тебе всего тринадцать лет. До поступления в институт еще целых четыре года.
- Потом он... не сможет, - сообщила дочь.
- Почему? – снова задала тот же вопрос мать.
- Не знаю! – отмахнулась девочка и протянула лист бумаги со своим собственным изображением.
- Все-таки, Роберт – талант! – с чувством признал в очередной раз Борис. – А Яночка, всегда возмущалась, что он пишет только портреты...
- Но он же художник-трагифреалист, - осторожно вставила Вера, чтобы он не заметил, как она уводит разговор с опасной темы.
- Раньше он был портретистом.
- Если человек талантлив, то талантлив во всем, - изрекла Райка. Родители с ней согласились.
- Борис, я думаю, что ты должен сходить к Роберту и поговорить с ним...

Звонок в дверь прервал мое созерцание потолка. Я лежал на диване и с интересом наблюдал за паутиной, колышущейся на ветру. Хозяин-паук бросил свое плетение на полпути, а я должен все довести до конца. Не в том смысле, что доделать незаконченную пауком работу, а задуматься о своей жизни, вернее, о ее остатке. Нельзя оставлять незавершенных дел!

Головные боли усиливались с каждым днем. Лекарство, выданное мне Францем, облегчения не приносило. Поэтому вчера я выбросил его в помойное ведро. Зачем пить, если толку в этом нет? С утра я протянул руку к тумбочке, на которой всегда лежала коробка с пилюлями, похлопал по ее поверхности, а потом вспомнил, что ее больше нет. Теперь мне не нужно, как заведенному роботу, по три раза в день пить лекарство! Ура, одной проблемой меньше!

- Если бы все вопросы так просто решались, то жить стало легче, - вслух произнес я.

Думаешь, размышляешь, как поступить в той или иной ситуации, а потом... открываешь, как шкатулку, голову, вытаскиваешь из нее эту думу, подходишь к мусорному ведру... Нет, лучше к окну! И со всей силы выбрасываешь ее. Прямо, как метатель диска. И чем дальше ты метнешь, тем лучше!

Звонок снова разлился по квартире противной трелью.

- Кто бы это мог быть? – спросил я у самого себя, не соизволив пошевелить ни ногой, ни рукой. Дожился, даже поговорить не с кем! Сейчас пойду во двор, сяду под орехом и буду вести беседу с многоуважаемой бабой Марой...

- Роберт, открой! Я знаю, что ты дома! – Мой бывший тесть оповестил весь подъезд о своем визите, дав понять соседям, что рядом с ними проживает негостеприимный человек.

- А я знаю, откуда вы знаете, что я дома! – пробубнил я себе под нос, - дай вам бог здоровья, баба Мара! Всех благ и долгих лет жизни! – Пожелал я ей – высококвалифицированному информатору и задал себе резонный вопрос, - а почему я не иду открывать дверь дорогому гостю? А потому, что знаю, зачем он пришел.

Между тем, в подъезде нашлись люди, которым помешал зычный мужской голос.

- Гражданин! Кто вам нужен?! - услышал я возмущенный голос соседки по лестничной клетке. Она переехала недавно, мы успели познакомиться, но я, по обычаю, забыл ее имя: теперь не люблю забивать голову ненужной информацией.

- Мне нужен Роберт Зепп! – недовольно отрапортовал Лейкин, вложив в голос непонимание: а кого он еще может искать в этой квартире?!

- Его, наверное, нет дома, - предположила соседка без имени.

- Без имени и, в общем, без судьбы, - шепотом, но все равно фальшиво, затыкнул я, не забывая прислушиваться к разговору за дверью. – Я хорошо отношусь к Лейкину, - четко выговорил я, - но вести задушевные разговоры НЕ ЖЕЛАЮ! Пять минут назад жаловался, что поговорить не с кем, а сам не хочу открывать дверь. Почему? – Другим голосом поинтересовался я у самого себя. – Потому что я должен прямо сейчас решить, как... уйти?

Я не хочу дожить до того момента, когда моя голова увеличится в два раза, нестерпимая боль лишит меня рассудка, и я буду лежать бревнышком на кровати в каком-нибудь хосписе и раздражать своими капризами персонал. Первое, что я для себя решил - умру на Родине, а второе - мое тело кремируют, а пепел развеют в Цемесской Бухте...

Чем скорее это произойдет, тем лучше...

Но как приблизить момент? Поехать в страну, где разрешена эвтаназия? В Нидерланды, в Америку или в северную часть Австралии. Мне стало смешно: я мысленно провел линию по материке Австралия, разделив его на две части – северную и южную, и назвал верхнюю часть – Эвтаназийная Австралия.

А споры на лестничной клетке разгорались не шуточные. К двум предыдущим участникам присоединилась еще Валентина, - женщина, которая ходила на кладбище и по просьбе бабы Мары посетила могилы моих родителей...

- Я тоже схожу на кладбище, - пообещал я Янке, искоса поглядывая на ее возмущенное лицо. – Я тебя отлично понимаю: не пускать в дом отца – это верх неприличия! Но я должен решить важную проблему, - попытался оправдаться я. Но она была непреклонна, ее взгляд прожигал меня. - Ладно, я поднимаюсь! - Успокоил я жену.

Я сел на диване и потрогал свою голову, проверяя ее размеры. Пока все было по-старому. Кажется.

- Роберт! Наконец-то! – воскликнул Борис Андреевич Лейкин, окинув озабоченным взглядом мою фигуру, возникшую в дверном проеме. – Что случилось? Я уже начал беспокоиться...

- Задремал, - нехотя, объяснил я и пригласил его в квартиру, не забыв поблагодарить соседок за бдительность. Те не успели ничего сказать, я захлопнул дверь.

- Что у тебя с лицом? – поинтересовался тесть, озираясь по сторонам, будто захотел во что бы то ни стало отыскать виновника моего нежелания открывать кому-либо дверь.

- Что у меня с лицом? – по-попугайски переспросил я без должных эмоций. Другой бы бросился к зеркалу и стал изучать свой подпорченный фейс, но я остался безучастен.

- У тебя кровь! – Лейкин потащил меня в ванную, потом схватил за подбородок и стал показывать поцарапанную щеку, тыча в зеркало, где я смог бы оценить урон своему лицу.

- А, это... - протянул я, - сегодня стоял у окна, и что-то обожгло мне щеку. Может, оса? – предположил я.

- Это царапина, а не укус, - голосом заботливой мамы заметил Борис Андреевич. – Дай мне йод.

На душу плеснули бальзамом: появился человек, который позаботится обо мне, обработает рану. Надо поехать в Новороссийск, там живет любимая Вафа, я буду лежать в гамаке, а она будет закармливать меня блинами...

Я так хочу быть кому-то нужен...

- Я, конечно, не специалист, - задумчиво произнес Лейкин, - но мне кажется, что это след от пули.
- Пули, - развеселился я, - по мне стреляли!
- Не нахожу в этом ничего смешного! – буркнул заботливый тестя.
- Извините, что-то я сегодня... не в форме, – торопливо признался я, чтобы меня не уличили в затяжной депрессии с вытекающими из нее последствиями. А так оно и было.
- Роберт, я хочу поговорить с тобой? – осторожно начал Лейкин, опуская тему моего травматизма.
- О чем?
- О деньгах, которые ты намерен оставить Рае на обучение. – Потом он замахал руками, будто отпугивал такими действиями слетевшихся в мой дом пчел. Я даже осмотрелся, пытаясь уловить момент, когда нужно ретироваться в ванную. Неожиданно пришедшие в действие руки, также неожиданно упали вдоль туловища, как плети. – Я неправильно выразился. Конечно, речь пойдет не о деньгах, а о тебе.
- Обо мне? – Тупость и попугайство достигли апогея, сейчас должен наступить некий спад, тогда со мной можно будет разговаривать. Хотя, не думаю, что сообразительность будет на высоте. Я представил свой съедаемый раковой опухолью мозг, мне стало дурно, сам собой вылетел вопрос, который сидел глубоко внутри. – Почему в России не разрешают эвтаназию?
- Эвтаназию? – Борис удивленно посмотрел на меня, потом обнял за плечи, подвел к дивану, пристроился рядом и обреченно сказал, - я так и знал.
- Что, именно? – придя в себя и глупо скалясь, поинтересовался я. Мой оскал еще сильнее утвердил тестя в собственной догадке.
- Роберт, ты болен? Не отвечай, я сразу понял, что ты болен. Все эти разговоры о деньгах и о том, что после ты не сможешь их дать Райке на учебу...
- Вы не беспокойтесь, я сделаю все, как обещал.
- Дурак ты, Роберт Зепп! – Я никогда не слышал таких слов от тестя. – Я надеюсь, это, – он кивнул на царапину на моей щеке, - не твоя попытка уйти из жизни?
- Я бы не промахнулся, - невнятно пробормотал я.
- Тогда, что это? – не унимался Лейкин.
- Я же объяснил!
- В тебя... стреляли, - выдохнул он. – У тебя есть враги? – Я пожал плечами. – Как у каждого небедного человека, у тебя есть недоброжелатели, - предположил Борис Андреевич.
- Я ни у кого не стою на пути, у меня нет совместного бизнеса с человеком, который желает стать единоличным его владельцем! – Не выдержал я и повысил голос.
- А артклиника? Ты же владеешь ею вместе с мужем твоей сестры? - продолжил он, не обратив внимания на мой резкий тон.
- Моя часть все равно достанется Шуттлерам.
- Они не испытывают материальных затруднений? Может, им нужны деньги прямо сейчас, а не после того... - Продолжение вызвало у него затруднение.
- Когда меня не станет, - пришел я ему на помощь.
- Роберт, нельзя терять надежду! – Он перевел взгляд на портрет Яны, словно просил у нее поддержки. – Один врач поставил диагноз...
- Один очень хороший врач...
- Даже хороший специалист может ошибаться. Ты должен цепляться за жизнь! Обратись, хотя бы, к своим картинам! Не хочешь к своим, есть другие художники-трагифреалисты. Не сиди, не смотри в одну точку! Так нельзя! Ты молод...
- Я не молод!
- Скажи об этом моей матери!

- Борис Андреевич! Как же вы не понимаете, что у меня нет желания метаться по врачам, вымаливая продлить мою жизнь, у меня нет желания сидеть перед картиной, вперив в нее взгляд и медитировать. - с трудом справившись с дыханием, заявил я. Мгновенно представил себе жизнь в виде коварной соблазнительницы с ярким макияжем, которая проходит мимо меня, а за ней следует шлейф поклонников – любителей жизни. Они рвутся к ней, отталкивая друг друга. Искусительница вызывающе смотрит на меня, я отрицательно качаю головой и отворачиваюсь, успевая заметить на ее лице растерянность...

- Ты хочешь... встретиться с моей дочерью? – с сочувствием в голосе спросил Лейкин. Я промолчал. – Неужели на земле нет человека, который смог бы убедить тебя в обратном, ради которого ты захотел бы жить?

Я задумался. Ни одной женщины после Яны я не любил. Что касается приятелей, то они были, но приятели – не близкие друзья. Неужели я, взрослый мальчик сорока восьми лет от роду, за всю жизнь не приобрел себе друга, который смог бы меня остановить, переубедить.

- Послушай друг Роберт, - сказал бы он мне, - какой же ты мужик, если сложил ручки и безропотно подчиняешься судьбе! Не ты ли уверял всех, что каждый человек - кузнец своего счастья, что жизненные преграды надо преодолевать самому, без помощи разных подсказчиков, которые укажут, где эта преграда пониже, чтобы тебе было легче ее преодолеть. Необязательно карабкаться наверх, обдирая ладони и набивая шишки, гораздо проще отыскать лаз. Пусть маленький, но при большом желании можно протиснуться и в маленькую форточку. Помни – в любой самой сложной ситуации всегда найдется выход, главное – желание его найти!

- Меня ничто и никто не держит здесь! – ответил бы я ему в надежде на переубеждение.

- А работа? Тебе еще творить и творить, какие твои годы! Ты не подумал, скольких людей сможешь излечить от недуга?

- У меня много соратников, они продолжают мое дело...

- Ты говоришь, как умирающий на баррикадах революционер! – возмутился бы он.

- Я устал жить, я устал прибавлять частицу «бы»...

- Что ты сделал, чтобы изменить свою жизнь?

- Я хотел создать семью, но не смог.

- Ты просто не хотел этого...

- Меня заставили...

- Неправда! Ты ищешь себе оправдание! Ты всегда оправдывал себя.

- Нет, я виню себя за смерть Яны и Роберты!

- Ты извини, но мне кажется, что тебе нравится эта боль. Без нее ты чувствуешь себя голым.

- Как ты можешь!

- Ты носишься с ней, как...

- Я не выставляю ее напоказ!

- Но всем своим видом показываешь – у меня горе!

- Мне не нужна жалость!

- Не знаю... Наверное, любой человек, хотя бы, раз в жизни хочет, чтобы его пожалели, даже самый сильный. Уйти легче всего, а бороться за жизнь может не каждый.

- Должно быть желание, а у меня...

- Это я уже понял, - перебил бы он и задумался. – Ты сказал, что тебя здесь ничто и никто не держит. Этого не может быть! Если один человек будет горевать и страдать, то надо жить ради него. Задумайся над моими словами...

- Роберт, тебе плохо? – Борис Лейкин сидел рядом и участливо смотрел на меня. – Может, дать лекарство? Что ты принимаешь?

- Я его выбросил!

- Но как же так... На упаковке было название? Надо сходить в аптеку и купить.
- Не было, - отмахнулся я. – И пить я ничего не стану!
- Ты ведешь себя, как Яна... в трехлетнем возрасте.
- Почему в трехлетнем? Она всегда стояла на своем, - мы с Лейкиным уставились на ее портрет.
- Не думаю, что она порадовалась твоей безвольности, - после долгого молчания сказал Борис Андреевич. – Мне кажется, тебе надо обратиться в милицию, - без перехода заметил он.
- Зачем?
- Написать заявление. На твою жизнь покушались...

Лейкин настоял, чтобы мы посетили районное отделение милиции. У меня не было сил спорить, и я безропотно, как ослик на веревочке, последовал за ним.

За стеклом с надписью «Дежурный» сидел надменно вялый лейтенант. Он неприветливо воззрился на нас, едва мы появились в поле его зрения. Сделал сосредоточенное лицо, выслушал моего тестя и направил на второй этаж в одиннадцатый кабинет к капитану Татаренко.

Мы постучали в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошли. За заваленным папками столом сидел хмурый капитан и строчил что-то на листе бумаги. Он оторвался от писанины и одарил нас убийственным взглядом. Сразу стало понятно, что дел у человека и без того выше крыши, а тут явились желающие подкинуть очередное. Я уже хотел ретироваться, но Лейкин схватил меня за руку и повел к столу. Мы расселись на шатких стульях, предложенных капитаном.

Убедительная речь Бориса мало тронула Татаренко, слушал он вполуха и все время поглядывал в окно, будто там разворачивалось самое интересное. Потом протянул лист бумаги и приказал все изложить в письменном виде.

- В одном экземпляре? – выдал я.
- Остряк! – изрек немногословный капитан и склонился над недописанным «сочинением».

Я быстро изложил суть и протянул наполовину исписанный лист Татаренко.

- Краткость – сестра таланта! – В его устах это прозвучало, как похвала. – А пульку, случайно не нашли. – Мы с Лейкиным пожали плечами. – Понятно! Может, в вас, гражданин Зепп, какой-нибудь мальчишка из рогатки пальнул, а вы сразу заявление в милицию писать. – Он отодвинул от себя папки, показывая этим, что у него работы невпроворот, но он готов нам помочь.

- Товарищ Татаренко, не могли бы вы отправить... на место происшествия своего сотрудника, который поищет пулю? Проведет, так сказать следственный эксперимент. Роберт, - Лейкин кивнул в мою сторону, - станет у окна, а криминалист просчитает полет пули и определит, в какое место на стене она могла попасть.

Капитан так взглянул на моего тестя, что я уже собрался по-быстрому откланяться, прихватив с собой настырного Бориса, чтобы не услышать затяжное пожелание в адрес слишком умных любителей, возомнивших себя профи. Мое ерзание на стуле было замечено сопровождающим. Он подбадривающее мне кивнул.

- Умные все стали! – ограничился коротким замечанием капитан, сгреб папки и придвинул к себе.

Это он так разминается, - подумал я. – Этакая зарядка для уставшего от долгого сидения милиционера.

Мы были удивлены, когда грозный капитан Татаренко внял просьбе моего тестя и отправил с нами молоденького криминалиста.

- Володя, - представился он, даже не назвав своей фамилии и звания, прихватил тяжелый чемоданчик и потрусил за нами.

- Здесь недалеко, - сказал я, с сочувствием поглядывая на тощую фигуру Володи, перекошенную под тяжестью ноши. – Может, вам помочь?
- Не надо, я привык! – весело ответил он и переложил чемоданчик из одной руки в другую.
- И давно... привыкли? – проявил интерес Лейкин, а мне на ухо с неудовольствием прошептал: Совсем еще пацан...
- Пять лет, - сказал Володя. В его устах это прозвучало, как тридцать пять...
- Да уж, - усмехнулся Борис.

Несмотря на подростковый вид, криминалист Володя оказался дотошным и грамотным специалистом, и уже через полчаса осторожно вытащил из стены с помощью пинцета пулю, которую представил нам с Лейкиным и двум соседкам, приглашенным в качестве понятых. Он рассмотрел ее с неким восторгом, произнес понятные только ему слова, из которых мы разобрали два – «экспертиза установит». Потом быстро связался с капитаном Татаренко, доложил обстановку и объявил всем присутствующим.

- Сейчас подъедет опергруппа и составит протокол.
- А сразу нельзя было? – возмутился Борис Андреевич. – Вы решили, что мы все придумали? – Володя развел руками...

Когда опергруппа во главе с капитаном Татаренко удалилась, я пригласил соседок и Лейкина выпить по чашечке кофе.

- Спасибо, Роберт, но мне пора. Верочка меня давно ждет с новостями. – Борис удалился, пообещав на днях меня навестить.
- Я собираюсь в Новороссийск, – сообщил я ему у самого выхода.
- Отлично! Я поеду с тобой, давно пора проведать мать.
- Вы теперь повсюду будете следовать за мной? На должность телохранителя я вас не приглашал.
- Какой из меня телохранитель! – отмахнулся Лейкин и быстро ретировался.

А я пригласил соседок к столу.

- Роб, я пойду, - сказала Валентина, - сейчас Митька из школы придет, надо его покормить.

Я вопросительно уставился на соседку без имени, которая была второй понятой. Теперь у нее было имя, вернее оно было всегда, но я узнал его полчаса назад, когда она подписывала протокол, а я засунул в него свой длинный нос. Янина Игнациевна Шиманская. Не Игнатъевна, а Игнациевна... Ее имя я воспринял совершенно спокойно, не Яна же она, а всего лишь Янина. Странно, что оно не отложилось в памяти при первом знакомстве. Наверное, вообще, не слушал ее. Внешне соседка была абсолютной противоположностью моей жены: блондинка с вьющимися до плеч волосами, большими голубыми глазами и обычными губами, не такими пухлыми, как у Янки. Вся она была какая-то кукольная, только кукла вышла из детсадовского возраста лет тридцать пять назад. У меня появилось желание понаклонять ее туда-сюда, чтобы послушать умеет она плакать или нет. Так всегда поступали девчонки во времена моего детства, когда играли в дочки-матери. Но эта проверка на плаксивость едва ли получится - женщина-кукла доставала мне ростом до уха, а я мужчина рослый, почти сто девяносто сантиметров.

Я надеялся, что и Янина откажется от кофе и покинет мою холостяцкую конуру, но она прошла на кухню и устроилась за столом.

- Вы давно здесь живете? – без особого интереса спросила она, чтобы разговор поддержать.
- Почти всю жизнь, если можно назвать последние двадцать лет проживанием на одном месте. – Я взялся варить кофе, сожалея при этом, что стою к соседке спиной: она может спокойно изучать меня, а я ее нет. Я расправил плечи и втянул живот, будто Янина могла заметить мои ненужные выпуклости. Мое поведение показалось мне несколько

странным: никогда раньше я не задумывался, какое впечатление произвожу на слабый пол. - У вас редкое имя.

- Обычное польское имя.

- Вы полячка?

- Мой прадед приехал в Россию до революции и так здесь и остался. Женился на русской девушке, у них родилось двое сыновей... - монотонным голосом произнесла женщина, думая о чем-то другом. - Роберт, вы меня извините, что снова возвращаюсь к неприятной теме, - стусевалась она, - но эта история меня беспокоила.

- Вы про пулю? – беззаботно спросил я без тени театральности.

- Кто-то на вас покушался...

- Ерунда! – поспешил я успокоить соседку. – Это все случайность. Может, кто-то развлекался подобным образом. Мало ли дебилов на свете.

- Эта пуля из снайперской винтовки.

- Откуда вы знаете? – опешил я. – Еще не провели экспертизу.

- Я медик, хирург, бывала в горячих точках, - призналась Янина. – И потом... я случайно услышала разговор капитана и этого мальчика криминалиста...

С ума сойти – с такой-то кукольной внешностью быть на передовой!

- Я не думаю, что кто-то нанял киллера, заплатил ему неплохие деньги, чтобы отправить на тот свет человека, которому... - начал я и осекся.

Кажется, я чересчур разговорчив сегодня. Хотел выпытать все о соседке, а сам выворачиваюсь перед ней – перед совершенно посторонним человеком. Хотя, перед посторонним это сделать гораздо легче. Но раньше я за собой такого не замечал.

- Которому что? – прицепилась Янина к последней фразе.

- Ничего! – отрезал я, разлил кофе по чашкам, сел на стул и схватил свою чашку-спасительницу, показывая, что процесс захватил меня полностью.

- Вы... серьезно больны? – не унималась экс женщина-кукла, не сводя с меня пристального взгляда. Мне ничего не оставалось делать, как кивнуть. – А диагноз? – деловито осведомилась она.

- Опухоль мозга, – бесстрастным тоном сообщил я, будто сообщал, что на завтра синоптики передали кратковременный дождь.

- Вы обследовались в Германии?

- Да, но давайте опустим эту тему, - предложил я.

- Там, конечно, лучшие специалисты, но попробуйте...

- Я не буду ничего предпринимать, - перебил я свою визави. – Давайте поговорим о вас!

- Давайте, - пришлось ей согласиться, чтобы я не указал ей на дверь. Так мне, по крайней мере, показалось. Но Шиманская была из той породы людей, которых весьма трудно уговорить сделать что-то без их желания. – Сегодня я впервые была понятой в квартире соседа, вполне приятного и разумного на вид человека, который любит свою болезнь и не желает что-либо предпринять, - задумчиво произнесла она так, словно рядом был кто-то другой, не я – не человек, в квартире которого...

- Янина, я же просил, - стукнув чашкой по блюдцу, возмутился я, не перебарщивая с эмоциями. И проговорил в пустоту, - что ж сегодня за день такой!

- День, скажем прямо, не очень. Но моим соседям стреляют из снайперской винтовки, - язвительно заметила она, ожидая моей реакции.

- Что вы говорите! – выразил я свой восторг.

- Представьте себе! - загордилась женщина, словно жила в доме знаменитостей.

Я не заметил, как фотография Яны очутилась на кухне.

- Эта девушка ваша жена?

- Это моя жена. Ее зовут... звали Яна. Ее давно нет.

Сегодня мое красноречие побило рекорд за все годы одиночества.

- Вот почему вы не держитесь за жизнь.

- Это одна из причин.

- Вы вините себя в ее смерти.

Проницательность Янины Шиманской меня не пугала. Напротив, мне импонировало, что рядом со мной человек, с которым я могу быть слегка откровенным. Но больше, чем с другими...

- Я тоже не верю в судьбу, - задумчиво высказалась Янина, когда выслушала мой рассказ о гибели жены и дочери. - Это удел слабых, - повторила она мои слова, произнесенные много лет назад.

- А как объяснить причину этой трагедии?

- Стечение обстоятельств, непрофессионализм капитанов, неслаженность команды, волнение моря, плохая видимость... Можно бесконечно перечислять причины, если вас это немного успокоит. В чем лично я сомневаюсь. Какой вопрос рождается в голове любого в тот момент, когда он слышит страшный диагноз или убийственную новость? Почему это случилось со мной? Почему это случилось с родными людьми? И причины произошедшей трагедии здесь не важны. Ужас заключается в конечном результате... Извините за сухой стиль.

- Я смутно помню, какие мысли вертелись тогда в моей голове. Я плохо соображал. - Я лукавил - подобным вопросом о Яне и Роберте я задавался всегда.

- Что вы можете изменить? - неожиданно спросила Шиманская.

- Уже ничего.

- Это вы говорите о прошлом, которое, действительно, нельзя изменить. Оно живет в нас, хотим мы этого или нет. На то оно и прошлое, чтобы пустить корни внутри нас и время от времени напоминать о себе. Но человек должен себя щадить, не размахивать своим горем перед всеми, как красным стягом.

- Я не размахиваю. Я, вообще, стараюсь не касаться больной темы. - И снова я лукавил. Мой воображаемый друг заметил, что без своей боли я чувствую себя голым. Не зря вложил в его уста свои мысли, которые посещают меня каждый раз, когда вижу сочувственные взгляды знакомых людей.

- Вам так кажется, - прочла мои мысли соседка. - Уверена, у вас бывают в жизни всплески.

- Бывают, когда я пишу картины для нуждающихся людей.

- Вы живете, чтобы писать? Или пишете для того, чтобы жить?

- Вы знаете ответ.

- Если вы думаете, что я выберу второй вариант, то глубоко ошибаетесь. И вот почему я выбираю первый вариант: вы не цепляетесь за жизнь. Вы всеми силами желаете искупить несуществующую вину перед женой и дочерью спасением чужих жизней. Одно мне непонятно: неужели все творческие силы исчерпаны? Или все люди на земле неожиданно выздоровели, и вам незачем писать картины, способные творить чудеса?

- В моем состоянии сие невозможно, - буркнул я.

- А вы прикованы к постели? - вскинула брови Янина. - Вас мучают такие боли, что хочется лезть на стену?

- Меня мучают боли, но я стараюсь держать себя в руках. Не выношу жалости! - И снова ложь! Я мечтал об этом. - И если вы хотите меня...

- К чему уговоры, если вы все для себя решили?! - отмахнулась Шиманская, насуплено глядя на меня.

- Решил, - неуверенно заявил я и с интересом посмотрел на Янину.

- Наверное, местечко на кладбище выбрали, дубовый гроб заранее приобрели. Где храните?

Вместе того, чтобы возмутиться и расстаться врагами, я невольно улыбнулся и сказал.

- Сразу видно, что вы хирург - режете по живому.

- Приходится, если лечение не дало результата.

- А до этого, вы меня пытались лечить?
- Намекаете, что попытка не удалась? Сама знаю. Но вы сами заметили, что я хирург.
- А сколько вам лет? – задал я некорректный вопрос.
- Сорок пять, - легко призналась она без кокетства.
- Никогда бы не дал, - искренне заметил я, - моей жене тоже на днях исполнилось... бы сорок пять. Вы так похожи с Яной. Не внешне. Она тоже была бескомпромиссной, прямолинейной и нефальшивой.

Мое сравнение смутило женщину-хирурга. Она взглянула на наручные часы, сказала, что ей давно пора идти, поднялась, затем снова опустилась на стул, потом снова поднялась. А я сидел и наблюдал за его прыжками. Когда она все-таки направилась в сторону прихожей, я направился за ней и спросил:

- Также ребенок должен из школы вернуться?

Я не хотел получить положительный ответ. И не потому, что меня пугало наличие у нее ребенка – к ребенку прилагался отец. Женщины, подобные Шиманской, или имели полноценную семью, или вовсе не имели семьи. В роли матери-одиночки я таких не представлял.

И еще я не хотел, чтобы она уходила. Ее присутствие играло роль чудодейственного препарата, способного договориться с непроходящей головной болью. И только ли?

- У меня нет детей. И уже нет мужа, если вас это интересует. – Последнее обстоятельство я ее явно не огорчало.

- Уже? – переспросил я, будто не понял, что Янина имела в виду.

- Мы развелись и разъехались, - сообщила она бесцветным голосом, как о чем-то совершенно незначительном. Потом окинула меня опытным взглядом. – Роберт, вы выглядите совершенно здоровым человеком. Я вам это говорю не для того, чтобы вас успокоить. Часто люди принимают за неизлечимую болезнь совершеннейшую ерунду... А мнение специалиста бывает ошибочным, - опередила меня Шиманская. – Постарайтесь не думать о своей болезни.

- Легко сказать! – скривился я. – Иногда боль бывает невыносимой.

- Что вы принимаете?

- Уже ничего! – Я ожидал, что она возьмет меня за руку и отведет в аптеку для закупки всех имеющихся препаратов, способных справиться с моей болезнью.

- И правильно! – Я обалдело уставился на дипломированного специалиста в области медицины, который удивил меня нетрадиционными способами лечения – а именно, наплевательством на организм, пораженный злокачественной опухолью. Следующая фраза дала понять, что наплевательством здесь не пахнет. – Это говорит о том, что вы сильный человек и можете исцелить себя сами.

- Каким образом? – заинтересовался я.

- Каждое утро вы должны встречать словами: Я совершенно здоров!

- Ваша фамилия Кашпировский?

- Вы зря иронизируете! - Она взялась за дверную ручку.

- Вы обиделись?

- Боже упаси! Я похожа на девицу из Смольного института, которую легко обидеть?

- На девицу – да! – развеселился я.

- Еще одно лекарство – чувство юмора. Меньше грустите, больше шутите и улыбайтесь!

Уже стоя в дверном проеме, Шиманская спросила:

- Можно я дам вам совет, так сказать, восполню пробел, допущенный нашей доблестной милицией? – Я согласно кивнул, напомним себе болванчика. – Не подходите к окнам и не отменяйте своего решения уехать в Новороссийск. – Я вопросительно взглянул на нее. - Извините, что стала невольным свидетелем вашего разговора с тем господином...

- Это Борис Лейкин, - пояснил я.

Что за дурная черта - всё объяснять - появилась у меня сегодня?..

Глава двенадцатая

Говорят, что к советам умных женщин надо прислушиваться.

Я прислушался и поехал в Новороссийск. Лейкин увязался со мной.

- Давайте возьмем с собой Райку! – предложил я.
- У нее занятия в школе! Дисциплину нарушать нельзя!
- Но мы же не в армии, - заметил я и взглянул на напряженную в ожидании дочь Бориса.
- Нельзя! – отрубил начальственным тоном отец. Мне оставалось только развести руками.
- Присматривай за ним, - попросила меня Вера, - он в последнее время за сердце хватается, а от ответов на мои вопросы о здоровье увиливает.
- Присмотрю, - успокоил ее я...

Мы заранее не предупредили Вафу о приезде, чтобы она не начала метаться и готовиться к приему гостей. Поэтому на вокзале нас никто не встречал.

На привокзальной площади мы с Борисом взяли такси и поехали к дому Спирина.

- Лев, убери локти со стола и выпрями спину! – Это первое, что мы услышали, открывая калитку. Чета Спириных – Истоминых сидела во дворе за столом и пила чай. Насупленный муж с испугом взирал на свою жену. – Не ешь столько сливочного масла, в нем полно холестерина! – Возмутилась Вафа и отодвинула от него масленку.
- Бедный Лев Александрович! – сочувственно воскликнул я.
- Робик! Боречка! – запричитала Истомина и бросилась к нам. Расцеловала нас по очереди, на ходу характеризуя мой внешний вид. – Робик, как ты похудел, но я...
- Она тебя откормит! – усмехнулся Спирин.
- Лев, не начинай! – пригрозила она мужу.
- Я не начинаю, но ты всегда хочешь его откормить!
- Я рад, что у вас все хорошо, что вы полны сил, - поиронизировал я.
- Этим и живем! – Лев Александрович протиснулся к нам, отодвинув возмущенную жену, - здравствуйте, гости дорогие! Вот радость, так радость! А где Верочка и Раечка?
- Вера работает, а Райка учится, - отозвался Лейкин.
- Не приставай с разговорами, люди с дороги, им нужен отдых! - скомандовала Вафа.
- Что за женщина! – нерешительно пошел в атаку Спирин. – Целый день меня пилит, пилит, а мне... нравится!
- То-то же! – расцвела счастливая жена.
- Перепалкой сыт не будешь! – философски заявил я. – Где блины?
- Сейчас все будет! – пообещала хозяйка и скрылась в доме.

Завтрак за разговорами плавно перетек в обед, а потом в ужин. Как мне было хорошо среди этих людей! А я еще утверждал, что никому не нужен, что ничто и никто меня не держит на этой земле...

На следующий день мы отправились на мыс Дооб.

Здесь, на мысе, я каждый раз перекручиваю в голове нашу встречу с турчанкой Марты. И каждый раз боюсь признаться, что мечтаю еще раз ее увидеть. Пусть турчанка не выступает подсказчицей судьбы, просто помолчит и посмотрит на меня своими огромными карими глазами.

- Ты хочешь побыть один? – осторожно поинтересовался Борис.
- Нет, - ответил я после некоторого раздумья.
- Мать сильно сдала, - сказал Борис, всматриваясь в глубины Цемесской бухты. Он хотел увести мои мысли подальше от трагедии.
- Но все равно она молодец, не унывает.
- В отличие от тебя, - в сердцах заявил Лейкин.

Я промолчал, затевать дискуссию у меня не было желания.

- Давайте сходим в музей! – вдруг предложил я ему.

- В музей?

- В музей–заповедник, где раньше работал Спирин.

Мне захотелось увидеть свою картину с изображением крепости Суджук–Кале, которую я подарил Льву Александровичу.

Мы остановили такси и поехали на улицу Советов, где располагался музей...

- Это твоя работа? – поинтересовался Борис Андреевич, прочитав надпись. Дескать, художник Роберт Зепп передал ее в дар музею и так далее.

- Моя, я сделал ее по заказу Спирина, - легко солгал я. Черты моего характера претерпели изменения не в лучшую сторону.

- Ты видел эту крепость своими глазами? – Лейкин в первый раз видел не только мою картину, но и слышал о крепости Суджук–Кале.

- Этой крепости давно нет, я писал картину по рассказам... историков. – Я чуть не ляпнул «очевидцев». Тайное хотело стать явным, но эта метаморфоза откладывалась на неопределенное время.

- Почему в крепости нет людей? – не отставал Лейкин.

- Я... я не успел доделать работу, Спирин убедил меня оставить ее в таком виде.

Пусть это будет фата–моргана...

Мое воображение дописывало незаконченную работу...

Я видел турчанку Марты, сидящую у постели своего обессиленного мужа в огромной казарме. Все помещение было заполнено людьми. Молодая женщина бросалась по первому зову и подносила к губам ослабленных от голода янычаров кувшин с водой. Люди умирали на ее глазах. Она смирилась с этим. Марты молила аллаха об одном, чтобы он не забирал ее мужа... Потом они остались вдвоем. Остальные ушли... Женщина не знала, откуда у нее берутся силы. Она выходила из казармы, шла к бухте и всматривалась вдаль, ожидая появления турецкого судна, которое, наконец, доставит продовольствие в крепость.

- Пожалуйста! - взывала она к морю, словно оно забирало корабли, не допуская их к берегу. – Помогите! Я не могу смотреть, как крепкий мужественный воин превращается в высохшую мумию. – Слезы текли по ее лицу. Затем Марты брала себя в руки, решительно вытирала мокрые от слез щеки и возвращалась к мужу. Позволительная минута слабости истекла.

- Что я могу сделать для тебя? – спрашивала она, наклонившись к нему.

- Посиди рядом, - просил он, еле-еле шевеля потрескавшимися губами.

Она присаживалась на край топчана и начинала вслух мечтать об их будущем. Муж закрывал глаза и слушал, она поглядывала на него, прислушивалась к его неровному дыханию. Вдруг он глубоко вздохнул и... затих. Марты замолчала и с недоумением уставилась на него, ожидая долгожданного выдоха.

- Нет, нет, нет, не может быть, - убеждала себя турчанка, отступая от лежащего на топчане мужа. – Ты спи, спи любимый, а я схожу на берег.

Она ушла от него, не поворачивая головы. Каждый шаг доставлял боль, измученное сердце разрывалось на части.

- Неужели, неужели это конец? - еле слышно спрашивала она у самой себя. Больше спросить было не у кого. Она осталась одна. Слабая женщина еще жива, а сильные турки–янычары скончались от голода.

Марты замерла на пороге: Может, стоит вернуться, лечь рядом с ним и дожидаться конца? Она будет разговаривать с ним, гладить его по лицу... Они будут вместе...

- Нет, я должна успеть уйти вместе с ним, пока его душа еще здесь. Она ждет мою душу. Они вместе улетят на небо, как два голубка...

Она поднялась на скалу, подняла глаза к небу, словно проверяла: не появилась ли душа умершего мужа?

- Я скоро, - прошептала Марты и расправила руки, как крылья. Закрыла глаза. Постояла так несколько минут и прыгнула.

Полет получился совершенно иной, не тот, который она ожидала. Тело Марты стало легким, как пушинка. Она думала, что вот- вот погрузится в море, а она поднялась ввысь. Марты открыла глаза и увидела лежащую, как на ладони, крепость. Потом окинула себя цепким взглядом и удивилась: ее душа вселилась в тело чайки.

- Недаром меня нарекли Марты... Я чайка...

Она долго летала над морем, пока не потеряла последнюю надежду отыскать душу своего любимого мужа...

- Куда теперь? – спросил Борис, вырывая меня из гипнотического сна.

Я был уверен, что это Марты погрузила меня в него, чтобы поделиться своей болью... У меня хватало своих переживаний и душевных терзаний, но я не очерствел душой, ее боль я воспринял, как свою. Только человек, потерявший самое близкое и дорогое сможет оценить и понять потерю другого. Она спросила меня тогда на мысе: «Ты все убиваешься?» Будто хотела вызвать меня на откровенный разговор, и после моего рассказа поделиться своим горем, она выбрала меня из тысячи или миллиона других людей, а я отверг ее...

Почему мы приходим к мудрости только с годами? Почему мы варимся в своем котле с наглухо задренной крышкой, не пуская к себе людей, желающих нам помочь? Это моя посуда, а там твоя... Ты не трогаешь меня, а я не лезу с разговорами к тебе...

- Роберт, ты меня слышишь?

- Теперь, да! Теперь я не буду глухим!

Я не знаю, о чем подумал Лейкин, но странности в его взгляде, устремленном на меня, я не заметил. Он приветливо улыбнулся и с видом абсолютно счастливого человека заметил:

- А не пропустить ли нам по стаканчику?

- Не – не – не откажусь! - заверил его я.

- Вот и отлично!

Мы дружным шагом покинули музей и направили стопы в ближайшее кафе...

- Ты послушай, что я тебе скажу! – призывал меня Лейкин, едва ворочая языком. – Мы должны перейти на «ты». Мы же пили за это?

- Пили, но не помню где. – Я придерживался за забор Вафы, потому что земля уходила из-под ног.

- Во втором ресторанчике, - задумчиво произнес Борис, будто место, где мы решили перейти на «ты» станет местной достопримечательностью. Надо быстренько вспомнить его название и повесить табличку с надписью: Здесь были Боря и Роберт, которые стали закадычными друзьями.

- «У Тамары»? – спросил я, вспомнив название заведения, и мутным взглядом посмотрел на приятеля.

- Точно! – подтвердил Лейкин, хватая меня за локоть.

- Тебе нельзя столько пить! – с осуждением заметил я. – Вера сказала, - я перешел на шепот, - что у тебя – сердце! – Я постучал кулаком себе по груди, предварительно оторвав руку от забора, чего категорически было нельзя делать. В результате я завалился сам и потянул за собой Бориса.

Мы расположились с комфортом на травке, прислонившись к неустойчивому забору, который прежде выглядел иначе.

- Хорошо! – протяжно констатировал Лейкин. Задрал голову вверх и признался, - так бы сидел все время и любовался звездным небом... Роб, а почему сегодня столько много звезд, и все они постоянно бегают туда-сюда?

- Бегают? – удивился я, тоже задрал голову, полюбовался звездным небом и согласился, - бегают, даже голова закружилась.
- А почему? – не отставал от меня приятель.
- Ну, у них там праздник, они танцуют, - предположил я.
- Бардак!
- Согласен! – махнул я головой, при этом клацнул зубами и чуть не прикусил язык.
- Хороши красавцы! – услышали мы голос Вафы и попытались укрыться от нее в густой траве. Безрезультатно! – Я волнуюсь, а они... небом любуются! – Из-за ее спины выглядывал Лев и с завистью взирал на нас.
- Лева, не волнуйся, - успокоил его Борис, - в следующий раз будешь третьим!
- А я четвертой! - хмыкнула мать, наклоняясь к разомлевшему от усталости сыну. – Поднимайся! – Приказала она.
- А... я? – испугался я.
- И ты тоже! – рывкнула она. – Сегодня я разбирательств устраивать не буду, а завтра.... берегитесь, голубчики!
- Вафа, ты не права! – в сердцах заявил я, становясь в позу собаки.
- За мной! – командным голосом приказала Истомина и двинулась к калитке.
- Может, лучше здесь останемся? – неуверенно предложил Борис.
- Нет, тогда нам точно завтра не сдорвовать?
- Чего?
- Сдорво... Тьфу! Сдоб – ро – вать! – по слогам выговорил я и обрадовался, что у меня это получилось, пусть не с первого раза, но получилось.
- Молодец! – похвалил меня Лейкин, передвигаясь за мной.
- Боря, не отставай! - призвал я.
- Роб, все нормально, прокладывай дорогу.
- Вафа стояла у калитки и контролировала наши перемещения. Когда мы преодолели вход во двор, она с шумом захлопнула калитку и заявила.
- Вот две раскладушки. Как чувствовала, что вас в дом пускать нельзя!
- Почему? – нестройно поинтересовались мы.
- Потому что у меня нет противогаза! – сообщила она и скрылась в доме...
- Кто-то положил мне на лоб горячую ладонь и забыл убрать. Мне самому тяжело было поднять свою руку и скинуть эту печку. Пришлось открыть глаза, чтобы изучить обстановку. Утренние лучи солнца сконцентрировались на моем лбу, будто другого места, чем моя больная голова, не нашли. Я перевернулся на бок, стараясь укрыться от палящих лучей. Старая раскладушка издала страшные скрипы и разбудила спящего по соседству Бориса. Он открыл один глаз и непонимающе уставился на меня.
- Привет, - прохрипел он. – Пить хочу.
- В смысле выпить? – Я оценил внешний вид своего приятеля и ужаснулся: неужели и я так выгляжу?
- Нет, - резко дернул головой Лейкин, - воды – ы – ы, - протянул он.
- Сейчас, - успокоил я друга и отправился на поиски живительной влаги.
- Заслышав наш разговор, во дворе нарисовалась Вафа с большим кувшином.
- Дай! – приказал я и протянул руки к источнику блаженства. Первым предложил утолить жажду приятелю.
- Ох, хорошо! - со счастливым лицом заметил Борис. Потом перевел взгляд на насупленное лицо матери и заявил, - только не надо читать нотаций Роберту, я один во всем виноват!
- Почему ты? - удивился я, отрываясь от кувшина.
- Я был инициатором!
- Я не снимаю с себя ответственности за вчерашнее поведение! – уверенно заявил я и посмотрел на молчавшую до сих пор Истому.

- Высказались? – спокойным тоном поинтересовалась она. Мы дружно кивнули. – Тогда идите завтракать!

- Нет! Только не завтракать! – хором заявили мы, снова показав свою сплоченность.

- А кофе? – Мы переглянулись и согласились.

После кофе нам стало легче, в голове немного прояснилось, и через час мы смогли плотно позавтракать. Потом нас снова потянуло в сон...

Меня разбудил звонок мобильного телефона, брошенный вчера вечером на столе во дворе дома. Пришлось вставать и идти за ним. На дисплее высветился незнакомый номер, я хотел отключить телефон и вернуться на раскладушку, но потом решил ответить.

Это была новая соседка Янина Шиманская.

- Роберт, приходили из милиции, хотели с вами побеседовать, - дoloжила она.

- Зачем? Я, вроде, все сказал...

- Я думаю, что мои предположения оправдались, и они всерьез взялись за это дело, не каждый день по людям стреляют из снайперской винтовки.

- Вы уверены в этом? – После сна голова работала с трудом, плохо воспринимались слова, произнесенный Яниной, но воображение работало, что надо: я представлял Шиманскую, стоящую с телефоном в руке, отчетливо видел ее кукольное лицо, ее руки с короткими ногтями, ее сдержанную улыбку... Нет, улыбки, скорее всего, не было, соседка говорила о серьезных вещах.

- Я разговорила молоденького милиционера, рассказала, где побывала, чтобы расположить его к себе.

- Расположили? - недовольно брякнул я.

Не обратив внимания на мой тон, Янина сказала, что в меня стреляли из снайперской винтовки Драгунова. И стрелок, видимо, был неопытен, иначе я находился бы не в Новороссийске, а в другом месте, где климат не такой благоприятный.

Я передернул плечами: ее короткий рассказ меня впечатлил и обеспокоил. Почему-то мне расхотелось опережать события и отправляться в мир иной, тем более под чьим-то руководством.

По совету той же Шиманской я стал заниматься аутотренингом: каждое утро, только не сегодня, я уверял себя, что совершенно здоров, что жизнь прекрасна и удивительна! Пока это самовнушение результатов не приносило, головная боль была постоянной, иногда невыносимой...

- Эй, вы не заснули часом? – вернула меня в реальность Янина.

- Нет, просто задумался, - с готовностью откликнулся я.

- Немудрено после таких-то новостей! – заявила Шиманская. – Я сказала, что вы уехали в Новороссийск, милиционер поинтересовался, когда вы вернетесь, но я не смогла ему ничего ответить.

- Я пока сам не знаю, - задумчиво сказал я. Мне так хорошо рядом с Вафой, что уезжать совсем не хочется. - Я вам позвоню, - пообещал я и отключился.

- У тебя проблемы? – Рядом стояла бабуля и озабоченно всматривалась в мое лицо. Я широко улыбнулся, желая показать, что моя жизнь представляет собой кружево, сплетенное из радостных и счастливых моментов.

- Все хорошо! Это раз! Я тебя обожаю! Это два! А три... когда мы будем ужинать? – поинтересовался я, проследив за почти скрывшимся за домами солнцем.

- Не юли! – Вафа усадила меня на табурет, сама опустилась на соседний стул и пронзила меня взглядом. – Робик, ты мой единственный внук! – У меня запершило в горле, к глазам подступили слезы, я склонился и положил ей голову на колени. – Что случилось, мой мальчик? Я чувствую, с тобой что-то происходит. Неведение хуже правды, я все время строю догадки. - Она гладила меня по голове, как маленького...

Когда я буду умирать, то обязательно вспомню эти минуты совершеннейшего счастья!

Я не мог рассказать ей правду, я не мог ее убить этой правдой...

- Роберт, ты должен во всем признаться! – Борис проснулся и нарушил нашу идиллию.

- Не говори в моем присутствии слово «должен», у меня на него идиосинкразия, - едва слышно произнес я и непроизвольно скривился.

- Значит, я была права, - трагическим шепотом констатировала бабуля.

- Вафа, не переживай, все нормально! – Я поднял голову с ее колен и попытался изобразить радость.

- Ты не умеешь лгать! – вздохнула она, - и мое сердце говорит совсем другое, даже не говорит, а кричит! – Последнюю фразу старушка произнесла с такой придушенной болью, словно это не она сказала, а само любящее сердце.

- Ты расскажи, а мы подумаем, как тебе помочь, - ласково попросил Борис, будто уговаривал маленького ребенка признаться, съел он упаковку таблеток или всего лишь спрятал в своих игрушках.

К нашей компании присоединился Лев Спирин. Он присел к столу и с участием взглянул на меня.

- Я так тронут вашим вниманием! – с трудом выговорил я и снова приткнул свою голову на колени Вафы.

- Не сдерживай себя, поплачь, это не признак слабости, - уговаривала она меня.

- Помнишь, как ты пришла в наш... в мой дом, - поправился я, - когда... не стало Яны и Берточки?

- Да, - нахмурилась бабуля. – Почему ты сейчас вспомнил об этом?

- Я хотел вышвырнуть тебя и налетевшую саранчу из дома, – с трудом выговорил я, будто мне в рот напихали вату.

- Я догадалась. Но я должна была так поступить ради тебя.

- Ты всегда приходишь в трудную минуту, ты чувствуешь меня, как чувствовала меня моя мать.

- Катюша была тонким и чутким человеком, - прошептала Вафа. – Нам ее очень не хватает, как и Володи, твоего отца. Но люди уходят когда-то. Я тоже уйду...

- Только после меня, твой уход я не переживу, - прошептал я, из уголка глаза выползла тягучая слеза. Вафа, несмотря на свой преклонный возраст, обладала чутким слухом.

- Даже думать не смей! – взвилась она. – Ты мальчишка совсем!

- Ты забыла, что мне сорок восемь лет! – А про себя подумал: Доживу ли я до следующей даты?

- Все, хватит! – Лейкин хлопнул себя по бедрам. – Хватит разводить антимионии! Или ты все выкладываешь, или... я сам все расскажу!

- Еще другом назывался, - нерадостно усмехнулся я, отрывая голову от бабушкиных колен. – Ладно, изложу, так сказать из первых уст, только попрошу без истерик. – Я специально говорил деловым тоном, чтобы осадить эмоции.

По мере моего рассказа лицо Вафы становилось все пунцовее и пунцовее, я испугался, что у нее случится гипертонический криз, о чем высказался незамедлительно, прервав повествование о своей болезни.

- Не дожدهшься! – отмахнулась она, - пока тебя не вылечу, на тот свет не уйду!

Мы долго обсуждали методы лечения, словно находились на конгрессе мировых светил по онкологии. Наконец, общее собрание приняло решение: я поеду в Германию, так как там лучшие специалисты и проконсультируюсь у другого врача, диагноз одного доктора вся компания поставила под сомнение.

- Франц Шуттлер - хороший специалист! – заверил я, словно он открыл метод лечения тяжелых заболеваний.

- Не думай об этом! – призвала меня Вафа. - Внушай себе, что он никчемный онколог, часто ошибается, неправильно лечит! – Она снова напомнила мне Яну. Я будто бы услышал эти слова из уст моей любимой жены.

- Хорошо, я включу это в аутогенную тренировку! – Зря я сказал про этот метод психотерапии. Истомина прицепилась, как банный лист. Пришлось ей рассказать о Янине Шиманской.
- Она симпатичная? - с лукавой улыбкой спросила она.
- Так, ничего, - пространно ответил я.
- Ну-ну! – покачала головой Вафа.
- Расскажи, как ты с ней познакомился! – призвал меня Борис, за что получил полный возмущения взгляд.
- Мы не в бане, а сегодня не тридцать первое декабря, - проскрипел я, не сводя взгляда с Лейкина.
- Причем здесь тридцать первое декабря? – не понял Спирин и с недоумением воззрился по очереди на всех троих.
- Лева, ты каждый год смотришь комедию Рязанова, - укоризненно заметила Истомина.
- «Карнавальную ночь»?
- И эту тоже, но я имею в виду «Иронию судьбы...» Помнишь, друзья каждый раз после выпитой рюмки спрашивали у Лукашина: «Расскажи, как ты с ней познакомился?»
- А-а-а, - протянул Лев и усмехнулся.
- Правда, Робик, расскажи, как ты с ней познакомился?! – повеселела Вафа.
- С кем? – удивился я, подражая герою из новогодней комедии, который произнес эту фразу после четвертой выпитой бутылки водки.
- С Шиманской! – подсказал мне Спирин.
- Я хотел продолжить пикировку фразами из фильма, но заметил серьезное лицо Лейкина. Он решил идти до конца.
- Мам, этому знакомству кое-что предшествовало... Скажем, не совсем приятные обстоятельства, - начал он. С лица бабули мигом исчезла улыбка, она вопросительно уставилась на меня.
- Это все сушая ерунда! – вяло отозвался я, зыркнул в сторону Бориса и одарил его осуждающим взглядом.
- С каких пор покушение на жизнь человека стало ерундой? – пошел в атаку Лейкин. Вафа с Левой переводили взгляд с меня на Бориса, с Бориса на меня, будто мы играли в большой теннис. – Зачем тебе звонила Шиманская? Я кое-что понял из вашего разговора, хотя, ты не отличался красноречием.
- Зачем ты пугаешь людей? – тихо, но внятно сказал я.
- Они должны быть готовы, если сюда...
- А вот об этом я не подумал. Жизнь бабушки и Льва Спирина я подвергаю опасности.
- Дети, не говорите загадками, - с легким заиканием произнесла бабуля, не дождавшись продолжения. – Робик, выкладывай все на чистоту.
- Выкладывать особо и нечего, - попытался я увильнуть.
- На жизнь нашего Роберта кто-то покушался! – не выдержал моих увильваний Борис и проследил за реакцией матери.
- Этого еще не хватало! – Вафа схватилась за сердце.
- Тебе плохо? – испугался правдолюбец Лейкин. Мы окружили женщину.
- Видишь, что ты наделал, - с укоризной произнес я. Борис пристыжено опустил голову.
- А ты думал, что она пустится в пляс от этой радостной новости? Ну, зачем все валить в одну кучу: и болезнь, и покушение...
- Может, неотложку вызвать? – спросил перепуганный Спирин.
- Не надо! – четко сказала Вафа. – Терпеть не могу медиков!
- Сама терпеть не можешь, а меня заставляешь. – Я попытался улыбнуться.
- Ты – совсем другое дело, ты еще молод, - вздохнула она. Истомина закинула под язык валидол, предложенный мужем. – Сейчас отпустит.
- Лев, дай и мне, - попросил Борис. Тот выполнил его просьбу и обратился к жене.

- Вафочка, тебе уже легче? – с надеждой в голосе поинтересовался он.
- Гораздо, - завершила его Истомина. – Я в состоянии выслушать очередное признание. Борис рассказал, как пришел ко мне, как заметил на моей щеке царапину.
- А ты сам не почувствовал боли? – перебила она сына, который хотел обратиться ко мне за продолжением.
- Почти нет, у меня голова сильно болела, по сравнению с этой болью все остальное пустяк. – Бабуля сочувственно посмотрела на меня, я наклонился и поцеловал ей руку.
- Что было дальше?
- Мы пошли в милицию... - Я быстро пересказал злоключения того дня.
- О чем тебе рассказала по телефону Янина? – спросил Борис, когда я закончил. Я снова пустился в объяснения...
- Тебе нужно срочно возвращаться в Берлин! – подвела итог нашего разговора Вафа.
- Потому я и заставил Роберта все вам рассказать! – заметил Лейкин, - хотел, чтобы он ощутил ответственность не столько за себя, сколько за близких людей.
- Прекрасный повод вытурить меня в Германию!
- Мы желаем тебе добра, - прослезилась бабушка, - там безопасно. И специалисты лучше. Серьезно начнешь воевать с болезнью, не отвлекаясь на посторонние дела.
- С чего ты взяла, что снайпер не достанет Роберта там, в Германии? – вмешался Спирин.
- Мне так кажется, - задумчиво протянула она.
- Можно перед отъездом я поужинаю? – с умильной улыбкой попросил я...

Я хотел заехать в родной город, но мои близкие настояли, чтобы я летел в Берлин через Москву. В аэропорту Вафа не сводила с меня глаз, а я прятал свои глаза от нее: боялся, что она заметит в них слезы и все поймет. Поймет, что я не стану действовать по разработанному ею плану, что не стану цепляться за жизнь, а самое главное – она догадается, что мы прощаемся навсегда.

- Робик, пожалуйста, сделай все так, как мы договаривались! Я тебя умоляю! – безостановочно шептала она. – Ради меня, ради памяти девочек. Ты же сильный, Яночка никогда бы не полюбила слабого мужчину.
- Хорошо. - Я лгал ей. В самом конце жизни я научился лгать. Правда была в следующем: я хотел к Яне. Я больше не могу без нее.
- Слушай, Роберт, я читал, что следующий чемпионат мира по хоккею пройдет в Германии, - сообщил Борис, желая отвлечь от грусти.
- Я не знал, - рассеянно сказал я. – Ты хочешь приехать?
- Мечтаю, - с радостной улыбкой произнес Лейкин.

Я понимал: вся его радость напускная, он ухватился за хоккей, как за соломинку, желая убедить меня, что в мае следующего года я буду жив и здоров. Боря просил меня, чтобы я жил... Я читал это по его глазам...

Но сие от меня не зависит. Окончательный диагноз установлен, он неутешителен, и ничего уже нельзя изменить. Жизнь катится под откос все быстрее и быстрее, скоро остановка...

После отъезда Роберта Зеппа Лейкин погостил у матери еще пару дней. Когда он собирал вещи, в комнату просочилась Вафа и присела на диван, наблюдая за действиями сына.

- Пришла меня проконтролировать? – усмехнулся он. Но старушка не отреагировала на реплику Бориса. Тот удивился отрешенности матери. – Что случилось?

- Все прекрасно, - с иронией заметила она, - если не считать, что мой внук смертельно болен и служит мишенью для наемного убийцы. Знаешь, сынок, мне очень жаль нашего мальчика, на его долю выпало столько испытаний, а мы стоим в стороне и наблюдаем.

- Мам, мы не можем заставить Роберта следовать нашим рекомендациям. Человек принял решение, он не желает бороться. – Борис сел рядом с матерью и закрыл лицо руками.

- Ты тоже догадался, что он согласился с нашим планом лишь бы не травмировать нас. – Она тяжело вздохнула. – Боря, он тебе никогда не рассказывал о турчанке Марты?

- А кто это?

- Значит, не рассказывал. - Вафа вышла из комнаты, но вскоре вернулась вместе с мужем. Они расселись рядом и переглянулись. Потом жена кивнула Спирину, словно давала разрешение начать разговор.

- Борис, я не знаю, могу ли я открыть тайну Роберта, – начал он. - Я виноват перед ним, что все выложил Варфоломее. Конечно, он рассказывал ей о турчанке, Роберт всегда делится с ней своими секретами, но кое-какие подробности известны только мне и ему.

- Лева, ты обязан это сделать! – констатировала Вафа. – Может, это наша последняя надежда.

- Но... - хотел поспорить он, но хорошо знал, что пререкаться с женой бесполезно. – Ладно, - вяло отозвался он, - я все расскажу.

Лектор, как всегда, был на высоте: он рассказал историю крепости Суджук–Кале...

- Я видел в музее картину Роберта, - обескуражено протянул Борис, выслушав историка. – Я догадался, что здесь что-то не так: он стоял перед ней в прострации, только потирал все время подбородок и вздыхал, а в глазах застыла такая боль, я даже испугался.

- Он думал о Марты. - Лев нахмурился и замолчал.

Лейкин непонимающим взглядом уставился на Спирина, ожидая продолжения, потом – на Вафу.

- Подожди, - шепотом произнесла она.

Они посидели в молчании минут десять, пока Лев не очнулся от своих дум и начал повествование...

- Я сам просил Роберта забыть турчанку. Потому что она – необыкновенная женщина, женщина – магнит, который притягивает к себе людей. Я видел ее портрет, который нарисовал наш мальчик.

- У вас он сохранился?

- Нет, я его уничтожил.

- Зачем?

- Не знаю. Наверное, я испугался за Роберта, вдруг он... заболеет ею... Хотел оборвать все нити, связывающие его с ней.

- Вы думаете, что он послушался и забыл ее?

- Не уверен, хотя, за все годы мы вспоминали Марты лишь однажды, причем инициатором был я.

- Я попросила Леву рассказать об этой девушке не просто так, - вмешалась в диалог мужчин до сих пор помалкивающая Вафа. – Я думаю, что она – единственный человек, который способен нам помочь.

- Она не человек, она призрак из прошлых веков! – в сердцах заявил Борис. – Роберт двадцать три года назад потерял жену и дочь. Мы тоже понесли утрату, но ему гораздо больнее: он был там, на теплоходе, он винит себя за смерть девочек, он выжил, а они... - Мужчина тяжело вздохнул. - Роберт казнит себя до сих пор, как бы ни скрывал это от нас. Через два года после их гибели он встречает на мысе девушку-турчанку, которая произносит некое напутствие или пожелание, называйте его, как хотите. – Он обвел взглядом притихших родственников. - Вы до сих пор не догадались, что она родилась в его воображении?

- Ты не прав, Боря, Марты несколько раз спасала людей, есть рассказы очевидцев. Я же говорил тебе, что наша сотрудница собрала на нее целое досье...
- А потом она пришла за этими материалами и потребовала отдать их, - усмехнулся Лейкин.
- Ты зря иронизируешь, сынок, - не выдержала Истомина.
- Мам, по-моему у вас массовый психоз... Я не знаю, чем он вызван, может климатическими условиями, может любовью к фантастическим рассказам, которые вы переносите в жизнь.
- Это твое право – верить нам или нет, - пожал плечами Спирин и гордо отвернулся, выказывая так свою обиду на выпад Лейкина.
- Вы не обижайтесь, признаюсь, был несколько резок, - попытался оправдаться Борис, - но слушать байки у меня нет желания. Мы должны не языками трепать, а решить, как нам вывести Роберта из этого замкнутого круга. А вы предлагаете вызвать дух Марты, девушки-чайки, и попросить послать нашему больному выздоровление. Ему надо вправить мозги, тогда он сам быстро вылечится. Пробудить интерес к жизни!
- Что ты предлагаешь? – Вафа подобралась и с готовностью посмотрела на сына, забыв недавнюю обиду.
- Пока не знаю. Но жизнь в «полусне», в котором он пребывает сейчас, не позволяет ему правильно толковать реальность. Роберт, еще при жизни Яночки, всегда был немногословен и замкнут, только она могла достучаться до него. А теперь он отгородился от всех, никого не желает слушать. Иногда хочется приблизиться к нему и проверить, не заткнул ли он уши берушами.
- Ты сам сказал: хватит болтать! Нужны действия, - с важным видом заметил Лев Александрович.
- Я кое-что вспомнила, - проницательно глядя на мужчин, произнесла Вафа, будто подозревала их в укрытии информации относительно Роберта. – Это было много лет назад. Прошло пять лет со дня гибели наших девочек. Роберт внял моим уговорам и отправился в рыбацкий поселок, оттуда вернулся совершенно другим человеком. Я долго выпытывала у него, но он отмахивался. Только спустя годы Роберт рассказал, что останавливался в Большом Утрише в одной семье, муж с женой и девочка, ровесница нашей Берточки. Уже в пятилетнем возрасте было заметно, что у нее большое будущее.
- К чему ты это говоришь? – не выдержал Борис. – В команде замена: вместо предсказательницы Марты на подмогу вызывается девочка... Ты помнишь, как ее зовут?
- Рая, - ответила Вафа, с укоризной глядя на разошедшегося сына.
- Рая? – вроде бы не поверил он.
- Эта маленькая художница напомнила ему Берточку. Роберт очень привязался к ней.
- Они больше не встречались?
- Кажется, нет. По крайней мере, мне это неизвестно. Но не так давно в его отсутствие к нему на квартиру приходила незнакомая девушка, она расспрашивала соседку о нем. Назвалась старой знакомой.
- И он уверен, что это была Рая? – деловито спросил Лейкин.
- Больше никому. Перед отъездом Роберт написал ей в альбоме свой адрес.
- Неужели ты думаешь, что маленькая девочка помнит дядю, который занимался с ней живописью и перед отъездом чиркнул адрес, пригласив в гости?
- Иногда в детской памяти остаются самые на первый взгляд незначительные события. Я думаю, что встреча с Робертом оставила след в ее душе, - философски заметила мать.
- Почему бы не поехать в рыбацкий поселок и не поговорить с ней или с ее родителями?
- Вот, старость – не радость! Совсем забыла, что наш мальчик вновь отправился туда через год, но семья девочки покинула те места, а куда они отправились, никто из соседей не знал. Роберт пытался отыскать Раю, но безуспешно.
- Ты предлагаешь заняться нам розысками девочки?

- Можно попытаться, - неуверенно предложила Вафа.
- Ты знаешь ее фамилию? Хотя, нам это ничего не даст, девочка давно выросла, вышла замуж и сменила фамилию.
- Если она ровесница Роберты, то ей двадцать три года, - пробормотала она и посмотрела на присмирившего мужа, который не вступал в их диалог. – Лева, почему ты молчишь?
- Боюсь снова попасть впросак, - пробормотал он.
- Лев Александрович, не обижайтесь на меня, - снова извинился Борис.
- Когда вы с Робертом... любовались ночным небом у нашего забора, ты обращался ко мне по имени и на «ты», – не к месту вспомнил Спирина. – Мы же родные люди, почему бы...
- Согласен перейти на «ты», - опередил его Лейкин.
- Ребята, не отвлекайтесь! – призвала раскрасневшаяся Вафа.
- Предлагаю отыскать Раю, - вставил Спирина.
- Легко сказать, - отозвался Борис и почесал затылок.
- Можно позвонить Роберту и спросить фамилию девочки. Если она ее не сменила, то у нас есть шанс, - предложила Истомина.
- А он заинтересуется, зачем нам это нужно? – заявили мужчины.
- Придумаем какую-нибудь причину...
- Какую?!
- Сразу не скажу, - рассеянно пробормотала Вафа. – А чего вы на меня оба набросились!
- Взвилась она, - сами ничего не предлагают, только критикуют!
- Успокойся, мамуля, я предлагаю следующее: двигаться в двух параллельных направлениях. Во-первых, попытаться найти Раю, предварительно наведя о ней справки у Роба, а во-вторых... - Борис попытался подобрать слова.
- Ну! – поторопили его муж с женой.
- Как вы смотрите на то, чтобы сосватать нашему Роберту невесту?
- Давно пора! – ухватилась за эту мысль Вафа.
- Я не знаю, - вставил Спирина, - он, как мне кажется, однолюб...
- Просто Роберт не встретил женщину, которая смогла бы помочь ему залечить душевную рану, - перебила мужа Истомина. – Не заменить Яночку, ее никто не заменит, но стать другом – это реально!
- Не другом, - не согласился с ней Борис. – Вернуть его к жизни может только любящая и любимая женщина. И у меня есть подходящая кандидатура!
- Ты имеешь в виду Янину Шиманскую? – догадался Спирина.
- Но почему ты решил, что Роберт клюнет на нее? – проявила интерес Вафа.
- Уверен, она не оставила его равнодушным. Я видел заинтересованный взгляд Роберта, когда он на нее смотрел. После Яны он ни на кого так не смотрел. Даже на свою вторую жену Лену. И этот звонок...
- Что звонок? – испугалась Истомина.
- У него было такое лицо...
- Какое?
- Счастливое. Он был рад этому звонку, несмотря на неприятные новости, которые сообщила ему Шиманская. – Борис еще не решил, как будет действовать, скорее всего, пойдет к этой женщине и объяснит все напрямую. Но захочет ли она помочь ему? Захочет только в том случае, если Роберт Зепп привлек ее внимание...

Вечером Лейкин собрался на вокзал. В последний момент мать решила ехать с сыном, объяснив это желанием повидаться с невесткой и внучкой. Борис не мог ей отказать и согласился.

- А я? – опомнился Спирина. – Я тоже хочу поехать с вами!

- Лева, ты останешься на хозяйстве! – скомандовала Вафа. И он смиренно согласился. – Тем более, что моя поездка будет недолгой, дней пять, не более...

Уже на пороге у Истоминой случился сердечный приступ.

- Это у нее от пережитых волнений, - констатировал перепуганный Лев.

- Сынок, я не смогу поехать с тобой, - сконфуженно призналась она.

- Ничего, мамуля, когда выздоровеешь, обязательно нас навестишь. – Борис хотел задержаться, но мать настояла на его отъезде.

- Не спорь с ней, - прошептал Спирын, - и не волнуйся, она не одна, я всегда буду рядом.

Молодая женщина-врач на «скорой» диагностировала гипертонический криз и предложила госпитализировать больную, но та наотрез отказалась.

- Дома и стены помогают, - заявила она.

Лейкин все-таки задержался на день. Матери не стало лучше, но и не стало хуже. Его присутствие только обременило больную: она все время порывалась подняться, чтобы приготовить сыночку любимые яства. Поэтому он решил на отъезд.

Напоследок Борис получил от матери наказ – встретиться с Яниной Шиманской и серьезно поговорить. Вафа забыла, что инициатива сблизить Роберта и Янину исходила от сына, пальму первенства она взяла в свои руки. Но Лейкин не стал спорить, молча, выслушал последние наставления от «знающего жизнь человека» и отбыл домой...

По приезду в Берлин я первым делом навестил семью моей сестры. Элька с интересом рассматривала меня, словно искала проявляющиеся признаки болезни.

- Ты хорошо выглядишь! – невесело заметила она, показывая тем самым, что мой внешний вид ее не радует.

Я хотел сказать, что она может не переживать, моя смерть не за горами, скоро я перестану мозолить ей глаза, но передумал: мне было неприятно разговаривать с ней, смотреть на нее. Она так ненавидела меня, что не могла это чувство держать в себе: глаза Эльки при виде меня метали молнии, рот кривился, нос еще сильнее заострялся. Мне даже казалось, что волосы на ее голове поднимаются, как у Медузы Горгоны.

Жила–была красивая морская девушка с великолепными волосами, и захотела девушка сравниться красотой с богиней Афиной. Та рассердилась и превратила ее в чудовище с волосами–змеями. Я представил себе сестру с такими волосами и остался доволен увиденным зрелищем.

Надо же как–то мстить ей. Хотя бы, мысленно.

Да, неплохой символ выбрали себе современные феминистки.

Я скользнул взглядом по сестре.

- Голова болит? – с надеждой в голосе поинтересовалась она.

Единственный родной человек на всей земле желает тебе скорейшего ухода в мир иной. Что может быть ужаснее? Ей нужно от меня только завещание, где будет четко прописано: Эльза Шуттлер получает все движимое и недвижимое имущество Роберта Зеппа. Дело в том, что этот противный братец на своем счету в банке имеет совсем незначительную сумму, а из недвижимого имущества ему принадлежит небольшая квартира в Берлине и квартира родителей в России. Есть еще автомобиль, но он не новый. Основным богатством является коллекция марок, которая, увы, достанется не Эльке, а одной русской девушке. Так что, корыстная сестрица, ничего вы не выиграете от смерти брата. Или вам важен сам факт: человек, который виноват во всех смертных грехах, должен понести заслуженное наказание!

Жаль, я не увижу физиономию Эльки, когда нотариус прочтет завещание...

Я не удостоил ее ответом и прошел в кабинет Франца.

- Роберт, поездка в Россию пошла тебе на пользу! – странным голосом заметил Франц. – Как ты себя чувствуешь?

Я смотрел на него и не мог понять: когда произошло превращение моего друга и единомышленника в совершенно постороннего человека. Мне всегда импонировал Франц, мы общались часами, не замечая, как бежит время. Я мог прийти к нему за советом, он всегда помогал мне, открыто смотрел мне в глаза. Теперь это был совершенно чужой мне человек, он прятал глаза, будто боялся, что я прочту в них его мысли. Я не знал, о чем разговаривать с ним.

Зачем я пришел сюда? – мысленно задался я вопросом, а вслух бодро сказал:

- Я чувствую себя хорошо! – И старательно подчеркнул последнее слово, желая уловить его реакцию.

- Ты пьешь лекарство, которое я тебе назначил? – Франц сидел за своим столом и перекидывал бумаги с места на место. Это занятие полностью поглотило его. Я проследил за судорожными движениями своего зятя. Мне захотелось растянуться на этом столе, прямо на исписанных листах, подставить для удобства руку под голову и заглянуть ему в глаза.

- Тайное всегда становится явным, - внятно, но не громко, изрек я, будто мне удалось расположиться на столе и прочесть в глазах бывшего приятеля скрытую тайну. Почему эта фраза вырвалась из меня, не догадываюсь. Но ее действие поразило еще больше: Франца окатили ушатом, нет, ушата бы явно не хватило, его окатили несколькими тоннами воды, сброшенными с вертолета спасательной службы. Он уставился на меня, как на пришельца с того света, и стал хватать ртом воздух. Я и интересом наблюдал за ним, не выказывая признаков беспокойства. Теперь мне хотелось бы узнать причину испуга...

- П... почему ты это сказал, - заикаясь, произнес Шуттлер, немного приходя в себя.

- Не знаю! – Я беспечно пожал плечами, - что-то навеяло. – А почему ты так перепугался?

- Я? – удивился Франц и снова уткнулся в бумаги.

- Может, мне уйти? – поинтересовался я, показывая всем видом, что не хочу мешать занятому человеку.

- Нет, что ты! – Шуттлер помотал головой. – Роберт, меня беспокоит твоя беспечность! – Голосом заботливой мачехи воскликнул он. Не матери, а мачехи, у которой вся ласка и забота исходит вовсе не от сердца, одна видимость и показуха. Игра на публику. Однако, в кабинете мы были вдвоем, не считая стоящую за дверью Эльку. Для кого играем? Для любимой жены, которая выступает режиссером жалобно-смехотворного действия?

- Не волнуйся, все идет по плану, - пространно заметил я. По какому плану? По чьему плану? Я сегодня изъясняюсь чужими подсказками, будто кто-то невидимый стоит за моей спиной и нашептывает мне на ухо.

По лицу Франца было заметно, что он не понял мою завуалированную фразу, но углубляться не стал.

- Чем ты намерен заняться? – сменил он тему, разглядывая стену за моей спиной.

Может, там и, правда, притаился кто-то? Я оглянулся: никого!

- Пока не знаю, - задумчиво протянул я.

- Тебе нужно больше работать! – призвал меня Франц, переводя взгляд на окно.

- Может быть...

- В клинику поступила молодая женщина... - Он рассказал мне историю болезни очередной пациентки, не отводя взгляда от окна, словно его собеседник не Роберт Зепп, сидящий в его кабинете, а некто, притаившийся по ту сторону окна. - Ты можешь ей помочь! – Приказным тоном закончил свой короткий рассказ Франц Шуттлер.

Я снова хотел сморозить глупость, поинтересовавшись у невидимки за окном о роде его занятий и выпытать: сможет ли он излечить больную? Ведь вся речь доктора была обращена к нему. А я так, соглядатай... Но потом подумал: после такого поведения

Франц может упечь меня в клинику для усиленного лечения, заверив всех, что моя болезнь повлияла на мои умственные способности.

- Мои картины вряд ли помогут ей. Я не в том настроении, – ляпнул я первое, что пришло в голову.

- Работа лечит, – промямлил он, обращаясь к своему визави за окном. Я приподнялся на стуле и незаметно бросил взгляд на улицу, убедился, что там никого нет, и заявил:

- Тебя, действительно, беспокоит мое душевное состояние? Ты, действительно, хочешь отвлечь меня от печальных мыслей с помощью усердной работы? Или преследуешь свою цель – стремишься как можно больше выкачать из меня, как из художника-тральфреалиста, идей?

- Роберт, ты сегодня в плохом настроении, – поставил диагноз мой лечащий врач, желая уйти от ответа.

Когда мы только создали клинику, Шуттлер жил в ней, он носился с каждым пациентом, не спал ночами, отрицательный результат воспринимал, как удар, теперь его интересовали только деньги. Любовь к моей сестре изменила психологию этого человека. Хорошо, что другие врачи клиники отличаются от него. Они, как две капли воды, напоминают прежнего Шуттлера. Благодаря их отдаче любимому делу наша клиника продолжает процветать. Нельзя забывать и о моих соратниках – художниках-тральфреалистах. Это необыкновенные люди. Жаль, что мы расстались с Валерой Фокиным. Он давно живет в Америке. Я не поддерживаю с ним связь, он обиделся на меня за Эльку. Можно подумать, что я помешал большому и светлому чувству. Мужчина искал себе отдушину и нашел ее в лице моей замужней сестры. Обоих устраивали эти ровные, основанные на сексе, отношения, но они не устраивали ее мужа и меня. Я пришел тогда к Валере и заявил:

- Я не против вашей... любви, но не забывай, что Эля замужем за моим другом. Я не хочу, чтобы вы оба унижали его. Пусть она подает на развод, ты женишься на ней. Пусть все будет по-честному...

Надо было видеть ошалевшее лицо моего однокашника. Он замотал головой:

- Нет- нет, я не хочу жениться на твоей сестре! – испуганно заявил он, словно я предложил ему взять в жены Медузу Горгону, а не собственную сестру. – У нас это не серьезно. Так, легкое увлечение.

- Если ЭТО НЕ СЕРЬЕЗНО, то я набью тебе морду вместо обманутого мужа, потому что он на такие действия не способен! – пообещал я без шума и пыли.

- Мы же с тобой друзья, – поперхнулся Фокин.

- Уже нет!

Он пообещал, что после нашего разговора расстанется с Элькой.

Через месяц, боясь нарушить клятву, он покинул Германию...

- Может, ты все же попытаешься? – прервал мои воспоминания Франц, напоминая о новой пациентке.

- Я подумаю! – Меня давили стены их дома, поэтому я решил откланяться. Шуттлер выхватил из ящика стола новую упаковку с пилюлями и протянул мне.

- Не забывай принимать! – дал мне наставления озабоченным голосом.

Я не отказал себе в желании прочесть его тайные мысли по глазам. Но передумал устраиваться на столе с удобствами. Я протянул руку, чтобы ухватить его за подбородок, но быстро ее отдернул. Догадывался, что увиденное меня окончательно добьет. Может, я возвожу напраслину на человека, он старается скрыть от меня свои переживания? Знает больше, чем рассказывает?

- Что происходит? – все-таки спросил я.

- Ты о чем?

- Я о тебе... Что ты скрываешь от меня? Диагноз свой я знаю, меня он не пугает, я не требую от тебя решительных действий...

- Я пытаюсь... помочь тебе. - Он снова рассматривал пейзаж за окном. – Кроме меня, тебе никто не сможет помочь – Последнюю фразу он произнес с нажимом, будто пытался втолковать ее мне. Но я не тупой, я давно все понял.

- Я тебе доверяю, и не буду обращаться к другим специалистам. – Я убеждал его в этом еще до отъезда в Россию. Сегодняшнее заявление снова странно подействовало на Франца: он подергался несколько раз, словно его стул подключили к электрическому току - кто-то за стенкой включил рубильник на пару минут и снова выключил. Передо мной сидел полуживой человек: по его бледно-серому лицу бежали струйки пота, остекленевший взгляд уставился в одну точку, причем даже в таком состоянии он успел от меня отвернуться.

Я хотел проверить его реакцию и поводить рукой перед лицом, как это обычно делают, но решил отдать его полуживое крупногабаритное тело жене на расправу. Она всегда найдет, к чему прицепиться.

- Элька! – Я особо не нагружал свое горло, так как упомянутая жена, как всегда, подслушивала под дверью, - иди сюда, с твоим мужем неладно.

Она тотчас появилась в кабинете и стала хлопотать возле почти бесчувственного тела моего бывшего друга...

Глава тринадцатая

Покинув дом сестры, я с комфортом расположился в своем автомобиле. Странное дело - немцы гордились своим автопромом, выпускали классные машинки, а ездили только на маленьких и экономичных. На таких транжир, как я, разъезжающих по городу на фольксвагенах «Туарег», они взирали с осуждением.

- А мне нравится! – бубнил я себе под нос каждый раз, когда замечал очередное презрение. При этом старался, чтобы разумные немцы не услышали мое бубнение и не сочли меня умалишенным.

Сейчас я сидел в любимом авто и чувствовал себя капельку счастливым.

- Интересно, что бы я предпринял, если бы мне сказали: «Через пару месяцев наступит конец света»? - вслух рассудил я, вырливая на автомагистраль. - Сидел бы дома и с ужасом ожидал этого конца? Подходил бы к окну и через малюсенькую щелочку выглядывал на улицу, наблюдая реакцию других людей? Или сам бы присоединился к бурлящей толпе, сорил бы деньгами, кутил бы до самого пришествия конца света? Познал бы то, что мне было до сей поры недоступно. Второе гораздо интереснее первого. Однако, возникает вопрос: Не было ли объявление конца света несколько преждевременным, не останусь ли я с пустыми карманами, если конец света отменят? Карнавал прощания закончится, я оглянусь вокруг и пойму: все люди вернулись к повседневной жизни, они заняты делом. Один я так привык к развлечениям и ничегонеделанью, что уже не могу вернуться в ту жизнь. Надо трудиться, а я забыл, кем был и что умел, на праздное времяпровождение у меня нет денежек. Вывод? Надо быть уверенным, что конец света, действительно, наступит, а то можно остаться ни с чем! Наверное, я пускаюсь в крайности. Но возможен еще один вариант: достойно встретить конец света. Понятно, что я подразумеваю под концом света. А что значит, достойно? Надо работать и параллельно с этим не отказывать себе в удовольствиях. Пьянки-гулянки я не уважаю, значит, они не могут относиться к моим удовольствиям. Их можно заменить подарками самому себе! Чем же порадовать себя?

Этот вопрос так озадачил меня, что я не смог вести автомобиль и приткнулся возле чужого дома. Я окинул строение взглядом и понял, чего мне не хватает для полного счастья - своего дома! Он же крепость, он же моя мастерская, где я смогу отвлечься от суеты большого города и погрузиться в творчество.

Желание обзавестись недвижимостью было так сильно, что я решил не откладывать покупку в долгий ящик и позвонил одному знакомому, который недавно обращался в агентство недвижимости. Он поделился радостью:

- Роберт, я живу в новой квартире! Она на окраине Берлина, но до центра можно добраться за тридцать пять минут.

Я стал расспрашивать об агентстве, где была совершена сделка. Знакомый долго пел дифирамбы о нем, под конец назвал адрес, по которому это агентство располагалось.

Я отправился на Ранкештрассе...

- Роберт Зепп, теперь вы владелец этого великолепия! – Разговоры с самим собой стали привычными.

Я стоял перед аккуратным двухэтажным строением и любовался им. Добротный кирпичный дом встречал меня настороженно, словно оценивал нового хозяина.

- Привет, - сказал я и помахал рукой. – Надеюсь, что за то недолгое время, которое нам суждено провести вместе, мы подружимся.

Дом блеснул глазками–окнами и замер в ожидании. Я переступил порог и окинул взглядом первый этаж. Здесь находились большой зал, кухня–столовая и хозяйственная комната.

- Не слишком ли много пространства для одинокого мужчины? – спросил я у дома. Зажмурился и представил рядом с собой Яну и Берточку. Я держал обеих за руки, а они с восторгом осматривали новое приобретение мужа и отца. Мою голову сдавила такая боль, что я покачнулся и поспешил открыть глаза. Все было по–прежнему: в большие окна заглядывало любопытное солнце, а рядом никого не было. – И уже не будет! – Громко заявил я. На ум сразу пришла Шиманская. Интересно, понравился бы ей этот дом? – Мысленно задался я вопросом. – Не думаю, что у нас могло что-то получиться! – с вызовом объявил я дому, надеясь уловить подтверждение или отрицание моих слов. Новое пристанище осталось глухо: ему было без разницы, будет ли здесь жить полноценная семья или только одинокий художник. – Да-да, между нами огромная разница: Янина такая приземленная, а я – человек творческий, - отчаянно закивал я, пытаюсь себя убедить в первоначальном заявлении. - Но Янка тоже была человеком обычной профессии. Инженер. Однако мы находили общий язык. Главное - взаимопонимание между людьми! – Попытался доказать я дому. - Я не сказал «любовь», для меня эта тема – табу. Взаимопонимание!

Я поймал себя на мысли, что допускаю присутствие рядом с собой другой женщины. Не любой женщины из толпы, а именно Янины Шиманской. Но захочет ли она этого? Тем более, что Янина знает о моей болезни. Еще посчитает, что я нуждаюсь в сиделке.

За размышлениями я не заметил, как поднялся на второй этаж. Я поочередно заглянул во все четыре комнаты, расположенные здесь, словно хотел найти еще одно живое существо. Дом был пуст. Я сразу выбрал себе спальню: это была очень светлая комната, выходящая окнами на восток. Я люблю просыпаться с восходом солнца, оно заряжает меня. Вид из окна был великолепный: на приусадебном участке росло множество лиственных деревьев и кустарников. От бывших хозяев остались странного вида скульптуры, которые не радовали глаз художника. Но я уже договорился и их должны вывести с моего участка.

Вдали, чуть левее окна, виднелся общественный парк и небольшое озеро. Когда мне наскучит одиночество, я смогу прогуляться по парку, постоять возле воды, посидеть на скамейке, уединиться не с самим собой, а с природой.

Я проследовал в другую комнату, которую отвел под мастерскую. Здесь уже было все готово к работе...

Я взял в руки кисть и сразу вспомнил рассказ Франца о женщине со страшным диагнозом. Рука сама потянулась к холсту и стала создавать картину–лекаря для очередного пациента артклиники. Головная боль незаметно отступила...

Картина родилась за несколько часов...

Больной дельфин едва держится на плаву. Это замечают двое его сородичей, они подхватывают его и удерживают на поверхности воды, предоставляя ему возможность дышать...

Я назвал новое творение «Помощь друзьям»...

Через день я снова погрузился в работу. Теперь это был портрет женщины. Не придуманный образ, а портрет знакомого мне человека. Эту картину я писал для себя, она будет моим лекарем.

- Вафа, ты была бы очень рада, увидев меня за работой. Я не только лечу своими работами других людей, но и взялся за себя. – Я представил лицо своей бабули: она улыбалась мне и ободряюще кивала головой. – Мне бы очень хотелось познакомить тебя с этой женщиной. Когда-то давно ты сказала, что я со временем создам новую семью, а я возмутился такому заявлению, а теперь... вполне допускаю. Даже если бы пред моими очами явилась Марты и стала бы меня уверять, что новый брак приблизит мою кончину, я не стал бы прислушиваться к ее мнению... Можно подумать, раньше ловил ее советы на лету и бежал вприпрыжку, чтобы претворить их в жизнь! Теперь, находясь в ожидании собственного конца света, мне вдруг захотелось, чтобы рядом со мной появился близкий человек. Не для того, чтобы ухаживать за мной. Пока я, слава Богу, передвигаюсь на своих двоих, а когда наступит начало конца, то я решу этот вопрос в одно мгновение. Я не допущу, чтобы в таком состоянии меня видела Янина Шиманская.

Вышедший из-под кисти художника–тральфреалиста портрет Янины навевал воспоминания о лете. Сейчас я объясню, почему...

Это была не женщина–врач в эпоху соцреализма, это была англичанка в период правления короля Генриха XIII. Я выпрямил ее вьющиеся волосы, сделал прическу гладкой, зализанной, чтобы ничего не отвлекло от ее огромных голубых, как чистое небо, глаз. На ней было платье приглушенно–розового оттенка. Я выбрал именно этот цвет, потому что он более мягок и невинен, он более тонок и созерцателен, чем другие. Розовый цвет успокаивает и дает надежду.

Главной особенностью этого платья был стояче-отложной воротник из... полевых цветов. В нем преобладали ромашки и васильки. Все уверены, что название василька говорит о его цвете. А вот и нет! Луговые васильки малинового цвета, фригийские – фиолетово–малиновые, а в Западной Сибири растут двухметровые васильки желтого цвета. Бывают еще белые и черные, но от последних я решил отказаться. Черный цвет не должен присутствовать в картинах–лекарях.

Воротник платья получился великолепным, его хотелось рассматривать и рассматривать, любоваться искусно выложенным орнаментом.

В довершении я украсил шею женщины бусами из розового кварца. Не знаю, носили ли их модницы во времена Генриха XIII, но думаю, они не обидятся на меня за эту вольность. Я не случайно выбрал этот камень, он для тех, кто потерял радость жизни и надеется ее вернуть, он врачует душевные раны и настраивает на любовь.

- Настраивает на любовь? – задумчиво протянул я и смутился, при этом крепко сжал кисть руками, будто удерживал ее от изменений на холсте. – Мне это нужно? Наверное, да, раз я выбрал именно такие бусы.

Янина Шиманская вопросительно посмотрела на меня, ожидая ответа без ноток сомнений.

- Уже поздно... - невнятно промямлил я, - уже все поздно...

Перед серьезным разговором с Шиманской Борис Лейкин решил посоветоваться с женой. Он долго объяснял, кто она такая и почему выбор пал на нее.

- Если Роберт серьезно болен, то не думаю, что он захочет... общаться с малознакомой женщиной, – предположила Вера, терпеливо выслушав сбивчивый рассказ мужа.

- Но Роберт так на нее смотрел! Вот я и подумал: кто, кроме нее?!

- Эй, знаток в лямурах, ну-ка, рассказывай, как он на нее смотрел? – спросила она и хитро взглянула на супруга.

- Заинтересованно и мечтательно! – выдал тот.

- Допустим, Роберта привлекла эта женщина, но с чего ты взял, что она захочет выслушать твои предложения? Может, у нее этих поклонников вагон и маленькая тележка... Зачем ей человек, который... - Вера прикусила язык.

- Ну, продолжай! Что же ты замолчала? – Лейкин насупился.

- Боря, надо смотреть правде в глаза: Роберт не гриппом заболел, у него онкологическое заболевание. И почему вы вбили себе в головы, что он... Прости, я что-то не то болтаю.

- Совсем не то! – обидчиво бросил Боря. - Могу наговорить кучу банальностей, типа, надежда умирает последней, нельзя складывать руки и так далее. Я не собираюсь тебя переубедить. На своем месте ты считаешь так, не приведи Господь, переместишься на другое место, переосмыслишь избитые истины, увидишь их в другом свете. И решишь для себя – хочешь бороться или нет? Все зависит от желания. Но желание обязано появиться, огромное жгучее сумасшедшее желание выкарабкаться. Ради себя, ради дорогих тебе людей. В Новороссийске мы долго обрабатывали Роберта, но в успехе я не уверен. Ради нас, даже ради моей матери, к которой он особо привязан, потому что она напоминает ему Яночку, он не готов бороться. Хорошо, что руки на себя не наложил.

- Думаешь, Роберт был готов к подобному выходу?

- Я прочел это у него на лице, когда пришел к нему домой. Он так долго не открывал дверь, что я заподозрил неладное. А когда открыл, был похож на человека, который не просто смирился с близким концом, а раздумывает, как бы его приблизит.

- Ужас какой! – Вера приложила ладони к щекам и покачала головой. – Но что же делать?

- Я же тебе говорю...

- Боря! Я не верю в подобные чудеса! Хоть, убей меня, не верю! Надо идти проверенным путем. Найти онколога высокого класса, который сможет сделать операцию по удалению опухоли. Потом Роберту придется пройти химиотерапию, но если все сделать вовремя, то успех гарантирован.

- Он никогда не ляжет под нож хирурга! И знаешь, почему? Он не верит, что операция его спасет. А если человек не верит, то ему, действительно, нет смысла соглашаться на это. Вера – на ней все основано. И я должен ему помочь приобрести эту веру! Пусть это звучит высокопарно.

- Сосватав невесту, которую Роберт видел пару раз? Абсурд! – Она заметила расстроенное лицо мужа и попыталась смягчить тон и успокоить его. – Поступай, как решил. Надо верить в чудеса.

- Конечно! – повеселел Борис. – Ни один скальпель хирурга так не поможет, как поддержка дорогого человека...

Пару дней Лейкин собирался с силами. Первый раз на его долю выпала подобная миссия. Он мысленно обозвал себя сводником по необходимости, вырядился в парадно-выходной костюм и предстал пред светлые очи жены.

- Боря, ты часом не сам собрался жениться? – озаботилась Вера. – К чему такое преобразование?

- Иду сватать друга без его желания, - сконфуженно пояснил он. Смахнул с костюма невидимую пылинку и спросил, - Вер, думаешь, я выгляжу чересчур... вызывающе?

- Иди уже, сваха! – Жена развернула его на сто восемьдесят градусов и вытолкнула из квартиры.

Борис постоял несколько минут у своей собственной двери, раздумывая, не вернуться ли назад и переодеться в повседневную одежду без вызывающего пафоса? А еще лучше, вообще, нацепить спортивные штаны и футболку, сесть перед телевизором и смотреть любимый хоккей, отложить визит к Шиманской, допустим, на завтра. Потом на послезавтра. А дорогое время уходит. Так можно и опоздать.

- Да, что ж такое! – взревел Лейкин на весь подъезд, - все раздумываю, теряюсь, репетирую... Довольно!

И решительный шагом стал спускаться по лестнице.

На боевом посту, как обычно, сидела баба Мара. Она окинула Лейкина прищуренным настороженным взглядом, вначале не узнав его, а потом расплылась в улыбке.

- Боря, здравствуй! Ты чего пришел? Робка ведь давно уехал.

- Здравствуйте баба Мара, - вежливо поприветствовал он любопытную старушку. – Пришел квартиру проверить.

- А чего ее проверять, Валька почти каждый день заходит.

- Каждый день говорите, - задумчиво сказал он и посмотрел на подъезд Роберта. – А Валентина дома?

- Дома, а она тебе зачем? – Глаза бабы Мары загорелись в ожидании сенсационного заявления.

- Роберт одну вещьцу найти не может, позвонил мне и попросил в квартире поискать. – Борис кивнул в сторону окон квартиры Зеппа. – Может, соседка убиралась и нашла...

- Что за вещьца? – Навострила ушки любознательная особа.

- Ч... - Борис хотел ляпнуть: Черт его знает! Но вовремя опомнился. Куда меня занесло?

– Подумал он, параллельно обругав себя за несообразительность: Теперь старушка из меня клещами будет правду вытаскивать. – Баба Мара, а не приходила к Роберту девушка? – Загадочным голосом поинтересовался он, увликая от допроса.

- Приходила, я же ему рассказывала.

- Про тот визит я знаю, а больше она не появлялась?

- Нет! – без сомнения в голосе ответила баба Мара.

- Может, вы ее пропустили?

- Я же тебе говорю – нет! Я поштишто всегда на посту!

- Но могла эта девушка, допустим, прийти, когда вы пошли... обедать?

- Старая я совсем, аппетита нет...

- Она могла прийти рано утром или поздно вечером, желая застать хозяина, - Борис не знал сам, куда он клонит, но внутреннее чутье подсказывало, что направление он выбрал правильное.

- Это возможно, - согласилась старушка после недолгого раздумья.

- У кого мне узнать об этой девушке?

- У соседей! – подсказала она. – У той же Вальки или у новой, у врачихи! Я думаю, если девица приходила и не застала Робку, то, скорее всего, позвонила к одной из них. Так что тебе, парень, надо у них поспрашивать!

А Бориска–молодец! – мысленно пропел Лейкин оду в свою честь, а вслух поблагодарил бабу Мару за подсказку. Сам бы они никогда бы не додумался.

- А то! – с чувством собственного достоинства подтвердила она.

Борис шустро направился к нужному подъезду. Спешил не зря - вдогонку старушка снова поинтересовалась пропавшей вещьцей, но он сделал вид, что не слышит.

- Вот женщина, - прошептал он, - легче попасть в тыл врага, чем проскользнуть мимо бдительной бабы Мары.

На звонок никто не отреагировал, несмотря на то, что время было вечернее, и Лейкин рассчитывал застать Шиманскую дома.

Может, у нее дежурство, - подумал он. – Что же теперь делать: уйти или подождать ее в квартире Роберта? Если я уйду, то вернусь ли снова для серьезного разговора, к которому готовился несколько дней? Нет, надо ее дожидаться!

Борис достал ключ от квартиры Зеппа и вставил его в замочную скважину, но даже не успел провернуть, когда услышал легкие шаги. Почему-то он был уверен, что на лестнице шелестит та, которая ему так нужна. Мужчина сделал вид, что усердно ковыряется в замке и его никто не интересуется.

- Роберт?! - радостно воскликнула женщина за его спиной. Лейкин, нехотя, повернулся. - Ой, простите, я обозналась. Перепутала вас с соседом. – Огонь в ее глазах резко погас. – А вы...

- Добрый вечер, - вежливо поздоровался он.

- Добрый, а вы...

- Я родственник Роберта. А мы с вами уже встречались. Вы были понятой...

- Не самые приятные воспоминания, - покачала головой Янина. Борис согласился с ней. – Есть новости? Или следствие, как обычно бывает, зашло в тупик?

Лейкин напустил таинственности.

- Давайте пройдем в квартиру и поговорим.

Он распахнул дверь, но женщина заходить не спешила.

- Может, лучше ко мне! Как-то неудобно без хозяина...

- Хорошо, - быстро согласился Борис, закрыл дверь и последовал за Яниной в соседнюю квартиру.

Они прошли на кухню, женщина начала накрывать на стол. Лейкин следил за ней. Она автоматически резала сыр, колбасу, разливала чай, но сама была где-то далеко, точно не на своей собственной кухне. Оценив взглядом накрытый стол, она пристроилась на стул и, наконец, обратила внимание на гостя.

- Янина, мне нужно с вами серьезно поговорить.

- Вы извините меня...

- Борис Андреевич, - подсказал Лейкин.

- Борис Андреевич, я очень устала, у меня сегодня было три операции. Так что к серьезным разговорам я не готова.

Лейкину захотелось улизнуть, благо и предлог появился. Но он остался на своем месте, взял в руки чашку и отхлебнул горячий чай. Осторожно вернув чашку на блюдце, он спросил.

- Вас перестало интересовать следствие по делу о покушении?

- Вовсе нет. Но мне показалось, вы хотите поговорить не об этом.

- Вы проницательны. И не думайте, что я пришел по просьбе Роберта. Он ничего не знает о моем визите к вам.

- Даже так? - вскинула брови женщина. – А Роберт не будет против наших разговоров за его спиной? - Когда женщина произносила имя Зеппа, ее голос дрогнул. Лейкину показалось, что упоминаемая личность оставила след в ее душе. По крайней мере, ему этого очень хотелось. – Кстати, как он себя чувствует? – искусственно незаинтересованным голосом спросила она.

- Роберт никогда не жалуется, но по нему заметно, что головные боли его сильно беспокоят: он часто потирает виски, не замечая этого, или тихонько постанывает, когда погружается в свои мысли и забывает, что рядом кто-то есть. Я... беспокоюсь за него. А тут еще покушение! Кому может мешать такой спокойный и неконфликтный человек, как Роберт?

- Я так понимаю, что он небеден, а у таких людей всегда есть недоброжелатели. Он мог кому-то помешать.

- Кому может помешать художник? Заказчику, которому не понравился портрет? Так Роберт отказался от заказов. Он полностью посвятил себя написанию картин, способных

излечить больного человека. Не будет Роберта, не будет картин, артклиника придет в упадок. Конечно, на нее работает несколько художников, но таких талантливых, как Зепп, нет! Его картины дают удивительный эффект выздоровления. Пациенты клиники клюют на его имя, как на имя знаменитого доктора, потому что слухами земля полнится: помог одному, другому, те рассказали следующим.

- Я почти уверена, что сто процентного результата нет, как и при традиционных методах лечения. Кому-то картины Роберта не помогли. Человек скончался, а его родные решили, что только упустили драгоценное время. Кто виноват? Художник! Не было бы художника, не было картин, никто бы не уговаривал больного лечить болячки новомодным способом.

- Этот способ далеко не новомоден. В России не распространен, а в Европе и в Америке применяют достаточно давно.

- Хорошо, допустим, никто из родственников почивших пациентов на жизнь художника не покушался, тогда кто на него покушался? Вы были у того сердитого капитана, который приезжал сюда?

- Был. Капитан Татаренко сказал, что единственный свидетель - это наша дорогая баба Мара, которой сто лет в обед, поэтому ее показания сомнительны. Я уверял, что у нее зрение, дай бог каждому, хоть, она и уверяет, что плохо видит, плохо слышит...

- И ее наблюдательности любой позавидует, - подсказала Шиманская. - А что она видела?

- Капитан спросил, незнаком ли мне косолапый тучный человек высокого роста? У меня таких знакомых нет. Я позвонил Роберту. Все рассказал. Он заверил, что тоже не знает, кто это может быть, хотя зрительная память у него, как у любого художника-портретиста, великолепная.

- А возраст?

- Баба Мара видела его со спины, она утверждает, что из-за полноты и неуклюжести ему можно дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят... Она в тот день заступила на свой пост раньше, чем обычно, и сразу обратила внимание на незнакомца, который уже покидал двор. Если бы она вышла в свое время, то он успел бы уйти незамеченным. Баба Мара заявила, что за ней следили, изучили ее расписание, чтобы не попасть ей на глаза. «Убивец» выбрал самое подходящее время: жители домов отправились на работу, ученики в школу, а домохозяйки еще заняты домашними делами, им не прогулок.

- А почему Татаренко решил, что этот косолапый имеет отношение к покушению на Роберта?

- Он очень спешил...

- Может, человек на работу торопился?

- Он - чужак, наш наблюдатель здесь всех знает. Это первое, а второе - он нес в руках непонятный предмет, похожий на футляр для гитары.

- Если у него в руках была СВД, то футляр для нее должен быть не менее метра тридцати, - задумчиво сказала Янина.

- Вы имеете в виду снайперскую винтовку Драгунова?

- Да, именно, ее. Длина винтовки составляет где-то метр двадцать... Для гитары многовато...

- Баба Мара утверждала, что предмет похож на футляр, а там, пойдешь, разберешься, что было у него в руках. Но самое главное - на чердаке дома, расположенного напротив вашего, были обнаружены гильзы от СВД.

- Неужели вам этот человек незнаком!? - не поверила Шиманская с таким возмущением, что Лейкин решил, что она его подозревает в организации покушения на Роберта Зеппа. - Постарайтесь вспомнить! - Она вскочила и забежала по кухне, забыв о трех операциях, проведенных ею. Ее глаза метали молнии.

- Я пытался, но никто на ум не приходит.

- Борис Андреевич, кто, кроме вас, знает окружение Роберта?! – вновь призвала она, еще немного помаячила перед гостем, вернулась на свое место, подперла подбородок рукой и обреченно заметила, - пока этого убийцу не найдут, Роберт не сможет вернуться в Россию. Хотя, почему я так решила? Убийца может достать его и в Германии.

- Моя мать утверждает, что в Германии ему ничего не грозит, - добавил Лейкин и пожал плечами, будто сомневался в ее словах.

- Может быть, - согласилась Шиманская. – Но все равно, нельзя сидеть, сложа руки!

- Я не сижу, - начал оправдываться Борис. – Вот, к вам пришел... за помощью. – Наконец, он перешел к основному вопросу повестки дня.

- Ко мне? - недоуменно спросила женщина. - Чем я могу помочь? Злодея я не видела, в число близких друзей не вхожу. У меня и с Робертом шапочное знакомство. – Последнюю фразу она произнесла с явным сожалением. Лейкин сразу ухватился за нее.

- Янина, покушение меня беспокоит, но я больше думаю о болезни Роберта. О его сложном душевном состоянии, - начала он издали подбираться к своему предложению. Действительно, не спрашивать же в лоб: «Вы хотели бы поближе познакомиться с моим другом?» Этак можно услышать нелюбезное пожелание в свой адрес. Тогда о Шиманской можно забыть и вплотную заняться поисками девочки Раи - бывшей жительнице поселка Большой Утриш, к которой так привязался Роберт. Рая, Раечка, где тебя искать?!

- Борис Андреевич, говорите прямо: что вам от меня нужно?

- Я хочу, что вы поехали в Берлин, - мило улыбнулся Лейкин.

- С какой стати мне туда ехать, меня там никто не ждет, - грустно заметила она.

- Вы ошибаетесь! Вас там очень ждет один больной человек, потерявший надежду на выздоровление.

- Не думаю, - вздохнула Янина, - этот человек принял решение, и никто его не переубедит. Если он не прислушивается к вашему мнению, то на мое ему, тем более, наплевать.

- Вы – единственный человек, который способен помочь Роберту! Я в этом уверен.

- Почему?

- Потому что... - Борис замялся. Не говорить же ей о заинтересованном и мечтательном взгляде Зеппа, которым он смотрел на нее.

- Почему? – не отставала догадливая женщина.

- Я... Моя дочь была замужем за Робертом. Она и моя внучка погибли... Вы слышали эту трагическую историю? – Янина кивнула. – Роберт очень ее любил. Прошло много лет, а он... живет по инерции. Ест, спит, разговаривает, редко веселиться, больше грустит, мечтает. По-настоящему возвращается к жизни, когда занят любимым делом, и когда его произведения искусства творят чудеса. В эти минуты это прежний Роберт. А недавно я заметил подобное состояние в повседневной жизни. Он разговаривал с вами, Янина. Мне показалось, что тогда он захотел жить. Сейчас вас нет с ним рядом, неизвестно, какие мысли взбредут в его больную голову... Надеюсь, я вас убедил. Я вы убедите Роберта! Он начнет вести борьбу со своей болезнью, пусть затяжную, но при нашем участии, он ее победит.

Янина так внимательно смотрела на Лейкина, будто у него неожиданно появились увечья, над которыми ей придется потрудиться.

- Если он вам безразличен, то я прошу прощения за свою назойливость, - пробормотал он. Хотел уйти, но пока не спешил. Женщина еще ничего не сказала.

- Впервые вижу, чтобы тесть сватал невесту зятю, - неожиданно заявила Шиманская.

- Бывшему зятю, - подсказал Борис. – Роберт мне не просто зять, он мне, как сын, как друг, он мне... родной человек. Моя мать считает его внуком...

- Вы все время упоминаете в разговоре маму, она, наверное, очень мудрый человек?

- Не то слово, она понимающий человек, Роберт ее обожает. Нам пришлось рассказать ей о болезни нашего мальчика. Сначала она испугалась, но потом взяла себя в руки и начала предлагать разные пути выхода... из этой ситуации.
- Это ее идея – отправить меня в Берлин?
- Это наше коллегиальное решение...
- А Роберт в курсе?
- Нет, что вы! - замахал Борис руками, но тут же опомнился, - но я точно знаю, что он будет только рад.
- Я разговаривала с Робертом. Мне показалось, я не смогла его переубедить.
- Вам показалось. Надо действовать иначе. Меньше разговоров, больше действий.
- Каких действий?
- Разных, - уклонился от прямого ответа Лейкин.
- Вы предлагаете мне... залезть к нему в постель?! - задохнулась от завуалированного нескромного предложения Шиманская.
- Я не предлагаю вам стать его любовницей, - пошел на попятный Борис. – Я хочу, чтобы вы помогли Роберту, разбудили в нем чувство, которое вернет ему радость жизни! Он заинтересовался вами, значит, у нас всех появился шанс...
- Знаете разницу между любовницей и любимой женщиной? – вдруг спросила Шиманская.
- Вроде, однокоренные слова, но между ними пропасть. У меня есть подруга, которая много лет встречается с женатым мужчиной. Она утверждает, что он приходит к ней, когда у него все хорошо, так сказать, чтобы закрепить успех на работе победами на личном фронте. А когда у него проблемы, он бежит к жене, потому что только она поймет его, пожалеет, приголубит, уложит в постельку и будет сидеть рядом и успокаивать.
- Какой вариант вас устраивает больше? – хриплым голосом поинтересовался Борис.
- Оба, - не задумываясь, ответила Янина.
- Роберт – закрытый человек, он не привык жаловаться... Когда они жили с Яночкой, он и тогда был неразговорчив, но она умела читать по его глазам, она понимала Роберта, как никто другой. Она чувствовала его. Поэтому он до сих пор любит Яну. Но это не значит, что его сердце навсегда закрыто, - быстро поправился Лейкин.
- Я постараюсь... - Шиманская похлопала Бориса по руке, – вы замечательный друг! Даже завидно, что у меня такого нет.
- Если вы захотите, я стану и вашим другом тоже!
- И познакомите меня со своей мудрой мамой?
- Обязательно!
- Знаете, Борис Андреевич, я могу поехать в Берлин только через месяц... У меня плановые операции, которые я не могу отложить.
- Вы думаете, время терпит?
- А чем Роберт сейчас занят? - спросила она, не отвечая на поставленный вопрос.
- Слава богу, он погрузился в работу, пишет картины для больных артклиники.
- Это прекрасно! Время терпит, если человек находит силы заниматься любимым делом... Значит, через месяц я увижу Роберта! – мечтательно протянула она. – Но как я объясню свой приезд в Германию?
- Придумайте причину. Например, скажите, что в Берлине проходит съезд хирургов и вас пригласили участвовать в нем.
- Европейский конгресс или симпозиум, - подсказала Янина.
- Только вы с ним обращайтесь, как с хрустальной статуэткой: бережно и осторожно, - попросил Лейкин. - Одно неосторожное слово, и он может захлопнуться в своей раковине. Для начала вы должны стать ему другом, не показывайте, что он вам симпатичен. Просто ровные доверительные отношения.

- Только что вы призывали меня... не только разговоры разговаривать, - усмехнулась Янина, - а теперь хотите, чтобы я была осторожной. Так какой мне быть в отношениях с вашим другом?

- Настойчивой и острожной. Маленькими шажками подбираться в границе, которую он обозначил. Почувствуйте, где эта граница! Подойдите к самому краю и ждите, пока он не проявит инициативу. А когда он сам переступит через границу, вам и карты в руки! И обязательно позвоните ему накануне отъезда. Попросите встретить вас, объясните это незнанием языка или тем, что вы не знаете Берлин.

- Я знаю Берлин и отлично говорю по-немецки! И если я еду на симпозиум, то меня обязана встречать принимающая сторона.

- Думаю, Роберту такие тонкости неизвестны. – Какое-то время Борис молчал, потом выдал, - нет, лучше не нужно ему звонить, плести о незнании языка. Не надо начинать отношения со лжи, Роберт этого не выносит. Кстати, никогда не употребляйте в его присутствии слово «должен»...

- Я учту все ваши пожелания, - серьезно сказала Шиманская. – Но я ему все-таки позвоню перед вылетом. Хочу проверить его реакцию...

Месяц тянулся, как год. Лейкин не находил себе места, он каждый день звонил в Берлин и вел долгие разговоры «за жизнь». Настроение Зеппа его радовало, но Борис не видел друга, только слышал его голос, которому тот мог придать веселую тональность, чтобы успокоить и усыпить бдительность.

Лейкин рассказывал о матери, окончательно оправившейся от болезни, которая горела желанием увидеть внучку. Раньше сына обижало ее безразличие к Рае. Догадывался, что бешеная любовь к Яне не может перейти «по наследству» к другой внучке. Теперь она вдруг вспомнила о ней. Роберт был в курсе, поэтому высказался:

- Мне кажется, Вафа что-то скрывает!

- Да, ее настойчивость выглядит подозрительной! - согласился с ним Борис.

- Она говорит только о Райке?

- О Верочке тоже говорит, но вскользь. Еще вспоминает какую-то подругу детства, с которой неплохо бы повидаться.

- Что за подруга?

- Моя мать давно пережила всех своих подруг. Пусть живет еще много лет!

- Не спорь с ней.

- Я не спорю. С ней разве поспоришь?! Сам знаешь, в ее возрасте и при ее болезнях лучше не менять климат.

- Вылитая Янка. Или Янка вылитая бабуля! – усмехнулся Роберт. – Если что надумает, ее не переубедишь. Слушай, Боря, ты не спускай с нее глаз, что-то мне подсказывает, что бабуля решила заняться расследованием покушения на меня...

По ночам меня мучила бессонница по причине жуткой головной боли. Днем я забывал о ней, погружаясь в работу. У меня даже появилась мысль писать картины круглосуточно, но затем передумал: мой организм даст сбой, да, и лечение от таких картин не будет продуктивным. Художник должен парить, а уставший художник зевает и думает о сне, а не о творчестве.

Затянувшаяся бессонница пока никак не отражалась на моих работах, ночью я старался расслабиться и думать о чем-то хорошем, таким способом заставлял организм отдыхать.

Я поднимался на рассвете, пил крепкий кофе, сидя перед окном. Любовался разноцветной осенью, а потом шел на прогулку. В парке еще никого не было, только парочка любителей здорового образа жизни возраста моей Вафы занималась чем-то

средним между быстрой ходьбой и медленным бегом. Я с умилением наблюдал за ними, а в голове вертелась одна неприятная мысль: до их лет я, увы, не доживу. А как было бы приятно в преклонном возрасте прогуляться по парку со своей спутницей жизни. Естественно, с Яной. А, может, Янина тоже подойдет? Я не знал, почему эта женщина смогла подвинуть мою любимую Янку? Не задвинуть, а встать рядом. Догадываюсь, почему. Причина кроется в невозможности нашего союза. Если ты уверен, что скоро уйдешь, то можно запустить в голову непугающую своей новизной мечту, которая никогда не претворится в жизнь

После неспешной прогулки я возвращался домой, неспешно завтракал, оттягивая счастливый момент погружения в работу до тех пор, пока меня не начинало слегка потрясывать от возбуждения. Наступал миг готовности.

Мои полотна поражали светом и желанием. Желанием всего – жить, любить, строить планы. Мне больше не нужен аутотренинг, я заряжался от своих картин энергией, так необходимой мне для написания следующего полотна.

По вечерам я сидел перед портретом женщины с красивым стоячим воротником, сотканным из полевых цветов, и «лечил» свою голову. Боль затихала, но возвращалась вновь, едва я принимал горизонтальное положение. Боль сводила меня с ума, я уже готов был попросить Шуттлера выдать мне порцию пилюль, но... наступало утро, боль «засыпала», как летучая мышь, ведущая ночной образ жизни, и я откладывал свой визит к Францу.

Мы встречались с ним в клинике, наши беседы носили чисто деловой характер, напоследок он спрашивал меня о моем самочувствии, я отмахивался, иногда он выдавал коробку с лекарствами, которую я сразу выбрасывал за порогом клиники, дабы не подвергать себя соблазну выпить парочку ночью.

Конец ноября в Берлине выдался сухим и теплым. Короткие дни не тяготили меня, как раньше, когда лил дождь, дул противный пронизывающий ветер, и солнышко едва показывалось сквозь из-за туч на полчаса, а иногда его не видели почти весь ноябрь. Этот год был особенным, осень решила порадовать напоследок художника Зеппа.

Каждый день я просыпался и прислушивался к звукам за окном, ожидая постукивания по карнизу. Тишина! Хорошо, что сегодня снова будет солнечно и тепло. Я заряжаюсь от погожих дней, как заряжается солнечная батарея. Эти маленькие радости раньше меня мало интересовали, теперь я смотрю на мир иначе, ведь часы отсчитывают последние месяцы...

Сколько мне еще осталось? – спрашивал я себя в минуты слабости и сразу находил ответ: Пока у меня есть желание творить, я живу...

Мы никогда не были так близки с Борей Лейкиным, как в эти дни. Он звонил мне регулярно, мы болтали на разные темы, я рассказывал об очередной картине, он – о своей семье, о моей любимой бабуле, которая стала поправляться. Борис не интересовался моим здоровьем, за что я был ему благодарен. Два здоровых мужика просто общаются, делятся новостями, и у одного, и у другого все великолепно!

Во второй половине дня раздался звонок моего мобильного. Я взглянул на высветившийся номер и... обалдел: это была Янина Шиманская. Наверное, снова новости из милиции, - подумал я.

Женщина, портретом которой я любуюсь каждый вечер, прилетает завтра в Берлин на какой-то медицинский симпозиум и деловым тоном интересуется, смогу ли я встретить ее и довести до отеля?

- Да, конечно, - промямлил я.

Она назвала рейс.

- Янина! – запоздало вскрикнул я, когда абонент уже отключился, забыв попрощаться.

- Приезжает Янина, - сообщил я безэмоциональным голосом своему дому. - И что я буду с ней делать? Ничего, отвезу в отель и... всё! – Попытался я обмануть самого себя. – Я

так не поступлю. Все–таки соседка, человек с Родины, тем более была понятой у меня дома! – Я нес полную чушь и сам это понимал.

Не надо говорить, что ночь я провел без сна, но причиной послужила не головная боль, хотя, ее присутствие ощущалось, но я не акцентировался на ней, я был полон разных мыслей и построением планов: куда пригласить Янину, что показать, надо ли приводить ее в дом?

В конце концов, я сосредоточился на одной мысли, которая извела меня своей противоречивостью: в первой половине ночи я отверг ее визит в новый дом, а вторую – я обдумывал, как уговорить ее... остановиться не в отеле, а у меня.

- Огромный двухэтажный дом, три спальни, три ванных комнаты, великолепная природа, тишина, чистый воздух и до центра Берлина рукой подать. – Это я под утро репетировал речь, которую собирался произнести при встрече с Шиманской.

Я поднялся, как обычно, выпил кофе, но на прогулку по парку не пошел. Боялся опоздать в аэропорт.

Как может женщина – хирург, побывавшая в горячих точках, выглядеть, как кукла Барби, - в очередной раз рассудил я, завидев Шиманскую.

Она радостно улыбнулась мне, подбираясь все ближе и ближе, вызывая в душе панику.

- Привет, Роберт!

- Привет, Янина! - Я подхватил ее багаж, протянул букетик цветов и чмокнул в щеку. Муж встречает жену после долгой разлуки, - мысленно выдал я.

Мое поведение не шокировало Янину, она взяла меня под руку, и я повел ее к своему «Туарегу». Галантно распахнул перед ней дверцу, усадил, расправился с багажом и впорхнул в салон автомобиля.

- Я рад, что ты приехала!

Кто это сказал? Неужели я? И почему я обратился к ней на «ты»?

- Я тоже рада тебя видеть, - обронила Шиманская, с интересом рассматривая меня.

- Тебя сразу отвезти в отель?

Идиот! Ты готовил речь, а потом увидел ее и испугался: что она подумает? Действительно, что можно подумать, если одинокую женщину приглашает к себе одинокий мужчина, который к ней... ЧТО? Неравнодушен?! Но она знает, что этот мужчина болен, причем болен неизлечимо, поэтому... плохие мысли не посетят ее голову.

- Может, покатаемся по городу, - предложила Янина.

- Отличная идея! – с радостью согласился я, ухватившись за нее, как за спасательный круг. – Ты не голодна, а то мы можем заехать в кафе и перекусить?

- Нет, нас в самолете покормили. А ты завтракал? – спросила она голосом заботливой жены. Я кивнул. – Может, у тебя свои планы, а тут я... свалилась, как снег на голову. – Сказала она и заерзала на своем месте, будто сидела не на мягком сидении приличного авто, а на любимой скамейке бабы Мары.

- Не переживай, я как раз планировал устроить себе отдых.

- Может, тебе надо собраться с мыслями для будущих работ, - не унималась она, - художники любят только одного собеседника – природу.

- Много ты понимаешь! – усмехнулся я. – Или тебя не устраивает моя компания, и ты хочешь улизнуть к какому–нибудь хирургу из Бангладеш?

- Почему из Бангладеш? – опешила Янина.

- Так, к слову пришлось...

- Представь себе: стою я, такая немаленькая девушка сорока пяти лет, блондинка, а рядом... малюсенький мужчина – бангладешец, смугленький, с черными озорными глазками, худосочненький! Смотрит на меня снизу вверх и...

- И облизывается! – подсказал я.

- Почему облизывается?
- Потому что не может дотянуться своим губами до твоих губ, - рассмеялся я. – А так хочется облизать такую красотку!
- А тебе? – заинтересовалась прямолинейная дама-хирург с видом куклы Барби, позабывшая все наставления Лейкина. И зачем они так долго разрабатывали план? Говорили о какой-то границе. Все границы рушатся, когда между мужчиной и женщиной возникает безумный интерес, способный перерасти во что-то большее...
- И мне! – не раздумывая, заявил я.
- А что мешает?
- Руль, - просто сказал я. – Сейчас припаркуюсь...
- Как давно у меня не было такого чувства! Я горел желанием обладать этой женщиной, но я забыл, как это делается...
- Не трусь! – приказал я себе.
- Поедем ко мне, - тихо предложил я, будучи уверенным, что она согласится...

- У меня не болит голова! – Это была первая разумная мысль после четырех часов безумства.
- Янина, у меня не болит голова, - шепотом сообщил я, чтобы не напомнить о себе временно ушедшей боли.
- Я хочу посмотреть результаты твоего обследования, - сказала Янина. – Это можно устроить?
- Наверное... Но зачем? Чтобы убедиться, что я, действительно, неизлечимо болен?
- Чтобы убедиться в обратном!
- Но Франц...
- Роб, мне все это не нравится! И покушение на тебя, и этот нелепый диагноз! Если бы у тебя была опухоль мозга, то ты не только не смог бы сосредоточиться на своей работе, ты бы на стенку лез от боли и требовал у врача самого сильного обезболивающего.
- Может, все еще впереди?
- Впереди... долгая и счастливая жизнь! – Она пронзила меня своими голубыми глазами. – Или ты, Роберт Зепп, хочешь отделаться от меня?
- Теперь я, как истинный джентльмен, обязан на вас жениться!
- Ловлю на слове! – Янина положила голову мне на грудь и успокоено вздохнула. – Знаешь, Роб, я влюбилась в тебя, как только увидела из окна рядом с бабой Марой. Я не знала, кто ты, не слышала твой голос, а... влюбилась.
- Это было, когда я только приехал?
- Да. Вторая встреча охладила мой пыл. Ты долго не открывал Борису Андреевичу, а он так громко стучал и звонил, что я была вынуждена вмешаться.
- Искала причину снова увидеть меня?
- Как стукну по твоей голове, чтобы мозги встали на место! – Янина замахнулась на меня, я перехватил ее руку и прижал к своим губам. – Я испугалась тогда...
- Чего?
- Я подумала, что с тобой что-то случилось, сердце выпрыгивало из груди! И тут появляешься ты собственной персоной и с вызовом заявляешь: «Спасибо дамы за бдительность!» И скорчил такую физиономию!
- Знаешь, как я тебя называл? Женщина без имени.
- Странно, - задумчиво произнесла Янина.
- Что странно?
- Я выгляжу странно на этом портрете, - сказала Шиманская, разглядывая свое изображение работы художника-трагифреалиста.
- Тебе не нравится? – Меня очень интересовало ее мнение.
- Я здесь совсем другая, похожа на принцессу из сказки. Значит, ты меня видишь такой?

- Это не просто твой портрет, это картина тральфреализма, с помощью которой я лечу болезнь.

- Здорово! – искренне восхитилась Янина. – Тебе это помогает?

- В этой картине нет негатива, я смотрю на нее и получаю удовольствие, забывая обо всем. Я ощущаю запах полевых цветов, я люблю красивую женщину, ее взгляд завораживает меня, гипнотизирует.

- Почему у этой женщины мое лицо?

- Наверное, я много думал о тебе... - Я гладил Янину по голове, покоящейся на моей груди, и вдруг подумал, что все это может уйти в один миг. - Мне страшно! – Неожиданно признался я. – Встретив тебя, я понял, что не хочу умирать! Я хочу наслаждаться жизнью рядом с тобой! И не хочу оставлять тебя одну! Я знаю, как тяжело потерять любимого человека.

- Моя любовь исцелит тебя! Главное – выкинуть из головы все плохие мысли! Я так счастлива! Первый раз в жизни я счастлива! Скажи, ты любишь меня?

- Да, я люблю тебя, - медленно протянул я и покосился на портрет Янки. Она не осуждала меня, она была рада, что я, наконец, нашел счастье...

Шиманская проследила за моим взглядом.

- Ты всегда будешь любить ее, - успокоила она меня, - любовь ко мне совсем другая... Я не знаю, как это объяснить.

- Не надо ничего объяснять...

Я никогда не думал, что праздное времяпровождение будет доставлять мне такое удовольствие. Янина забросила свой симпозиум, мы целыми днями гуляли, обедали в маленьких рестораниках, угощали друг друга блюдами из своих тарелок.

Иногда мы встречались взглядами, и происходило электрическое замыкание.

- Поехали домой? – тихо спрашивал я любимую женщину, она кивала, и я гнал свой автомобиль, наплевав на все запреты...

Янина полюбила утренние прогулки по парку. Мы сидели на скамейке и молчали. Это молчание не тяготило нас, мы кайфовали от случайных прикосновений друг друга.

- Мне страшно подумать, что ты можешь уехать и оставить меня одного, - однажды признался я.

- Но у меня работа, - неуверенно заметила она, хотела продолжить, но я ее перебил.

- Я достаточно зарабатываю.

- Дело не в этом.

- Ты боишься, что меня не станет и...

- Никогда не произноси этих слов! – взвилась Янина. – Слышишь, НИКОГДА! Я люблю тебя, я живу тобой, я дышу тобой. Без тебя я... умру... - На ее глазах выступили слезы. Я первый раз видел эту сильную женщину в таком состоянии.

- Я... обещаю всегда быть рядом. – Я прижал ее к себе.

Время остановилось...

- Почему ты не познакомишь меня со своей сестрой? – как-то за обедом спросила меня Янина.

- Не хочу! – просто пояснил я.

- На каждое не хочу должно... - Она прикусила язык и испуганно уставилась на меня.

- Ну, продолжай!

- Нужно объяснить причину этого нежелания, - скомкано проговорила Шиманская. – Вы в ссоре?

- Она не может меня простить... - Я вкратце рассказал ей грустную историю Эльки.

- Я причем здесь ты? – удивилась Янина, дослушав мой рассказ до конца.

- Элька винит меня.

- Какая глупость! – скривилась она, - надеюсь, ты не считаешь себя виноватым?
- Нет, конечно. Я не желаю переубеждать ее, будет еще хуже.
- Роб, ты не ругайся, но я встречалась с Францем Шуттлером, - с милой улыбкой призналась она без тени раскаяния.
- Зачем?
- Чтобы докопаться до истины!
- Но я от тебя ничего не скрываю... И не придумываю несуществующую болезнь...
- Тебе я полностью доверяю. - Янина сделала ударение на первом слове.
- Ты сомневаешься в квалификации Франца?
- В его честности!
- Обоснуй! – призвал я ее.
- Он отказался предъявлять мне результаты твоего обследования!
- Естественно, приходит незнакомая женщина и требует показать ей мою медицинскую карту. Как бы ты поступила на его месте?
- Я – не незнакомая женщина, я твоя невеста!
- Ты доложила об этом Шуттлеру? – поинтересовался я, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться: слишком у моей невесты был грозный вид.
- Я ему все объяснила...
- А он?
- Роб, он опешил от моего заявления! Челюсть отвисла, я даже хотела своей рукой вернуть ее на место, но было не до его челюсти... Вот, гад, все равно ничего не показал!
- Не обижайся на Франца, он неплохой парень, – попытался я успокоить разгневанную фурию. – Зачем тебе ненужные свидетельства моей болезни, если перед тобой здоровый мужчина, который может доказать тебе это прямо сейчас!
- Я верю, но от доказательств не откажусь... Только позже.
- Чем ты встревожена? Безрезультатной встречей с Францем? Или ты что-то выведала у него, и теперь пытаешь скрыть новости от меня?
- С твоей болезнью, если она все-таки имеет место быть, это не связано, - уклончиво заметила она.
- Тогда что случилось?! Ты сегодня не похожа на саму себя!
- Роберт, ты...
- Я люблю тебя.
- Я счастлива.
- По тебе это не скажешь.
- Роберт, ты... ты можешь вернуться в Россию вместе со мной?
- Я знаю, у тебя работа, а я не привязан к одному месту.
- Видишь, ты все отлично понимаешь.
- Но здесь такой прекрасный дом. И парк. – выставил я последний аргумент.
- Дом и, правда, великолепен...
- В Берлине тоже можно найти работу хирурга.
- Это проблематично! Нужно заново учиться, подтверждать свой диплом врача. Для тебя я готова на все...
- Но есть одно «но».
- Есть. Еще раз повторю: для тебя я готова на все, но в России мне комфортно... Не смотри на меня глазами брошенной собаки. Одного я тебя здесь не оставлю!..

Глава четырнадцатая

С приездом Янины звонки от Лейкина прекратились. Я удивился, а она объяснила, что перед отъездом случайно встретила его в нашем подъезде и сказала, что летит в Берлин.

- Он сдал меня тебе. Ну, что, друзья, работаете вахтовым методом? – с усмешкой поинтересовался я, не успев договорить, как раздался звонок мобильного. – О, легок на помине!

Моя жизнь не может быть спокойной. Боря сообщил, что пропала моя любимая бабуля. Она приехала проведать сына и его семью, пару дней посидела под присмотром, а потом ускользнула, сославшись на желание встретиться с неизвестной подружкой. Борис хотел пойти с ней, но она заявила:

- Прошли те времена, когда я повсюду таскала тебя за собой! Теперь тебя есть на кого оставить! – Она махнула головой в сторону присмирившей Веры, которая всегда терялась в присутствии свекрови. А свекровь нацепила на голову легкомысленную шляпку, накинула пальто и была такова...

Прошло три дня, у Лейкина, наконец, в милиции приняли заявление. До этого он обзвонил все больницы и морги. Гражданка Истомина нигде не значилась...

- Что сказали в милиции? – спросил я, стараясь говорить спокойно. Даже забыл отчитать его за трехдневное молчание.

- Когда они узнали, сколько ей лет, то сразу сказали, что у нее случилась амнезия. Дескать, вышла на улицу и потеряла память. Забыла, кто она, где живет, и теперь... где-то бродит. – Лейкин едва сдерживал безумное волнение, готовое вылиться как угодно. – Хорошо, если бродит, а то... может, уже не бродит. Роб, что делать?!

- Без меня ничего не предпринимай! И Льву ничего не говори!

- Легко сказать, он каждый день звонит и требует к телефону жену. А я вру ему, что она или ванну принимает, или гуляет, или еще плету что-нибудь...

- Продолжай в том же духе! Мы вылетаем ближайшим рейсом!..

В самолете я думал, куда могла деться Вафа, ругал себя за то, что такой несообразительный, ругал Бориса за то, что он не удосужился, узнать, к кому направилась его мать, ругал саму бабулю, которая всегда оказывалась на передовом фланге нападения.

С порога сразу набросился на Лейкина.

- Боря, я же просил тебя не спускать с нее глаз!

- Но я же не могу таскаться везде за ней, - оправдывался тот. – Думаю, пусть повидается с подружкой, старушки посидят, вспомнят былое, а я им буду только помехой.

- Ладно, проехали! – Я злился на свою беспомощность. – Давай вместе думать, к кому она могла пойти?

Мы сидели на кухне Лейкиных, чай давно остыл, женщины сбились в уголок, Райка рыдала в своей комнате, а мы толкли воду в ступе.

- Как подумаю, что она где-то потеряла сознание и...

- Боря, давай без эмоций! – призвал я. – Они тебе понадобятся, когда мы найдем Вафу.

Звонок телефона был подобен разорвавшейся бомбе. Мы дружно уставились на аппарат.

- Это или Спирин, или из милиции, - нахмурившись, сказала Вера.

- Долго он будет трезвонить! – возмутился я. – Возьми трубку, Борис!

- Если это Лева, что мне говорить?

- Скажи, что я вернулся в Россию, и Вафа переехала ко мне.

- Он попросит номер твоего телефона.

- Скажи, что он отключен за неуплату! – рявкнул я.

Это, действительно, звонил Лев Александрович. Лейкин взял себя в руки и спокойным голосом поведал версию, предложенную мною.

- Ух, - устало выдохнул он после коротких переговоров и опустил на стул.

- Может, сохранилась ее записная книжка? – спросил я. – В ней мы может поискать телефонные номера подруг и их домашние адреса. – Я цеплялся за всё, лишь бы отыскать бабулю, но при этом понимал, что ни к какой подруге она не пошла. Если это было так, и она решила у нее переночевать, ночевка не затянулась бы на несколько дней. А если

старушка занемогла или с ней случилось нечто непоправимое, то нам бы сообщили. Она всегда носила при себе собственные данные и координаты своих родных.

- После того, как мать покинула монастырь, все ее вещи хранились... в том месте, где я раньше жил.

- У Жанны Петровны? Почему ни ты, ни Вафа их не забрали?

- Забыла, наверное. И я забыл. Скорее всего, для нее там не было ничего ценного, – предположил Борис. Мы дружно уставились на него. – Вы хотите, чтобы я сходил туда?

– Мы подтвердили свое желание кто кивком головы, кто резким «да». – С чего бы Жанне хранить вещи моей матери?

- А вдруг,- высказалась Янина.

- Ладно, схожу. Завтра, сегодня уже поздно, - без особого энтузиазма согласился Лейкин.

- Хочешь, я пойду с тобой? – предложил я.

- Не надо тебе лишний раз мозолить глаза Жанне. Хоть, и прошло двадцать три года, но она женщина непредсказуемая, а тебе отрицательные эмоции ни к чему.

- О себе я сейчас думаю в последнюю очередь.

Я вспомнил свой последний визит в дом Лейкиных, когда там еще жил Борис...

Жанна стоит у раскрытого окна и сверлит мою спину остервенелым взглядом. Мне тогда показалось, что она наблюдает за мной через оптический прицел винтовки.

Не было этого. Это всего лишь мое воображение. Она просто стояла, смотрела мне вслед и яро ненавидела.

Ненавидела... Все эти двадцать три года ее ненависть не утихла. Как не утихла моя боль, как не прошла моя любовь к Янке.

По телу пробежали мурашки: неужели надо было ждать двадцать три года, чтобы наказать меня? Наказать меня через бабушку, когда сорвалась попытка меня убить?

В день покушения на меня баба Мара видела рыхлого косолапого мужчину без возраста.

- Боря, а Жанна не вышла замуж? – Я не понял, как этот вопрос вырвался у меня.

- Я не знаю, - протянул Лейкин, - я ее видел последний раз тринадцать лет назад, - сказал он и непроизвольно обратил взгляд на жену. – Думаю, если бы вышла, то не преминула уведомить меня.

- А этот мальчик, которого она усыновила, живет с ней?

- Наверное, он очень привязан к Жанне.

- Привязан, - повторил я и задумался. – Он же одногодок нашей Берточки?

- Да, они ровесники, - подтвердил Борис.

- Завтра, я пойду с тобой!..

Ранним утром мы сели в такси и направились к Жанне. По дороге Борис рассказал мне историю усыновления мальчика, который оказался внучатым племянником его бывшей жены.

- Ничего не понимаю: зачем скрывать родственную связь?

- Я сам ничего не понял, - рассеянно проговорил он, усиленно пытаясь что-то вспомнить.

– Она странная стала после гибели Яны и Раечки. Ты извини, Роберт, что я напоминаю тебе об этом...

- Я никогда и не забывал.

- Желание отставить в тайне родственную связь между ней и мальчишкой, - задумчиво проговорил Боря, - было вызвано следующим обстоятельством – у него были сильно пьющие родители. Так объяснила моя бывшая.

- И что?

- Она не хотела выслушивать лишние вопросы и ловить придирчивые взгляды людей. Явных признаков умственного отклонения у него не было, но хитрости и агрессии через

край. Этим, в будущем, и хотела воспользоваться Жанна... Это уже мои соображения. Не думаю, что ею двигала жалость к сироте.

- Не знаю, как у мальчишки, а у самой Жанны тоже хитрости через край. Одно не пойму – зачем все усложнять? Столько лет лелеять свою обиду? Наняла бы киллера, и дело с концом. Я давно бы лежал в земле сырой, а она наслаждалась жизнью от того, что виновник в смерти ее дочери жестоко наказан.

- А ты не подумал, что с обидой в душе ей жить нравится? А желание отомстить стало смыслом жизни. Решила бы быстро проблему с тобой, исчез бы смысл жизни.

- Тоже верно.

- Я не жалею, что расстался с Жанной. Со стороны это выглядит, как предательство. Бросить жену в очень сложный период жизни, тем более с малолетним ребенком на руках, это ли не предательство? Я виню себя за малодушие. Надо было обратиться к психиатру, всерьез заняться ее душевным состоянием. И нельзя было давать свое согласие на усыновление.

- Удивляюсь, как органы опеки дали согласие на усыновление?

- Но явных признаков психических отклонений у нее не было. Это только я замечал изменения, которые произошли после гибели наших девочек.

Борис рассказал о случае с беременной Верой и о последующим за ним визитом в дом Жанны Петровны. Раньше я об этом не знал.

- И Жанна после этого угомонилась?

- Наверное, раз я о ней ничего не слышал и не видел ни ее, ни мальчишку.

Лейкин был сильно подавлен. Воспоминания и переживания последних дней его доконали.

- Не казни себя, Боря, кто мог подумать, что у твоей бывшей супруги началось извержение мести?

- После покушения на тебя я должен был сразу вспомнить о Жанне. Но меня смутила винтовка с оптическим прицелом. Жанна и профессиональное оружие наемного убийцы как-то не связывались в единое целое.

- А сейчас связываются?

- Люди, «больные на всю голову», обладают изощренным умом, когда идут к поставленной цели. Имея нужную сумму денег, на черной рынке можно купить почти все, даже БТР.

- Странно, что Жанна все эти годы постоянно думала обо мне, а я о ней почти забыл. С тобой постоянно общался, всегда думал о Янке, а о твоей бывшей жене и матери моей дорогой девочки, ни разу не вспомнил, будто она никогда не существовала. А Жанна, как оказалось, была одним из звеньев в цепочке обиженных на меня женщин.

- Она совсем сбрендилась, если... решила расправиться с моей матерью. – Лейкин сам был на грани безумия.

- Вафа, скорее всего, давно догадалась, что твоя бывшая каким-то боком причастна к покушению на меня. Поэтому она так рвалась в наш город. Притупила твою бдительность, сказала, что пошла к старинной приятельнице, а на самом деле направила стопы к Жанне.

- Боже мой, почему я сразу не догадался! – воскликнул Борис. – Надо было еще вчера к ней бежать! А я подумал, что старые вещи могут подождать.

- Не казни себя! – второй раз повторил я, пытаюсь привести его в чувство. – Все мысли Жанны - обезумевшей матери - направлены на мщение мне, но не Вафе. Не думаю, что Жанна пойдет на убийство бабули. Одно дело расправиться с человеком, который виновен в смерти любимой дочери, другое - убить ни в чем не повинную старушку. Жанна удерживает ее силой, чтобы бабуля не помешала выполнению ее плана по устранению меня.

- Жанна мою мать тоже ненавидит. Это же мать купила путевки в морской круиз.

Об этом я не подумал. Но вида не показал.

- Жанна об этом забыла! – уверенно заявил я.
- Роб, давай позвоним Татаренко и все расскажем!
- Он не поверит ни одному слову! Ты сам в это поверил бы?
- Если бы не знал о целеустремленности Жанны в некоторых вопросах, не поверил.
- То-то... Сами справимся.

О холодном оружии, которым обладала моя бывшая теща, я старался не думать.

Вскоре мы били у дома, где когда-то жила счастливая семья Лейкиных. А сейчас – Жанна с приемным сыном.

- Давай я схожу один и разведу обстановку! – предложил Лейкин. – Со мной они ничего не сделают.
- Мы пойдем вдвоем, а лучше... я пойду сам.

Некоторое время мы препирались, отстаивая каждый свое мнение, но потом решили идти вместе.

Меня душила злость на Жанну. Не за то, что она вырастила киборга–убийцу, готового выстрелить в меня, а за то, что удерживает силой старушку, едва оправившуюся от болезни.

- Если с Вафой что-то случится, я задушу ее своими руками! – скрипнул я зубами.
- Я помогу тебе!

На лестничной площадке, у квартиры Лейкиных, стояли три женщины.

- Здравствуйте, - поздоровался Борис. – По какому поводу собрание?
- Ой, Боречка, - с такой великой радостью воскликнула пожилая женщина, словно всегда считала его единственным человеком, способным разобраться в запутанной ситуации. А то, что это час настал, я понял по напряженным и взволнованным лицам женщин.

- Что случилось? – вмешался я, понимая, что ненужные диалоги растянут выяснение обстановки на неопределенный срок.

Из сбивчивого доклада соседок я понял, что они услышали из квартиры Лейкиных громкий хлопок и, посоветовавшись, решили вызвать милицию.

- Вы звонили в квартиру? - Борис кивнул на дверь.
- Звонили, - сказала та же пожилая дама, - но нам никто не открыл. Вот, стоим, ждем, когда приедут.
- Может, этот странный звук вы слышали с улицы? - предположил я, - а там, - я тоже дернул головой в сторону двери, - никого нет?

- В квартире кто-то есть, - понизила голос другая женщина, моложе главной ораторши. – Я вам точно говорю. Вот, послушайте. – Сначала она приложила ухо к входной двери, потом предложила заняться подслушиванием нам.

Мы последовали ее совету. Действительно, в квартире кто-то издавал странные звуки. То ли приглушенно рыдал, не то заливался сдавленным смехом.

- А что сказали в милиции? Когда они приедут? – так же шепотом поинтересовался озадаченный Лейкин.

- Сказали: «Ждите!» Вот мы и...собрались здесь компанией, чтобы преступнику дорогу для отступления перекрыть, - доложила третья соседка, окидывая взглядом своих компаньонов.

Бесстрашие наших женщин меня не раз удивляло.

- У меня есть ключи, - вспомнил Борис и покосился на входную дверь. – Замок, будто бы, никто не менял.
- Нет, будем ждать милицию! – Я придал своему голосу уверенность, стараясь не выказывать зашкаливающего волнения. Если хлопок за дверью квартиры Жанны оборвал жизнь дорогого мне человека, то мне придется сесть в тюрьму. Живой я Жанну Лейкину не оставлю.

Душитель появился внезапно, я давно о нем забыл. Он сжимал мое горло так сильно, так зверски, что у меня на глаза навернулись слезы, а в груди затрепетало сердце, которому отказали в подаче кислорода.

- Роб, - тихо сказал друг и положил мне руку на плечо, - не переживай, с ней ничего не случится. Ты сам так говорил. Она не может... оставить нас одних.

Два маленьких, два взрослых мальчика испуганно посмотрели друг на друга, дружно кивнули, один выхватил из рук другого связку ключей, но открыть дверь не успел. По лестнице тяжело застучали несколько пар ног.

Три милиционера в полном боевом облачении остановились рядом с нами.

- Граждане, прошу разойтись по своим квартирам! – призвал старший по званию.

- Товарищ лейтенант, - не растерялся я, - в этой квартире может находиться пожилая женщина. Ее удерживают силой! – Рядом со мной стоял Борис и усиленно поддакивал.

- Разберемся! – пообещал более мягким голосом милиционер. – А вы пока отойдите в сторонку. Мы забыли о ключах, поднялись на один лестничный пролет и стали наблюдать, как парочка здоровых парней, которые не нуждались ни в каких ключах, легко вышибла входную дверь.

Все трое быстро просочились внутрь.

Мы переглянулись, и стали осторожно спускаться по лестнице. Достигнув двери, мы хотели заглянуть, и натолкнулись на лейтенанта.

- Зайдите! – приказал он.

Мы последовали за ним. В комнате на полу лежала Жанна, неестественно раскинув руки и подогнув одну ногу. На её груди расплылось кровавое пятно. Широко открытые глаза с удивлением уставились в потолок. Чуть поодаль, на диване, сидел крупный перекормленный парень, стриженный «под горшок». Он раскачивался взад-вперед, мычал, что-то бормотал, и смотрел безумными глазами на тело женщины. Рядом с ним замерли два бойца.

Неожиданно у рыхлого парня прорезался голос.

- Я тебя ненавижу! Ненавижу! Наконец, ты сдохла! Сдохла! Сдохла! Сволочь! Скотина! Ты измучила меня!

- Это хозяйка квартиры? – спросил лейтенант, кивнул в сторону бездыханного тела.

- Да, это Жанна Петровна Лейкина, моя бывшая супруга. А это Мартин, ее приемный сын... Это он ее?

Милиционер не ответил, отошел в сторону и начал кому-то вызванивать.

Я обратился к другим стражам порядка.

- В квартире больше никого нет?

- Вроде никого...

Я переместился в другую комнату, заглянул во все углы. Борис следовал за мной по пятам, никаких действий не предпринимал, только путался под ногами.

- Где она может быть, Роб?

- Боря! Я не знаю! - Мой взгляд уперся в дверь, которая вела в большую кладовку. В нынешние времена подобные помещения превращали в гардеробные, ранее в них складировали все подряд, включая банки-склянки, подушки, одеяла, гладильные доски, утюги и прочее имущество. Кладовка в квартире Лейкиных напоминала маленькую комнатку, в которой мог вполне поместиться человек. Снаружи дверь была оклеена теми же обоями, что и стены спальни. Ручка на двери находилась в непосредственной близости от стоящего рядом шкафа, который бросал на дверь кладовки тень. Поэтому незнающий человек не догадался бы, что дверь существует, а за дверью прячется небольшое помещение, оно же большая кладовая. Кладовая имела отверстие для внутреннего замка, который использовался еще во времена лихого детства Янки, которая любила везде совать свой нос.

Я ткнул в дверь кладовки пальцем. Борис сразу спохватился.

- И как я забыл о ней!

Мы бросились к двери, безрезультатно попытались ее открыть. Я прильнул губами к узкой щели и зычно крикнул:

- Бабуля, ты здесь?

Мне никто не ответил. Как я не пытался расслышать хотя бы какие-то звуки, мне это не удалось. На мой крик отреагировал один из парней. Он сначала не мог понять, зачем мы скребемся в стену, потом удалился и вернулся со специнструментом. Ловко поддел дверь чуть выше замочной скважины, дверь издала зубодробильный звук, и, наконец, поддалась, едва не хряснув нас по физиономиям.

Между полками в кладовке стояло старенькое кресло. К нему была примотала скотчем моя любимая бабуля. Рот тоже был заклеен скотчем. Ноги связаны. Глаза закрыты.

Я бросился к ней, прильнул к груди, стараясь услышать биение сердца. Оно... билось, еле слышно, но билось.

- Вызывайте неотложку! – закричал я.- По вашей рации вызывайте, так быстрее!

Мы с Борисом принялись освобождать старушку от пут. Ее сын все время приговаривал при этом:

- Ну, почему ты не слушаешь меня, почему ушла одна, почему никогда меня не слушаешь. Я тебя в детстве слушал, а ты меня не хочешь слушать...

Я не помню, сколько прошло времени, когда в спальне появился врач и занялся Вафой, лежащей на кровати.

- Что с ней? Она жива? Почему не реагирует? – приставали мы с вопросами.

- Скорее всего, ее накачали сильнодействующим снотворным, после проведения анализов будет всё ясно, - наконец, ответил доктор.

Вафу положили на носилки и отправили в больницу. Я поехал с ней, а Борис остался для дачи показаний.

- Не волнуйся, ее спасут, - пообещал я другу и побежал по лестнице. На первом этаже я встретил капитана Татаренко. Он хотел что-то спросить, но я махнул рукой и скрылся...

Прошло несколько дней, и обезумевший Мартин Лейкин мог дать вразумительные показания. Он уверял, что не хотел убивать мать, но она достала его своими разговорами об убийстве бывшего зятя.

- Мать еще в школе отдала меня в секцию по пулевой стрельбе, чтобы я научился стрелять. Потом купила мне пистолетик, - похвастался взрослый мальчик. - Мы ездили по выходным за город и стреляли по банкам. Когда я вырос, мать где-то взяла винтовку, наверное, у кого-то купила. Винтовка с оптическим прицелом мне очень понравилась! – Глаза здорового детины, отстающего в развитии, загорелись. – Я хотел пойти служить в армию, но мать достала справку и приказала: «Сиди дома, идиот, у тебя другая миссия!» А я не идиот! Почему она все время называла меня идиотом?! - Захныкал он, - я не идиот, не идиот, я нормальный... В тот день она дала мне винтовку и приказала идти к Роберту. Я отказывался, а мать побила меня, снова обозвала идиотом и нахлебником. Она сказала, что как только я расправлюсь с ним, она сама прикончит меня из этой винтовки. Я испугался и... нажал на курок...

- Какой кошмар! Жанна сама сошла с ума и превратилась в умалишенного мальчишку, - задыхнулась от возмущения Вера.

- Сомневаюсь, что Мартин когда-нибудь покинет стены психиатрической клиники, - сказал ее муж.

Я не испытывал жалости ни к Мартину, ни к его приемной матери, как и чувства ненависти, я думал совершенно о других людях, вернее о двух женщинах, которых любил и которые были рядом со мной – Вафа и Янина.

- Робик, перестань коситься на меня, - усмехнулась одна из них, - это, действительно, я! Живая и почти здоровая, а не призрак с того света.

- Я рад, что ты – не призрак! – Я глупо скалился и ничего не мог поделать. Я был счастлив.

Вафа провела в больнице больше месяца, две недели из которых была без сознания. Мы с Борей по очереди дежурили у ее постели, разговаривали с ней, пересказывали последние новости.

- Ты не можешь уйти в таком «молодом» возрасте! – однажды обронил я.

Именно, в этот момент бабушка открыла глаза, и спокойно заявила, будто наш диалог прервался всего лишь на три минуты, которые она взяла на раздумье.

- Ты, маленький паршивец, ничего не предпринимаешь для своего выздоровления, а меня, старую женщину заставляешь жить!

- Бабуля! – заорал я на всю больницу, перепугав весь персонал.

- Никогда не знала, что у тебя такой зычный голос, - скривилась она.

- Прости, родная! Прости...

Потом начался следующий этап – этап возвращения к жизни. Врачи удивлялись, как бабушка, в свои под девяносто, может так легко относиться к жизни. Бабуля не ворчала на медперсонал, принимала по четкому расписанию все лекарства, прописанные лечащим врачом, и быстро шла на поправку.

- Я это делаю для тебя! – восклицала она, как только я появлялся на пороге ее палаты.

- Для себя и для Левы, - старался переубедить я Вафу, забыв, что сделать это весьма затруднительно.

- В первую очередь для тебя! – продолжала настаивать она. – Я должна набраться сил и... встряхнуть тебя...

- Уже.

- Что! – не поняла бабуля.

- Уже встряхнулся. Я забыл о своей болезни, задвинул ее подальше.

- Это правда? – не поверила она. – И головные боли тебя не мучают?

- Немного, - слукавил я. Но ночам боль изводила меня. Я боялся разбудить Янину, гасил стоны в подушку.

- Ты познакомишь меня со своим лекарем? – улыбнулась Вафа. – Я очень хочу поблагодарить ее за внука.

- С чего ты решила, что это... женщина? – Я сделал удивленное лицо.

- Ты бездарный актер, я тебе это говорила миллион раз.

- Мой лекарь давно к тебе рвется....

На следующий день я пришел с Яниной. Женщины окинули друг друга придирчивым взглядом, потом улыбнулись и расцеловались. Они сдружились на почве любви к одному неплохому мужчине...

Когда Вафа окончательно выздоровела, мы отвезли их с Левой в Новороссийск. Они не поддались нашим уговорам погостить подольше. А я и Янина отправились в Берлин.

- Когда Борис обещал к нам приехать? - спросила моя женщина.

- В мае. А ты успела соскучиться, ведь мы только расстались?

- Ты... ужасный ревнивец! Если бы я знала об этом раньше...

- То что?

- Надела бы паранджу, чтобы не давать тебе повода! – рассмеялась она. – И снимала бы ее только дома, когда мы были наедине.

- Я так хочу побыть с тобой наедине! – Я взял ее руку и приложил к своим губам.

Все месяцы пока Вафа лежала в больнице, у меня жил Спирин, затем к нему присоединилась выздоравливающая бабуля. Я метался между двумя квартирами – своей и

соседской, в которой проживала моя любимая женщина, но старался больше времени проводить со стариками...

- Почему в мае? – не унималась Янина.
- С седьмого мая начинается чемпионат мира по хоккею, который в этом году проходит в Германии, - восторженно объявил я.
- В Берлине?
- Нет! Нам с Борей придется поколесить по трем городам. Это Кельн, Маннгейм и Гельзенкирхен.
- Это обязательно?
- Что ты понимаешь, женщина! Хоккей – это наша страсть, а чемпионат мира – это долгожданное событие! Нельзя ничего пропустить!
- За кого ты будешь болеть?
- Глупый вопрос, конечно, за наших!
- Наши – это немцы или русские? – не сдавалась Шиманская.
- Наши – это рус – ские!..

Борька Лейкин прилетел во всеоружии: с российским флагом, майкой с номером восемь, под которым выступал Овечкин, и еще кучей разных атрибутов заядлого болельщика.

На первую игру нашей команды мы прихватили с собой Янину, которая после хоккея выказывала свое недовольство нашим поведением.

- Вы ведете себя, как два пятнадцатилетних мальчишки! Мне стыдно находиться рядом с вами.
- Больше мы тебя не берем! – дружно заявили мы.

Между хоккейными поединками я успел посетить Франца Шуттлера, отдал очередное творение, взамен получил упаковку какого-то нового чудодейственного средства. На улице меня поджидала Янина, которая ловко перехватила мою руку, которая привычно собиралась отправить упаковку в урну.

- А тебе зачем это лекарство? – удивился я.
- Потом узнаешь, - загадочно ответила Шиманская и вскоре улетела в Россию, оставив нас с Борисом наедине с хоккеем.

Мы жалели об одном - долгожданное событие, которого мы ждали целый год, пролетело так быстро. Шестнадцать дней, как один...

Финал состоялся двадцать третьего мая, наша сборная играла с чехами. Мое настроение омрачили нахлынувшие воспоминания...

В том страшном для меня году, в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, наша сборная играла со шведами. Яна ждала Роберту. Я закрыл глаза, и апрельский день отчетливо встал у меня перед глазами. Улыбающаяся Янка, возмущенная нашим поведением Жанна Петровна, и мы с Борисом, целиком поглощенные игрой. Если бы знать, что вместе нам осталось быть всего-ничего...

Боль тисками сжала голову и начала сильнее и сильнее стягивать эти тиски. Я покачнулся и ухватился за Лейкина.

- Роб, тебе плохо? – услышал я издали голос друга.
- Я с трудом открыл глаза. Мы стояли на пороге моего дома уже готовые отправиться на матч.
- Я позвоню Францу. – Борис выглядел испуганным и беспомощным.
- Не нужно, все нормально, - с трудом произнес я. – Давай посидим немного, и все пройдет. Мы расположились в плетеных креслах во дворе дома. К боли добавилось сильное головокружение. Я испугался: неужели это конец?! Но я не хочу! Я должен взять себя в руки, я должен выгнать эту нестерпимую боль из своей головы. Несмотря на полубморочное состояние, я выделил из своего мыслительного процесса «излюбленное» слово «должен» и вяло усмехнулся.

- Тебе уже лучше? – Борис по-прежнему был встревожен. Я с величайшим трудом согласно кивнул. – И то, слава богу! Не волнуйся, Роб, сейчас все пройдет, и мы поедем на финал. Наши играют с чехами. Мы разгромим их и будем праздновать победу!

Лейкин еще что-то вещал, а я закрыл глаза и погрузился в некое подобие сна. Передо мной стояла Марты. Она смотрела на меня, наклонив голову, словно оценивала мой внешний вид.

- Я сильно изменился? Постарел? – поинтересовался я у турчанки.

- Ты помолодел, - ответила она без эмоций на лице. – Я не имею в виду внешность, я говорю о душе.

- Извини меня.

- За что? – не поняла Марты.

- За то, что не выслушал тебя там, на мысе.

- Я не обижаюсь. Может, чуть-чуть. Моя обида ничто по сравнению с твоим непослушанием. Ты не прислушался к моему совету, сразу не поехал в рыбацкий поселок, а потом было уже поздно.

- Ты снова говоришь загадками...

- А ты хочешь все узнать?

Я устал от ее недомолвок, несмотря на то, что наши встречи были редкими. Я промолчал. Ответ лежал на поверхности.

- Я должна извиниться перед тобой. - Пришел черед каяться Марты. – Но я не могла поступить иначе.

Я с трудом сдерживал негодование. Сейчас поднимусь, подойду к ней и сожму ее горло так, как это проделывал со мной мучитель. И так же, как он, не стану доводить дело до конца, проверю ее терпение. Интересно, что она запоет? Или призраков таким способом не напугаешь?

Марты уловила мой злой взгляд, но не испугалась.

– Сегодня все разъяснится. Иди на свой хоккей!

- Я бы пошел туда без твоего совета, - невежливо обронил я. И тут Марты закачалась, словно была вырезана из бумаги. Налетевший ветер начал забавляться с еестройной «бумажной» фигурой, извивая её змейкой. Вскоре турчанка растворилась в воздухе...

Я открыл глаза и увидел сидящего рядом Бориса, продолжавшего что-то доказывать мне.

- Я... долго спал? – хриплым голосом поинтересовался я, оглядывая округу.

- Ты спал? – удивился Лейкин, - мне показалось, что ты закрыл глаза всего на пару минут.

Я прислушался к своему организму и понял, что чувствую себя великолепно, от головной боли и головокружения не осталось и следа.

- Боря, мы опаздываем! – заворчал я.

- А я что, я ничего, я жду, когда ты придешь в себя... Роб, ты, правда, можешь ехать на финал? – заискивающе спросил он.

- Я могу бежать! Но лучше поедем на моем «Туареге», ведь надо преодолеть почти шестьсот километров...

Я ехал по автобану и мысленно разговаривал с Марты. Я доказывал ей, какой я молодец, что сразу послушал ее, что она ДОЛЖНА меня простить за прошлое непослушание. Хватит увеличивать цепочку из обиженных на меня женщин. Одна надежда на тебя, Марты. Вырви себя из этой спайки, оборви замкнутый круг!..

Когда начался матч, я забыл обо всем и обо всех. Чехи забили в самом начале, уже на двадцатой секунде. Наши растерялись. Болельщики сборной России старались «разбудить» наших хоккеистов, но те гонялись за соперниками, которые полностью захватили инициативу. Наш нападающий Павел Дацюк забил долгожданную шайбу, но

после свистка. В итоге, ее не засчитали. На перерыв хоккеисты ушли со счетом 1:0, увы, не в нашу пользу.

Второй период отметился травмами наших ведущих игроков – Овечкина и Федорова, последний после столкновения с Овечкиным больше не появился на поле. Мы с Борисом, как и остальные болельщики, приуныли, но продолжали поддерживать наших ребят. Незаметно закончился второй период. Хоккеисты сборной России ушли в раздевалку с опущенными головами.

- Куражу нет, - тихо заявил сорвавший голос Лейкин.

- Согласен, - так же сипло поддержал его я.

- Роб, ты только сильно не переживай, если наши продуют. Два раза подряд были чемпионами, ничего страшного, если на это раз возьмут серебро. Отыграемся на будущий год! – успокоил он меня и себя.

- Следующий год, - задумчиво протянул я. Боря покосился на меня.

- Даже не смей думать! – возмутился он, разгадав мои мысли...

Мы покидали ледовую арену в расстроенных чувствах. Наша сборная проиграла 1:2.

Борька свернул флаг, стянул с головы смешную шапочку в цветах российского триколора и потянулся за мной.

После матча мои мысли вернулись к Марты. Что-то я не понял, зачем ты отправила меня на игру в Кельн? – мысленно вопрошал я турчанку. – Чтобы забыться на три периода? Разочарование от неполученного объяснения затмило проигрыш нашей сборной.

- Роб, ты в порядке? – спросил меня встревоженный Борис. – Знать бы, что наши проиграют, вообще, не поехали на игру, смотрели бы дома по телику.

- Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, - философски заметил я. Лейкин согласился утвердительным кивком.

На выходе из ледового дворца мне загородила дорогу незнакомая девушка. Я непонимающе воззрился на нее. Она ничего не говорила, я тоже ничего не говорил, но не спешил уходить, как не спешил задавать наводящие вопросы.

- Здравствуйте, - поприветствовал меня девушка мягким голосом. Я ответил задумчивым «Здрасте». – А я смотрю и никак не могу понять, вы это или не вы? – С моих уст уже готова была сорваться фраза «Я это я, а вы меня за кого приняли?» Но на ее глаза навернулись слезы, и это меня остановило от слишком резкого высказывания. Чтобы не разреветься, девушка закусил губу, при этом внимательно изучала мое лицо. Так пристально и придиричиво, что мне пришлось провести по лицу рукой, сбрасывая невидимые мусоринки. – Дядя Робот, это же вы? Правда, вы?

Только один человек на свете называл меня так. Я круглый дурак, если сразу не догадался, кто передо мной стоит.

- Раечка?! – задохнулся я от нахлынувших чувств. – Девочка моя! Как я рад! Ты даже не представляешь, как я рад! Я так долго тебя искал! – Я прижал девушку к себе и не мог выпустить из объятий, боясь, что она снова исчезнет. Я гладил ее по светлым волосам, она уткнулась в мою грудь и плакала.

- Я тоже тебя искала, искала. - Мы плакали и не замечали косых взглядом болельщиков. Я оторвался от нее с одной целью, чтобы рассмотреть повзрослевшую девочку Раечку Комарову, но крепко сжимал ее руки.

- Какая ты красавица! – Я окинул ее снизу вверх оценивающим взглядом. – Мне рассказывали, что ты приходила ко мне. Но почему ты не оставила свой адрес?

- У меня тогда было подвешенное состояние, мы переезжали с одного места на другое, а в вашем городе были проездом.

- Мы? Ты замужем?

- Да, я вышла замуж! – Рая протянула руку и вытащила из бурлящей толпы болельщиков молодого темноволосого парня. Он смотрел на меня огромными темными глазами, словно пронзал рентгеном.

- У вас проблемы со здоровьем? – неожиданно спросил он, пожимая мою руку.

- Неужели у меня такой нездоровый вид, – отшутился я. Рая попыталась исправить ситуацию.

- Дядя Робот, Сергей, мой муж, он экстрасенс.

- Понятно.

Понятно, что ничего не понятно.

- Где вы остановились? – поинтересовался я, не сводя взгляда с мужа Раечки, тот делал тоже самое – сверлил меня своими огромными глазами с ресницами опухшими.

- Здесь в Кельне, – она назвала гостиницу.

- Сейчас мы отправляемся туда, вы забираете свои вещи, потом садимся в мою машину и едем ко мне в Берлин. Есть возражения? – Этот короткий монолог я произнес на одном дыхании.

- Хорошо, – легко согласилась она, кинув взгляд на Сергея.

Они понимают друг друга без слов, – догадался я. Как когда-то мы с Янкой.

Я так был рад этой встрече, что совершенно забыл о Борисе, который за все время не обмолвился ни единым словом. Он не сводил настороженного взгляда с Раечки.

- Борис Андреевич, старый друг Роберта, – отрапортовал он и по очереди пожал молодым супругам руки...

Уже совсем стемнело, когда мы въезжали в ворота моего дома. Почти всю дорогу мы молчали. Столько накопилось всего, что я не знал, с чего начать, чтобы ничего не упустить. Рая с мужем сидели на заднем сидении и тихо переговаривались.

- Прошу, гости дорогие! – Я распахнул дверь перед гостями.

Я не стал терять драгоценное время на экскурсию по дому. Рая сразу отправилась на кухню, чтобы быстро приготовить поздний ужин.

- Ты так гармонично смотришься в моем доме, словно жила здесь всю жизнь, – заметил я, любуясь девушкой. – Ты занимаешься живописью?

- Нет, так сложилась жизнь, что у меня не было на это времени.

- Я так и думал, – вздохнул я. – Но у тебя талант!

- Ты говорил мне об этом восемнадцать лет назад. Почти девятнадцать, – поправила она.

- Мне было всего пять лет, но я все помню. Помню, как мы гуляли с тобой, помню все наши разговоры, помню, как ты рисовал в моем альбоме.

- А у тебя сохранились те рисунки, которые я сделал в последний день на пляже?

- После твоего отъезда я долго плакала, даже заболела. У меня была такая высокая температура, что врачи боялись за мою жизнь. Они говорили, что я подхватила какую-то серьезную инфекцию, но забота мамы и отца, да, и живительный воздух Большого Утриша, о котором постоянно все говорят, – с усмешкой добавила она, – сделали свое дело, я выздоровела.

- Но вы все равно покинули тот незабываемый поселок?

- Я не знаю, почему родители решили переехать. Мне об этом не доложили.

- И куда вы направились?

- Мы уехали в Калининград.

- Так далеко? – удивился я. В дверях появился Борис, но тут же исчез.

- Когда мы стояли перед нашим домом в рыбацком поселке, мама обронила фразу, которую я запомнила навсегда: «Чем дальше, тем лучше». Смысла я не поняла, спрашивать не стала. После переезда альбом пропал. Я очень переживала, ведь в нем был твой адрес. Я клятвенно обещала сохранить его и приехать в гости, когда подрасту.

- Рая, я никогда не забывал тебя.

- Я тоже. Я очень привязалась к тебе... Я скучала. Ты всегда был мне нужен. В носу защипало. Вовремя Рая отвернулась, иначе мне пришлось при ней смахивать слезы.
- Что было потом? – поинтересовался я, справившись с чувствами.
- Потом я пошла в школу, родители отдали меня в кружок изобразительного искусства. Но мне там было неинтересно, я забросила эти занятия и просто рисовала для себя все, что вижу. Я рисовала тебя, дядя Робот, по памяти.
- А я не написал ни одного твоего портрета, почему–то не мог. Ты жила в моем сердце и я не захотел переносить твой образ на бумагу. – Я не стал говорить, что боялся. Я решил, если напишу портрет девочки Раи Комаровой, то с ней обязательно что-то случится. В моей голове часто рождались необъяснимые теории, которые я сам доказывал и никогда не опровергал.
- Когда я училась в девятом классе, тяжело заболела мама...
- И ты после окончания девятого класса пошла в медицинское училище, - догадался я, не дослушав до конца.
- Откуда ты знаешь? – удивилась девушка.
- Почему-то я это и предполагал, - нахмурился я. Что и требовалось доказать: Комаровы хотели иметь дома медработника, они его и нашли в лице заботливой дочери. Прошло столько лет, а я с прежней неприязнью подумал об этих людях. И почему в них въелся? Я считал их виновными в том, что судьба Раечки сложилась так, а не иначе. А почему я решил, что выбранный с чужой подсказкой путь, не для нее? Может, у нее другое мнение. Ее все устраивает. И профессия, и личная жизнь... С первой минуты я ревностно оценил супруга Раи. Наверное, так страстно оценивает претендента на роль зятя будущий тесть, он же отец, который безумно любит свою дочь. У меня нет права критиковать молодого человека, у которого, как мне показалось, излишне цепкий взгляд, взгляд-рентген, и подозрительное хобби. Экстрасенс - это не профессия, несмотря на то, что таким способом, способом одурачивая несчастных людей, можно заработать неплохие деньги. Ну, вот, теперь я въелся в супруга Раи!
- ...Потом мама умерла, мы остались вдвоем с отцом, - между тем продолжала рассказывать девушка. – Отца потрясла смерть мамы. Мне даже показалось, что у него возникли проблемы с головой.
- В чем это выразалось? - Мне был неинтересен Леонид Комаров, но кто-то «тянул меня за язык».
- Он говорил странные вещи. Будто их с мамой настигло наказание за прошлые грехи. На мои вопросы отец не отвечал, потом он слег и мне стало не до разговоров, надо было его спасать. Один человек посоветовал мне обратиться к одному знахарю. Он будто бы недавно приехал из Греции по приглашению банкира, у которого тяжело заболела супруга. Я решила, что это старец, который лечит заговорами, травами, сам их собирает, сушит, и долго перемалывает. У него полуразрушенная избушка на берегу моря, куда идут вереницы паломников, жаждущих лечиться у этого премудрого старика. Он ходит в домотканой одежде и в лаптях, у него седые длинные волосы, перетянутые выгоревшей на солнце широкой лентой. Вот такой нарисовала себе портрет знахаря из Греции...
- Больше похож на царя Берендеев из сказки «Снегурочка», - вставил я. – У тебя тоже, как и у меня, развито воображение.
- Может быть, - усмехнулась Раечка, - тебе тоже трудно стереть из памяти нарисованное воображение?
- Восьма. Даже после того, как воочию увижу человека. Распрошаюсь с ним, а перед глазами стоит не он сам, а выдуманный образ... А ты встретила со старцем?
- Слушай дальше. Прихожу я в гостиницу, где остановился этот целитель, спрашиваю, в каком он проживает номере, девица-администратор спрашивает тягучим надменным голосом: «Вам назначено?» Я испугалась и, недолго думая, отвечаю: «Назначено». Тогда

она смягчилась и стала звонить кому-то. Думаю, ну, влипла. Не знаю, почему я решила, что меня здесь встретят с распростертыми объятиями? Этот знахарь приехал в наш город с определенной целью, не исключено, что согласился параллельно провести прием других больных, записавшихся в длинный список, а тут я нарисовалась такая умная-красивая и решила втиснуться без записи. Ладно, будь что будет. А девица в это время обращается ко мне со словами: «Назовите себя!» Я возьми, да ляпни: «Раиса Зепп». Ты, уж прости меня, дядя Робот, что присвоила себе твою фамилию.

- Прощаю, но почему ты так назвалась?

- Даже не знаю, мне в тот момент показалось, что чем сложнее фамилия, тем у меня больше шансов попасть к этому светиле. Может, его заинтересует моя редкая фамилия, и он захочет... посмотреть на меня, а там уже я возьмусь за дело, уговорю его заняться отцом.

- И он согласился?

- Удивительно, но согласился! Но когда я переступила порог его номера, то забыла, зачем пожаловала. Передо мной был молодой мужчина приятной наружности с изумительными глазами, которые меня заворожили.

- И не в домотканой одежде, - хмыкнул я, догадавшись, о ком идет речь.

- Нет, в стильных брюках и в стильной сорочке, в руках он держал пиджак. Наверное, только вернулся от супруги олигарха. Я замерла в дверях. Стою и пялюсь на него. В голову не пришла мысль, что я могла ошибиться номером. Почему-то сразу решила, что это и есть знахарь-целитель. Но в тот момент не думала о его способностях, вообще, о его занятиях не думала. Видела перед собой молодого мужчину, и понимала только одно – я его люблю. Представляешь, сразу хоп и влюбилась!

- Представляю. Со мной произошло нечто подобное. Я так понимаю, что любовь родилась не только у тебя?

- Не только, но об этом я узнала позже. А пока просто стояла с глупым видом и смотрела на него. Он тоже смотрел на меня, не так с явным интересом, но вопросительно, уж точно. Я понимаю, что нужно что-то сказать, но не могу произнести ни одного слова. Меня бросает то в жар, то в холод. Не знаю, сколько времени мы так стояли друг напротив друга, а потом он приближается ко мне, протягивает руку и говорит: «Меня зовут Сергей». И тут только до меня доходит, что он изъясняется на русском языке, причем свободно и без акцента. Когда поднималась в его номер, о языке общения думала в последнюю очередь. Раз он всезнайка, то обязан понять меня. У меня прорезался голос, я назвала свое имя, он пригласил меня присесть на диван, при этом мягко прикоснулся к моему локтю. Я не успела ничего объяснить, как он спрашивает: «Давно болен ваш отец?» - «Полгода», - отвечаю я. – «Мне жаль, но у него нет шанса» - «Но, может, быть, вы постараетесь ему помочь?» - не сдалась я, забыв про любовь с первого взгляда. Теперь он меня бесил своей надменностью и нежеланием лечить бедного человека. Пыталась подобрать нужные слова, но от злости весь лексикон вылетел из головы. Я позже поняла, что был упущен момент. Лечение отцу уже не помогло бы... Дядя Робот, ты не думай, он не шарлатан! – убедительно заявила Рая, заметив мой недоверчивый взгляд.

- Так Сергей все-таки грек?

- У него в роду были греки, но он даже языка не знает, его предки давно покинули Родину. Сергей жил в Молдавии, потом перебрался в Россию. Он обладает удивительными способностями, правда. Небылицы о нем слагают сами люди, один сказал, что он живет в Греции, другой подхватил.

- Я верю, верю.

- Дядя Робот, я не поняла, ты, правда, болен? – озабоченно спросила Раечка. – Можешь не отвечать. Раз Сергей сказал...

- Я не хочу обсуждать эту тему.

У меня испарилась надежда на выздоровление. Когда Сергей заявил о моей болезни, мне вдруг показалось, что передо мной человек, готовый вылечить меня. Я стал цепляться за любую надежду. Теперь я хочу жить. Не поздно ли пришло это желание? Поздно. Иначе, целитель Сергей сказал бы мне что-то обнадеживающее. У него было на это время. Случай с отцом Раи повторится.

- Раечка, ты не можешь вспомнить, что еще говорил твой отец перед смертью? – Меня снова кто-то «тянул за язык». Какое мне дело до Леонида Комарова и его предсмертного бреда?!

- Не хочешь говорить о своей болезни, ладно. Но так просто я от тебя не отстану! Так и знай! – возмутилась она и переключилась на мой вопрос. - За неделю до смерти отец впал в кому. Никто не думал, что сознание к нему вернется. Вернулось. Наверное, отец не мог уйти, чтобы не открыть мне всей правды. Только правда была похожа на безумное бормотание. Так бы я и подумала, если бы он не смотрел на меня осмысленно.

- Что он тебе сказал? – разволновался я. Внутри меня все перемещалось и дрожало. Показалось, что сейчас, только сейчас, я получу объяснение всех намеков турчанки Марты. Но не из ее уст, а из уст девочки, которая когда-то жила в поселке Большой Утриш, куда меня направила сама турчанка.

Раечка долго не решалась ответить на мой простой вопрос и пристыжено отводила взгляд. Затем беспечно улыбнулась, а я в эту беспечность поверил так же, как верит родитель словам своего ребенка, перемазанного в варенье, который утверждает, что не ел сладкого.

- Представляешь, отец признался, что они с мамой раньше жили не на далеком Севере, а совсем неподалеку, в Новороссийске. Отец работал на судоремонтном заводе.

- И что здесь предосудительного?

- Странность не в том, что они скрыли, где жили до моего рождения, странность в другом... Даже не знаю, говорить тебе или нет?.. Все-таки, это был бред... Разве может ТАКОЕ случиться на самом деле?

- Ты так и будешь говорить загадками?

- Не хочется выглядеть в твоих глазах...

- Не волнуйся, мнение о тебе я не изменю, - успокоил я девушку, не дослушав до конца.

- Ладно... В общем, будто бы дело было так. Однажды ранним утром отец отправился на рыбалку. Сидел он спокойно в лодке с удочкой и напряженно следил за поплавком, еле заметным за сильным туманом. Туман почти лежал на поверхности моря. И так он сосредоточился на рыбной ловле, что в последний момент заметил... девушку. Она приблизилась к нему со стороны моря прямо по воде. Девушка держала на вытянутых руках большой предмет. Поначалу отец не разобрал, что это, а когда она оказалась совсем близко, он понял: у нее в руках была детская ванночка, в которой купают младенцев. Девушка протянула ванночку отцу, тот безропотно взял ее и заглянул внутрь. Там лежал ребенок и сладко спал. «Позаботься о ней», - сказала девушка и растворилась в тумане. Отец вернулся домой и хотел отнести ребенка в милицию, но вмешалась моя мать, которая долго убеждала его, что ребенка послал им Бог за многолетние мольбы. Бездетная пара очень хотела иметь детей...

Кухня начала медленно вращаться вокруг меня, едва Рая упомянула в своем рассказе детскую ванночку, в которой купают младенцев. Потом процесс вращения ускорился, я не отключился.

Первое, что я почувствовал – холод на моей голове, потом встревоженный голос Раечки.

- Сережа, что с ним?

- Обычный обморок. От переутомления и от избытка чувств. Роберт много работает? – спросил он.

- Много, - утвердительно ответил Борис, - иногда по четырнадцать часов не выходит из мастерской.

- Надо себя жалеть, тем более, что у него запущенный шейный радикулит.
- Что у него? – не понял Лейкин.
- Шейный радикулит! Он возникает вследствие ущемления корешков спинномозговых нервов. В результате этого происходит нарушение кровообращения в шейном отделе, что влечет за собой частые головные боли.
- У него... опухоль мозга, - прошептал Борис. Я продолжал подслушивать с закрытыми глазами.
- Что? – встрепенулась Рая. Я слегка приоткрыл один глаз, чтобы понаблюдать за ее реакцией. Она сидела рядом со мной с пунцовым лицом и готова была опять разрыдаться.
- Кто вам сказал эту чушь? – Сергей прожег нас троих взглядом-рентгеном, несколько задержав его на мне. Я понял, что мои уловки им давно разгаданы, но «возвращать» меня к жизни он не спешил. Предоставил возможность исподтишка наблюдать за всеми. Но я передумал подсматривать.
- Франц Шуттлер сказал! - объявил я, широко открыв глаза.
- Дядя Робот, как ты меня напугал! – Раечка склонилась ко мне и провела двумя ладонями по моим щекам. Мне было очень приятно.
- Кто такой Франц Шуттлер? – задумчиво спросил Сергей.
Мы с Борисом начали дуэтом объяснять...
- Хорошо, - заявил муж моей Раи, выслушав нас, - мы разберемся с этим господином!
- Девочка, моя,- обратился я к Раечке, - я хочу тебе кое-что рассказать... Надеюсь, ты не примешь это за мой бред.
Раечка сжалась, будто боялась услышать мое признание.
- Я еще не все тебе рассказала? Если ты не возражаешь...
- Я не возражаю. Тем более догадываюсь, что спорить с тобой бесполезно.
- Перед смертью отец сказал, где спрятан мой любимый альбом для рисования, в котором ты сделал два наброска. Он знал, что в альбоме записан твой домашний адрес. «Найди Роберта, - попросил отец, - и спроси, был ли он на теплоходе «Адмирал Нахимов», который потерпел крушение в ту ночь, тридцать первого августа тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, когда меня принесла в детской ванночке странная девушка?.. Дядя Робот, ты... там был?
- Я... выжил. Погибла моя жена Яна.
- Ты... вы были... вдвоем?
- Втроем. Все эти годы я думал, что моя дочь тоже погибла... Почему мне ничего не подсказало сердце?
Мы смотрели друг на друга так, словно увиделись впервые. У Раи были такие же глаза, как у меня, и такие же, как у её матери, пухлые губки.
Мы не могли ничего сказать друг другу.
Первым пришел в себя Борис.
- Роб, это... наша Раечка? – с трудом ворочая языком, спросил он.
- Да, это наша Раечка, наша Берточка, наша Буртуся, как называла ее Яна, - сдавленным голосом подтвердил я.
- Я так хотела, чтобы слова отца... моего приемного отца не были бредом. Но его рассказ о девушке, шествующей по воде, кажется выдумкой... Помнишь, на пляже две женщины сказали, что ты мой отец, а ты спросил, хотела бы я, чтобы ты был моим отцом? Я ответила не сразу. Тогда я очень этого хотела, но боялась признаться.
- Комаровы сразу все поняли. Один я был слепым.
- Папа... Папа... - повторила моя дочь, ласково глядя на меня.
- Буртуся моя...
- Пришлось Сергею отпаивать всех лекарством. Отцы, дедушки, дочери, внуки слились вместе.

- Пап, так как меня зовут на самом деле? – сквозь слезы улыбнулась дочь, когда страсти чуть улеглись. - Роберта или Рая? Я запуталась.

- Мы с твоей мамой при рождении назвали тебя Робертой, а твой дедушка упорно называл тебя Раечкой.

- Ехали к старому другу моей жены, а оказались в гостях у ее отца, ее настоящего отца, заодно познакомилась с дедом, - озадаченно протянул Сергей.

- Это чудо! Это настоящее чудо! – в сто первый раз повторил Борис Лейкин, забыв другие слова.

Он то прижимал к себе внучку, то обнимал по очереди Роберта и Сергея. Пускал слезу, пытался позвонить Вере, но брал в руки телефон и забывал о своем желании. – Это чудо! Я не могу в это поверить! -

Наконец, дед перестал перемещаться от одного человека к другому, пристроившись рядом с внучкой. Он погладил ее по голове, по плечам, провел рукой по лицу, будто был незрячим и на ощупь проверял её сходство со своей дочерью.

- Раечка, я видел тебя в последний раз, когда тебе едва исполнилось два месяца. Все эти годы я вспоминал, как Яна забирает тебя из моих рук и поднимается по трапу теплохода. Мне постоянно снился этот кошмар. Всего один раз сон закончился не так, как все произошло в жизни: я взлетел по трапу, в последнюю минуту выхватил мою внучку из рук моей дочери и скрылся. Яна стояла на палубе и кричала. Роберт устремился в погоню, желая отобрать у меня ребенка. Вдруг раздался страшный треск, мы все замерли: на наших глазах огромный теплоход погрузился в морскую пучину. Яна не двинулась с места, она безразлично наблюдала, как судно терпит бедствие прямо у берега, вода дошла ей до щиколоток, потом под водой исчезли ноги, тело, одна голова оставалась на поверхности. И тогда она произнесла одну фразу. «Позаботьтесь о моей дочери!» - сказала она и исчезла под водой. Мы остались на берегу: я с Раечкой на руках и Роберт, мой зять. Я долго искал объяснения этому странному сну, но не находил. Теперь все стало на свои места.

Я вспомнил свой сон, когда Яна доказывала мне, что дочери рядом с ней нет! «Где наша дочь?» – спрашивала встревоженная мать у меня...

- Скоро рассвет, - доложил всем нам один разумный человек – мой зять Сергей. Я так мало был отцом, а уже стал тестем. – Нам всем нужно хотя бы немного поспать.

- Э-э-э, нет! – отрицательно замотала головой моя настойчивая дочь. – Я не хочу расставаться с папой и дедушкой. Нам столько надо рассказать другу!

- Доченька, Сережа прав, давай перенесем все разговоры на завтра. На сегодня. – поправился я.

- Думаешь, я усну? Не усну! Знаешь, почему?

- От избытка чувств! У меня подобное состояние.

- От избытка чувств, да, но меня тревожит твое подозрительное заболевание. Сережка утверждает, что никакой опухоли в твоей голове нет, слава Богу, но говорит о каком-то шейном радикулите... Это опасно?

Зять-целитель доходчиво рассказал о шейном радикулите и пообещал поставить меня на ноги, вернее, наладить кровообращение в шейном отделе, за несколько сеансов.

- Если Сережка пообещал, то все так и будет! – заверила меня дочь и разрешила нам разойтись по комнатам.

Мы с Борей хотели посидеть немного и поделиться нахлынувшими чувствами, но Роберта взяла нас за руки и довела каждого до спальни, напоследок расцеловав и пожелав спокойной ночи.

- Я не знаю, есть ли еще на свете человек, счастливее меня! – призналась она.

- Еще двое! Они перед тобой. – Я показал пальцем на себя и Лейкина...

Утром без предварительного звонка из России вернулась Янина. Она приехала на такси, открыла дверь своим ключом и услышала на кухне странные звуки, которые привлекли ее внимание.

Глазам женщины открылась интересная картина: в кухне ее дома находилась молодая девушка, которая спокойно варила кашу, помешивая ложкой в кастрюльке, и при этом напевала.

- Вы кто? – задала прямой вопрос Шиманская и получила такой же прямой ответ.

- Я дочь хозяина! А вы, наверное, Янина?

- Дочь? Чья дочь? К... какого хозяина?

- Хозяина этого дома!

- Но этот дом... две недели назад, до моего отъезда, принадлежал Роберту Зеппу. А у Роберта Зеппа нет дочери, - не очень уверенно произнесла Шиманская. Присела на краешек стула и устала на девушку, сделавшую такое странное заявление.

- Так вы Янина?

- Я-то Янина, а вас как зовут?

- Меня зовут Роберта, можно Рая, мне так привычней, - весело призналась девушка, искоса поглядывая на содержимое в кастрюле.

- Ты... Роберта?! Как Роберта?! Этого не может быть! - Янина так громко выражала свои эмоции, что разбудила спящих мужчин. Они подтянулись к кухне не совсем одетые, взъерошенные и озадаченные.

Все заговорили хором, желая объяснить неожиданно вернувшейся супруге хозяина последние радостные новости.

- Такого не бывает! – все время повторяла Янина, переводя взгляд с одного на другого.

Когда все немного утомонились, привели себя в надлежащий вид и сели завтракать, Шиманская заявила.

- Раз за столом все свои, то я могу выложить всю правду!

- Что еще случилось? – насутился я.

- Роберт, Боря, дети, - обратилась Янина ко всем присутствующим, желая всех перечислить и показать, какая у нас большая и дружная семья, способная прийти на помощь.

- Твое вступление меня пугает, - обронил я, не спуская с жены глаз.

- Роберт, а твоё нежелание замечать очевидных вещей меня просто удивляет!

- Янина, не говорила загадками, - вмешался в нашу милую словесную перепалку Борис.

- Я просто хотела сказать, что Роберта хотели отравить.

Всего-навсего, отравить! Что в этом удивительного?!

В последнее время я часто присутствую на финальной сцене бессмертного творения Гоголя...

- Как отравить? – дуэтом спросили дочь и ее дед.

Мы с зятем помалкивали и ожидали продолжения.

- Лекарство, выданное совсем недавно Роберту Францем Шуттлером, содержит цианид. Смерть после приема этого препарата наступила бы через несколько минут. Я думаю, что этот... доктор давно травил Роберта, но добавлял незначительные дозы других ядовитых веществ, более щадящих, если это слово здесь уместно, которые приводят к летальному исходу постепенно. А потом ему надоело ждать. Или его напугали перемены в личной жизни Роберта. И пока Роберт не успел изменить завещание, нужно было ускорить процесс. Жаль, я не забирала у мужа эти чудо-препараты раньше, до того, как он провозжал упаковки в урну. Давно бы отдала таблетки на экспертизу и пресекла преступные методы «лечения».

- Вы пили эти таблетки? – спросил Сергей.

- Только в самом начале болезни, а потом стал выкидывать...

- Ты что-то почувствовал? – поинтересовалась встревоженная рассказом дочь.

- Нет, просто не хотел пить лекарство. Франц уверял, что оно поможет, а мне... хотелось быстрее встретиться с Яной и нашей девочкой, которую я тоже считал погибшей. – Я погладил свою дочь по руке.
- Боже мой, вы похожи, как две капли воды! – взволнованно произнесла Янина, рассматривая нас с дочерью.
- А по характеру она вылитая мать, - подхватил Борис и с умилением воззрился на внучку.
- Раечка, за всеми волнениями, забыл тебе сказать, что у тебя есть тетя, которую тоже зовут Рая, только она моложе тебя на десять лет.
- Здорово! – Только и смогла произнести моя девочка, загруженная под завязку последними новостями.
- Давайте решать, что делать с Шуттлером? – призвала к действию Шиманская.
- Ничего, - тихо, но веско сказал я.
- Как это, ничего!?! – возмутилась моя жена, за ней последовали остальные.
- Из нестройного хора голосом выделился голосом моей дочери.
- Папа, я одно не могу понять – неужели он думал, что ему всё сойдет с рук?
- Вряд ли бы кто-то потребовал провести вскрытие, раз диагноз давно ясен, - спокойно рассудил я, словно речь шла о ком-то другом. Близкие люди смотрели на меня выжидательно. – Что вы хотите от меня услышать? Ждете от меня призыва к расплате? Не дождетесь. Я закрываю свою деятельность на территории Германии, а Шуттлеры пусть, как хотят, так и живут. Забираю собратьев художников–тральфреалистов и открываю артклинику в России, прихватив все картины–лекари, которые являются моей собственностью. У меня много единомышленников–врачей, - я посмотрел на Янину и Сергея, у меня дочь художник–тральфреалист.
- Я?
- Конечно, ты! Именно, ты, моя девочка, сумела мне объяснить, чем обычные картины отличаются от картин-лекарей. Я смог приступить к работе над ними.
- О, я отлично помню тот разговор! Пап, я с удовольствием займусь живописью!
- Я всегда об этом мечтал!
- Но... люди, которые проходят лечение в вашей клинике, они, в чем виноваты? – возмутился Лейкин. – Роб, ты лишаешь их надежды!
- Боря, не переживай, в Германии таких клиник уже достаточно. Если люди решат, что такое лечение им подходит, что это лечение - их единственная надежда, то просто станут пациентами другой артклиники.
- А доктору Шуттлеру я дам такую рекомендацию, что он до конца жизни не отмоется! – зло бросила Янина. – Стоит среди коллег-медиков резко отозваться о ком-то, об этом узнают на другом конце света...

Заключение

Мы стояли с Робертой на мысе Дооб и всматривались в глубины моря. Чуть поодаль от нас сгрудились наши родственники: Вафа слевой, Янина, Боря с семьей и Сергей.

Я рассказывал дочери о ее матери. О моей любви, о неугасающей любви к Яне.

- Помнишь, много лет назад я сказал тебе, что спал пять лет? – Дочь кивнула, пряча глаза, из которых катились слезы. – После разлуки с тобой я снова заснул. Я был зомби, который ходит, разговаривает, пишет картины, но думает об одном – о встрече со своей любимой. Потом я встретил Янину и начал пробуждаться. Появилось желание остаться на этой земле. Но не только эта женщина вернула меня к жизни, внутри меня поселилась тревога: я что-то еще не сделал...

- Ты не встретил меня...

Над морем парила одинокая чайка, так похожая на ту, которую я впервые увидел в крепости Суджук–Кале. Роберта проследила за моим взглядом.

- Папуль, со мной произошел невероятный случай, когда мне было три года. Я сидела на своей скамеечке и рисовала в альбоме. Вдруг на мой импровизированный мольберт опустилась огромная чайка. Она держала в клюве букетик цветов.
- Это были... садовые гвоздички бледно-фиолетового цвета? – сдавленным голосом поинтересовался я.
- Да, откуда ты знаешь?
- Что было потом? – спросил я, не отвечая на вопрос дочери.
- Она положила букетик прямо передо мной, внимательно посмотрела на меня, взмахнула крыльями и улетела. Я положила его в огромную книгу и засушила. Я до сих пор храню этот букетик. Он не рассыпался.
- В какую книгу? - Почему-то для меня это было важным.
- В немецко–русский словарь. Он сохранился еще с тех времен, когда мои родители, мои приемные родители, учились в школе. – Дочь внимательно посмотрела на меня. – Мистика какая–то.
- Поэтому ты выучила немецкий язык?
- Открывала словарь, чтобы полюбоваться букетиком и заучивала по несколько слов в день. Учителя в школе уверяли, что у меня способности к языкам.
- Твоя мама сказала бы, что это сказываются гены... - тихо сказал я и подумал: турчанка Марты не могла допустить, чтобы мой букет не попал по назначению...
Я проследил за полетом одинокой птицы.
- Прощай, Марты, и спасибо тебе за все, – прошептал я. Подумал и добавил, - всё фата-моргана, фата-моргана...

Июнь-август 2010г.

Отредактировано 2014 г.

Лара Альм

<http://almlara.jimdo.com/>

E-mail: ralisa.alm@gmail.com

Тел.: 8-903-470-16-69

8-919-893-893-1